Содержание вышедших из печати номеров.

№ 1.

Ст. Кривцов.—Проблема стихийности и сознательности в ленинизме. Вл. Бонч-Бруевич.—Женевские воспоминания. Ф. Шиллер.—Франц Меринг. Л. Зивельчинская.—Готгольд Эфраим Лессинг. В. Позняков.—Марксовы схемы воспроизводства и производство золота. Э. Брегель.—Об одной неудачной вылазке (к понятиям денежного и ссудного капитала у Маркса). С. Гордонский.—Борьба течений в германской социал-демократии в первые годы эпохи исключительных законов. Д. Джинс.—Физика вселенной. Р. Милликэн.—Полезная энергия. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. Ф. Энгельс.—Положение рабочего класса в Англии в 1844 г. Паркер Томас Мун.—Империализм и мировая политика. «Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928 г. Неизданные тексты, материалы и статьи».

№ 2—3.

Ник. Карев.—Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму. К. Виттфогель.—Геополитика, географический материализм и марксизм. Н. Цаголов.—К пониманию марксовой теории кризисов. Вл. Дунаевский.—Закон трудовой стоимости при капитализме в «Очерках» И. Рубина. В. Погонкин.—О пределах морального скапливания в хозяйстве капиталистическом и в хозяйстве социалистическом. Ц. Фридлянд.—О борьбе за марксистскую историческую науку в СССР. Я. Захер.—Конец Жака Ру. С. Гордонский.—Борьба течений в германской с.-д. в первые годы эпохи исключительных законов. В. Гриб.—О принципах построения марксистской эстетики. В. Боровский.—Роль инстинктов в поведении человека. П. Вальден.—Значение велеровского синтеза мочевины, с предисл. А. Максимова. В. Цейтлин.—Внутреннее строение звезд. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. Н. А. Трахтенберг.—Современный кредит и его организация, ч. I. Теория кредита. Dr. Willy Hirsch.—Grenznutzentheorie und Geldwerttheorie. Труды секции теории и методологии. Институт археологии и искусствознания. Вып. II. «La Revue Marxiste», № 1, 1929, Paris.

№ 4.

Гр. Баммель.—Ленин и проблема логики в марксизме. В. Асмус.—Формальная логика и диалектика. М. Фурщик.—К. Каутский и диалектический материализм. И. Рубин.—Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. Гр. Деборин.—Предмет политической экономии в современных спорах. Е. Рывлин.—Проблема революции в германской социал-демократии в первые годы после падения исключительного закона. П. Серебровский.—Дарвинизм и «дарвинизм». КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. К. Маркс.—Нищета философии. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Под редакцией Д. Рязанова. В. Зомбарт.—Современный капитализм, т. III, ч. 1. Пугачевщина, т. II. Из следственных материалов и официальной переписки. Фриц Кристман.—Биологическая причинность. Исследование по вопросу о преодолении противоположности механизма и витализма.

№ 5.

Передовая.—Новый этап. Резолюции II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. К. Шмюкле.—Заметки по поводу «возрождения Гегеля» в Германии. П. Кучеров.—Практика, как единство суб'екта и об'екта. Ник. Карев.—К вопросу о предмете политической экономии. И. Рубин.—Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. Б. Ланде.—Механистический метод и обоснование теории стоимости. Я. Захер.—Идеология «бешеных». I. Всесоюзное совещание общества воинствующих материалистов-диалектиков. Резолюции совещания. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. Летопись марксизма, вып. I—VIII, К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II. П. С. Оранский. Основные вопросы марксистской социологии, т. I. Альберт Матьез. Термидорианская реакция. Ц. Фридлянд. История Западной Европы.

№ 6.

К. Виттфогель.—Геополитика, географический материализм и марксизм (статья II). З. Атлас.—К теории банковского кредита (Капиталоаккумуляция и кредитная эмиссия). П. Логинов.—Проблема рыночной стоимости у Маркса. А. Острецов.—К вопросу о диалектике художественного процесса. Н. Курманов.—Рефлексология или психология. Акад. Н. Вавилов.—Географическая локализация генов пшеницы на земном шаре. В. Рудаш.—Проблема материи в новейшей естественно-научной и философской литературе. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. Н. Петров и Н. Степанов.—Предметный указатель к первому тому «Капитала» Маркса. С. Гурвич и В. Позняков.—Заработная плата. Теоретические основы и современные проблемы. Л. Зивельчинская.—Опыт марксистского анализа истории эстетики. Проф. Г. В. Шуйков.—Основы эволюционной персоно-рефлексологии, со схемой по изучению личности человека.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

171922

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ИЮЛЬ—АВГУСТ **№ 7—8** 1929

СОДЕРЖАНИЕ.

К. ВИТТФОГЕЛЬ. Геополитика, географический материализм и марксизм (окончание) (1). *А. РЕУЭЛЬ.*—„Социальное направление“ политической экономии в наших современных спорах (29). *З. АТЛАС.*—К теории банковского кредита (Капиталоаккумуляция и кредитная эмиссия) (окончание) (66). *В. ВОЛГИН.*—Система Фурье (102). *Я. ЗАХЕР.*—Теофиль Леклерк ([illegible]). *А. МАКСИМОВ.*—Методология измерения и диалектический материализм (147). *В. РЕЙХ.*—Диалектический материализм и психоанализ (180). *И. САПИР.* Фрейдизм, социология, психология (по поводу статьи Б. Рейха „Диалектический материализм и психоанализ“) (207). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: *А. НИФОНТОВ.*—Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. II (237). *В. ПОЗНЯКОВ.*—Тад. Авделсегян.—Золото в схемах простого воспроизводства (249). *Ш. ЛИФ.*—М. Кривицкий. Теория заработной платы германской социал-демократии (251). *А. КАЗАРИН.*—С. Выгодский. Очерки по теории кредита К. Маркса (254). СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ: *С. ВАСИЛЬЕВ.*—Письмо в редакцию (256).

Геополитика, географический материализм и марксизм.

(Окончание) [1].

К. Виттфогель.

к) Возрастает или убывает значение естественного момента в развитом общественном производстве?

Мы все еще не ставим пока последнего «историко-философского» вопроса о том, какой момент является определяющим, общественный или природный. На основе данной выше исторической схемы мы попытаемся сначала ответить только на следующий вопрос: возрастало или убывало значение природного момента с развитием общественного момента производства? Для того, кто действительно усвоил концепцию Маркса, в самой постановке этого вопроса уже заключен и ответ. Тем не менее, в виду многочисленных недоразумений в этом пункте, мы считаем необходимым ответить на поставленный вопрос во всех подробностях.

В м е с т е с р о с т о м о б щ е с т в е н н ы х у с л о в и й (с и л) п р о и з в о д с т в е н н о г о п р о ц е с с а в о з р а с т а е т и з н а ч е н и е е с т е с т в е н н о г о м о м е н т а; развертывание общественно и природно обусловленных производительных сил идет рука об руку. Однако это движение совершается не механически прямолинейно, а, как показывает наша схема, весьма сложным, «зигзагообразным» путем. Оставляя открытым вопрос об образовании «природы человека» за его невыясненностью в соответствующих специальных науках (эту невыясненность мы отметили постановкой

[1]) См. № 6 за 1929 г.

HOOVER LIBRARY

вопросительных знаков), мы прежде всего замечаем функциональные изменения в области предметов труда. Непосредственное усвоение природных веществ, которое имеет решающее значение на начальной ступени производства, отходит на второй план в больших «земледельческих обществах». Здесь влияние природы обнаруживается, главным образом, через посредство естественных средств производства (плодородие, почва, вода). На мануфактурной ступени, на которой «общественная сила природы» в лице кооперации изменяет весь характер материального производства, значение естественных предметов труда тоже не повышается сколько-нибудь значительно. Только с появлением машинного производства область природных материалов начинает решительно господствовать. Отныне и производительность земледелия становится, по мере успехов его машинизации, все более зависимой от свойств тех «вместилищ», которые таят в себе природные запасы предметов промышленного труда.

Представим себе расчленение процесса современного капиталистического производства в целом. Базой «промышленности в собственном смысле» [1]) является земледелие, доставляющее животно-растительное сырье, с одной стороны, и добывающая промышленность, как источник минерального сырья,—с другой. Четвертой областью материального производства, проникающей три названные области и связывающей их извнутри и друг с другом, является транспортная промышленность [2]). Такова в своем предметном составе структура современного производства. Внутри его различных областей произошло значительное перемещение центра тяжести сравнительно с предыдущими ступенями развития; и он продолжает перемещаться и сейчас. Прежде всего отметим передвижку природного и общественного моментов в сельском хозяйстве. «Естественные законы земледелия, — говорит Маркс,—таковы, что при известной высоте культуры и соответствующем ей истощении почвы капитал, понимаемый здесь и в смысле уже произведенных средств производства, становится решающим элементом земледелия» [3]). Это говорит как будто об оттеснении естественного момента на задний план в земледельческой области Но, во-первых, вовлечение все большей массы машинного оборудования в процесс сельскохозяйственного труда означает, между прочим, вовлечение новых машин для использования еще непочатых естественных ресурсов или для более интенсивного использования тех, которые уже подвергались эксплоатации. А, во-вторых, по мере того, как сельское хозяйство начинает непосредственно зависеть от промышленности в собственном смысле, а через то и от добывающей промышленности, начинает возрастать значение естественных условий и в сельскохозяйственном производстве. Зависимость от естественных условий приобретает все более опосредствованный характер, но сама зависимость остается в силе.

Как выражается благоприятная или неблагоприятная кон'юнктура естественных условий в сфере общественных отношений? В предельном случае количественная производительность данного способа производства повышается (или понижается) настолько, что исторический порог оказывается перейденным, и возникают новые по качеству производственные отношения с соответствующими общественными последствиями. Но как же проявляется

[1]) Das Kapital, t. I, стр. 567. Добывающая промышленность и земледелие рассматриваются здесь, как две соответствующие области производства. Вместе взятые они образуют «производственную фазу» «первичного производства», которой противостоят все остальные фазы (Theorien, т. I, стр. 215).

[2]) Theorien, т. I, стр. 427.

[3]) Das Kapital, т. III, ч. 2, стр. 215.

благоприятный или неблагоприятный характер естественных условий внутри определенного экономического строя, скажем —внутри капиталистического общества, пока исторический предел еще не достигнут? Взгляд физиократов, считавших, что излишки, как таковые, возникают из почвы и что прибавочная стоимость совпадает, примерно, с плодородием почвы, Маркс не устает опровергать на все лады. Благоприятное или неблагоприятное состояние естественных производительных сил само по себе только повышает (или понижает) массу производимых продуктов, изменяет только количество созданных потребительных ценностей. Это должно быть во всяком случае нашим исходным пунктом. Но ограничивается ли этим дело? Не сказывается ли оно как-нибудь и на общественной стороне явлений? Не отражается ли это изменение в сфере потребительных ценностей также и на ценностях меновых? Если бы изменение, вызванное естественными моментами, касалось в одинаковой мере всех отраслей производства, то рост (или убыль) массы потребительных ценностей совершенно не отражался бы на соотношениях в области меновых ценностей. Но на практике дело обстоит так, что повышение и падение производительности, поскольку оно зависит от «не поддающихся контролю естественных условий», проявляется, вообще говоря, отнюдь не равномерно; в этих случаях производительность меняется или в одном из обоих секторов первичного производства, в сельском хозяйстве или в добывающей промышленности, или даже чаще всего лишь в отдельных отраслях одного из этих комплексов. И вот, поскольку в одной группе потребительных ценностей возрастает или убывает содержащееся в них количество труда сравнительно с его количеством, заключенным в остальных продуктах, постольку одновременно изменяются ценностные соотношения. Органический состав капитала претерпевает изменение.

Возьмем случай, когда производительность падает в какой-нибудь отрасли первичного производства: «Стоимость сырья растет..., его масса уменьшается... Приходится больше тратить на сырье, меньше остается на заработную плату, и рабочая сила не может быть поглощаема в прежних размерах. Это, во-первых, невозможно физически, в виду нехватки сырья; а, во-вторых, потому, что бо́льшую долю стоимости продукта приходится обращать в сырье и, стало быть, лишь меньшая доля может быть обращена в переменный капитал. Воспроизводство не может быть повторено в прежнем масштабе. Часть постоянного капитала бездействует, часть рабочих выброшена на мостовую. Норма прибыли падает, так как стоимость постоянного капитала возросла сравнительно с переменным, и переменный капитал употребляется в меньшем количестве. Между тем, фиксированные расходы (проценты, рента), рассчитанные на неизменную норму прибыли и эксплоатацию труда, остаются те же и не могут быть полностью оплачены. Отсюда кризис. Кризис труда и кризис капитала» [1]).

Такие же приблизительно последствия, как от изменения количества, проистекают и от изменения качества сырья [2]). Значение сырья для воспроизводства оказывается таким образом решающим: «...так мы видим снова, как повышение сырья в цене может урезать или затормозить весь процесс воспроизводства, поскольку вырученной от продажи товара цены не хватает для возмещения всех элементов товара, или поскольку она не

[1]) Theorien, т. II, ч. 2, стр. 290. Подчеркнуто нами.

[2]) Das Kapital, т. III, ч. 1, стр. 57.

позволяет продолжать процесс на таком уровне, который соответствует его технической основе» [1]).

Благоприятный характер естественных условий в земледелии и добывающей промышленности приводит к столь же значительным последствиям. Мы ограничимся здесь кратким изложением сути дела, которую Маркс исследовал в ряде обширных вычислений и анализов. Если «произвольно эксплоатируемый природный материал, не являющийся ценностным элементом капитала,—земля, море, руда, лес и т. д.»,—богаче, то сперва повышается только масса продукта, а не его стоимость [2]); наоборот, единица потребительной стоимости удешевляется, сырьевой продукт падает в цене. Если при этом дешевеют земледельческие сырьевые продукты, то заработная плата падает, вследствие удешевления средств существования, во всех отраслях производства [3]). Падение цены не-земледельческого сырья отражается прямо на тех отраслях промышленности, которые являются непосредственными потребителями соответствующего сырья, косвенно же на всех отраслях вообще, ибо удешевление сырья для машин, строений и т. д. затрагивает все отрасли [4]), хотя, разумеется, и в самых разнообразных эмпирических вариациях. Косвенному воздействию подвергаются также средства существования, а через то опять-таки заработная плата, ибо рост продуктивности средств производства в земледелии, доставляющем продовольствие, влечет за собой «удешевление» труда [5]). Таким образом, в виду повышения нормы прибавочной стоимости, можно с меньшей затратой произвести тот же по стоимости продукт, или с затратой добавочного капитала—продукт большей стоимости. Воспроизводство может быть расширено; накопление возрастает [6]).

Почему, однако, в условиях развитой промышленности вопрос о сырье приобретает такое значение? Почему так важны изменения производительности, а, значит, и изменения цен, именно в области производства сырья? Во-первых, возмещение сырья требуется гораздо настоятельнее, чем возмещение машин, которые из каждой продажи продукта возмещаются только в меру их изнашивания, между тем как сырье, включая и вспомогательные материалы [7]), всякий раз потребляется целиком, так что их приходится покупать заново. Но значение этого фактора оказывается таким огромным только потому, что по мере все большего развития промышленности, по мере роста ее производительности, т.-е. тех количеств сырья, которые могут быть переработаны общественным трудом в единицу времени, возрастает масса сырья—и одновременно ее стоимость—по сравнению с количеством труда и размерами оборудования. «В соответствии... с развитием производительной силы труда стоимость сырья образует все большую долю стоимости товарного продукта,—не только потому, что первая полностью входит в последнюю, но и потому, что в каждой доле всего продукта постоянно убывает и та доля, которая приходится на изнашивание, и та, которая соответствует добавочному труду. Вследствие этого убывания сравнительно возрастает другая доля стоимости, представляемая сырьем, если этот рост не уничтожается соответствующим удешевлением сырья, проистекающим из роста

[1]) Там же, стр. 85.
[2]) Das Kapital, т. II, стр. 328 слл.
[3]) Theorien, т. II, ч. 2, стр. 218 слл. Здесь Маркс подробно излагает обратный случай. Но общий принцип имеет силу как для отрицательного, так и для положительного случая, согласно определенному указанию Маркса на стр. 222.
[4]) Там же, стр. 218 и 219.
[5]) Das Kapital, т. I, стр. 568.
[6]) Там же, т. II, стр. 329; т. I, стр. 568; Theorien, т. II, ч. 2, стр. 342.
[7]) Там же, стр. 85.

производительности затраченого на его производство труда» [1]). Достаточно ли велико убывание стоимости сырья, чтобы компенсировать прирост его относительной стоимости в процессе производства? Маркс отлично видит тенденции, действующие и в этом направлении, однако он находит, что при всем удешевлении некоторых земледельческих продуктов и ископаемых преобладает все-таки указанная выше тенденция, и именно в силу естественных условий, господствующих в производстве органического и горнопромышленного сырья. «Удешевление сырья, вспомогательных материалов и т. д. замедляет рост стоимости этой части капитала, но не уничтожает его» [2]).

При таком огромном значении естественных условий для современной промышленности возникает, конечно, вопрос, способно ли развитие общественных производительных сил компенсировать, или даже сверх-компенсировать, возможную убыль естественных богатств в настоящих экономических условиях. Г. Лукач очень подчеркнуто говорит об отодвигании естественной границы, о том, что обобществленный человек в результате пусть и очень долгого развития овладевает природой, что он уже осуществил «подчинение природы категориям обобществления» [3]). Ошибка этих односторонних формулировок (не говоря уже о чисто фактическом непонимании таких выражений Маркса, как «отодвигание естественной границы» [4]) заключается в том, что за активным, действенным моментом, который представлен общественно трудящимся человеком, совершенно упускается из виду другая, предметно-естественная сторона явлений. Аналогично этому в пессимистических формулировках закона убывающего плодородия почвы общественный момент стушевывается перед естественным. То, что является пессимистическим догматом у теоретиков буржуазии и догматом оптимистическим у неумеренных поклонников активного момента (у техницистов, которые, подобно Лукачу, считают возможным всецело подчинить ход истории развитию общественных производительных сил), то было для Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина предметом самого тщательного исследования: они учитывали с помощью материалистической диалектики относительный удельный вес обоих моментов, никогда не забывая при этом об их динамической взаимозависимости.

Маркс со всей желательной ясностью указал на то, что в виду органического характера сельского хозяйства общественно трудящийся человек никогда не овладеет целиком этой частью своего производственного процесса [5]); Энгельс отметил противоположность промышленности и земледелия, поскольку последнее «до сих пор находится во власти погоды вместо того, чтобы властвовать над нею» [6]); Ленин также подчеркивает особенности сельского хозяйства, «которые абсолютно (! *К. В.*) неустранимы», так что здесь «крупное машинное производство никогда ни обнаружит всех тех свойств, которые отличают его в промышленности». Возможность синтетического изготовления средств питания (да и она, впрочем, не устранила бы естественный момент, а только еще усилила бы его значение в добывающей

[1]) Там же, стр. 84 слл.
[2]) Theorien, т. II, стр. 431.
[3]) G. Lukacz, Geschichte und Klassenbewusstsein, Берлин 1923 г., стр. 239 слл.
[4]) Отодвигание естественной границы означает у Маркса единственно лишь уменьшение необходимого рабочего времени (Das Kapital, т. I, стр. 478 слл.). Вызываемое формулировками Лукача представление, будто человеку удастся властвовать над природой, «как завоеватель властвует над чужим народом» (Энгельс, Der Anteil der Arbeit, стр. 68), вытекает из общей активистской концепции Лукача, но это представление противоречит и диалектике и материализму и, как мы покажем ниже, не имеет ничего общего со взглядом Маркса на соотношение природного и общественного момента в историческом процессе.
[5]) Theorien, т. III, стр. 430.
[6]) Энгельс, Anti-Dühring, 10-е изд., Штутгарт 1919 г., стр. 183.

промышленности, как необходимом источнике сырья) — эту возможность Ленин отметает, как «слишком отдаленную и слишком проблематичную» [1]). Пока, следовательно, человек нуждается в этом виде производства, здесь всегда будет налицо досадный, непреодолимый «земной остаток», который может быть, правда, чрезвычайно уменьшен развитием общественных производительных сил, но отнюдь не может быть устранен окончательно. Что в рамках капиталистического накопления естественно обусловленные формы роста земледельческого производства представляют собою типичный кризисный элемент (не говоря уже о кризисах вследствие недорода), — об этом Маркс говорил весьма подробно.

В первичном производстве вообще, возрастающее значение которого явствует из всего вышеизложенного, Маркс видит борьбу обоих основных элементов производительности труда,—борьбу, которую он формулирует следующим образом: «То обстоятельство, что развитие производительной силы в разных отраслях промышленности происходит не только весьма неравномерно, но часто даже в противоположном направлении, проистекает не только из анархии конкуренции и из особенностей буржуазного способа производства. Производительность труда связана и с естественными условиями, которые часто становятся менее выгодными в такой же мере, в какой повышается производительность, поскольку она зависит от общественных условий. Отсюда противоположное движение в этих различных областях, под'ем — в одной, упадок — в другой. Вспомним хотя бы о влиянии времен года, от которого зависит количество большей части видов сырья, об истощении леса, угля, залежей железной руды и т. д.» [2]). Или в другом месте: в земледелии, (как и в горном деле) речь идет «не только об общественной, но и о естественной производительности труда, зависящей от его естественных условий. Возможно, что прирост общественной производительной силы труда в земледелии только компенсирует или даже не компенсирует убыль силы природы (эта компенсация могла бы во всяком случае быть только временной), так что, несмотря на технический прогресс, продукт не удешевляется, а только задерживается его дальнейшее вздорожание» [3]). В другом месте это особенно подчеркивается по отношению к добывающей промышленности: «Что касается угля и металлов, то они сильно удешевляются с прогрессом производства, однако истощение копей затрудняет и их удешевление» [4]).

Маркс отнюдь не думает выразить этим свое согласие с законом убывающего плодородия почвы или с чем-нибудь подобным. В приведенных формулировках находит себе выражение только то обстоятельство, что Маркс действительно всегда учитывает оба момента производительности, общественный и природный. Повышается ли производительность труда от вскрытия новых естественных богатств, от взятия в обработку новых участков земли, это по Марксу «исторический вопрос. В действительности восходящая и нисходящая линия будет перекрещиваться, для удовлетворения возросшего спроса будут переходить то к более, то к менее плодородным землям, копям, условиям производства» [5]). И если в конце концов Маркс все-таки приходит к оптимистическому выводу—«земля..., при надлежащем ее использовании, все время улучшается» [6]),—то это такой оптимизм, который связывает свои

[1]) Ленин, Аграрный вопрос и критики Маркса.
[2]) Das Kapital, т. III, ч. 1, стр. 242.
[3]) Там же, т. II, ч. 2, стр. 300. Разрядка в двух последних цитатах наша.
[4]) Theorien, т. III, стр. 431.
[5]) Theorien, т. II, ч. 2, стр. 54.
[6]) Das Kapital, т. III, ч. 2, стр. 314.

ожидания с определенными историческими условиями. Это—научно обоснованное убеждение Маркса в том, что рост плодородия почвы задерживается при капитализме моментами общественного характера, как, согласно его анализу капиталистического способа производства, общественные условия мешают и в промышленности развертыванию всех материальных производительных сил, как общественных, так и развязываемых ими естественных. И если Маркс полагает, что в век коммунизма сильнее забьют все источники материального богатства, — тогда «все источники товарищеского богатства потекут обильнее» (Критика Готской программы, в указ. месте, стр. 27), — то именно потому, что при полном развитии общественных производительных сил можно будет поднять и новые естественные производительные силы (или глубже поднять уже использованные старые). Это, как мы видим, вовсе не означает, что прекращается борьба с природой, не означает конца «царства естественной необходимости». Наоборот, оно «расширяется» по мере роста общественных потребностей, вместе с удовлетворяющими эти потребности производительными силами. Действительное богатство общества попрежнему остается зависимым «от более или менее продуктивных условий производства, в которых он (трудовой процесс) осуществляется» [1]).

л) Проблемы положения, взаимодействия или изолированности различных производственных организмов.

Рассмотрев значение естественного момента в трех областях сельского хозяйства, добывающей промышленности и «промышленности в собственном смысле», мы должны еще остановиться на вопросах, связанных с так наз. «сношениями» и сводящихся по существу к проблемам положения различных производственных организмов, их взаимодействия друг с другом или их оторванности друг от друга. Здесь фундаментальную роль играют геологические, оро-гидрографические, климатические и другие естественные моменты [2]), поскольку они определяют местоположение производственных пунктов, от которых расходятся нити сношений. Это местоположение, разумеется, отнюдь не вечно: смена способов производства и развитие транспорта, в свою очередь зависящее от общего промышленного развития, могут изменить его самым решительным способом.

Место возникновения древнейших центров человеческой жизни определяется геологически-биологическими фактами, свойствами почвы, климата, флоры и фауны. Маркс принимал, опираясь на Тремо, что более молодые геологические формации плодороднее и поэтому благоприятнее для жизни растений и животных, — предположение, которое Энгельс нашел «чрезвычайно естественным», но достоверность которого он все же оставил под сомнением [3]). Для утверждаемого Марксом принципиального положения безразлично, подтвердилась ли специально-научными исследованиями его конкретная догадка. Тем не менее не безынтересно отметить, что, по словам одного современного географа, перемещенные, т.-е. более молодые почвы «в общем гораздо лучше, чем не перемещенные. Они встречаются обыкновенно на равнинах и в низменностях... В этом одна из причин, почему равнины богаче горных областей» [4]).

[1]) Там же, стр. 355.
[2]) Маркс и Энгельс о Фейербахе, стр. 237. На стр. 245, около замечания, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «творить историю», рукой Маркса на полях отмечено: «Геологические, гидро-географические и т. д. условия человеческой жизни».
[3]) Briefwechsel, т. III, стр. 350 слл.
[4]) Ср. E. Huntinton and S. W. Custing, Principles of Human Geograhy Нью-Йорк—Лондон 1924 г., стр. 157.

Однако Маркс никогда не считал, что одного плодородия почвы достаточно для наличия определенного земледельческого развития. Он указывает на важность того обстоятельства, в какой комбинации, т.-е. в каком взаимном расположении, находятся почва и другие факторы земледелия. Особенно важно положение относительно пригодной для земледельческих целей воды [1]). И здесь Маркс подчеркивает значение еще одного «географического» момента—размеров той площади, на которой человеку надлежит овладеть водой. Когда искусственное регулирование воды должно охватить площадь большого протяжения, тогда образуются те крупные «азиатские» производственные организмы с их своеобразным политическим увенчанием, которые тянутся огромной полосой через восток [2]) и отростком которых Маркс и Энгельс были склонны считать Испанию с ее основанным на искусственном орошении сельским хозяйством и политическим укладом.

Итак, существенное значение для образования определенных экономических и политических укладов Маркс и Энгельс приписывают положению различных факторов земледелия. С наступлением века современной индустрии относящиеся сюда проблемы не теряют своей силы; только на первый план выдвигаются теперь новые содержания. Все большее значение приобретает положение источников сырья, а также взаимное расположение производственных и торговых центров, игравшее уже некоторую роль в развитии земледельческих обществ (значение приморского положения Тира, Карфагена и Александрии [3]). В виду важности минерального сырья зависимость его экономической используемости от места, где оно находится, становится вдвойне значительной. «Бездоходность копей может парализовать их благоприятное положение, так что такие копи совсем не могут быть эксплоатируемы. А, с другой стороны, неблагоприятное положение может парализовать доходность, так что иные копи не годятся для эксплоатации, несмотря на их естественую доходность» [4]). Разумеется, этот закон проявляется очень различно для различных видов сырья, в зависимости от ценности подлежащей транспорту весовой единицы; поэтому, по А. Смиту, удаленность местонахождения создает больше трудностей для угля, чем для металлов [5]). Удаленность места производства от пункта сбыта, определяя продолжительность времени полного оборота товара, отнюдь не безразлична для экономики. «Улучшение коммуникационных и транспортных средств сокращает абсолютную величину периода движения товаров, но не уничтожает проистекающую из их движения относительную разность времен оборота различных товарных капиталов... Так, напр., усовершенствованные парусные суда и пароходы, сокращающие путешествие, сокращают его в равной мере для близких и для отдаленных портов. Относительная удаленность сохраняется, хотя часто в уменьшенном виде» [6]). Нельзя более резко подчеркнуть важность и неустранимость естественного фактора «пространство», чем это сделано Марксом в приведенных словах. Транспортные условия, почерпающие все свое значение из состояния, в каком находятся центры производства, в свою очередь воздействуют на эти центры. Одновременно с концентрацией производства в данном пункте происходит «передвижка и смещение в результате изменившегося

[1]) Das Kapital, т. I, стр. 477 слл.

[2]) Karl Marx über Indien und China,—«Unter dem Banner des Marxismus», год издания первый, 2-й выпуск, стр. 386 (Маркс ввел этот количественный пространственный момент в мысль, впервые формулированную Энгельсом, о значении искусственного орошения).

[3]) Aus dem litterarischen Nachlass von K. Marx und F. Engels, 3-е изд., Штутгарт 1920 г., т. III, стр. 443.

[4]) Theorien, т. II, ч. 2, стр. 151.

[5]) Там же, стр. 153.

[6]) Das Kapital, т. II, стр. 221.

вместе с изменением коммуникационных средств относительного положения производственных и торговых пунктов. Производственный центр, обладавший особым позиционным преимуществом благодаря своему положению на сухопутной дороге или на канале, лежит теперь близ единственной железнодорожной ветки, функционирующей со сравнительно большими перерывами; а в то же время другой пункт, находившийся прежде совсем далеко от главных путей сообщения, оказывается на перекрестке нескольких дорог. Второй пункт поднимается, первый приходит в упадок» [1]).

Что верно для отдельного производственного организма, то, конечно, верно и по отношению к воздействию различных производственных организмов друг на друга. Это воздействие осуществляется прежде всего путем обмена и политико-военных конфликтов. Торговля начинается, по Марксу (и современная этнология подтверждает это целиком) [2]), на границе примитивных производственных организмов [3]). Но осуществляются ли эти торговые отношения и как, это зависит от характера соответствующих социально-этнических единиц. «Взаимоотношения различных наций зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутренние сношения» [4]). Эти слова, лишний раз подчеркивающие примат производства над обращением, сохраняют всю свою силу не только для высоко развитых современных наций, но и для всех предшествующих ступеней общественного развития. Положение в процессе обращения опирается на положение производительных сил внутри отдельных производственных центров, на положение производства. Только так могут быть действительно поняты существенные отношения между общественно-историческими организмами, определенным образом расположенными друг относительно друга. От характера и количественной мощи различных производственных комплексов зависит развитие экономических и военных «сношений» между ними. Завоевания англичан (Ирландия), римлян, турок, германцев не были случайными подвигами. Сила завоевателей всегда опирается на иной характер или особую мощь их производства [5]); в основе всегда лежит столкновение между различными типами производства, при чем характер этого столкновения зависит опять-таки от характера производственной базы противников [6]). Здесь—исходный пункт того, что Маркс называет «производными, наносными, не-первоначальными производственными отношениями». Чтобы понять это, необходимо остановиться на вопросе о «вмешательстве международных отношений» [7]).

Во всем вышесказанном содержится момент пространственной рядоположности, но этот момент всегда берется под экономическим углом зрения, и притом в марксистском смысле, т.-е. под углом зрения производства. На

[1]) Там же, стр. 95.

[2]) M. Schmidt, Grundriss der ethnologischen Volkswirtschaftslehre, т. II стр. 140 слл., Штутгарт 1921 г.

[3]) Das Kapital, т. I, стр. 54.

[4]) «Фейербах», стр. 303.

[5]) Там же, стр. 292. Kritik der politischen Oekonomie, стр. XXXI. Das Kapital, т. I, стр. 48 слл. В виду весьма ясно изложенных здесь взглядов на сущность и основу завоеваний не совсем понятно, как мог недавно Ф. Оппенгеймер последовать примеру Дюринга и упрекнуть Маркса в игнорировании этих явлений (System der Soziologie, т. I, 2-й полутом, Иена 1923 г., стр. 990).

[6]) Kritik, стр. XXXI слл. Ср. далее Das Kapital, т. II, стр. 12.

[7]) Kritik, стр. XLVII. Если это положение имеет силу даже для сравнительно обширных комплексов, то тем более, конечно, для вкрапленных частей крупных экономических и политических территорий. «Едва ли удастся об'яснить экономически... существование каждого мелкого германского государства в прошлом и настоящем, не вызывая смеха». (Письмо Энгельса от 21 сентября 1895 г., перепечатано в «Sozialistischer Akademiker» 1895 г., стр. 351).

ряде примеров Маркс и Энгельс показали, как важны пространственные взаимоотношения между различными производственными комплексами для конкретного хода исторического развития, конкретный анализ которого, по Марксу, невозможен без учета также и этих естественных условий. При этом пространственное положение всегда играет динамическую роль, как видно из приведенных выше цитат об изменяемости экономических центров. Об'ективная пространственная структура земли остается, конечно, неизменной, но ее историческая значимость подвержена огромным колебаниям. Оторванность Старого Света от Нового лишила возможности первобытных жителей Америки использовать богатства европейской и азиатской флоры и фауны [1]). Положение Америки относительно Атлантического океана, бывшее таким образом изолирующим фактором на низкой производственной ступени ее населения (и населения Востока), стало затем выполнять совершенно другую функцию. Тихий океан, который в до-машинный период способствовал «изоляции» производственной жизни Китая [2]), претерпевает подобное же функциональное изменение. Сев. Америка, опираясь на могучий расцвет современной индустрии, начинает играть роль «центра тяжести мировых сношений», как «в средние века Италия, а в новое время Англия» [3]). «Благодаря калифорнийскому золоту и неутомимой энергии янки,—писал Маркс в 1850 г. (!),—оба побережья Тихого океана будут вскоре столь же населены, столь же открыты для торговли, столь же индустриальны, как сейчас побережье от Бостона до Нового Орлеана. Тихий океан будет тогда играть ту же роль, какую теперь играет Атлантический, а в древности и в средние века играло Средиземное море,—роль великого водного пути мировых сношений...» [4]). Момент географического положения учтен здесь во всем его значении, но учтен как переменная величина, конкретный вид которой зависит от развития «промышленности» в соответствующих местах.

Слабое развитие германской промышленности по сравнению с промышленностью Италии, Фландрии и Англии и отсталость германского сельского хозяйства сравнительно с английским и нидерландским поставили Германию еще в средние века в положение экономически неоднородной и лишь местами высоко стоящей области; ее отдельные части, оторванные друг от друга вследствие все той же отсталости, ориентировались в совершенно различных направлениях. «Юг имел совсем другие торговые связи и рынки сбыта, чем север; восток и запад были почти совсем отрезаны от внешних сношений. Ни одному городу не удалось сделаться промышленным и торговым центром всей страны, каким в Англии, напр., уже был Лондон...» [5]). А когда с перемещением экономического центра тяжести на берега Атлантического океана произошло «выпадение Германии из мировой торговли, средневековая раздробленность страны упрочилась еще больше» [6]).

В Испании «благоприятная полуостровная форма страны, равно как и постоянные сношения с Провансом и Италией» привели к возникновению крупных торговых и приморских городов на побережьи [7]). Однако загадка

[1]) Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, в начале.

[2]) Маркс об Индии и Китае, в указ. месте, стр. 380.

[3]) Aus dem litterarischen Nachlass von K. Marx und F. Engels, т. III, стр. 443 слл.

[4]) Там же, стр. 443. Маркс тогда уже, в 1850 г., предвидел прорытие Панамского канала.

[5]) Engels, Der deutsche Bauernkrieg, Берлин 1925 г., стр. 19 слл., Elementarbücher des Kommunismus, т. VIII.

[6]) Там же, стр. 20. Дальнейший, очень подробный анализ «положения» Переднего Востока Энгельс дал в нескольких статьях о «восточном вопросе» (Gesammelte Schriften von K. Marx und F. Engels, 1852 bis 1862, т. I, стр. 146 слл., 169 и 173, под ред. Рязанова, 2-е изд., Штутгарт 1920 г.).

[7]) K. Marx, Die spanische Revolution (там же, т. II, стр. 413 слл.).

общественного строя Испании не может быть разгадана из одних этих факторов, без обращения к явлениям производства. Своеобразие испанского социального уклада покоилось первоначально на «свойствах почвы страны» и развивалось вместе с ее постепенным отрывом от старого мавританского государства. В силу каких причин «иссякли источники национальной деятельности» [1]), что «погубило торговлю, промышленность, судоходство и сельское хозяйство Испании»,—об этом Маркс в данном месте отказывается говорить [2]). Но из других высказываний Маркса и Энгельса, а также из брошенного здесь Марксом замечания о том, что испанскую абсолютную монархию «следует скорее поставить на одну ступень с азиатскими формами господства, чем сравнивать ее с другими европейскими и абсолютистскими государствами, с которыми она имеет лишь незначительное сходство» [3]), мы узнаем, как смотрели на этот вопрос оба основателя исторического материализма: они считали, что искусственное орошение было той производственной формой, основанной на «свойствах почвы страны», на которую опирался «промышленный расцвет Испании... при арабском владычестве» [4]), и что источники национальной деятельности страны иссякли вместе с разрушением «большей части оросительных сооружений, на которых покоилось высоко развитое земледелие и огородничество мавров» [5]).

«Изоляция» Китая также может быть правильно понята только из состояния производства как в самом Китае, так и в Европе и Америке. С наступлением промышленного развития Запада, и в первую голову Англии, начинает обваливаться «китайская стена» (которая, впрочем, и в прежние века была далеко не такой непроницаемой, как это должно было казаться в новое время благодаря заградительным мероприятиям манчжурской династии), а промышленный под'ем Америки превращает бывшую изолированную область в один из центров мировой истории.

Если верно вообще, что взаимное «положение» отдельных производственных организмов так же существенно влияет на конкретный ход истории, как и само меняется вместе с развитием производства, то это верно в частности и для положения важных источников сырья, поскольку они распределяются между разными странами. Приняв во внимание, что по мере роста крупной промышленности сырье все больше становится, на ряду с заработной платой, одним из важнейших моментов производства, мы тотчас же согласимся с замечанием Маркса о «важности для промышленных стран низких цен на сырье» [6]). Англия была во времена Маркса ведущей страной капиталистического производства; Маркс считает грубым промахом Рикардо его непонимание того обстоятельства, «как колоссально важно для Англии, напр., приобретение более дешевого сырья для промышленности» [7]). Но где именно находятся столь важные для крупных промышленных стран источники сырья, это есть опять-таки вопрос естественных условий. Есть страны, привилегированные от природы, обладающие своего рода «монополией», ибо они «производят в наиболее благоприятных условиях» [8]). Во времена Маркса соображениями такого рода определялась прежде всего таможенная политика [9]). В эпоху империализма образовавшиеся монополи-

[1]) Там же, стр. 417.

[2]) Там же, стр. 416.

[3]) Там же, стр. 417. Это замечание Маркса лишний раз доказывает, что в «азиатском» деспотизме он видел нечто, весьма мало схожее с поздне-феодальным абсолютизмом Европы.

[4]) Das Kapital, т. I, стр. 478.

[5]) Engels, Anti-Dühring, стр. 192.

[6]) Das Kapital, т. III, ч. 1, стр. 82.

[7]) Theorien, т. II, ч. 1, стр. 166.

[8]) Das Kapital, т. III, ч. 1, стр. 96.

[9]) Там же, стр. 83.

стические союзы предпринимателей стремятся как можно прочнее овладеть всеми источниками сырья. Достигается же это соответствующей колониальной политикой. «Чем развитее капитализм,—пишет Ленин,—чем ощутительней недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за завоевание колоний» [1]). Изменения в области научных знаний и технической практики могут при этом выдвигать все новые виды и источники сырья, оттесняя на задний план старые, но эти конкретные перемены не отменяют принципиального тезиса о фундаментальной важности источников сырья и их «положения» и о вытекающей отсюда для капитализма необходимости бороться за овладение ими. Именно вследствие этого динамического характера, присущего сырью (не от «природы», а в силу активности общественного труда), борьба за его источники, как уже известные, так и еще ждущие своего открытия, становится такой лихорадочной в эпоху империализма, именно поэтому так беспредельны цели империалистической политики. «Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приемы (а для этого крупный капитал может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов и пр.), если будут произведены большие затраты капитала. То же относится к разведкам относительно минеральных богатств, к новым способам обработки и утилизации тех или иных сырых материалов, и пр., и т. п.». И поэтому «финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель, каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, **учитывая возможные источники сырья**, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира или за передел кусков, уже разделенных» [2]). Экспортные интересы капитал тоже толкают его, по Ленину, на путь завоевания колоний, но совершенно ясно, что главнейший жизненный нерв колониальной политики Ленин видит не в области обращения, а в области производства (к которой принадлежит вопрос о сырье). Посвятив указанию на экспортные мотивы капитала несколько строк, Ленин останавливается на погоне капиталистов за источниками сырья весьма подробно; при этом он определенно отмечает значение естественного момента в этом вопросе (Ленин называет это влиянием «географических условий» [3]). Фантастическое представление, нашедшее себе конкретную опору в факте добывания азота из воздуха, представление о наступлении такого времени, когда техника растворит так сказать всю сырьевую проблему в воздухе, не разделялось, как мы видим, Лениным ни в малейшей мере. Что касается аналогичного аргумента, облеченного в экономическую форму и гласящего, что сырье «можно» покупать на

[1]) Ленин, Империализм как новейший этап капитализма.
[2]) Ленин, там же.
[3]) В этом пункте Ленин не входит в подробности, но из его кратких замечаний видно, что он считал, что неодинаковый темп развития Америки, Германии и Японии, с одной стороны, и Англии и Франции, с другой, был обусловлен, наряду с экономическими факторами в тесном смысле, также и «географическими условиями». Для обозначения всех естественных факторов, действующих в данный момент, Ленин употребляет здесь, как и Маркс и Энгельс, термины «география», «географические условия» и т. д. Ср., напр., приведенное нами выше замечание Маркса о значении «географического положения» Европы и Америки. Постоянно употребляет слово «география» Плеханов для обозначения всей совокупности естественных факторов, действующих на определенной ступени общественного производства. Он и Ленин всегда употребляют это выражение, в противоположность таким, напр., буржуазным ученым, как Ратцель, в марксистском смысле «естественных условий»,—в том смысле, в каком Энгельс сказал, что «географическая основа входит в экономические условия» (Письмо от 1894 г., «Sozialistischer Akademiker» 1895 г., стр. 373).

свободном рынке и что это значительно дешевле и безопаснее, чем путь колониальной политики, то политический смысл этого аргумента Ленин раскрывает своим указанием, что подобные рассуждения буржуазных реформистов, стремящиеся сгладить действительное положение вещей, всегда очень быстро превращаются в восхваление и приукрашивание империализма [1]). «Положение» источников сырья, необходимых для крупной капиталистической промышленности (со всеми его модификациями и возможностями, зависящими от технических, научных и социальных условий),—вот что является, по взгляду наиболее конгениального ученика и преемника Маркса, естественным исходным пунктом того пути, по которому движется колониальная политика современного империализма.

м) Естественный момент в буржуазном и марксистском понимании истории.

На предыдущих страницах мы старались доказать — и, как нам кажется, доказали, — что по Марксу человек и природа являются теми двумя антагонистами, которые при всей смене исторических форм действуют в качестве последних и неустранимых основных факторов материального процесса жизни. Чтобы обнаружить это, мы показали, как во всех трех простых моментах трудового процесса естественный момент продолжает действовать и после выявления общественных черт; правда, центр тяжести естественной стороны при этом сильно перемещается по мере исторического изменения производства, но об «отодвигании», а тем более об исчезновении естественного момента не может быть и речи. Проблемы «сношений»—сношений как экономического, так и военного характера внутри отдельных производственных организмов или между ними — тоже нашли полное теоретическое признание и были включены в общую систему марксистского понимания истории, как мы это показали на ряде принципиальных высказываний Маркса и Энгельса и проделанных ими конкретных анализов.

Если принять во внимание этот систематический и тщательный учет естественного момента со стороны Маркса и Энгельса, если ясно представить себе, что разбросанными в разных сочинениях Маркса рассуждениями об общественном действии естественного момента можно было бы наполнить том, едва ли уступивший бы по размерам главному произведению Рикардо,—то прямо непостижимым покажется упрек Графа, что Маркс и его ученики игнорируют «первичные естественные факты». Правда, можно сперва подумать, что упрек этот целиком об'ясняется весьма, впрочем, неожиданной неосведомленностью в сочинениях Маркса и Энгельса. Но если геополитические ревизионисты, как мы позволим себе назвать Графа и его единомышленников, и в самом деле слишком мало читали Маркса и слишком усердно Ратцеля, то все же их грубое непонимание марксовой точки зрения едва ли можно об'яснить только их слабой начитанностью в сочинениях Маркса. Кто упрекает Маркса в игнорировании первичных естественных фактов, того **можно** заподозрить, что он **недостаточно** начитан в Марксе; но уж никак нельзя сомневаться, что он читал его **криво**, что он не понял основного различия между марксовой концепцией и всеми буржуазными точками зрения.

Марксу пришлось упрекнуть даже глубочайшего буржуазного экономиста Рикардо в том, что он при анализе явлений производства остается в плену у категорий обращения, что он так и не доходит до точки зрения непосредственного производителя и самого производства, вследствие чего и не может понять принципиальную структуру трудового процесса. А раз

[1]) Там же.

не постигнуты надлежащим образом элементы трудового процесса, то не может быть правильно поставлен и вопрос о роли естественного момента в трех узловых пунктах производства и уж никак не может быть понята передвижка его значения в ходе исторического развития, тоже, впрочем, остающегося вне поля зрения исследователя. Так как буржуазная политическая экономия, даже исследуя проблемы производства, рассматривает их со стороны обращения, то понятно, что при постановке вопроса о роли естественного момента она преимущественно занимается проблемами, относящимися к области обращения, — проблемами сношений, положения, «пространства» в их коммерческом и военном аспекте. Поскольку капиталистическому предпринимателю приходится закупать сырье, некоторые буржуазные исследователи обсуждают, конечно, и этот вопрос, но в виду отсутствия об'единяющего принципа это обсуждение остается чисто-внешним и большей частью сводится к механическому перечислению. У Ратцеля, напр., проблема сырья совершенно исчезает за чисто-топографическими проблемами. Характерно, что в обширных указателях, приложенных к его двум главным трудам, «Антропогеографии» и «Политической географии», слово сырье вообще не встречается. Отсутствует не только это слово в указателе; самый предмет тоже совершенно стушевывается перед морофологическими, топографическими, транспортными вопросами.

Таким образом «природа», поскольку она играет существенную роль в социологическом анализе, представляется чем-то весьма различным в зависимости от того, исходит ли исследователь из буржуазной точки зрения обращения (и еще, быть может, военной истории), или же он смотрит на общество и его развитие глазами Маркса. Буржуазии и ее идеологам мир представляется по существу гигантским рынком (при чем даже явления производства рассматриваются с рыночной стороны), да еще пожалуй гигантской ареной внешних войн. Концепция же Маркса, охватывающая, между прочим, и все явления обращения и все военные столкновения, понимает мир прежде всего как огромный комплекс мастерских, расчлененный сообразно принятой в них форме труда и, начиная с определенной ступени развития, раздираемый (наряду с внешними войнами) неустанной классовой борьбой внутри отдельных обществ.

Только марксово понимание сводит общественную жизнь к ее действительной базе, к способу материального производства. Это впервые делает возможным исчерпывающий анализ природы, поскольку она имеет для человека экономико-историческое значение. Читая весьма почтенную в своем роде книгу Ратцеля «Die Erde und das Leben» («Земля и жизнь»), быстро убеждаешься, что его буржуазный взгляд на существенные для «жизни» моменты природы совершенно не в силах подняться над чисто-внешним, чисто-«географическим» описанием природы — не в силах просто потому, что, исходя из явлений обращения, «сношений» и войны, невозможно установить внутреннюю связь между элементами природы, важными для «жизни» вообще и для истории человечества в частности.

Буржуазные читатели марксовых произведений находят, что в них слишком мало «природы», ибо природа берется у Маркса не с внешней стороны, не со стороны «сношений», а с той единственно существенной стороны, которая заключается в ее отношении к материальному производству (при чем это последнее понимается настолько широко, что включает в себя и элемент сношений, как вполне определенный момент и результат производства) [1].

[1]) Работу над вопросами торговой и военной географии, второстепенность которых как раз и была им вскрыта, Маркс охотно предоставлял своему другу Энгельсу. Когда ему нужно было писать о восточном вопросе, о проблемах, связанных с обсуждением «коммерческой и военной важности» определенных областей, он просил Энгельса сделать это за него. «Это вопрос коммерческий и географический и, следовательно, не по моей части» (Briefwechsel, т. I, стр. 395). Ко всем вопросам естествознания, поскольку они соприкасаются с областью экономики (впрочем, не только к этим последним!), Маркс всегда относился с чрезвычайно страстным интересом, как видно из его добавлений к книге о Фейербахе и из всех его позднейших работ. Если Энгельс только в 1853 г. начал серьезно заниматься естественными науками, то Маркс смолоду усердно интересовался естественно-научными вопросами, — чем в корне опровергается ходячая легенда, повторяемая и Графом. Тот самый Маркс, который, по Графу, уделял так мало внимания «первичным естественным фактам», интересовался на самом деле географическими и геологическими проблемами настолько (может быть под влиянием своего гимназического учителя Штейнингера), что в бытность свою студентом Берлинского университета слушал лекции двух географов, Риттера и Стеффенса (Ср. Рязанов, «Введение к Диалектике природы Энгельса», в указ. месте, стр. 117 слл.). Из сочинений Маркса (а равно и из его позиции в споре о Тремо) видно, как он всю свою жизнь интересовался геологическими вопросами. На основании изучения еще неопубликованных работ Маркса, Рязанов сообщает, что «особенный интерес он проявлял к геологии и палеонтологии» (в указ. месте, стр. 117). Уже в зрелом возрасте Маркс посещал естественно-научные курсы

Итак, упрек в игнорировании фактов природы не только ни в малейшей мере не применим к Марксу, но более того—естественный момент укоренен в концепции Маркса несравненно глубже, чем даже у самых выдающихся и смелых географических материалистов из буржуазного лагеря, не говоря уже об их эпигонах. Поэтому не может быть и речи о каком-либо «восполнении» марксизма географическим материализмом (паровой молот не нуждается в восполнении каменным топором). Но даже и простое усвоение буржуазной экономической географии и географии переселений и сношений не сможет удовлетворить потребностей марксизма. Как мы старались показать, марксизм и в частности марксова экономия дает совершенно новые точки зрения для понимания и учета естественного момента, поскольку он играет роль в историческом развитии человечества. Марксистская историография тоже отнюдь не нуждается в восполнении каким бы то ни было буржуазным географическим подходом к историческим явлениям. Когда Маркс указывает в «Капитале», что различная природная обстановка приводит к различным способам производства и жизни (т. I, стр. 316), и когда в том же произведении (т. III, ч. 2, стр. 325), он устанавливает, что «вариации и оттенки» одинакового по своим условиям экономического порядка могут быть поняты только с помощью анализа эмпирических обстоятельств, к которым, на ряду с внешними историческими влияниями, он относит только естественные условия, об'ективные и суб'ективные,—то тут естественному моменту уделено гораздо более глубокое внимание, чем в каких угодно «геополитических» программах. Исходным пунктом всегда должны быть, по Марксу, «природные основы и их видоизменения в ходе истории в результате воздействия человека». Это положение, которое только вкратце формулирует мысль, на тысячу ладов высказываемую во всех произведениях Маркса, дает нам мерило для суждения о том, насколько удалось до сих пор марксистской историографии выполнить требования, пред'являемые Марксом всякой подлинно научной, т.-е. материалистической, историографии.

в) Какой момент определяет в конечном счете историческое развитие—природный или общественный?

«Исходный пункт — в природной обусловленности». Что это значит? Идет ли здесь речь только о приеме, облегчающем изложение, или же о чем-то большем, о чем-то более глубоком? Кто хоть сколько-нибудь знаком с ходом мыслей Маркса и с их методологической основой, тот не усомнится, что в приведенных словах о необходимом исходном пункте анализа содержится не просто педагогический совет, а существенный принцип. Речь идет,

быть может, о важнейшем предельном вопросе во всей системе исторического материализма вообще Данная ступень развития производительных сил, нашедшая свое цельное практическое выражение в определенной форме производства материальной жизни, обусловливает процесс социальной, политической и умственной жизни. Превосходно. Но чем же обусловливается развитие самих производительных сил?

Производительные силы таят в себе общественный и естественный момент [1]). Какой из этих двух моментов является «ведущим»? Или, может быть, самый вопрос неправильно поставлен? Может быть, ведущими являются оба момента вместе, в некоторой вполне определенной комбинации, которую и требуется выяснить? Ответ на этот вопрос мы постараемся теперь дать в заключительном разделе нашей работы.

Большей частью вопрос ставился в более широкой и общей форме, поскольку общественно трудящемуся человеку противопоставлялась «природа» вообще. Если под «природой» разуметь те естественные условия, которые в определенной исторической обстановке действуют, как производительные силы, как «природно обусловленные производительные силы», то мы можем пользоваться этой более широкой формулировкой.

Мысль об одностороннем определении человеческой истории природой (отчасти через посредство трудового процесса, отчасти непосредственно, по методу укороченного умозаключения) составляет, как мы видели, основной тезис классических географических материалистов. Впоследствии эта точка зрения часто реципировалась; в геополитике она сохраняется в виде жалких остатков. Буржуазные естествоиспытатели, проникнутые наивным механическим материализмом, повторяют этот тезис довольно охотно. Энгельс назвал его «натуралистическим взглядом на историю» и отклонил его, как «односторонний» [2]). Односторонность (а не ложность!) рассматриваемой точки зрения заключается в том, что она не учитывает д е я т е л ь н о с т и ч е л о в е к а. В ней находит свое выражение принцип созерцательного материализма, как он, напр., представлен Фейербахом. «Деятельная сторона» оставлена здесь без внимания [3]).

Противоположная односторонность заключалась бы в исключительном подчеркивании активности человека. Но эта вторая точка зрения предста-

и лекции. В ходе своих исследований об экономической роли машин он изучал механику и математику. Подготовляя свои главы о земельной ренте, он занимался агрономией и сельскохозяйственной химией (Стр. 125). Интерес Маркса к Дарвину можно до известной степени об'яснять более общими мотивами, но его занятия только что названными научными дисциплинами имели своим главным предметом как раз те явления природы, которые играют важную роль в качестве естественных моментов производственного процесса.

[1]) При изложении исторического материализма часто упускали из виду, что на ряду с общественными имеются и естественные производительные силы. Во всем предшествующем исследовании мы, между прочим, ставили себе целью ясно выявить эту мысль, фундаментально важную для понимания исторического материализма. Приведем еще некоторые основные формулировки Маркса, относящиеся к этому вопросу. Формула «естественно обусловленные производственные силы» находится в «Капитале», т. I, стр. 480; им противостоят «общественно развившиеся, общественные производительные силы». То же противопоставление мы находим в Theorien, т. III, стр. 133, прим. Силы природы, как «производительная сила»—Theorien, т. II, ч. 2, стр. 16; как «производительная сила природы»—там же, т. I, стр. 40; как естественные «агенты производства»—Das Kapital, т. III ч. 2, стр 183, 214, 315. О «даровых производительных силах природы» говорится в III томе «Капитала», ч. 2, стр. 278. Одним из очень немногочисленных марксистов, понявших значение марксовой формулы и включивших ее в свой анализ, является Л е н и н; в своей книге об аграрном вопросе он указывает на «производительные силы» почвы и определенно опирается на слова Маркса о естественных факторах, как о «даровой производительной силе труда» (Аграрный вопрос и «критики» Маркса).

[2]) Dialektik und Natur, стр. 165.

[3]) Тезисы о Фейербахе, тезис 1.

вляет собою гораздо более опасный уклон от позиции диалектического материализма. Она игнорирует момент диалектики, подобно натуралистической точке зрения, но, кроме того, отбрасывает и самый материализм, который энергично выдвигают натуралисты, хотя и в механической форме. Поэтому односторонность второго воззрения представляет более глубокую опасность. В своем последовательном развитии оно приводит обратно к идеалистическому положению о господстве духа над природой, сознания над бытием. Каутский в своей последней книге почти докатился уже до этого идеалистического результата. Поскольку он становится на точку зрения Hodgskins'a, суб'ективизм которого был отвергнут Марксом, вопрос о развитии производительных сил сводится у него в конечном счете к вопросу о развитии естествознания. «Ступени развития материальных производительных сил возникают таким образом из развития е с т е с т в о з н а н и я и его технических приложений» [1]). Произвольно выхватив из комплекса «общественно обусловленных производительных сил» момент науки, Каутский дематериализовал и отбросил то, что составляет «подлинное prius, исходный пункт» [2]) в этом комплексе, его настоящую суть, а именно предметные органы производственного процесса. О моменте природы нечего и говорить: Каутский совершенно отрицает здесь (в других местах он делает уступки) его определяющее влияние, так как-де в противовес обществу природа остается «почти неизменной» [3]). В этой формулировке престарелого Каутского поворот в сторону идеалистического взгляда на историю вполне очевиден.

Точно так же положение Лукача, что «в общественных взаимоотношениях людей в процессе производства» следует искать «основной определяющий фактор общества в его развитии» [4]), воспроизводит в сфере экономики идеалистическую мысль о доминирующем значении суб'ективного элемента в историческом процессе. Если Маркс не устает повторять, что формы общественной жизни производны, то Лукач перевертывает это положение вверх ногами. Не способом производства определяются у него (как у Маркса) [5]) производственные отношения, а наоборот. Если, впрочем, формулу Лукача надо понимать так, что определяющим развитие моментом является организация людей в трудовом процессе, то его формула свелась бы к утверждению, что один из общественных моментов способа производства, именно организация труда, есть первенствующий момент, определяющий собою развитие всех остальных производительных сил. Это было бы в таком случае аналогичным каутскианскому воззрению суб'ективистическим наступлением на тезис Маркса об «обусловленности организации труда средствами производства» [6]). Как бы то ни было, взгляд Лукача на общественные отношения

[1]) Die materialistische Geschichtsauffassung, т. I, стр. 810. Подчеркнуто нами.

[2]) Theorien, т. III, стр. 353.

[3]) К а у т с к и й, в указ. соч., стр. 810.

[4]) G. L u k a c z, рецензия «Теории исторического материализма» Н. Бухарина,—«Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung» под ред. K. Grünberg'a, год издания XI, 1923 г., стр. 219.

[5]) Это ясно высказано Марксом уже в «Нищете философии». Производительные силы и способ производства порождают «отношения человека к человеку», они являются «условиями существования» этих отношений (стр. 91). Ср. там же стр. 91. Далее: Kritik der polit. Oekonomie, стр. LV; Das Kapital, т. I, стр. 48, прим.

[6]) Ср. письмо Маркса Энгельсу от 7 июля 1866 г., т.-е. как раз накануне окончания I тома «Капитала». Маркс, между прочим, пишет: «Наша теория об обусловленности организации труда средствами производства — подтверждается ли она где-нибудь более блестяще, чем в промышленности, занятой убоем людей?» (Briefwechsel, т. III, стр. 331). См. далее: Das Elend der Philosophie, стр. 124 слл. Единственный случай, когда изменение способа производства было вызвано новой организацией рабочей силы, случай мануфактуры (Das Kapital, т. I, стр. 334), доказывает только, что организационные возможности в области ремесленных средств труда еще не были исчерпаны и что исчерпать их целиком на путях мануфактурной кооперации можно было только при определенном уровне

людей в процессе производства решительно противоречит материалистической подоплеке общества; он противоречит как букве, так и духу марксовой концепции. Когда Лукач не желает видеть в природе ничего другого, кроме «общественной категории» [1]), когда природу, признаваемую за нечто независимое от общества, он называет фетишем [2]), он лишь воспроизводит в экономических терминах теоретико-познавательный идеализм Канта; природа, которую Лукач об'являет пустым фетишем, есть в действительности об'ективный, существующий до всяких общественных отношений материальный внешний мир, приоритет которого был для Маркса самоочевидным [3]) и признание которого Энгельс и Ленин [4]) считали вслед за Марксом исходным пунктом всякой диалектико-материалистической теории познания.

В воззрении Гортера на технику, как на решающий фактор развития, момент природы тоже исчезает перед технической активностью общественно трудящегося человека, хотя Гортер все-таки чувствует фундаментальное значение средств труда в области общественных производительных сил (правда, он здесь сразу приходит к отождествлению техники и производительных сил. И если Гортер дополняет затем свой тезис замечанием, что производственный процесс не единственная причина развития, что «важную роль играют при этом и географические факторы» [5]), — то природа и трудовой процесс противостоят здесь у Гортера как два случайных момента, внутренняя связь которых остается непонятной. Неудивительно, что, взяв момент природы таким чисто-внешним образом, Гортер сам не знает, куда его девать; почтительно отведя ему указанное место, он успокаивается и снова обращается к технике, как к основному фактору развития.

На этом мы закончим наш критический обзор обеих попыток одностороннего решения проблемы. Обе группы попыток содержат в себе, как мы видели, элементы правильного воззрения, но у натуралистов в виду их механического материализма исчезает момент деятельности, у активистов за подчеркиванием деятельности исчезает материализм, а у тех и других одинаково пропадает подлинно диалектический подход к вопросу. Как должен ставиться вопрос и каков должен быть ответ на него согласно материалистической диалектике Маркса?

Люди сами творят свою историю, заявляет Маркс, но они творят ее не в произвольно избираемых, а в совершенно определенных, преднаходимых ими условиях [6]). Это относится не только к политической, но и к промышленной истории человечества. Действенный материализм, подчеркивающий активность человека, подчеркивает вместе с тем об'ективные условия, при которых только и может проявляться эта активность. Это, во-первых, общественные условия, с которыми связана деятельность людей, общественные условия как в более широком смысле (классовая структура, форма государства, правовой порядок, идеология), так и в тесном смысле, т.-е. те общественные «условия» производства, которые непосредственно входят в трудовой процесс как общественные производительные силы (средства труда, организация труда, трудовая квалификация). А, во-вторых, имеются естественные условия. Деятельность трудящегося человека осуществляется в определенных социальных условиях общего характера, воздействуя с помощью определенных общественных производительных сил на элементы природы, соответствующие данной ступени производства. Как общественный труд не может осуществляться вне общественных условий обеих названных категорий, точно так же не может он иметь места вне об'ективной, природной обстановки, без которой немыслимо созидание материального богатства. Какая же сторона является «ведущей» в процессе общественного развития— человек с его общественными формами труда или природа, этот несозданный общественным трудом последний вещественный субстрат всякого трудового процесса?

развития производительности труда. Поскольку Лукач ссылается на мануфактуру (Archiv, стр. 221), он сам толкует свой тезис в смысле признания руководящей роли организации труда; но поскольку в той же рецензии он указывает на общие социальные условия (рабство), как на определяющий технику момент (стр. 220), он обнаруживает склонность понимать общественные отношения в двояком смысле, лишь бы отстоять свою мысль об определяющем, а не производном характере этих отношений.

[1]) Geschichte und Klassenbewusstsein, стр. 240.
[2]) Archiv, стр. 219.
[3]) «Feuerbach», стр. 243.
[4]) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм.
[5]) Der historische Materialismus, стр. 39.
[6]) К. Маркс, Der 18 Brumaire des Louis Bonaparte, 5-е изд., Берлин-Штутгарт 1922 г., стр. 7.

В своем ответе на этот вопрос Маркс прежде всего приводит замечание Петти, назвавшего труд отцом, а «землю» матерью вещественного богатства [1]). Этим установлено, что оба неустранимые прародители всякого богатства выполняют две принципиально различные функции. Человек с его трудовой деятельностью представляет момент беспокойства [2]), движения. Природа, в своем первоначальном или измененном виде, представляет момент об'ективного субстрата, который своей предметной структурой указует (или же не указует) этой деятельности вполне определенный путь. Человек, который в акте общественного труда относится к природе активно, может все-таки, при определенном уровне его общественных производительных сил, проявлять свою активность только так, как это допускается доступными ему естественными средствами труда и естественными предметами труда, извлекаемыми им из «земли». Какие из естественных моментов «берутся в дело» общественно трудящимся человеком в каждый данный момент, это, конечно, зависит от совокупности общественно развернутых производительных сил (трудовая сноровка, наука и ее техническая приложимость, организация труда, количество и эффективность созданных средств производства). Но направление, в каком может совершаться изменение трудового процесса в его общественной форме (и самая возможность такого изменения), зависит не от произвола трудящихся людей, а от характера, продуктивности и комбинации общественно «доступных» в данный момент производительных сил природы. Только путем все более глубокого приспособления к доступным на данной ступени областям природы с их специфической структурой может совершаться поступательное движение человечества. Если таким образом способ производства определяется на каждой данной исторической ступени всей совокупностью производительных сил, то общественные моменты этой совокупности, как активно движущая сторона, толкают на путь изменений, а естественные моменты устанавливают, возможно ли изменение, и если да, то в каком направлении [3]). Застa-

[1]) Das Kapital, т. I, стр. 10.
[2]) Там же, стр. 143.
[3]) Маркс прямо говорит о «природной базе прибавочной стоимости» (Das Kapital, т. I, стр. 475), однако это выражение должно быть чрезвычайно тщательно взвешено. Природа сама по себе доставляет только возможность определенной продуктивности труда. «Плодородие природы образует здесь одну границу, один исходный пункт, одну базу». Это условие необходимо, но не достаточно. «Развитие общественной производительной силы составляет другое условие» (Das Kapital, т. III, ч. 2, стр. 174 слл. Подчеркнуто нами). Труд сам по себе тоже не в состоянии ничего произвести. Он не обладает «сверхестественной творческой силой» (Критика Готской программы, в указанном месте, стр. 19); всякие «мистические представления» о врожденной человеческому труду способности создавать избыточный продукт бессмысленны (Das Kapital, т. I, стр. 476 и 479), они только заменяют ошибку физиократов противоположной ошибкой. Лишь при соединении обоих моментов трудовой процесс становится действительностью, но и тут он еще не делается сразу источником прибавочного продукта. И тут

вляя природу «служить» себе, человек тем самым подчиняется природе[1]), следует за ней. Ясно само собой, что изменения, производимые человеком в ходе истории среди окружающих его естественных условий, которые он неутомимо переделывает, влияют в свою очередь на человека, заставляя его воздействовать уже иными способами на измененную им природную обстановку[2]); но основное соотношение («отец» и «мать», движущая активность и пассивная обусловленность направления) остается по существу неизменным, как бы ни выравнивалось его содержание в результате подобных модификаций. В ход развития общественного процесса производства вторгается, конечно, еще целый ряд вторичных факторов—общественные условия производства, политические и правовые формы, множество «высших идеологий», часто обремененных громадным балластом традиций, наконец, влияние других производственных организмов, т.-е. то, что Маркс называет «вмешательством международных отношений». Но все эти моменты никак не могут упразднить основное соотношение экономики, на которое они, конечно, оказывают влияние[3]), но которое проходит через эти вторичные моменты, как в конечном счете определяющая база всех общественных процессов.

Повышение общественных производительных сил становится возможным только тогда, когда это допускается «существом дела», т.-е. в данном случае—природой. Определяющими и «ведущими» являются здесь — как мы выше показали, через посредство земледелия и добывающей промышленности — не созданные человеческим трудом, «не поддающиеся контролю естественные условия»[4]). «Различные общественные коллективы находят в своем естественном окружении различные средства производства и различные средства существования. Поэтому (! *К. В.*) их способ производства, форма жизни и продукты различны»[5]). Итак, по Марксу, различный ход развития примитивных обществ проистекает из различной структуры естественных производительных сил (приведенная цитата взята нами из одного принципиально чрезвычайно важного места в I томе «Капитала», на которое до сих пор обращали слишком мало внимания). Способ развития земледелия у перешедших к оседлости народов Старого и Нового Света опять-таки зависит от «различных природных свойств обоих больших материков». Восточный материк обладал «почти всеми годными для приручения животными и всеми видами культурных хлебных злаков, кроме одного; на западном материке, в Америке, из всех приручимых млекопитающих имелась только лама, а из всех культурных хлебов только один, но зато самый лучший,—кукуруза. В результате этих различных естественных условий население каждого полушария начинает развиваться своим особым путем...»[1]). На Востоке происходит затем распадение на античное и феодальное земледельческое общество и на гигантскую полосу «азиатских» производственных организмов. Между тем как феодальное сельское хозяйство так и осталось на сравнительно «примитивной» ступени[2]), ибо единственной применявшейся им крупной естественной «машиной» было плодородие почвы, в «азиатских» странах была пущена в ход для повышения урожаев еще другая, необычайно продуктивная производительная сила природы в форме искусственного орошения. Но путь к развитию этой более высокой, «азиатской» формы земледельческого производства был опять-таки предуказан вполне определенной комбинацией естественных моментов. Не плодородие почвы само по себе вызывает такие следствия: ее «дифференциация, разнообразие ее естественных продуктов составляет природную основу общественного разделения труда и толкает человека посредством смены естественных условий, в которых он живет, на путь умножения своих потребностей, способностей, средств и способов труда. Необходимость держать какую-нибудь силу природы под общественным контролем в интересах хозяйства, необходимость широко использовать ее или сдерживать ее разрушительные действия при помощи сооружений, возведенных рукою человека, играет самую важную (! *К. В.*) роль в истории промышленности. Таково, напр., регулирование воды в Египте, Ломбардии, Голландии и т. д., или в Индии, Персии и т. д., где орошение посредством искусственных каналов не только дает почве необходимую воду, но вместе с ее илом приносит с гор и минеральное удобрение...»[3]).

Вытекавшая из «климатических и почвенных условий» «азиатских» стран необходимость снабжать их почву нужной водой, «безусловная необходимость бережливого и экономного использования воды»[4]), развитие при наличности достаточно большой территории (в Японии этого условия не было налицо!) особого типа государства, именно азиатской деспотии, наконец вообще другой тип аграрного труда, противопоставивший, напр., в рисовых областях Китая[5]) и в Японии феодальному земледельческому производству с его слабым развитием общественных производительных сил[6]) «огородническую форму земледелия» с ее прямо-таки «расточительно» богатым развитием таких общественных производительных сил, как квалификация и интенсивность труда[7]),—все это может служить дальнейшей иллюстрацией тезиса о значении момента природы для выявления или невыявления общественных

нужна природная база, и тут она сама по себе еще не достаточна. «Благоприятные естественные условия» могут создать такое положение, что непосредственному производителю приходится очень мало работать в виду краткости необходимого рабочего времени; в этом случае природа доставляет производителю «большой досуг». Требуется «целый ряд исторических обстоятельств», в свою очередь являющихся продуктом очень продолжительного исторического развития, чтобы производитель начал создавать — для самого себя или, в классовом обществе, под «внешним давлением», для других, — прибавочную стоимость (в указанном месте, стр. 479). Из обоих условий всякого труда и, в частности, прибавочного труда, естественный момент запечатлен пассивной чертой покоя, выжидания, зависимости от общественного действия. Маркс в своих формулировках почти всегда подчеркивает эту пассивность таящейся в природе возможности. Лучшие знатоки Маркса среди противников защищаемого нами взгляда решили на этом основании, что эта пассивная возможность, представляемая природой, никак не может быть определяющим фактором исторического развития. Все они при этом забывают, что от пассивного элемента вполне может зависеть, и в нашем случае как раз зависит, осуществление деятельности и ее направление. «Пассивные» рельсы определяют путь активно движущегося поезда; «пассивное» дуло ружья определяет путь вылетающей пули.

[1]) Г. Плеханов. Основные вопросы марксизма.

[2]) В противоположность мнению Каутского, будто природа остается «почти неизменной по сравнению с обществом» (в указ. соч., стр. 810), Маркс и Энгельс часто и подчеркнуто отмечали эту изменяемость природы. Ср. «Фейербах», стр. 238, 243; Энгельс, Dialektik und Natur, стр. 165; Der Anteil der Arbeit, стр. 68; Briefwechsel, т. III, стр. 349 (Маркс об исторических модификациях почвы).

[3]) Письмо Энгельса в «Der Sozialistische Akademiker» 1895 г., стр. 373).

[4]) Kritik der polit. Oekonomie, стр. 15.

[5]) Das Kapital, т. I, стр. 316.

[1]) F. Engels, Der Ursprung der Familie, стр. 4 (Подчеркнуто нами).

[2]) Маркс часто подчеркивает примитивность феодального земледелия, как его характерный признак. «Слабая и низкая культура почвы» в феодальную эпоху отмечена уже в книге о Фейербахе, стр. 306. В «Капитале» (т. III, ч. 2, стр. 327) Маркс указывает на «примитивность способа труда» при крепостном праве.

[3]) Das Kapital, т. I, стр. 478. Подчеркнуто нами.

[4]) Маркс об Индии и Китае, в указ. месте, стр. 386.

[5]) Ср. Wittfogel, Voraussetzungen und Grundelement der chinesischen Landwirtschaft (Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1929 г., 2-й выпуск).

[6]) Das Kapital, т. III, ч. 2, стр. 327.

[7]) Das Kapital, т. III, ч. 1, стр. 77.

сил процесса производства. Различие структуры естественных производительных сил, именно различие в размерах территории, на которую распространяется единая оросительная система [1]), приводит далее к тому, что формы широко поставленного земледельческого труда и вырастающие (или не вырастающие) из них политические уклады распадаются на следующие типы:

1. Тип, который мы назовем «египетским» и к которому, кроме самого Египта, относится еще древний Вавилон, а также — несмотря на ряд ослабляющих моментов, компенсируемых, впрочем, обратными тенденциями, — и Китай. Этот тип характеризуется доминирующей ролью централизованного оросительного дела; в Китае эта централизация была преимущественно областной, но так как при «изолированности» страны на тогдашней ступени производства феодальные военные задачи крупного масштаба не имели большого значения, то это была все-таки сравнительно очень «чистая» форма азиатской деспотии, между тем как в Египте, представляющем собою классический образец государственного единства, вмешательство международного момента время от времени порождало вторичные производственные отношения феодализирующего характера. Господствующим слоем в обществах этого типа были образованные чиновники то с более светским, то с более религиозным уклоном (ведь и китайские мандарины заведывали культовыми действиями государственной религии!).

2. Японский тип. Здесь мы не находим широко «раздвинутой пространственной сферы» оросительного и осушительного дела, потому что в Японии речные области поддавались овладению местными средствами. Отсюда — существование ряда изолированных местных центров производства с военной надстройкой; военно-феодальные формы получили здесь прямо классическое выражение. Книжнику и жрецу обществ первого типа соответствует в японском общественном укладе воин — книжное конфуцианство Китая с его низкой оценкой всех военных доблестей (Конфуций не учил ни управлению военными колесницами, ни стрельбе из лука, этим двум основным феодальным искусством) [2]) подверглось в Китае феодальному перерождению в форме идеологии б у ш и д о.

3. Индийский тип. Здесь регулируемые искусственным орошением силы природы занимают по размерам среднее место между японскими и китайскими условиями; они раздроблены и ставят, на ряду с задачами крупного оросительного дела, также значительные военно-феодальные задачи. Господствующий класс состоит из двух каст жрецов и воинов, с преобладанием первой группы. Промежуточному характеру производительных сил соответствует таким образом промежуточный характер формы труда и социально-политического уклада.

---

[1]) Маркс об Индии и Китае, стр. 386. Для оценки конкретных форм азиатских обществ, основанных на искусственном орошении, решающее значение имеет то обстоятельство, что благодаря «определенным трудовым процессам» (Маркс называет шесть таких процессов, из которых четыре относятся к водяному хозяйству: осушка страны, постройка плотин, орошение, сооружение каналов) бывает небходимо «раздвинуть пространственную сферу труда», перейти к крупным формам труда, к кооперации.

[2]) Хотя Конфуций, подобно физиократам (ср. М а р к с, Theorien, т. I, стр. 444 и 446), и придал своей системе «феодальную видимость», все же по существу дела он провозгласил новый социальный порядок на развалинах старого. Конфуций не только сознательно исключил из своего учения старые феодальные искусства, он не только практически боролся с феодальными элементами в качестве министра в крае Лу, откуда он был родом; своим принципиально новым подходом к старому культурному достоянию Китая он частью совсем уничтожил феодально-рыцарские моменты, состоявшие в прославлении военного дела, частью же преобразовал их настолько, что их первоначальный смысл изменился в диаметрально противоположный.

Мы включили здесь эту характеристику, для которой все методологические основы и отчасти даже наброски конкретного анализа даны Марксом (в более обширной работе мы предполагаем разобрать этот вопрос во всех подробностях), чтобы показать плодотворность марксова указания на важность естественного момента, чтобы вскрыть смысл марксова положения о необходимости исходить при конкретном историческом анализе из естественных условий.

На рассмотренных до сих пор исторических ступенях определяющими были те естественно обусловленные производительные силы, которые служат для производства средств с у щ е с т в о в а н и я, каковы плодородие почвы, орошение и т. д. В начальный период культуры они играют решающую роль среди природных условий. На высшей ступени развития, т.-е. в эпоху расцвета крупной индустрии, «решающим является второй вид естественных богатств», т.-е. природные запасы средств труда в виде водопадов, судоходных рек, леса, металлов, угля и т. д. Сравним, напр., Англию с Индией, или в античном мире—Афины и Коринф с областями на побережьи Черного моря» [1]).

Таким образом, в эпоху более высокого экономического развития природные моменты не перестают, по Марксу, обнаруживать свое действие (как это выходило у географических материалистов — напр., у Монтескье и Бокля). Естественный момент только принимает новую форму. Вместо одних групп естественных условий, преимущественно действовавших прежде, теперь выдвигаются другие. В азиатской Индии природа действовала главным образом путем влияния на структуру и продуктивность земледелия. В капитализирующейся Англии природной основой возникающего промышленного разделения и способа труда становятся такие категории промышленного сырья, как металл и уголь, и такой важный элемент транспортного дела, как судоходные водные пути. Маркс не проанализировал этого процесса в е г о п о д р о б н о с т я х. Но только что приведенное его замечание, равно как и множество других его высказываний о значении размеров и положения крупных источников сырья, дают нам методологическую путеводную нить для построения конкретной эмпирической истории. Последняя не может, конечно, сделать и шагу в вопросе о возникновении промышленного капитализма без выяснения общественно-исторических предпосылок для перехода к нему, но она должна, не ограничиваясь этим, исходить из естественных условий и их исторических модификаций, если хочет об'яснить, почему переход к промышленному капитализму и его развитие обнаружили и сейчас еще обнаруживают «такие бесчисленные вариации и оттенки». В первой части настоящей работы мы уже отметили возможную причину, почему Франция, страна классической буржуазной революции, не достигла все же такого промышленного расцвета, как Англия, в которой и в буржуазный период еще оставалось множество феодальных пережитков. Так как во Франции общественные предпосылки капиталистического производства утвердились в необычайно чистом виде, то значит должны были действовать другие моменты отрицательного характера — может быть, именно природные моменты; говорит же Маркс, что прогрессивное развитие общественных условий может быть почти или вполне или даже больше, чем вполне, уравновешено неблагоприятным характером природных моментов. В и с т о р и и А н г л и и, пишет Плеханов, «г е о г р а ф и ч е с к а я с р е д а н и к о г д а н е п е р е с т а в а л а о к а з ы в а т ь с в о е в л и я н и е, х о т я и в п о с т о я н н о м е н я ю щ е й с я ф о р м е, н а р а з в и т и е с т р а н ы». Она влияла на население страны и на способ его материального производства совсем иначе в эпоху Кромвеля, чем в эпоху Цезаря. Однако, по Плеханову, который, как нам кажется, выражает точку зрения Маркса в совершенно чистом виде, было бы величайшей ошиб-

---

[1]) Das Kapital, т. I, стр. 476.

кой считать изменение формы действия естественного момента за прекращение самого этого действия [1]).

На дифференцирующее значение «географических условий» в эпоху империализма с особенной энергией указал затем великий ученик Плеханова — Ленин. Среди стран, которые в последнее время развиваются гораздо медленнее, и между прочим именно в силу географических условий, Ленин называет на первом месте Англию. Это было в 1917 г. А сейчас мы имеем так наз. Coal Report (доклад угольной комиссии), показывающий, как резко отражается на промышленности Англии постепенное оскудение ее природных сырьевых богатств. Английская буржуазия по-своему, конечно, вполне права, возлагая главную вину за вздорожание производства на сокращение рабочего времени, умножение правил об охранении труда и т. д., ибо это дает ей возможность сделать вывод о необходимости частичного аннулирования этих невыгодных для нее мер, чтобы вернуть ей прежнюю конкурентоспособность. Но даже эксперты английской буржуазии не могут не признать, что физические трудности в деле разработки угля заметно возрастают, и притом быстрее, чем технические контрмеры. «Технический прогресс и искусная организация» позволяют теперь проникать в глубже лежащие и более тонкие пласты, чем прежде, но тем не менее «возрастание трудностей остается фактом; легко доступный уголь Великобритании давным давно разработан; чтобы продолжать добычу угля, необходимо с каждым годом опускаться все глубже, обращаться к все менее доступным пластам». В доказательство приводятся цифры и констатируется, что шахты становятся все глубже, разработки все длиннее, а число горняков, занятых не на самом месте добычи, относительно увеличивается [2]). Там, где прежде на одном участке работало 214 горняков, теперь занято 245 человек [3]); и хотя доклад пытается об'яснить это вышеупомянутыми социальными причинами (подготовляя таким образом требование о сокращении числа рабочих!), тем не менее он должен признать, что увеличение числа горняков названной категории представляет собою, с некоторой степенью «вероятности», «отражение возрастающих физических трудностей, с которыми теперь и в будущем придется считаться английской угольной промышленности» [4]). Только при напряжении всех общественных элементов производственного процесса, при чем кроме технической рационализации особенно отмечается снижение зарплаты и ухудшение условий труда, будет возможно «компенсировать неизбежное ухудшение физических условий горного дела в стране, в которой легко доступные источники давным-давно исчерпаны» [5]). Отрицать это обстоятельство на том основании, что оно может быть использовано и против горняков, было бы так же нелепо, как политически неправильно было бы заключать из него, что английским рабочим остается только покориться предпринимательской политике ухудшения условий труда. Каков был в данном случае принципиальный ответ Маркса? Заявив еще в 1850 г., что «невыгоды географического положения Европы сравнительно с Америкой» грозят упадком торговли и промышленности Старого Света (стало быть Маркс и не думает отрицать изменение роли естественных условий), — заявив это, Маркс прибавил, что «единственный шанс» для современных европейских стран заключается «в социальной революции, которая, пока не поздно, перевернула бы способы производства и сношений согласно вытекающим из современных производительных сил потребностям самого производства и тем самым сделала бы возможным создание новых производительных сил, обеспечивающее превосходство европейской промышленности, и уравновесила была таким образом невыгоды географического положения» [1]).

Эта формула, впервые материалистически признающая действительные факты во всей их исполненной противоречий суровости и дающая вместе с тем революционное, прогрессивное разрешение вытекающих из них затруднений — эта формула приводит нас теперь, после рассмотрения роли природного момента на всех главных ступенях прошлой истории, к вопросу о том, какова будет его роль при социализме. Что и тогда материальное богатство общества будет зависеть от «большей или меньшей продуктивности условий производства», это мы уже отметили, следуя Марксу, выше. Но есть ли это чисто-«исторический» вопрос? Нельзя ли высказать по этому поводу принципиальные соображения? Мы думаем, что можно. Прорыв к социализму означает, с первых же шагов социалистического строительства, освобождение огромного запаса общественных производительных сил, начиная с развертывания суб'ективных предпосылок трудового процесса — колоссально важного элемента «рабочей силы», по необходимости связанной и изуродованной при капитализме, — и кончая преодолением хаотической, анархически расточительной организации производства и оформлением самих предметных средств труда. Но этот переворот в области общественных элементов производства, неизбежно вырастающий из начатого капитализмом развития материальных производительных сил, приводит вместе с тем и к принципиально новой установке по отношению к естественным условиям труда. Если прежние общественные и естественные производительные силы могут развиваться дальше только при условии разрушения старых общественных условий трудового процесса и введения в действие новых производительных сил, сперва общественного порядка, то в диалектическом ходе развития эти новые общественные производительные силы оказываются в состоянии использовать такие стороны природы, которые до тех пор не эксплоатировались, поставить на службу общественному производству совершенно новые естественные производительные силы или использовать по-новому те, которые эксплоатировались и прежде. Поэтому осторожные замечания Маркса, подчеркивающие убывание роли естественного момента при капитализме хотя бы как очень важную тенденцию, должны быть истолкованы в духе вполне оптимистической оценки развития производительных сил при будущем коммунистическом порядке, — они должны быть истолкованы так не из пропагандистских соображений, а в силу научного постижения реального механизма истории. Завоевание «общества», в смысле впервые осуществленного сознательно рационального руководства процессом социальной жизни, связывается таким образом с «завоеванием природы» в таких размерах, которых сейчас не могла бы себе вообразить даже самая пылкая фантазия поэтов нашей эпохи.

Однако, каково бы ни было это «завоевание», оно никогда не сможет упразднить основное отношение между человеком и природой. Мы никогда не будем «властвовать над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, как некто, стоящий вне природы» (Энгельс). Думать так зна-

[1]) G. Plechanow, Beiträge zur Geschichte des Materialismus, Stuttgart 1921 г., стр. 180 слл.

[2]) Report of the Royal Commission of the Coal Industry (1925), т. I, Лондон 1926 г., стр. 123.

[3]) Там же, стр. 125. На стр. 266 приведены сравнительные цифры горняков, работающих на самом месте добычи, для 1905 и 1924 гг. Оказывается, что в 1905 г. из всех занятых под землею горняков на месте добычи работало 57,8%, а в 1924 г. — только 51,3%; по другому подсчету эта последняя цифра даже слишком высока, вместо нее должно быть 49,8%. Доклад принимает на основании этих данных среднюю цифру в 50%. Таким образом выходит, что за 20 лет число горняков, работающих на месте добычи, уменьшилось на 7,8%.

[4]) Там же, стр. 124.

[5]) Там же, стр. 125.

[1]) Aus dem litterarischen Nachlass von Marx und Engels, т. III, стр. 444.

чило бы вернуться к христианско-идеалистическому дуализму, к которому легко может привести односторонне активистское воззрение, но который не имеет ничего общего с марксовым материализмом. «Человек подчиняет себе природу, только заставляя ее служить себе», говорит Плеханов, которому мы по существу следуем в нашем изложении, стараясь в то же время развить его точку зрения во всех конкретных деталях и выводах, между тем как он сам ограничивается только принципиальными соображениями [1]). «Повинуясь природе, человек тем самым увеличивает свое господство над нею,

[1]) Плеханов, философские работы которого представляют собою, по Ленину, «лучшее, что есть во всей международной литературе марксизма» (Ленин, Еще раз о профсоюзах), подробно занимался основным историко-философским вопросом об отношении между природой и обществом. На вопрос о том, чем определяется развитие производительных сил, он отвечает: «географической средой», при чем он учитывает в своем изложении со всей желательной диалектико-материалистической ясностью как изменения, вызываемые в этой среде деятельностью человека, так и то обстоятельство, что природа, даже не видоизмененная человеком, играет на различных ступенях производства различную экономическую роль. Ср. его «Beiträge», стр. 100, 154, 177, 178, 180 слл., 225; далее его «Grundprobleme des Marxismus», стр. 44 слл., 47, 51, 88. Весьма важна также рецензия Плеханова на книгу Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», в которой Плеханов подробно излагает свой взгляд на естественный момент с марксистской точки зрения. «Соединенными усилиями» исследователей естественного и общественного момента «будут постепенно разоблачены глубочайшие тайны истории». На первый взгляд точка зрения Кунова близка к плехановской, но это близость чисто внешняя. Под влиянием своих занятий этнологическими вопросами Кунов не мог, конечно, не заметить, что на низших ступенях исторического развития естественный момент был определяющим фактором. Но это было ясно и для всех великих географических материалистов. Отмечая это обстоятельство, Кунов только повторяет в марксистской форме старое до-марксистское положение. Передвижку центра тяжести естественного момента в эпоху индустриализма Кунов не сумел уяснить себе в виду своего неправильного взгляда на сущность простого производственного процесса, а стало быть, и на основную структуру капиталистического процесса труда. Поэтому он самым вульгарным образом приближается, опять-таки искажая маркс-энгельсовскую мысль, к точке зрения теоретиков эмансипации от власти природы, хотя он целиком и не становится на эту точку зрения (для этого он слишком осторожен!). С ходом исторического развития человек делается, по Кунову, все более независимым от природы, правда — «только до известной степени». «Он в известном смысле только променивает часть своей зависимости от естественной среды на усиленную зависимость от среды социальной» (в указ. соч., стр. 168). Затем он цитирует Энгельса, который указывает на то, что капиталистическая промышленность сделалась относительно независимой от местной ограниченности своего сырья», и выводит отсюда «возрастающую независимость способа производства от условий географического пространства» вообще (Стр. 169). Но вполне очевидно, что приводимый Энгельсом факт принципиально не отменяет зависимости от источников сырья, а только выражает эту зависимость в более опосредствованном виде. Основную формулу Маркса об элементарном соотношении между человеком и природой Кунов так и не сумел правильно понять, несмотря на ряд приводимых им цитат из Маркса, или именно благодаря этим цитатам — потому что самых-то существенных он и не приводит. К своей эклектической формуле — обе стороны, человек и природа, и активны и пассивны (стр. 168) — Кунов мог прийти только потому, что он не понял принципиального различия функций, выполняемых в трудовом процессе обоими демиургами общественного богатства.

Н. Бухарин уделил в своей книге «Теория исторического материализма» больше внимания естественному моменту, чем большинство остальных марксистских теоретиков. Бухарин подчеркивает, что человек никогда не сможет выскочить из рамок природы и что общественный трудовой процесс может осуществляться только в форме обмена веществ с природой. Однако изменения истории он выводит из техники, ибо она представляет собою «переменную величину», в противоположность «более или менее постоянной» природе. Исходя из этого взгляда, который мы подробно разобрали в тексте, Бухарин утверждает, что в технике «должен заключаться» исходный пункт для анализа общественных изменений». Это утверждение основано на непонимании направляющей, при всей ее пассивности, роли природы и не может быть принято нами, как противоречащее требованию Маркса и Энгельса — брать исходным пунктом естественные условия.

т.-е. свою свободу [1]). Этот закон не отменяется при социализме, он только проявляется при нем в форме, наиболее соответствующей природе человека: «Как дикарь должен бороться с природой,—говорит Маркс в своем знаменитом рассуждении о царстве свободы,—ради удовлетворения своих потребностей, ради сохранения и воспроизводства своей жизни, точно так же должен бороться с нею и цивилизованный человек, должен при всех общественных формах и при всевозможных способах производства. По мере его развития расширяется это царство природной необходимости, потому что растут потребности; но одновременно расширяются производительные силы, служащие для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться только в том, что обобществленный человек, ассоциированные производители, рационально регулируют свой обмен веществ с природой, берут его под свой общий контроль, а не подчиняются ему, как слепой силе, осуществляют его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных и наиболее адэкватных их человеческой природе. Но это все же остается царством необходимости. За его пределами начинается развитие человеческих сил, являющееся для себя самоцелью, начинается истинное царство свободы, которое, однако, может расцвесть только на основе этого царства необходимости» [2]).

Мы подошли к концу нашего исследования. Задача, которую мы себе поставили, заключалась в выявлении роли естественного момента в системе исторического материализма; в противовес всем толкованиям, стоящим на «натуралистически» пассивной или на односторонне активистской точке зрения, мы постарались при этом изложить подлинное диалектически-материалистическое воззрение Маркса и Энгельса. Сами основатели научного коммунизма не дали связного изложения своего взгляда, но множество принципиальных замечаний и конкретных анализов в их трудах образует, вместе с основными тезисами их диалектического материализма, такое ясное и законченное целое, что стоило только подробно исследовать сочинения Маркса и Энгельса под углом зрения данного вопроса, чтобы синтез получился, так сказать, сам собой. Если в своей книге о Фейербахе Маркс и Энгельс требуют, чтобы всякая историография исходила из естественных условий, если Маркс повторяет затем это требование, применительно к анализу экономических явлений, в своем «Введении к Критике политической экономии», если в I томе «Капитала» он подчеркивает прогрессивную роль определенной комбинации естественных условий, а в III томе констатирует, что для об'яснения вариаций и оттенков одинакового в своих основных чертах экономического строя требуется, на ряду с анализом внешних исторических влияний, также раскрытие об'ективной и суб'ективной природной обстановки, — то все это дает нам право утверждать: тезис Плеханова о том, что только соединенное исследование природных и общественных условий производства в данный исторический момент может разоблачить «глубочайшие тайны истории», представляет собою единственную действительно точную передачу буквы и духа марксова понимания истории.

Плодотворность анализа, действительно исходящего в своих выводах из производительных сил, должна сказаться в трояком отношении. Польза от такого подхода для марксистской историографии очевидна. На значение естественного момента для анализа неравномерного развития империалистических государств, равно как и для направления империалистической колониальной поли-

[1]) Плеханов, Основные вопросы марксизма (нем. изд.), стр. 88.
[2]) Das Kapital, т. III, ч. 2, стр. 355. Подчеркнуто нами.

тики, энергично указал Ленин. Наконец, понятно само собой, что и с точки зрения проблем строительства социализма правильная теоретическая и практическая оценка естественных факторов настоятельно необходима.

Ясное марксистское понимание различного значения общественных и природных условий процесса материальной жизни приводит к признанию величайшей важности за общественным трудом, как активной стороной этого процесса. Без него не было бы движения, не было бы «беспокойства» в истории человечества. Но мы впали бы в заклейменную Марксом ошибку созерцательных материалистов, только с обратным знаком, если бы забыли, что всякая человеческая общественная деятельность связана с определенным материальным субстратом, в конечном счете с «природой», особенности которой решают вопрос о том, как развивается трудовая деятельность людей, топчется ли она на месте, или движется вниз, или поднимается вверх, т.-е. идет ли она к низшим или к высшим формам производительности труда. Действенный материализм — конечно, но и: действенный материализм! Таков и только таков должен быть ответ на вопрос об отношении между человеком и природой с точки зрения диалектического материализма [1]).

[1]) Редакция оговаривает дискуссионность некоторых положений автора. Ред.

„Социальное направление“ политической экономии в наших современных спорах.

А. Реуэль.

«Очерки по теории стоимости» И. И. Рубина вызвали значительную критическую литературу. Однако, если с одной стороны этот поток книг, статей и рецензий содействовал разработке целого ряда вопросов, связанных с теорией стоимости, если эта критическая литература толкала автора «Очерков...» к исправлению и уточнению как отдельных формулировок, так и трактовок отдельных вопросов теории стоимости, — то с другой стороны выявилось наличие целого течения, знаменем которого является отнюдь не Маркс, а такой «ортодокс», как А. А. Богданов. В последние годы мы были свидетелями ожесточенной полемики между «диалектиками» и «механистами» в философии, которую можно считать в основном завершенной. Все факты говорят за то, что и в политической экономии наметились два основных течения, одно — экономистов - диалектиков, стоящих на позициях ортодоксального понимания Маркса, другое — экономистов-механистов, на словах рядящихся в тогу истинных носителей марксовой ортодоксии, на деле вульгаризирующих марксизм в духе механического материализма, в духе богдановщины. Непосредственным об'ектом полемики являются «Очерки...». Однако внутренняя логика дискуссии привела к тому, что наметились разногласия не только по отдельным частным вопросам, разногласия существуют по кардинальным вопросам методологического характера. Наличие двух принципиально отличных методологических установок для разработки и комментирования марксовой системы политической экономии, — вот окончательный результат полемики вокруг «Очерков...». Последним звеном в критической литературе, связанной с «Очерками...», на ряду с материалами дискуссии в Институте Красной Профессуры, является статья С. А. Бессонова «Против выхолащивания марксизма» («Проблемы экономики» №№ 1 и 2). Концепция Рубина, по Бессонову, является не марксистской, а ревизионистской. «Удивительно и тяжело то, что антимарксистская концепция Рубина продолжает держаться в марксистских кругах, пользуясь кое-где прямой поддержкой. Ликвидировать эту пассивную поддержку Рубина примиренческим к нему отношением, конечно, нельзя. Только решительная и суровая борьба с новым видом ревизионизма может вскрыть до конца его буржуазную природу» («Проб. эк.» № 2, стр. 117). Однако для Бессонова, как истинного «диалектика», — абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. В результате «тщательного» исследования работ И. И. Рубина методом «научной диалектики» Бессонов не только «устанавливает» буржуазную природу ревизионизма «рубинщины», но и определяет ту школу буржуазной политической экономии, скрытым рупором которой является Рубин. «В лице Рубина, — пишет Бессонов,—мы имеем скрытого представителя буржуазного «социального» направления, выхолащивающего, под прикрытием марксистских фраз, революционно-диалектическую сторону марксистской теории» («Проб. эк.»

№ 2, стр. 116—117). Бессонов считает, что в «Очерках...» мы действительно имеем перед собой не изложение Маркса, а расширенное воспроизведение прежней попытки (т.-е. предыдущих изданий «Очерков...». *А. Р.)* изобразить Маркса под Аммона и Штольцмана, т.-е. под «социальное направление» (рецензия Сер. Бессонова в «Известиях»).

Таков суровый приговор Бессонова. Естественно, что такой отзыв обязывает, тем более, что он направлен против работы, заслуженно пользующейся у нас большой популярностью и отдельные главы которой, стоят на уровне известных работ Гильфердинга о стоимости. Читатель вправе ожидать от Бессонова обстоятельного сравнительного анализа «Очерков...» с работами Амонна, Петри и др. Читатель вправе требовать от Бессонова действительного, не декларативного, не на словах, а на деле доказательства тождества или по крайней мере сходства идей автора «Очерков...» со взглядами представителей «социального» направления. Однако Бессонов избрал иной, более легкий способ «критики». Бессонов не стесняется заполнять целые страницы своих писаний фейерверком пустых, общих фраз, никакого отношения к существу дела не имеющих,—об экономистах же «социального направления» мы встречаем—в статье «Против...» и в содокладе, сделанном в Институте Красной Профессуры — несколько случайно брошенных замечаний. Вообще Бессонов чрезвычайно скуп на положительные высказывания. Бессонов, этот бесстрашный борец против «выхолащивания марксизма», подобно пифии дельфийского оракула, только «изрекает».

Как Бессонов относится к социальному направлению, знаком ли он с этой школой буржуазной политической экономии? Беспристрастная оценка «высказываний» Бессонова приводит к ответу, не поддающемуся никакому сомнению, — Бессонов не знает «социального направления», в лучшем случае, он дает «своеобразную», «оригинальную» его интерпретацию, почерпнув всю свою «премудрость» об одном из них (Амонне) далеко не из первоисточника (Хрестоматия, под ред. С. И. Солнцева). И с такими доспехами наш рыцарь марксовой «ортодоксии», наш бесстрашный борец за чистоту марксистской мысли, драпируясь в тогу истинного и исключительного ее носителя, выступает в поход против «выхолащивания» марксизма. В самом деле. Как представляет себе Бессонов «социальную школу»? Повторяем, что Бессонов этому важному вопросу посвятил случайные высказывания, которые нам придется собрать воедино. По Бессонову, у Рубина в целом ряде мест его «Очерков...» имеется «общее противопоставление социального содержания теории (теории стоимости Маркса. *А. Р.)* ее материально-производственному содержанию» («Пробл. эк.» № 1, стр. 123). Бессонов считает, что до Рубина марксисты не противопоставляли социального материальному, так как согласно марксистской концепции материальное производство общественно обусловлено. По Бессонову марксистская политическая экономия знает иное противопоставление, — социального индивидуальному. «Если же Рубин, — пишет Бессонов, — держится иной точки зрения, то только потому, что изложенные выше идеи (Рубина. *А. Р.)* на самом деле принадлежит не Марксу и даже не самому Рубину, а Струве, Штольцману и Амонну, которые являются подлинными учителями Рубина в этом вопросе, как и во многих других» («Проблемы экономики» № 1, стр. 135). «Противопоставление социального—материальному свойственно не Марксу, а так называемому «социальному направлению» в политической экономии» (Струве, Штольцман, Амонн и др.) («Проблемы экономики» № 1, стр. 124). Чтобы проверить правильность этих заявлений Бессонова, рассмотрим, как Рубин определяет предмет политической экономии. «Политическая экономия есть наука не об отношениях в е щ е й к в е щ а м, как думали вульгарные экономисты, и не об отношениях л ю д е й к в е щ а м, как утверждает теория предельной полезности, но об отношениях л ю д е й к л ю д я м **в процессе производства**» («Очерки», 3-е изд., стр. 11. Жирный шрифт наш. *А. Р.*). О чем здесь говорится? Ясно и отчетливо о том, что политическая экономия изучает производственные отношения, отнюдь не материально-технический процесс производства. Это весьма выпукло подчеркивает Рубин и в другой формулировке, которая предшествует приведенной. Рубин пишет: «Политическая экономия изучает не материально-техническую сторону капиталистического процесса производства, а его с о ц и а л ь н у ю ф о р м у, т.-е. **совокупность производственных отношений людей**, образующую «экономическую структуру» капитализма» («Очерки...», стр. 11). Чем отличаются обе приведенные формулировки Рубина от определения Ленина, что предмет политической экономии вовсе не производство материальных ценностей..., а общественные отношения людей по производству (Ленин, т. II, 2-е изд., стр. 64), и от определения Маркса, данного им в 1865 г., что политическая экономия охватывает всю совокупность имущественных отношений, не в юридическом их выражении, не в качестве соотношений воли личностей, а в их реальной форме, т.-е. в качестве производственных отношений (Маркс, Нищета философии, изд. 1928 г., стр. 20)? Ничем. Отметим также определение Энгельса, что политическая экономия говорит не о вещах, а об отношениях между людьми, в последней инстанции об отношениях между классами: эти же отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи (Энгельс, К критике политической экономии,—«Под Знаменем Марксизма» № 2—3 за 1923 г., стр. 56). Бессонов, однако, считает, что приведенные формулировки Рубина не марксистские. Заявление, подобное приведенной нами первой формулировке Рубина, может, по Бессонову, сделать любой буржуа, «если только он не стоит на позиции экономических робинзонад». И в качестве такого «любого буржуа» Бессонов приводит цитату из Амонна, которого он считает духовным отцом Рубина. Амонн пишет: «Обычное словоупотребление об'единяет в логическое единство многообразие единичных фактов с индивидуалистической точки зрения психологических, целевых (отношений людей к вещам! *С. Б.)* и естественно-технических отношений предметов (отношения вещей к вещам! *С. Б.)* политическая же экономия в качестве социальной науки рассматривает их с точки зрения с о ц и а л ь н ы х о т н о ш е н и й с у б ' е к т о в, выдвигая, таким образом, в них как раз то, что представляется второстепенным и поверхностным для обыденного, вульгарного способа рассмотрения, т.-е. их с о ц и а л ь н у ю о б у с л о в л е н н о с т ь и вызванные этой обусловленностью специальные, своеобразные социальные формы и образования» («Проблемы экономики» № 1, стр. 138. Курсив Бессонова). К приведенной цитате примыкает примечание Бессонова: «Любопытно и поучительно было бы проследить, как Рубин в десятках мест буквально п о в т о р я е т слова и мысли Амонна, Штольцмана и Петри, выдавая их нередко за мысли Маркса и всегда за собственные» («Проблемы экономики» № 1, стр. 138).

Итак, по Бессонову, нет разницы между Рубиным и Амонном. Так ли это? О чем говорит Рубин? Рубин говорит об «отношении людей к людям в процессе производства», о «совокупности производственных отношений»; Амонн же трактует о социальной обусловленности единичных фактов, о необходимости их рассматривать с точки зрения социальных отношений суб'ектов. Однако, по Амонну, эти факты могут быть и не хозяйственного порядка, они логически вовсе не связаны с производством. Что именно такова точка зрения Амонна, достаточно привести одно место из его «Objekt...». Амонн пишет: «Об'ект политической экономии представляет собой не явления, обозначаемые «хозяйственными», но социальные отношения, возникающие при определенных условиях; хотя они и выступают часто в связи с известными хозяйственными явлениями, но они не находятся в необходимой с ними связи и могут существовать и независимо от

хозяйственных фактов» (Amonn, Objekt..., 93). Таким образом, Рубин говорит о производственных отношениях, Амонн же о социальных отношениях, не находящихся в необходимой связи с производством. Учение о социальном явлении и предмете политической экономии у Амонна будет об'ектом нашего дальнейшего подробного анализа,—пока лишь отметим, что, отождествляя приведенные формулировки Рубина и Амонна, Бессонов тем самым признает наличие у представителей «социального» направления (в частности у Амонна) категории производственных отношений. Что Бессонов дает именно такую интерпретацию «социального направления, со всей очевидностью явствует из его анализа другого определения Рубина, определения предмета политической экономии.

Для доказательства, что у Рубина нет определенной устойчивой точки зрения на предмет политической экономии, Бессонов в своем содокладе в Институте красной профессуры приводит следующие две формулировки из «Очерков...». Первая—политическая экономия «изучает производственные отношения людей в капиталистическом обществе, процесс их изменения в зависимости от изменения производительных сил и нарастание противоречий между ними, выражающееся, между прочим, в кризисах» («Очерки...», 3-е изд., стр. 11). Это определение Бессонов считает марксистским. Вторая формулировка—«Марксова система изучает ряд усложняющихся экономических форм «вещей» или «определенностей формы» (Formbestimmtheiten), соответствующих ряду усложняющихся производственных отношений людей» («Очерки...», стр. 48). По Бессонову эта формулировка, где исчезли производительные силы, взята у «социального направления». Из каких элементов построена эта формулировка? Этими элементами являются: 1) вещная форма производственных отношений, 2) усложнение производственных отношений, 3) усложнение экономических форм вещей. Но если категории политической экономии являются теоретическим выражением производственных отношений капиталистического общества, то в виду вещного характера этих отношений, они выражают социальные функции, приобретаемые вещами. Под терминами «функция» и «форма» Маркс имеет в виду социальную форму производственного процесса, которую он противопоставляет его материально-технической стороне. «Лишь совершив функцию,—говорит Маркс,—соответствующую той форме, в которой он (промышленный капитал. *А. Р.)* находится в данное время, он приобретает форму, в которой он может вступить в новую фазу превращения» (К. Маркс, Капитал, т. II).

Таким образом, рассмотренное нами определение политической экономии тесно связано с теорией товарного фетишизма. Верно, что во второй формулировке Рубина не упомянуты производительные силы. Но следует ли отсюда, что Рубиным игнорируется взаимодействие производственных отношений с производительными силами? Конечно, нет. Если производственные отношения в целях научного познания и могут быть «выдернуты» из сложного социального целого, то это отнюдь не означает, что они, перестают быть во взаимодействии как с производительными силами, так и со всей совокупностью надстроек, возвышающихся на их основе. В своих «Что такое друзья народа». Ленин дает следующий «скелет» «Капитала»: Он (т.-е. Маркс. *А. Р.)* берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства—и на основании гигантской массы данных... дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества; не прибегая ни разу для об'яснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть,

как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда, и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами этой самой капиталистической организации». Таков скелет «Капитала» (Ленин, т. I, изд. 2-е, стр. 61—62). Эта цитата вдвойне интересна. С одной стороны, Ленин подтверждает, что анализ, данный Марксом в «Капитале», ограничен «одними производственными отношениями», что этот анализ отнюдь не включает, как это полагает Бессонов, на «равноправных началах» и производительные силы; с другой стороны, Ленин говорит, что Маркс прибегает для «об'яснения дела» исключительно к производственным отношениям, развитие которых приводит к непримиримым противоречиям капиталистической системы. Но ведь эти же противоречия и являются противоречиями между системой капиталистических производственных отношений и производительными силами. Это кажущееся противоречие у Ленина является действительным только для метафизика, для схоласта. У Ленина нет противоречия по той простой причине, что он в понятие производственные отношения включает их взаимодействие с производительными силами. Бессонов сначала выхолащивает из производственных отношений их «душу живу», производственную основу, превращает их в «чистые производственные отношения», а потом спрашивает,—где у вас взаимодействие производственных отношений с производительными силами? Основная методологическая ошибка Бессонова заключается в непонимании, что в понятие «производственные отношения» включено их взаимодействие с производительными силами.

Однако вернемся к «социальному направлению». Мы видели, что рассмотренное нами определение Рубина, что марксова система изучает ряд усложняющихся «экономических форм» вещей, по Бессонову, взято у Амонна. Тем самым он должен признать, что у представителей «социального направления» есть теория товарного фетишизма. Бессонов, однако, последователен. По Бессонову, у представителей «социального направления» имеется теория товарного фетишизма. Так, напр., Бессонов пишет: «Если теперь Рубин неожиданно для марксистов заявляет, что теория товарного фетишизма есть величайшее из открытий Маркса, то тайна этого утверждения кроется в том, что благодаря этому обороту мысли лучшими марксистами могут оказаться не только Энгельс, Ленин, Плеханов, но также и современные представители социального направления, действительные учителя Рубина—Амонн и Штольцман. Именно они, как Рубин, видят (в том, конечно, случае, когда они Маркса знают!) величайшую заслугу Маркса в раскрытии товарного фетишизма, но они, стараясь изобразить материальное производство, как мир вещных, натуралистических категорий, со всей энергией противопоставляют ему мир чистых социальных отношений, именно они, по мнению Рубина, превосходят марксистскую литературу и почти равны Марксу в умении различать за вещами социальные отношения» («Пробл. эк.» № 2, стр. 84). И далее: «Чтобы придать возможно больше авторитета,—пишет Бессонов,—представителям социального направления, Рубин, как мы видели (!!), не останавливается даже перед тем, чтобы превратить самого Маркса в представителя «социального направления», в родоначальника «социологического» метода, главная заслуга которого и переворот, произведенный в науке, заключается в том, что он, подобно Штольцману, Амонну и Петри, не останавливается на вещах, а за вещами видел скрытые за ними социальные отношения» («Пробл. эк.» № 2, стр. 85). О том, как Рубин относится к «социальному направлению», ставит ли он знак равенства между его представителями и Марксом—об этом у нас будет речь итти особо. Нам важно сейчас отметить, что Бессонов утверждает как наличие

у представителей «социального направления» теории товарного фетишизма, так и сходство взглядов представителей этого направления с точкой зрения Рубина.

Таковы «доказательства» Бессонова, что Рубин скрытый представитель «социального направления». Всю проанализированную нами «аргументацию» Бессонова можно свести к следующим трем положениям. Для социального направления характерно: 1) противопоставление материального социальному, 2) определение политической экономии, как науки, изучающей капиталиетические производственные отношения, 3) подчеркивание теории товарного фетишизма. Рубин же—по Бессонову—потому и является одним из представителей этой школы, что его концепция целиком построена на этих принципах. Правильно ли Бессонов интерпретирует «социальное направление»? Правильно ли Бессонов устанавливает водораздел между Марксом и этой буржуазной школой? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы обратимся к анализу двух крупнейших представителей этого течения, Амонна и Петри,—Амонна, как одного из крупнейших методологов, разрабатывающего вопрос о социальных отношениях, Петри, как своеобразного интерпретатора теории стоимости Маркса.

* * *

Амонн, автор «Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie», является одним из крупнейших методологов Запада. Воспитанник австрийской школы, Амонн в своем «Objekt...» стоит, однако, в резкой оппозиции к индивидуалистически-психологическому методу этой школы. Впрочем, Амонн, этот наиболее яркий представитель «социального» направления, в целом ряде вопросов близок к австрийцам.

Свое учение об об'екте политической экономии Амонн строит на разграничении «об'екта опыта» и «об'екта познания», взятом им у Риккерта, Виндельбанда и Менгера. Амонн сам указывает, что, в интересах правильной постановки проблемы об'екта политической экономии, он провел, в духе новейших логических исследований об отношении между действительностью и наукой, коренное разграничение между об'ектом опыта и об'ектом познания. Теоретическая экономия, по Амонну, как наука эмпирическая, опирается на факты. «Об'ект опыта» (Erfahrungsobjekt), непосредственно данная действительность, охвачен потоком непрерывного изменения и выступает перед суб'ектом как нечто единичное и преходящее. Уже обыденное мышление занимается упорядочением бесконечного многообразия мира опыта. Оно строит «мыслительный об'ект», который представляет собой комплекс известного числа признаков, полученных в результате отбора из безграничного многообразия непосредственного опыта. Однако деятельность обыденного мышления носит произвольный, суб'ективный характер, диктуемый постоянно меняющимися практическими целями. Не то научное мышление. Научное мышление, подобно обыденному, является также односторонним и произвольным, так как оно в эмпирическом об'екте в состоянии «логически овладеть» лишь его различными отдельными сторонами. Однако научное мышление,—отличающееся определенностью принципов, логической планомерностью и сознательностью ставящихся целей,— конструирует об'ект познания целесообразно и сознательно.

Далее Амонн делит науки на теоретические и исторические. Это деление исходит из двоякого рода целей, которые может ставить себе наука. Либо она может интересоваться описанием фактов, особенным и индивидуальным, либо ее может интересовать общее, повторяемое, законы явлений. Отсюда—различие в логической структуре об'екта познания, в первом случае—познание общего, во втором—познание индивидуального. Это разграничение познавательных целей отражается и на логической форме изложения: теоретические науки стремятся к образованию понятий с общей значимостью, большого об'ема и малого содержания (родовые понятия), исторические науки—понятий с индивидуальной значимостью, малого об'ема и большого содержания (индивидуальные понятия). Одному и тому же об'екту опыта могут соответствовать и теоретический и исторический об'екты познания. «Народное хозяйство» также может быть об'ектом как теоретического, так и исторического познания. Однако следует различать «народное хозяйство», как об'ект опыта, когда хозяйственные явления выступают во всей своей конкретности и непосредственной данности, от «народного хозяйства», как об'екта познания. Таковы те методологические принципы, которые выдвигает Амонн как необходимые предпосылки для научного исследования проблемы об'екта в политической экономии.

В своем учении об «об'екте опыта» и «об'екте познания» Амонн устанавливает принципиальное различие между ними, которое является другой формулировкой обычного для кантианства разрыва между сущностью и явлением, между об'ектом и суб'ектом. Амонн говорит: «Предмет обыденного мышления и предмет опыта остаются принципиально чем-то различным, так как интенсивное и экстенсивное многообразие всего опыта никогда не могут быть отображены в мышлении (Риккерт) (Amonn, «Objekt...», S. 22). Если снять неокантианский наряд, в который облачены рассуждения Амонна об об'екте познания и об'екте опыта, то они для марксистов вовсе не являются новыми. По Марксу, если бы сущность вещей и их проявление совпадали, то всякая наука была бы излишня. Проявление вещей, непосредственное конкретное—представляет собой «наполненный мир», совокупность существований. К непосредственно данным фактам применяется абстрактный метод, чтобы познать внутренние имманентные законы непосредственного конкретного. «Мыслить мир явлений—существенно изменять его непосредственную форму и извлекать то, что в нем есть всеобщего» (Гегель), аналитическая работа мысли заключается в том, что она разлагает сложный об'ект, который дан ей, подобно тому, как «снимают слои с луковицы», абстрактный анализ разобщает и упрощает определения конкретного и, таким образом, отвлекаясь от случайных, несущественных определений, возвышается к всеобщему, к закону. Обратным синтетическим путем Маркс переходит от абстрактного к конкретному, но уже к такому конкретному, которое является единством в многообразии, сведенным к единству множеством определений.

Разрыв между об'ектом познания и об'ектом опыта у Амонна выступает в совершенно обнаженной форме в его применении этого разграничения к хозяйственным явлениям. Для определения об'екта политической экономии Амонн обращается к анализу основной группы проблем, без которых немыслима теоретическая экономия и которые не сходят со сцены этой науки, несмотря на многообразие различных систем и направлений. Свою задачу Амонн видит в том, чтобы выделить те логические предпосылки, на основе которых эти проблемы возникают и только могут возникать в их характерном для науки своеобразии. Этими проблемами являются—цена, заработная плата, рента, деньги и т. д. И вот Амонн ставит следующий вопрос.

«Являются ли цены, заработная плата, процент, рента и т. д. предметом рассмотрения политической экономии только в той их особенной форме, в которой они выступают, когда речь идет о производстве материальных благ и об обмене ими; или, наоборот, — не интересует ли политическую экономию в первую голову их общий социальный вид, а форма материального производства и обмена значения не имеет?» (Amonn, «Objekt...», S. 175).

На поставленный вопрос Амонн дает четкий, определенный ответ. «...Проблемы в таком их виде, в каком они всегда фактически ставились политической экономией, и те научные положения, которые высказывались в качестве их решений, никогда не имели ограниченного, в первом случае, харак-

тера, необходимо предполагая в данном случае вторую, более общую форму. Эти проблемы составляют теоретическое единство не вследствие своего хозяйственного характера, каким бы способом его ни определять, но в виду своей общей, существенной для них социальной природы. Последнюю нельзя устранить, не уничтожая самой проблемы, тогда как от первого свойства (внешней связи с производством и обменом материальных благ или с хозяйственным принципом), мы можем спокойно отвлечься, не боясь уничтожить тем самым самой проблемы. Вовсе не особенности их эмпирической формы явлений, возникающих при производстве и обмене материальных благ, интересуют политическую экономию в первую голову, но их социальные формы в совершенно общем и независящем от первых виде» (Amonn, «Objekt...», S. 176). Таким образом, по Амонну проблемы теоретической экономии не связаны с процессом производства. Эти проблемы составляют теоретическое единство не вследствие своего хозяйственного характера, каким бы способом его ни определять, но в виду своей общей для них формальной социальной природы. Основным признаком социального Амонн считает взаимообусловленность индивидуальных воль отдельных лиц. Амонн говорит, что его не интересует метафизическая сущность «общественного» или умозрительного «понятия общества»—«дело идет о взаимной обусловленности индивидуального поведения, о зависимости индивидуальной воли и поведения от воль и поведения других индивидуумов» ((Amonn, «Objekt...», S. 177). И далее: «Поскольку воля и поведение индивидуумов представляются мотивированными и обусловленными исключительно их психологическим и естественно-техническим отношением к вещи, постольку мы уже не можем говорить о социальном отношении; в качестве социального мы можем признать лишь определение воли и поведение одного индивидуума волей и поведением других индивидуумов» (Amonn, «Objekt...», S. 178). Характерную задачу всех социальных наук, в том числе, конечно, и теоретической политической экономии, Амонн видит в формулировке в виде законов правильностей, свойственных социальным явлениям. «...Социальные отношения, или их социально-обусловленные закономерности и правильности, составляют предмет теоретических социальных наук (Amonn, «Objekt...», S. 178). Таково предварительное определение об'екта политической экономии у Амонна.

Как Амонн уточняет это определение, какие промежуточные звенья Амонн вводит в свой анализ,— об этом будет речь итти впереди. Но уже сейчас со всей очевидностью вырисовываются перед нами характерные особенности системы Амонна, ничего общего с марксизмом не имеющей.

Мы видели, что для Амонна характерен резкий разрыв между об'ектом опыта и об'ектом познания, или, в терминах Маркса, между конкретным и абстрактным. Этот разрыв, намеченный в общеметодологических его рассуждениях выступает в совершенно обнаженной, незадрапированной форме, когда он разграничения между об'ектом опыта и об'ектом познания применяет к миру хозяйственных явлений. Об'ект опыта—мир хозяйственных явлений, об'ект познания—социальные отношения, не находящиеся в логической и необходимой связи с процессом производства. Далее, как мы видели, Амонн определяет социальные явления, как взаимные отношения несколько волеиз'являющих и действующих индивидуумов. Таким образом, Амонн дает формальное определение социального, отрывает его от производства. По Марксу же производственные отношения и производительные силы являются единством различий. «Производство жизни,—говорит К. Маркс,—как собственной путем труда, так и чужой путем рождения, является в качестве двоякого отношения, с одной стороны, в качестве естественного, а с другой в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что под этим понимается сотрудничество нескольких индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели» («Архив...», кн. 1). В «Нищете философии» Маркс говорит: «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свои способы производства, способы обеспечения своей жизни—они изменяют все свои общественные отношения» (К. Маркс, «Нищета философии»). Этот формальный характер определения социального явления и отсутствие у Амонна категории производственных отношений выступает и в его трактовке «индивидуалистических отношений обмена», которые являются дальнейшим звеном в его определении об'екта теоретической экономии. Мы видели, что Амонн дал определение теоретической экономии, как науки социальной. Однако Амонн не хочет, подобно Шпанну, строить идеальную систему социальных отношений, он желает оставаться на почве того круга проблем теоретической экономии, который исторически сложился. В целях своего дальнейшего анализа Амонн выдвигает категорию—«индивидуалистические отношения обмена», которые по Амонну связаны с явлением цены. Предпосылкой этих меновых отношений является, по Амонну, определенный общественный строй. И на этой ступени своего анализа Амонн строит формальное меновое отношение, которое не находится в необходимой логической связи с процессом производства. Организацию социального общения, являющуюся предпосылкой социальных отношений, Амонн характеризует следующими четырьмя моментами: 1) признание исключительной власти индивида распоряжаться внешними об'ектами (предпосылка обмена); 2) признание свободного обмена этой власти (цель обмена); 3) свобода определять пропорции обмениваемых об'ектов (цены); 4) признание всеобщего мерила стоимости (как условия сравнения меновых актов) (стр. 194). Хотя организация социального общения характеризуется по Амонну указанными четырьмя признаками и не совпадает с конкретным правовым порядком, хотя Амонн неоднократно заявляет, что для его исследования не имеет существенного значения то обстоятельство, что определенный порядок социального общения выражается в конкретной правовой форме,—однако Амонн под своей индивидуалистической организацией общения понимает совокупность фактически существующих правовых норм.

В статье «Gegenwartsaufgaben der Nationalökonomie» Амонн пишет: «Полагаю, в «Objekt und Grundbegriffe» я достаточно ясно сказал, что я существенной чертой социального феномена считаю обусловленность взаимных отношений многих людей общей или равной нормой, а в применении к обществу обусловленность системой норм или «организацией», и я также ясно указал, какую форму организации я имею в виду, определяя об'ект политической экономии» (S. 505). В «Objekt...», напр., мы читаем: «Понятие индивидуалистической меновой организации в теоретической экономии является достаточно привычным, но оно никогда не было точно и отчетливо формулировано. При этом обычно думали о вполне определенном, конкретном, исторически данном осуществлении этой общей меновой организации, т.-е. о ее наиболее бросающейся в глаза форме явления (ausgeprägste Erscheinungsform), которая покоится на частной собственности. Как мы показали, общая сущность этой организации может существовать и независимо от института частной собственности, и это действительно имеет место, а по отношению к так называемым нематериальным благам, мы всегда имеем такой случай» (Amonn, Objekt..., S. 214). Это определение организации социального общения, как совокупности правовых норм, целиком вытекает из того понимания социального в духе Штаммлера, которое свойственно Амонну. Мы уже приводили его формальное определение социальных отношений, которые складываются в результате взаимной зависимости и обусловленности индивидуальной воли отдельных лиц. В «Objekt...» и в цитированной выше статье Амонн неоднократно заявляет, что эта обусловленность состоит во внешнем порядке социального общения, который имеет либо правовой, либо конвенциальный

характер. То обстоятельство, что социальное явление конституируется внешним регулированием, кроме вышеприведенной цитаты из его статьи, формулируется Амонном чрезвычайно четко следующим образом: «Социальные отношения, с которыми они (проблемы политической экономии. *А. Р.*) связаны, устанавливаются на основе некоторого вполне определенного (позитивного) социального менового порядка или меновой организации и специфические экономические проблемы возникают только при предпосылке этой определенной меновой социальной организации, без каковой они даже немыслимы» (Amnon, Objekt..., S. 185).

Таким образом об'ектом политической экономии, по Амонну, отнюдь не являются производственные отношения, а определенные формы социальных отношений, которые имеют своей предпосылкой определенную организацию социального общения. Последняя же характеризуется Амонном, как совокупность фактически действующих норм.

Таковы основные контуры учения Амонна о предмете политической экономии. Мы видели, что Бессонов дал, в целях доказательства, что Рубин скрытый представитель «социального направления», несколько иную интерпретацию Амонна. По Бессонову, для «социального направления», в том числе, конечно, и для Амонна, характерно: 1) противопоставление материального социальному, 2) определение политической экономии, как науки, изучающей капиталистические производственные отношения, 3) подчеркивание теории товарного фетишизма. О третьем пункте—о теории товарного фетишизма—в данном случае вообще говорить не приходится, ибо у Амонна ни слова нет об этой теории. Что касается второго пункта, то из нашего предыдущего изложения вытекает четкий водораздел между Амонном и Марксом, и, конечно, интерпретатором Маркса, Рубиным. Амонн строит формальное определение социального явления, не находящегося в необходимой и логической связи с процессом производства. Конституирующим признаком социального явления Амонн, подобно Штамммлеру, об'являет внешнее регулирование, у Маркса же социальные отношения тесно связаны с производительными силами. Амонн говорит об организации социального общения, как системе норм, Маркс говорит о совокупности производственных отношений, об экономической структуре общества.

Со всей определенностью мы можем констатировать, что водораздел между Амонном и Марксом заключается вовсе не в том, как это представляет себе Бессонов, что Амонн говорит о производственных отношениях, а Маркс о взаимодействии производственных отношений с производительными силами. Линия разграничения между Марксом и Амонном идет в другой плоскости: Амонн не знает категории производственных отношений, для Амонна не существует экономической структуры общества, как совокупности производственных отношений. В этом гвоздь вопроса. В этом резкая демаркационная линия между Марксом и Амонном.

Что общего является в учении Амонна об «об'екте познания» и «об'екте опыта» с следующими рассуждениями Рубина: «Конечная цель науки заключается в том, чтобы понять капиталистическое хозяйство, как единство или известную систему производительных сил и производственных отношений людей. Но, чтобы притти к этой конечной цели, наука должна предварительно при помощи абстракции выделить в едином капиталистическом хозяйстве две различных его стороны: техническую и социально-экономическую, материально-технический процесс производства и его общественную форму, материальные производительные силы и общественные производственные отношения людей. Каждая из этих двух сторон единого процесса хозяйства является предметом особой науки» (Очерки..., стр. 10). Казалось бы, ничего. Напомним, что Рубин пишет далее: «...Хотя политическая экономия изучает производственные отношения людей, но она всегда предполагает неразрывную

связь их с материально-техническим процессом производства и имеет предпосылкой своего исследования определенное состояние и процесс развития материальных производительных сил» («Очерки...», стр. 10).

Однако А. Кон думает иначе. Приведенные нами цитаты из Рубина он сопоставляет со следующей цитатой из Амонна. Амонн пишет: «Научное мышление, как и всякое мышление, логически овладевая эмпирическим об'ектом,—в состоянии усматривать в нем лишь различные отдельные «стороны», закрывая глаза на все остальные, чтобы последние не служили помехой в предпринимаемом изолированном исследовании», «из многообразия непосредственно данного в опыте выделяется элемент или ряд элементов, одинаковых и связанных между собой для определенного мышления. Будучи выделены из связи, в которой они только и могут быть даны в опыте, эти элементы становятся сами по себе предметом. Начиная с этого момента, научное мышление имеет дело не с об'ектом опыта, не непосредственно с данной сложной действительностью, но с целесообразно созданным им об'ектом познания». Сопоставляя приведенные нами цитаты из Рубина и Амонна, А. Кон приходит к выводу, что между Рубиным и Амонном нет разницы, что Рубин целиком стоит на позициях методологии «социального направления».

В своем выступлении в ИКП А. Кон говорил: «Я обвиняю Рубина в том, что он, подобно Амонну и другим представителям социально-органической мысли, строит «об'ект исследования», что предметом политической экономии является для него не реальная действительность, а «целесообразно созданный мышлением об'ект познания». Я обвиняю Рубина в том, что он, как и другие представители социально-органического направления, разрывает данный в действительности об'ект на две стороны, отрывает одну сторону от другой и таким образом разрывает связи, об'единяющие эти две стороны в единство, уничтожает ту область, ту сферу, в которой только и может возникнуть противоречие между двумя сторонами противоположности. Они разрывают эти две стороны и рассматривают каждую в отдельности, упраздняя таким образом самую возможность понять противоречия, которые неизбежно возникают в развитии между производительными силами и производственными отношениями». Еще более четко сформулировал эту мысль А. Кон в своей рецензии на «Очерки», напечатанной в «Правде». «Сознается в этом Рубин или нет,—пишет А. Кон,—но фактически он различает вслед за Амонном, Шпанном и др. представителями социально-психологической школы об'ект познания от об'екта опыта, при чем об'ектом опыта является для него производство как единство материальных и социальных элементов, об'ектом же познания—«социальная сторона» этого производства. Только такое предположение об'ясняет нам, почему у Рубина об'ект исследования меняет свои свойства в зависимости от точки зрения, с которой мы его рассматриваем».

Рубин говорит о том, что при помощи абстракции выделяются различные стороны единого капиталистического хозяйства, две стороны: техническая и социальная; Амонн говорит о том, что мышление, логически овладевая предметом,—усматривает в нем, в целях исследования, лишь различные стороны. На этом аналогия прекращается. Само по себе сопоставление приведенных цитат едва ли можно считать правомерным, так как Амонн, в согласии с неокантианцами, разрывает между «об'ектом опыта» и «об'ектом познания», в то время, как у Рубина в согласии с Марксом между «об'ектом опыта» и «об'ектом познания», точнее между абстрактным и конкретным, нет принципиального различия.

Далее. Кон, как мы видели, полагает, что у Рубина предметом политической экономии является не реальная действительность, а целесообразно-созданный мышлением об'ект познания. Рубин говорит—политическая экономия изучает производственные отношения людей, Рубин говорит—полити-

ческая экономия предполагает всегда неразрывную связь производственных отношений с производительными силами. Но ведь все это не реальная действительность, — восклицает Кон, — все это целесообразно-созданный мышлением об'ект познания! Таким образом, по Кону, категория производственных отношений не представляет собой «реальной действительности». Здесь мы имеем подлинную механистическую сущность воззрений этого экономиста. Абстракции не реальны, абстракции не действительны. Но оставим в стороне эти методологические тонкости, которые А. Коном обычно третируются, как схоластика. Если мы даже примем терминологию Амонна, можно ли ставить знак равенства между об'ектом познания Амонна и Рубина? У Амонна об'ект познания—социальные отношения, имеющие формальный характер, конститутивным признаком которых является внешнее регулирование, социальные отношения, не связанные с процессом производства,—Рубин же, в согласии с Марксом, говорит о производственных отношениях товарно-капиталистического общества, в понятие которых включено их взаимодействие с производственными силами. Таким образом, и у А. Кона мы встречаемся с той же интерпретацией «социального направления», которую мы имели у Бессонова, правда, с интерпретацией в окружении явно-механистической методологии.

Из приведенных цитат вытекает следующее понимание «социального направления» у А. Кона: 1) наличие у его представителей категории производительных сил, 2) наличие также категории производственных отношений, 3) об'ект познания «социального направления»—социальная сторона производства. Стоит ли говорить о том, что вся эта своеобразная интерпретация «социального направления» высосана А. Коном буквально из пальца. Ничего общего, ни тени сходства. Отсюда вся безнадежность попытки отождествления взглядов Амонна и Рубина. Попытка превратить Рубина в представителя социального направления, ввиду своей нелепости и бессмысленности, представляет собой явно покушение с негодными средствами.

* * *

Перейдем к анализу воззрений другого представителя «социального направления»—Петри. Если Амонн почти не знаком с Марксом, если Амонн является автором самостоятельной системы, то Петри в своей небольшой работе «Социальное содержание марксовой теории стоимости» выступает перед нами как своеобразный и оригинальный интерпретатор и критик Маркса в духе неокантианства, той философской школы, которая является методологическим арсеналом всего «социального направления». Для наших целей Петри представляет тем более значительный интерес, что Петри, подобно Рубину, является комментатором Маркса. Бессонов, выдвинувший тезис о тождестве или, по крайней мере, сходстве взглядов Рубина и представителей социального направления, имел в своем распоряжении весьма благодарный материал,—две работы: «Очерки...» и «Социальное содержание...», посвященные разработке одной и той же проблемы. Бессонов должен был бы строить свои выводы на сравнительном анализе этих работ. Однако такой способ доказательства оказался для Бессонова неприемлемым, он избрал, как мы видели, иные пути,—мимоходом брошенные не аргументированные высказывания, бездоказательные, выхваченные из общего контекста цитаты из Амонна и др., к тому же приведенные не по первоисточникам. Обратимся, однако, к Петри. Действительно ли Рубин, как это пишет Бессонов, повторяет взгляды этого экономиста?

Методу Маркса, утверждает Петри, присущ неприкрытый дуализм об'ясни-тельно-каузального способа исследования и способа исследования, направленного на смысл и понимание общественных отношений. «Основное противоречие, господствующее в системе Маркса, — говорит Петри, — и делающее вообще невозможным ее целостное понимание, заключается в неестественном сочетании тех мотивов мышления, которые унаследованы им от философии духа Гегеля, с материалистическими и естественно-научными устремлениями мысли, которые были навязаны Марксу скорее политическими и агитационными соображениями, нежели чистой волей к познанию. Plenge в своей книге «Marx und Hegel» показал, что весь поворот Маркса от Гегеля к коммунизму и материализму был весьма поверхностным; поэтому чуть ли не во всей теории Маркса,—и в построении его философии истории, и в монистическом характере его этики—влияние мыслей Гегеля продолжало оставаться настолько сильным, что подчеркивание основ материализма и якобы естественно-научных методов исследования следует рассматривать лишь как внешность, при чем такую внешность, которая могла оказать влияние больше на терминологию и внешнюю форму, чем на действительное содержание его учения» (Стр. 20). Этот методологический дуализм, пронизывающий всю систему Маркса, присущ также и его экономической теории, в частности теории стоимости. «...В теории стоимости,—говорит Петри,—ведут борьбу, с одной стороны, естественно-научный метод, воспринятый от Рикардо как дальнейшее развитие его мыслей, метод, который сводится к причинному—в смысле естественных законов—о б'я с н е н и ю явлений цены и стоимости, а с другой—стоящая в противоречии к Рикардо культурно-научная тенденция, которая стремится анализировать явления цены и стоимости в их социальном содержании и тем самым внести в исследование «общественную» точку зрения» (Стр. 20).

Итак, Петри противопоставляет «каузальный способ исследования» «культурно-научной тенденции». Если суммировать все высказывания Петри, разбросанные в виде отдельных замечаний по всей его книге, то со всей очевидностью вырисовывается то обстоятельство, что Петри является сторонником риккертовского деления «наук о природе» и «наук о культуре». Риккерт говорит: «...Только благодаря принципу ценности становится возможным отличить культурные процессы от явлений природы с точки зрения их научного рассмотрения. Только благодаря ему, а не из особого вида действительности, становится понятным—отличающееся от содержания общих естественных понятий (Naturbegriff) содержание индивидуальных, как мы теперь можем сказать, «культурных понятий» (Kulturbegriffe) и для того, чтобы яснее выявить все своеобразие этого различия, мы вполне определенно назовем теперь исторически-индивидуализирующий метод методом о т н е с е н и я к ц е н н о с т и,—в противоположность естествознанию, устанавливающему закономерные связи и игнорирующему культурные ценности и отнесение к ним своих об'ектов» (Генрих Риккерт, Науки о природе и науки о культуре, перевод С. О. Гессена, 1911 г., стр. 127). Интересно приведенную цитату из Риккерта сопоставить со следующим местом из работы Петри, где сравнивается теория Маркса с теорией предельной полезности. «Теория предельной полезности,—пишет Петри,—сводит действительность явлений обмена только к их простому существованию—и ее задача исчерпывается поэтому п р о с т ы м о б'я с н е н и е м этих явлений, которые во всяком отношении мыслятся как лишенные какого-либо значения с точки зрения стоимости (wertfrei), в этом смысле эти явления обмена понимаются как явления, связанные зависимостью естественного порядка. Ч т о к а с а е т с я М а р к с а, т о о н с т р е м и т с я в о с п р и н я т ь т е ж е с а м ы е я в л е н и я о б м е н а в и х к у л ь т у р н о м з н а ч е н и и, п о с к о л ь к у о н п у т е м о т н е с е н и я к к о н с т р у и р о в а н н о й и м с о ц и а л ь н о й ц е н н о с т и стремится в ы я в и т ь в я в л е н и я х о б м е н а с о ц и а л ь н о е з н а ч и м о е и т е м с а м ы м п о н я т ь и х в э т о м с м ы с л е» (Стр. 88. Курсив наш. *А. Р.*).

Указанное культурно-научное содержание и является, по Петри, тем новым и своеобразным, что характеризует теорию стоимости Маркса. Петри не ставит себе целью представить всю теорию стоимости Маркса,—свою задачу он сводит к анализу метода Маркса, как критического или социального.

Предпосылкой теории стоимости Петри считает определенное понятие общества у Маркса. Петри различает между «общественными отношениями производства и «чисто-техническим процессом труда». Под «общественным отношением производства» Петри понимает «особое социальное отношение, которое возникает между людьми, участвующими в основанном на разделении труда процессе производства, благодаря реально правовому распределению технических условий процесса труда» (Стр. 28 [1]). Петри различает также между «общественными отношениями производства» и «правовыми отношениями». То, что Маркс называет общественными отношениями производства,—утверждает Петри,—представляет собой «фактическое право», которое развивается в границах абстрактного правового порядка. «...В буржуазном обществе, основанном на свободной конкуренции, правовые и общественные производственные отношения не совпадают; эти понятия выражают одно и то же общественное явление, но взятое в различных аспектах. В первом случае оно берется, как частный случай применения абстрактных норм, во втором как конкретное правовое отношение, как определенное установленное игрой частных интересов социальное отношение» (Стр. 33. Курсив Петри).

Однако это «особое социальное отношение» Петри понимает как идеальное отношение, а не как «реальное отношение зависимости». «...В формальном смысле,—пишет Петри,—общественные отношения производства суть отношения между людьми, которые относятся друг к другу не как об'екты, а как свободные целеполагающие суб'екты. Тем самым в общественных отношениях производства находят свое выражение не реально-причинные отношения вещей или людей, как об'ектов внешнего мира, а идеальные отношения людей, как суб'ектов, т.-е. известное взаимное ограничение и отношение их свободных сфер деятельности по отношению друг к другу. Общественное отношение производства с формальной стороны следует мыслить по типу правового отношения, а не реального отношения зависимости» (Стр. 27). В отличие от Амонна Петри отнюдь не утверждает, что общественные отношения производства не находятся в необходимой и логической связи с процессом производства. «Техника остается последним определяющим фактором,—говорит Петри,—с развитием которой связано развитие общества и развитие общественных отношений производства, поскольку при этом речь идет о «необходимых, от воли людей не зависимых» производственных отношениях. Однако следует строго отличать самые производственные отношения, как определенные формы общественной жизни от их технической основы; как социальные категории они включают определенные правовые отношения. Но и в этом раз'ясненном смысле они опять-таки резко отличаются от правовых отношений в узком смысле, от тех выступающих в сознании общества и регулирующих хозяйство норм права, которые увязываются в некоторую систему права» (Стр. 34).

Петри отмежевывается таким образом от Штаммлера, выдвигая фактическое содержание правового отношения, отрицая роль права, как фактора, формирующего общества,—в то время, как для Штаммлера первичным является правовая норма. Итак, в отличие от Амонна Петри не отрицает необходимой и логической связи общественных отношений производства с хозяйственной деятельностью, в отличие от Штаммлера Петри под общественным отношением производства понимает не правовую норму, а фактическое правовое отношение. Этими двумя особенностями своего понимания «общественных отношений производства» Петри приближается к Марксу. Приведенные выше цитаты из Петри указывают, однако, на водораздел, который отделяет Петри от Маркса. Петри говорит об идеальных отношениях свободных целеполагающих суб'ектов, т.-е. о противопоставлении человеческих личностей вообще в духе кантовского постулата о равенстве человеческих личностей как самоцелей. Взгляд Петри на производственные отношения, как на идеальные отношения, является другой стороной его понимания социального вообще. Социальный элемент,—говорит Петри,—«имеет для Маркса значение не об'ективного признака определенного класса предметов, но определенного методологического исходного пункта—социальной науки вообще» (Стр. 24). У Маркса же речь идет не об идеальных отношениях целеполагающих суб'ектов, а о производственных отношениях, как реальной форме имущественных отношений. И для Маркса действенными силами в обществе являются отдельные люди, однако это не человек вообще, а общественный человек, неотделимый элемент некоторого производящего коллектива. Как говорит Маркс, человек есть не просто животное общительное (geselliges Tier), но животное общественное (gesellschaftliches Tier), которое только в обществе и может обособляться как самостоятельная личность.

[1]) Курсив Петри.

Если Амонн строит формальное определение социального не находящегося в логической и необходимой связи с процессом производства, — то с точки зрения Петри дело обстоит иначе: общественные отношения производства, являющиеся идеальными отношениями, связаны с техникой.

Ни с точкой зрения Амонна, ни с точкой зрения Петри — взгляд Рубина, в согласии с взглядом Маркса, ничего общего не имеет. По Рубину, «политическая экономия изучает производственные отношения людей, но она всегда предполагает неразрывную связь их с материально-техническим процессом производства и имеет предпосылкой своего исследования определенное состояние и процесс развития материальных производительных сил» («Очерки...», стр. 10). Амонн говорит о социальных отношениях, не находящихся в необходимой связи с процессом производства, Рубин говорит о производственных отношениях, находящихся в неразрывной связи с материально-техническим процессом производства. Петри говорит об идеальных отношениях целеполагающих суб'ектов, находящихся в связи с техникой, Рубин говорит об об'ективно-существующих, реальных производственных отношениях, находящихся во взаимодействии с производительными силами общества. Вот правильная демаркационная линия между Марксом и его комментатором Рубиным и «социальным направлением» в лице Амонна и Петри. Точка же зрения Бессонова, что как у Амонна, так и у Петри мы имеем категорию производственных отношений и что, следовательно, как вывод из этого тезиса, Рубин,—«скрытый» представитель «социального направления», — является, как явствует из всего изложенного, плодом досужей фантазии этого экономиста.

Черты резкого различия между Рубиным и Петри выступают еще с большей очевидностью, когда мы переходим к анализу их трактовок теории товарного фетишизма и теории стоимости. «...В категориях политической экономии, — говорит Петри, — Маркс видит выражение общественных отношений производства. Последние по своей формальной структуре представляются социальными отношениями людей, как суб'ектов права, но материально они отличаются от правовых отношений, как частных случаев применения регулирующих общество абстрактных правовых норм. Тем самым мы ухватываем тот элемент, который позволяет нам проникнуть в структуру марксова понятия стоимости, ибо понятие стоимости представляет лишь одно, — правда, важнейшее, — применение этих общих основных методологических положений» (Стр. 35—36 [1]). Маркс стремится «извлечь скрытую под

[1]) Курсив наш. *А. Р.*

внешними формами конкуренции форму организации человеческого труда» (стр. 52), «...основной принцип исследования экономических отношений заключается в том, чтобы уяснить себе «фактические правовые отношения», проявляющиеся и осуществляющиеся в рамках правового сознания общества посредством игры частных интересов, т.-е. уяснить себе эти возникшие в процессе обмена конкретные социальные отношения...» (Стр. 40). Понятие стоимости и является орудием анализа этих социальных отношений. «...Стремление Маркса,—говорит Петри,—сводится к тому, чтобы в понятии стоимости приобрести некую социологическую категорию, некое орудие анализа общественных отношений» (Стр. 51). Цель понятия стоимости — «анализ социальной структуры капиталистического хозяйства» (стр. 44), ибо — «общественные отношения, в которые люди вступают в процессе материального производства, скрываются за вещными отношениями в обмене конкретных потребительных стоимостей и могут быть вскрыты только путем анализа имманентных трудовых отношений» (Стр. 40). Таким образом, по Петри, меновое отношение потребительных стоимостей имеет вещный характер. Маркс, полагает Петри, в отличие от классиков, ориентируется «на меновую стоимость, вскрывая общественные отношения, скрытые под этими вещными отношениями» (Стр. 43).

Меновая стоимость, по Петри, вещная категория, конкретная меновая пропорция. Стоимость же в отличие от меновой стоимости является чисто-познавательной категорией, «в... понятии стоимости только резюмируются, — утверждает Петри, — так сказать, априорные условия, которые указывают направление для некоторой «общественной» трактовки проблемы меновой стоимости...» (стр. 50). Итак меновая стоимость имеет вещный характер. И вот Петри ставит следующий вопрос: «...Каким образом меновое отношение, которое представляется количественным отношением вещей между собой, можно представить в качестве общественного производственного отношения, отношения между людьми?» (Стр. 39). Только априорность принципа труда как меры стоимости позволяет под вещным меновым отношением вскрыть общественное производственное отношение.

Человеческий труд — источник стоимости (Стр. 27), принцип труда как меры стоимости (стр. 39), труд как принцип стоимости (стр. 40), только одно свойство товара делает возможным признать его носителем и выразителем общественных отношений, и это то его свойство, что он продукт труда, ибо как таковой мы рассматриваем товар не с точки зрения потребления, а с точки зрения производства, как овеществленную человеческую деятельность, судьба которой в ходе сложного процесса обращения является поэтому и судьбой, стоящей за ним, поглощенной им в процессе производства человеческой личности (стр. 40), труд средство общественного анализа меновой стоимости (стр. 43), труд как посредствующее звено, посредством которого идеальные отношения трудовых личностей превращаются в вещные отношения товарного мира (стр. 51) — вот гамма высказываний Петри о труде. Об идеалистической интерпретации категории стоимости, о том, как Петри понимает категорию абстрактного труда, как результат своеобразного понимания труда вообще, — об этом у нас будет речь впереди. Отметим лишь, что приведенные формулировки яснее ясного демонстрируют идеалистическую точку зрения Петри на категорию труда. Об этом говорит, однако, и сам Петри. Априорность принципа труда, как меры стоимости, по Петри, «и есть та своеобразная постановка, которая в философских построениях немецкого идеализма признается за человеком как волевым субъектом в противоположность предметной природе...» (Стр. 39). «...Учение Маркса о фетишизме экономических категорий и вытекающее из него возрождение теории трудовой стоимости имеет в конечном счете своим крестным отцом Канта, ибо предпосылкой этого учения Маркса является учение

Канта о примате практического разума, согласно которому человек и человеческие отношения противопоставляются всей остальной природе в силу особого, совершенно отличного акцента ценности (Wertakzent). В своем экономическом применении учение Канта, опосредствованное долгим историческим процессом, в особенности же Гегелем, снова появляется на свет в том постулате Маркса, что за вещными отношениями товарного обращения должны быть вскрыты идеальные социальные отношения» (Стр. 42).

Можно ли ставить знак равенства между учением товарного фетишизма у Петри и у Рубина? Непредубежденный читатель ответит:—ничего общего, ни тени сходства. Мы уже отмечали, что Петри говорит об общественных отношениях производства, имеющих идеальный характер. Рубин — об об'ективно существующих производственных отношениях, находящихся во взаимодействии с производительными силами. Принципиальное отличие между теорией товарного фетишизма у Рубина и Петри заключается в том, что если у первого эта теория тесно связана с диалектикой производственных отношений и производительных сил, то у второго она построена на кантовском примате практического разума.

Как Рубин обосновывает «привилегированное» положение, которое отводится марксовой теорией стоимости труду? «Противники марксовой теории стоимости, — пишет Рубин, — особенно возражают против «привилегированного» положения, которое отводится этой теорией труду. Они приводят длинный ряд факторов и условий, изменение которых сопровождается изменением в движении цен товаров на рынке и спрашивают, на каком основании труд выделяется из этого ряда и ставится на особое место. На это приходится ответить, что в теории стоимости речь идет не о труде, как техническом факторе производства, а о трудовой деятельности людей, как основе жизни общества, и о тех социальных формах, в которых этот труд организован. Без анализа производственно-трудовых отношений общества нет политической экономии; а анализ этот показывает, что в товарном хозяйстве производственно-трудовая связь между товаропроизводителями не может выражаться иначе, как в вещной форме стоимости продуктов труда» («Очерки...», стр. 93—94 [1]). Петри говорит о кантовском примате практического разума, Рубин говорит о трудовой деятельности людей, как основе жизни общества и о социальных формах организации труда; Петри говорит об исключительно ценностном акценте, который философский идеализм придает волящему суб'екту, в противоположность материальной природе, — Рубин говорит о воздействии трудовой деятельности одних товаропроизводителей на трудовую деятельность других... Путь Петри — путь аналитический. Он исходит из меновых отношений и приходит посредством труда, как меры социальных отношений к целеполагающему суб'екту, к человеческой личности. Рубин, в согласии с Марксом, берет за исходный пункт трудовую деятельность товаропроизводителей и показывает, почему в товарном обществе она принимает форму стоимости. В этом и заключается своеобразие марксовой теории товарного фетишизма. Большой заслугой автора «Очерков...» является блестящее обоснование положения, для многих комментаторов неясное, что — «Маркс показал не только то, что под отношениями вещей скрываются производственные отношения людей, но что, обратно, в товарном хозяйстве общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и не могут проявляться иначе, как через посредство вещей» («Очерки...», стр. 14). Теория товарного фетишизма Петри имеет только внешнее сходство с отдельными формулировками Маркса и его комментатора Рубина, однако она у него насквозь идеалистична, ибо ее предпосылкой является идеалистическая интер-

[1]) Курсив наш. *А. Р.*

претация учения Маркса об обществе, — ибо ее предпосылкой является попытка представить материалистическую диалектику Маркса как разновидность неокантианства в духе Риккерта. Петри — метафизик-идеалист, Рубин — материалист-диалектик, — вот истинный водораздел между этими экономистами. Попытка Бессонова поставить знак равенства между концепциями Петри и Рубина, — говорит только о «своеобразном» преломлении в его сознании экономической системы Маркса, преломлении однако далеко не в духе марксизма.

В тесной связи с идеалистической интерпретацией труда вообще находится и взгляд Петри на абстрактный или на абстрактно-всеобщий труд. При интерпретации понятия всеобщего абстрактного труда нужно, — утверждает Петри, — исходить из тех целей, которым должно было служить у Маркса это понятие, — а именно анализ социальной структуры капиталистического хозяйства. «Труд, поскольку он рассматривается только в его технической роли, как создатель потребительных стоимостей, — говорит Петри, — выступает лишь в качестве одного из координированных факторов продукта труда на ряду с капиталом, как орудием производства; как сила природы, он сам является только естественной силой человеческого организма. Но совсем под иным углом зрения мы рассматриваем труд и его продукт, поскольку мы его рассматриваем как субстрат общественных отношений производства, как абстрактно-всеобщий труд» (Стр. 44). Таким образом Петри различает конкретный труд и абстрактно-всеобщий труд. Петри полагает, что так как понятие абстрактно-всеобщего труда должно служить целям общественного анализа хозяйства, то оно ничего общего не имеет с теми толкованиями этого понятия, которые относятся только к натуральной стороне труда. «Труд, поскольку он принимает определенные общественные формы, не может быть понимаем как деятельность индивидуальной особи естественного вида «человека», как его физиологическая функция; в этом случае он может рассматриваться только как деятельность человека в качестве члена общества и тем самым суб'екта права. Всеобщность труда — это не естественно-научное родовое понятие, заключающее в себе только общее физиологическое содержание. Наоборот, как абстрактно-всеобщий, а тем самым как общественный, труд частных индивидуумов представляется как выявление деятельности суб'екта права. И подобно тому, как понятие суб'екта права в своей априорной всеобщности безразлично к эмпирическим индивидуальным определениям человека, так и все индивидуальные различия конкретно-полезного труда выпадают из выведенного отсюда понятия абстрактно-всеобщего труда» (Стр. 46). О чем говорят приведенные нами цитаты? Категория абстрактного труда — отнюдь не является теоретическим выражением об'ективных процессов, происходящих в исторически определенной социальной среде. Абстрактный труд, по Петри, чисто-мыслительное образование, чисто-мыслительная категория, которой в реальной жизни ничто не соответствует. Петри различает конкретный труд и абстрактный труд, он правильно подчеркивает некоторые черты, отличающие этот вид труда; конкретный труд связан с материально-техническим процессом производства, абстрактный труд с социальной формой хозяйства. Но в то время, как у Маркса речь идет о едином труде, при чем конкретный труд и абстрактный труд являются различными определениями этого единого труда, если у Маркса абстрактный труд выступает, как результат уравнения различных видов конкретного труда и без конкретного, как и физиологического, труда он не мыслим, — у Петри абстрактный труд живет самостоятельной жизнью, оторванный от конкретного и физиологического труда, вне всякой с ним связи. У Маркса абстрактный труд результат уравнения различных видов конкретного труда, — у Петри абстрактный труд — формальное, абстрактное равенство человеческих личностей. У Маркса категория абстрактного труда, как и все категории, об'ективна, — теоретическое выражение процессов, разыгрывающихся на определенной ступени развития материальных производительных сил, — у Петри абстрактный труд является только мыслительной категорией, конструкцией мыслящего суб'екта, желающего осознать социальный смысл хозяйственных явлений.

У Рубина, в согласии с Марксом, абстрактный труд является одной из сторон единого труда, который представляет собой единство различных определений, как общественный или абстрактный труд и как материально-технический или конкретный труд. «Маркс, — пишет Рубин, — начинает свое исследование с товара, в котором отличает две стороны: материально-техническую и социальную (т.-е. потребительную стоимость и стоимость). Эти же две стороны различает он в труде, содержащемся в товаре. Конкретный и абстрактный труд представляют собой лишь две стороны (материально-техническую и общественную) одного и того же труда, содержащегося в товаре. Общественнная сторона этого труда, образующая стоимость и находящая свое выражение в стоимости, и есть абстрактный труд» («Очерки...», стр. 158).

Для Рубина, в согласии с Марксом и в отличие от Петри, — абстрактный труд есть об'ективная категория. «В марксовой теории стоимости, — говорит Рубин, — превращение конкретного труда в абстрактный не есть мыслительный акт абстрагирования, в целях нахождения общей единицы измерения: это превращение есть жизненное общественное явление. Теоретическим выражением этого общественного явления, — а именно социального уравнения разных видов труда, а не физиологического равенства, — служит категория абстрактного труда» («Очерки...», стр. 160). Рубин, в отличие от Петри, не отрывает абстрактный труд от конкретного труда, абстрактный труд представляет собой уравнение различных видов конкретного труда, затраченных в недрах народного хозяйства. «Абстрактный труд выражает не физиологическое равенство разных видов труда, но социальное уравнение разных видов труда, происходящее в специфической форме уравнения продуктов труда» (Стр. 83 [1]). Количество абстрактного труда определяется, по Рубину, количеством действительно затраченного в процессе материального производства конкретного труда. «...Движущий толчок к изменению всей системы стоимостей, — говорит Рубин, — исходит из материально-технического процесса производства. Развитие производительности труда, изменяя количество абстрактного труда, необходимого для производства, вызывает изменения стоимости продуктов труда, а изменения стоимости последних в свою очередь воздействуют на распределение общественного труда между различными отраслями производства» («Очерки...», стр. 78). Таковы действительные взгляды Рубина на проблему абстрактного труда. Что общего у Рубина с Петри? И Рубин и Петри говорят об абстрактном труде, как о социологической категории, — в этом сходство, и только исключительно в этом. Дальше начинаются резкие, кардинальные расхождения. Для Рубина абстрактный труд об'ективная категория, для Петри — абстрактный труд чисто-мыслительное образование; у Рубина — абстрактный труд общественная связь между отдельными товаропроизводителями, у Петри абстрактный труд формальное абстрактное равенство целеполагающих суб'ектов; у Рубина абстрактный труд с одной стороны находится в зависимости от производительности труда, от материально-технического процесса производства, с другой стороны через стоимость воздействует на распределение труда, — у Петри абстрактный труд ни в какой связи с материально-техническим процессом производства не находится. И в этом решающем пункте, —

[1]) Курсив Рубина.

по вопросу об абстрактном труде, — непредубежденный читатель откажется от какой бы то аналогии Рубина с Петри. А между тем по вопросу об абстрактном труде «критики» Рубина особенно изощрялись в нападках на «отрыв от материального производства», в разговорах о «пустой форме» и т. д.

Венцом концепции Петри является его разграничение между «идеей» стоимости и «законом» стоимости, к анализу которого мы и переходим. С точки зрения Петри стоимость есть исключительно качественная категория. В понятии стоимости, как мы уже видели, Петри видит лишь теоретический принцип отнесения к ценности. «Если Маркс, — говорит Петри, — обозначает товары, рассматриваемые исключительно в качестве продуктов абстрактно-всеобщего труда «стоимостями», то в этом понятии «стоимости» только резюмируются, так сказать, априорные условия, которые указывают направление для некоторой «общественной» трактовки проблемы меновой стоимости, при чем здесь еще не говорится о том количественном отношении, в котором «стоимости» обмениваются друг на друга в той или иной конкретной общественной организации» (Стр. 50).

Реальное распределение доходов, — утверждает Петри, — может об'яснить только конкуренция. Причину изменения цен, распределение стоимости, — по Петри, — следует искать в мотивах хозяйствующих суб'ектов, — отнюдь не в стоимости. «Понимая все... формы дохода как количественно определенные «стоимостные составные части», Маркс стремится под внешним разнообразием форм их проявления и различием оснований, которые об'ясняют их возникновение и их высоту, установить их качественную однородность, как общественных отношений, понять их скрытое под формой цены социальное содержание — определенную историческую форму организации общественного труда. При этом он оставляет совершенно вне поля своего зрения каузальный механизм конкуренции, который осуществляет все это распределение путем процессов ценообразования; Маркс стремится понять этот результат действующих в конкуренции сил в его социальной сущности» (Стр. 53—54).

В другом месте Петри говорит, что Маркс, строя категорию прибавочной стоимости для познания внутренней связи капиталистического производства, — вовсе не стремится к причинному познанию глубинных двигательных сил, приводящих в движение внешнее колесо капиталистической конкуренции, Маркс пытался анализировать конечные результаты капиталистической конкуренции в их социальном содержании. Так интерпретирует Петри рациональную сторону учения Маркса. Однако, как мы уже видели, Петри полагает, что система Маркса дуалистична, что она сочетает в себе две принципиально противоречивых методологических установки, — причинный каузальный метод Рикардо и критический культурно-научный метод немецкого идеализма. Это смешение проявляется в том обстоятельстве, что у Маркса, на ряду с положением, что труд есть показатель меновых отношений, выступает также и другая мысль, что труд есть причина уровня цен. Здесь уже выступает нерациональная схема распределения общественной стоимости. Налицо, полагает Петри, в высшей степени проблематичная экономическая метафизика. В этом понимании схемы распределения «стоимость содержит в себе самой принцип своего движения и распределения..., она, будучи своего рода «автоматическим суб'ектом», обуславливает путем какого-то мистического сверхиндивидуального причинного ряда, протекающего вне сознания отдельных агентов производства, такую форму общественных отношений, по отношению к которой явления конкуренции обладают лишь мнимой независимостью... Общественная причинная обусловленность конкуренции, от которой зависит воля отдельного индивидуума, превращается в надобщественную метафизическую необходимость, от которой зависит конкуренция» (Стр. 68). И с этой точки зрения, полагает Петри в отличие от других критиков Маркса, I том «Капитала» противоречит III тому.

«В III томе, — говорит Петри, — Маркс стремится дать ответ на вопрос, в каких пропорциях распределяется «совокупная стоимость» между различными классами под определяющим влиянием капиталистической конкуренции и какие общественные отношения складываются в силу этого, помимо сознания отдельных индивидуумов, в качестве результата частных стремлений капиталистов. Он исследует процесс ценообразования в условиях капиталистической конкуренции в их социальномсодержании» (Стр. 77 [1]). Таким образом, по Петри, в I томе «Капитала» Маркс приближает, конечно, ошибочно «идею стоимости» к «закону стоимости»... в III же томе «Капитала» «закон стоимости» уничтожается, «идея стоимости, же выступает во всей своей всепобеждающей силе.

«Закон стоимости» (Wertgesetz) в системе Маркса, — говорит Петри, — в конечном счете целиком уничтожается, ибо в обмене между капиталом и трудом он господствует только благодаря искусственной конструкции, но зато «идея» (принцип) стоимости (Wertbetrachtung) остается последовательно проведенной» (Стр. 70). Крушение «закона стоимости» есть в то же время высший триумф «идеи стоимости», которая только в III томе и раскрывается во всей своей чистоте.

Таков взгляд Петри на категорию стоимости. Не нужно быть особенно искушенным в тонкостях марксистской теории стоимости, чтобы понять, что попытка Бессонова интерпретировать Рубина «под Петри», мягко говоря, не основательна. Для Петри стоимость категория чисто-познавательная. Петри останавливается только на качественной стороне стоимости, отрывая ее от количественной. Мы видели, как Петри устанавливает необходимую пропасть между стоимостью и меновой стоимостью, мы видели, как Петри уничтожает действие закона стоимости, как закона, регулирующего распределение труда в товарно-капиталистическом обществе. Для Петри существует только «идея стоимости», фикция, пустая форма мышления целеполагающего суб'екта, желающего осмыслить мир хозяйственных явлений. В своей работе «Очерки...» Рубин дал синтез тех взглядов на категорию стоимости, которая была обычна в марксистской литературе. Обычно, и это была наиболее популярная форма трактовки этой категории, подчеркивалась количественная сторона проблемы стоимости, изменение величины стоимости определялось в зависимости от увеличения или уменьшения производительной силы труда, — таким образом стоимость определялась как выражение производительной силы труда. Более совершенной формой трактовки категории стоимости является взгляд на стоимость, как на регулятор распределения труда. Здесь мы уже имеем идею совокупного общественного труда, распределенного между различными отраслями производства. Третье определение стоимости примыкало к теории товарного фетишизма, стоимость определялась как вещное выражение производственных отношений людей. Рубин в своих «Очерках...» дал синтез качественного изучения стоимости с количественным, социальной формы стоимости с техническим материальным процессом развития производительности труда. Этот синтез нашел свое выражение в формуле: производительность труда — абстрактный труд — стоимость — распределение труда. Движущей силой этой системы механизмов является материально-технический процесс производства, который через посредство социальной формы стоимости приводит к определенному распределению труда между различными сферами производства.

Теория стоимости,—говорит Рубин,—«ставит себе целью открыть под закономерностью приравнивания вещей законы равновесия труда» (Стр. 79).

[1]) Курсив Петри.

«...Марксова теория стоимости,—читаем мы в другом месте,—изучает явление стоимости с качественной и количественной стороны. Теория стоимости построена на двух основных устоях: 1) на учении о форме стоимости, как вещном выражении абстрактного труда, который в свою очередь предполагает наличие общественных производственных отношений между автономными товаропроизводителями и 2) на учении о распределении общественного труда и о зависимости величины стоимости от количества абстрактного труда, которое в свою очередь зависит от развития производительности труда. Это две стороны одного и того же процесса: теория стоимости изучает социальную форму стоимости, в которой проявляется процесс распределения труда в товарно-капиталистическом хозяйстве» («Очерки...», стр. 85). Таким образом по Рубину стоимость есть: 1) общественное отношение людей, 2) принявшее вещную форму и 3) связанное с процессом производства. Разница между Рубиным и Петри очевидна. Для Рубина стоимость категория об'ективная, для Петри стоимость категория чисто-мыслительная. Для Рубина стоимость представляет собой единство качественной и количественной стороны, качественной, связанной с теорией товарного фетишизма, количественной, связанной с процессом материального производства; для Петри существует только качественная сторона стоимости, непроходимый разрыв между качественной и количественной ее стороной, при чем эту качественную сторону он трактует идеалистически, ибо теория товарного фетишизма у Петри построена на кантовском примате практического разума. Таков действительный водораздел между Петри и Рубиным. Вопреки точке зрения Бессонова, утверждающего, как мы видели, представителей социального направления наличие категории производственных отношений, наличие теории товарного фетишизма, вопреки мнению Бессонова утверждающего, что Рубин трактует эти категории в духе «социального направления» — беспристрастный, сравнительный анализ крупнейших представителей «социального направления» — и концепции Рубина, однако, обнаруживает с полной очевидностью, что «социальная школа» играла у Бессонова роль «дымовой завесы» для более успешной борьбы против «выхолащивания марксизма». Бессонов «социального направления» не знает, приговор Бессонова, что Рубин «скрытый» представитель «социального направления»,— бессодержательная, пустая демагогическая фраза — вот к какому совершенно ясному и очевидному выводу приводит как анализ высказываний Бессонова, так и сравнительный анализ взглядов Амонна и Петри с концепцией Рубина.

* * *

Утверждение Бессонова, что Рубин является «скрытым» представителем «социального направления» является тем более нелепым, что в книге «Современные экономисты на Западе» Рубиным была дана развернутая методологическая критика этой школы в лице ее крупнейших представителей Штольцмана, Амонна и Петри,— критика, впервые исходившая из марксистского лагеря. Иначе оценивает указанную книгу Рубина Бессонов. В «Современных экономистах...» Рубин, утверждает Бессонов, в целях придания возможно больше авторитета представителям «социального направления» не останавливается даже перед тем, чтобы превратить Маркса в представителя «социального» направления, в родоначальника «социологического метода». И на этой ступени своего «анализа» Бессонов применяет свой излюбленный прием, — недоцитирование, сопоставление случайно выхваченных из общего контекста цитат. Мы позволим себе привести несколько выдержек из статьи Бессонова, где в концентрированной форме даны высказывания Бессонова по интересующему нас вопросу. «В своей книге об экономистах Запада, Рубин

видит «крупнейшую» (93 [1])) «огромную и бесспорную заслугу Штольцмана» (109) в том, что он «резко критикует как натуралистический об'ективизм классиков и вульгарных экономистов (для Рубина, как видно, нет различий между классиками и вульгарными экономистами. С. Б.), так и натуралистический суб'ективизм австрийцев... В особую заслугу Штольцмана следует поставить его настойчивые напоминания о том, что ни одно экономическое явление не может быть изучаемо вне определенного социального регулирования» (109). Совершенно очевидно, — продолжает Бессонов, — что при такой оценке Штольцмана Маркс, по Рубину оказывается одним из главных идейных источников, питавших мысль Штольцмана» (94), Штольцман оказывается «близко подходит к Марксу» (109), его формулировки, определения «подчас особенно с внешней стороны (значит также и с внутренней?! С. Б.) совершенно совпадают с точкой зрения Маркса (109). «Штольцман в своих исходных методологических принципах действительно близко подходит преимущественно с формальной стороны (значит также и по существу?! С. Б.) к той постановке теоретических проблем, которая дана Марксом» (110) («Проблемы экономики» № 2, стр. 84).

Маркс — идейный источник Штольцмана, исходные методологические принципы Штольцмана близки к марксистским, формулировки Штольцмана напоминают соответствующие формулировки Маркса, — к этому сводится, по Бессонову, точка зрения Рубина на Штольцмана. Однако чтение соответствующих глав «Современных экономистов на Западе» со всей очевидностью обнажает вздорность утверждений Бессонова. Рубин указывает на три идейных источника, питавшие мысль Штольцмана. «В лице Маркса и Родбертуса,— пишет Рубин, — мы нашли один из главных идейных источников, питавших мысль Штольцмана. Вторым идейным источником, оказавшим на него не менее сильное влияние, мы должны признать идеалистическую кантовскую философию. Наконец, не лишено вероятия, что третий ряд влияний, наложивших свою печать на систему Штольцмана, исходил от этического направления экономической мысли, господствовавшего в Германии во второй половине XIX столетия» (Стр. 94 [1]). По Бессонову, Рубин считает Маркса важнейшим идейным источником концепции Штольцмана, — на самом же деле Рубин указывает на три рода влияния: 1) Маркс и Родбертус, 2) кантовская философия, 3) этическое направление экономической мысли,— при чем первые два Рубин считает одинаковыми по силе. Рубин действительно ставит в заслугу Штольцману то обстоятельство, что последний указывает на невозможность изучения экономического явления вне определенного социального регулирования. Исходя из общего методологического принципа, — различения между «материей» хозяйства, подчиненной действию натуральных категорий и «социальным регулированием», сферой социальных категорий, — Штольцман, указывает Рубин, в исследовании целого ряда хозяйственных явлений становится на формально правильную точку зрения. Однако Рубин с большой силой подчеркивает различие между Марксом и Штольцманом. Штольцман привносит в понятие «социального регулирования» этико-юридический и теологический моменты. Социальное регулирование, по Штольцману, представляет собой практическую реализацию этических сил. «И Маркс и Штольцман,— пишет Рубин, — призывают нас к изучению «социальной формы» хозяйства, но для первого эта форма хозяйства является результатом внутреннего развития общественного материального процесса производства,

[1]) Цифры указывают страницы книги Рубина «Современные экономисты на Западе».

[1]) Курсив наш. А. Р.

для последнего — силою, привнесенною извне, из мира телеологии для целесообразного регулирования слепой материи технического процесса. У Маркса понятие «производственных отношений» является связующим звеном между развитием производительных сил, с одной стороны, и правовыми и идеологическими явлениями — с другой. У Штольцмана понятие «социального регулирования» находится на стыке двух миров: сферы телеологии и сферы каузальности (Рубин, «Современные...», стр. 115—116. Курсив наш). Подводя итоги своего анализа социально-органического метода Штольцмана, Рубин говорит: «Отождествлением натурального с каузальным и социального с телеологическим Штольцман стал на путь, который уводит далеко не только от марксизма, но и от всякого строго-научного, причинного исследования явлений общественной жизни» (Рубин, «Современные...», стр. 116. Курсив наш. *А. Р.*).

Целую главу очерка о Штольцмане Рубин посвящает антикритике Штольцмана, как критика Маркса, где по целому ряду основных вопросов политической экономии им проводится четкий водораздел между этими экономистами. Интересно одно из следующих итоговых замечаний Рубина по разбору критических возражений Штольцмана: «Даже наиболее прогрессивные течения буржуазной экономической мысли не сумели подняться до уровня научных перспектив, открываемых учением Маркса. Не являются в этом отношении исключением и те новые ростки социологического направления в политической экономии, которые появились недавно отчасти под непосредственным влиянием Маркса (Штольцман, Петри), отчасти независимо от него (Амонн)» (Рубин, «Современные...», стр. 168).

Как видит читатель, Рубин далеко не отождествляет Штольцмана с Марксом. На языке же Бессонова это означает, — придать авторитет «социальному направлению», превратить Маркса в представителя социального направления». Изумительная аберрация мысли!

«...Лестно Рубин,—говорит Бессонов,—отзывается о другом своем учителе — Амонне. В своей книге об экономистах Запада Рубин пишет: «Амонн справедливо ополчается против господствующей у буржуазных экономистов (как будто бы сам Амонн пролетарский экономист! С. Б.) склонности превращать политическую экономию в науку об отношениях человека к вещам... Следует воздать должное Амонну, который приходит к правильному (?!) положению, что политическая экономия есть наука о социальных отношениях людей» (175—176). Именно поэтому Рубин относит Амонна в ряды наиболее ярких и лучших представителей социального метода в новейшей экономической литературе» (172 и 188). Именно поэтому книга Амонна кажется Рубину «образцовым методологическим исследованием» (172), а рассуждения Амонна представляются «образцовыми по своей ясности и методологической правильности» (175). Если Рубин не об'являет Амонна лучшим в этом отношении учеником Маркса (как он это сделал со Штольцманом), то только потому, что, к сожалению, Амонн совсем не читал Маркса, чем, кажется, немало гордился» («Проб. эк.» № 2, стр. 84—85).

Полемические приемы Бессонова утомительно однообразны и скучны. Вы хотите доказательства, что Рубин превращает Маркса в представителя «социального направления», вы хотите доказательства, что Рубин стремится придать возможно больше авторитета представителям «социального направления», что Рубин, драпирующийся в тогу ортодоксального марксизма, по существу является скрытым представителем социального направления,— да ведь это же очевидно, для этого достаточно две случайно выхваченные фразы из работ Рубина соединить запятой. Рассуждения Амонна образцовы

по своей методологической правильности, Амонн лучший представитель социального метода, родоначальником которого является Маркс, — вот как интерпретирует Бессонов точку зрения Рубина на Амонна. Обратимся однако к самому тексту книги. Политическая экономия наука социальная, она имеет своим «об'ектом познания» социальные отношения, а не хозяйство вообще, политическая экономия изучает не то, что обще всякому хозяйствованию, а определенную особую социальную форму и структуру хозяйственного, — вот в каких предварительных чертах рисует Рубин общий ход рассуждений Амонна. «Изложенные до сих пор рассуждения Амонна, — говорит Рубин, — должны быть признаны образцовыми по своей ясности и методологической правильности. Амонн справедливо ополчается против господствующей у буржуазных экономистов склонности превращать политическую экономию в науку об отношениях человека к вещам, — отношениях, рассматриваемых либо со стороны суб'екта (индивида), либо со стороны об'екта (вещи)» (Рубин, «Современные...», стр. 175. Курсив наш. *А. Р.*). «Следует воздать должное,— продолжает Рубин,— Амонну, который приходит к правильному положению, что политическая экономия есть наука о социальных отношениях людей. Но если мы продолжим анализ дальше и поставим вопрос: какие именно социальные отношения людей изучаются политической экономией, — то найдем у Амонна ряд серьезнейших ошибок и пробелов. Все эти ошибки и пробелы имеют своим источником коренную ошибку, которую делает автор, разрывая всякую связь между социальными отношениями людей и материальным процессом производства» (Рубин, «Современные...», стр. 176).

Рубин далее конкретизирует это свое положение о наличии у Амонна резкого отрыва социальных отношений людей от общественного процесса материального производства. Амонн, как мы видели, утверждает, что политическая экономия изучает характеризуемые определенными формальными признаками социальные отношения, не находящиеся в необходимой и логической связи с процессом материального производства. Рубин критикует эту точку зрения, считает ее неправильной. «Политическая экономия,—говорит Рубин,— изучает определенную социальную форму хозяйства, но не следует забывать, что речь идет именно о социальной форме хозяйства, тесно связанной с материальным содержанием общественного процесса производства и изменяющейся в зависимости от изменения условий и потребностей последнего. Избрать предметом своего изучения социальные отношения людей независимо от связи их с процессом производства (как это делает Амонн. *А. Р.*) — значит, во-первых, превратить политическую экономию из науки об экономических явлениях в науку о чисто-формальных особенностях общественной связи людей и, во-вторых, отрезать себе путь далее к правильному пониманию возникновения и развития этих чисто-формальных признаков человеческого общения. Иначе говоря, это значит не дать никакой экономии и дать чисто-формальную и даже в этой области неудовлетворительную социологию» (Рубин, «Современные экономисты...», стр. 187. Курсив наш. *А. Р.*). Рубин говорит о методологической правильности рассуждений Амонна на известной ступени его анализа,—Бессонов интерпретирует точку зрения Рубина в смысле методологической правильности всех вообще рассуждений этого экономиста; Рубин указывает на коренные ошибки Амонна, Бессонов это скрывает от читателя, об этом «скромно» умалчивает. Таковы те приемы «научной диалектики», которыми Бессонов «доказывает» приверженность Рубина к «социальному направлению».

Абсурдность утверждений Бессонова, что Рубин сближает Маркса с «социальным направлением», выступает также с большой наглядностью в тех страницах очерка Рубина о Петри, которые посвящены общей характеристике метода «социального направления». Рубин отмечает плодотворность той жестокой критики, которой представители «социального направления» подвергли австрийскую школу, с которой связывался ренессанс буржуазной науки, перестройка всего здания экономической теории на новом, обновленном фундаменте и которая, однако, оказалась беспомощной перед лицом фактов реальных экономических явлений современности. Однако, утверждает Рубин, у современных буржуазных экономистов социологический метод принимает бесплодную для научного исследования форму, так как он выступает в тесном союзе с важнейшим направлением современной идеалистической философии, с неокантианством.

В результате своего анализа концепции Петри, Рубин пишет: «Основные ошибки Петри являются не только индивидуальными его ошибками, но в известной мере общи ему с другими экономистами, соединяющими «социальный» метод исследования с философским идеализмом. При всем отличии в построениях Штольцмана и Петри, в них можно отметить некоторые черты сходства. Оба признают плодотворность «социального» метода Маркса, который увидел в экономических категориях выражение социальных, производственных отношений людей. Но эти отношения понимаются Штольцманом и Петри в идеалистическом смысле. Оба они разрывают тесную связь, существующую между производственными отношениями людей и развитием материальных производительных сил; отсюда вытекает разрыв между движением стоимости вещей и ростом производительности труда... Поскольку производственные отношения мыслятся как «идеальные» отношения, конструированные суб'ектом познания в соответствии с его гносеологическими заданиями (у Петри) или конституированные обществом в соответствии с его этическими заданиями (у Штольцмана) социальный метод исследования превращается в телеологический и противопоставляется каузальному методу» (Рубин, «Современные...», стр. 230—231. Курсив наш. *А. Р.*). Рубин говорит об идеалистическом понимании представителями «социального направления» категории производственных отношений, точнее: об отсутствии у них этой социологической категории, Бессонов утверждает наличие у этой буржуазной школы политической экономии категории производственных отношений; Рубин говорит, что представителями «социального направления» противопоставляется телеологический метод каузальному, — Бессонов утверждает, что Рубин отождествляет метод Маркса с «социологическим» методом Амонна, Штольцмана и Петри. В качестве последнего, исключительного по силе своего логического обоснования аргумента, что Рубин — представитель «социального направления», является следующее изумительное в своем роде утверждение Бессонова: «Кстати сказать, абсолютно непонятно, что означает излюбленное Рубиным словечко: «социологическое». Социологи бывают разные. Социологическое, например, учение Амонна как небо от земли отличается от социологического учения Маркса. Употребляя общий термин, Рубин искусственно (и нарочито) затушевывает принципиальное различие между марксистской и буржуазной социологией» («Проб. эк.» № 1). Бессонов анализ по существу подменяет чисто-терминологическим спором. Можно, конечно, спорить о правильности того или иного термина, но ведь это не затрагивает существа обсуждаемой проблемы. Отметим, однако, что, например, Ленин говорил о социологическом методе Маркса. В своей работе

«Экономическое содержание народничества» Ленин следующее писал о народниках: «Бесспорно и то, что игнорирование социологического метода Маркса и его постановки вопроса, касающихся непосредственных производителей, равносильно для тех русских людей, кто хочет представлять интересы этих непосредственных производителей, с полным отчуждением от западной «цивилизации»» (Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 278, изд. 2-е). И на этой ступени своего «анализа» наш бесстрашный борец против «выхолащивания марксизма» полез в воду, не спросясь броду...

Детальный анализ высказываний Бессонова приводит нас к выводу, что все обвинения его, направленные против Рубина, в приверженности к «социальной» школе являются не только необоснованными, но в них нет даже тени доказательства. Более того, та интерпретация взглядов социального направления, которую дал Бессонов, ничего общего не имеет с действительным содержанием этой школы.

К теории банковского кредита

(Капиталоаккумуляция и кредитная эмиссия).

(Окончание [1]).

З. Атлас.

Не аккумулированные, но созданные самим банком фонды кредитования мы делим на три основные формы: 1) акцепт — аваль; 2) банкноту 3) текущий счет и его необходимые атрибуты — чеко- и жирооборот.

Акцептно-авальная и банкнотная эмиссии.

Акцептный кредит заключается в следующем. Коммерсант А, пользующийся акцептным кредитом в банке или специальной акцептной фирме или, например, у английских Merchant-Banks («купцов-банкиров»), покупая кредит товар у коммерсанта В, в качестве трассанта, выставляет тратту (переводный вексель) на банк в пользу купца В. Последний как ремитент (получатель) обращается к трассату (плательщику) — банку с просьбой удостоверить, что он принимает на себя поручение А, и в указанный в векселе срок действительно оплатит таковой. Свое подтверждение обязательства платежа банк удостоверяет надписью на векселе, что и называется акцептом. Но отличие акцепта от прочих кредитных сделок в том, что банк не вкладывает в эту операцию ни одного рубля, ибо к моменту истечения срока векселя коммерсант А вносит в банк свою долговую сумму, и, таким образом, на первый взгляд дело сводится как будто просто к тому, что только самый платеж осуществляется через банк, действительным же заемщиком является либо В, ссудивший А в том случае, когда он оставляет вексель в своем портфеле, либо банк, который учел акцептованный вексель.

Но дело здесь не только в этом техническом моменте платежа через банк, но в том, что банк выступает гарантом на сумму векселя, и если А не внесет денег к сроку платежа в банк, то последний должен погасить вексель из своих средств, сохраняя за собой право векселього протеста к А. Итак, основное здесь — это гарантия платежа, и в большинстве случаев только благодаря этой гарантии купцы и соглашаются продавать свой товар в кредит, при чем эта гарантия, как мы ниже увидим, важна не сама по себе, но именно как форма создания кредитных средств обращения.

Природа акцептного кредита тождественна с так наз. авальным кредитом или авальным акцептом, если мы аваль на ряду с рамбурным кредитом будет рассматривать, как подвиды акцептного кредита, что вполне допустимо. Так, Вебер [2]) развивает четыре вида акцепта

[1]) См. № 6 за 1929 г.

[2]) Цит. соч., стр. 138—145.

1) гарантийный или платежный, 2) кредитный или финансовый, 3) авальный и 4) рамбурсный. Последний мы оставляем в стороне, ибо здесь к обычному акцепту присоединяется еще арбитражная операция по регулированию международных платежных обязательств, следовательно, внешне-валютные отношения, которые здесь нас не интересуют, ибо они относятся к иной плоскости анализа.

В нашей советской практике авальные операции сравнительно широко распространены, особенно в кредитном обороте низовой кооперации, под именем гарантийного кредита. Отличие собственно акцептного кредита от авального кредита заключается в сущности в этом, не играющем никакой роли в нашем теоретическом анализе, моменте платежа по векселю через банк в случае акцепта, и непосредственно векселедателем в случае аваля. Но Obst [1]) понимает под авалем нечто иное, а именно: «Kreditgewährung gegen Bürgschaft» («кредитование под поручительство»), следовательно, здесь авалем называется не самый акт поручительства, но кредитование под поручительство. Но это уже просто бланковый кредит с гарантией третьего лица. Если же под авальной операцией понимать самое поручительство, то различие между акцептом и авалем стирается, ибо остается только указанный выше чисто-технический момент.

Но если и акцепт и аваль сводятся просто к поручительству платежа, то спрашивается, имеют ли основание Вебер, Прион, Роцумек, Обст и др. говорить вообще об акцептном кредите.

Мы думаем, это отнюдь не случайно, что все знатоки банковской практики, в один голос называют акцепт кредитом. Как нам кажется, такое определение об'ективно обосновано тем, что акцептной операцией либо непосредственно эмитируются кредитные средства обращения, либо создаются условия, при которых необходимо должны быть эмитированы кредитные средства обращения. Следовательно, акцепт рассматривается нами в двух формах: 1) непосредственно, как кредитная эмиссия, 2) посредственно, как условие этой последней. Остановимся на первой форме, которая является более элементарной и первичной.

Почему вообще возникает необходимость в акцепте? Ошибочно было бы полагать, что дело в недоверии В, продавшего А товар в кредит, к добросовестности этого последнего, в силу чего В и требует дополнительных гарантий в виде акцепта или аваля банка. Необходимость акцепта возникает отнюдь не в сфере взаимоотношений А и В, но из условий самого товарного оборота. Даже если В совершенно убежден в добросовестности А, акцепт для него абсолютно необходим.

Это станет понятным, если от нашего гипотетического примера коммерческого кредита — кредитной эмиссии в сфере трех лиц А, В, С мы перейдем к развернутой форме коммерческих и кредитных отношений в современном капиталистическом мире. Когда этот последний в нашем примере ограничивался тремя лицами, то С действительно не имел оснований отказаться от получения у В векселя А на товарную ценность последнего, ибо о существовании этой последней он, как предполагалось, был осведомлен, ибо пред'являл спрос на этот товар. Но такая взаимная информация невозможна, если мы будем иметь перед собой капиталистическое мировое хозяйство или даже одну Германию. Допустим, что В, продавший в кредит товар А, выставляет на последнего тратту в пользу третьего лица, и за эту последнюю хочет купить товар не в том же самом городке у С, но у какого-нибудь Д в Гамбурге, Лондоне или Шанхае. Этот Д никакого представления не имеет о существовании А и его товарных ценностях точно

[1]) «Das Bankgeschäft», I Bd., S. 335.

так же, как ничего не знает о самом В, предлагающем ему за товар тратту на А.

Таким образом, перед нашим абстрактным капиталистическим миром, лишенным денежной наличности, опять встали затруднения для осуществления процесса обращения, ибо найденный нами простой выход из этого затруднения — создание В в виде векселя средства обращения — оказывается нереальным.

Однако иного выхода из этого затруднения, помимо кредитной эмиссии, нет. Поэтому решение задачи должно быть найдено в той же плоскости.

Акцепт - аваль как раз и устраняет эту трудность. Для простоты представим, что в каждой стране имеется один банк, располагающий разветвленной сетью филиалов, каждый из которых в полной мере ориентируется в коммерческих делах, а следовательно, и кредитоспособности клиентеллы своего округа, что вполне правдоподобно. В этом случае В может обратиться в филиал центрального банка в своем городе с просьбой подтвердить наличие ценности у А, обосновывающей выписанный им вексель. Если банк не сомневается в наличии этой ценности у А и полагается на его добросовестность, то у него нет оснований отказать в просьбе В тем паче, что за эту ничего не стоящую ему услугу он получит ½% провизии, как это имеет место, по свидетельству Яффе, в деловой коммерческой практике. С вмешательством банковского акцепта дело примет такой оборот. Вместо того, чтобы выписывать тратту на А, В попросит самого А выписать тратту на банк в пользу третьего лица, и за эту тратту В продаст А товар. Далее А обратится в банк с просьбой подтвердить его согласие уплатить эту сумму (которая к моменту истечения векселя будет внесена А в банк) пред'явителю векселя. Банк подтвердит это согласие своей надписью на векселе или акцептом.

Теперь В может смело предложить акцептованный банком вексель А в уплату за товар г-ну Д в Гамбурге или даже Шанхае, ибо и гамбургский и шанхайский купцы не сомневаются в кредитоспособности Германского Банка. Таким образом, благодаря акцепту, банк легитимирует наличие вступающих в обращение (для реализации) товарных ценностей, а для кредитной эмиссии ничего иного, кроме этой легитимации, не надо, ибо, как мы уже выяснили, кредитные деньги — это не больше, чем форма реализации товара или форма обращения. Поскольку В уплачивает Д за товар акцептованным банком векселем А, постольку несомненно, что этот последний есть ничто иное, как форма покупательского средства, т.-е. определенная функциональная форма денег. Кем же создана эта форма денег, или—проще—эти кредитные деньги,—капиталистом А или банком? Мы убедились, что А без банка не мог бы создать кредитных денег, поскольку В несомненно отказался бы принять в обмен за товар вексель А, ибо ему совсем не улыбается перспектива остаться с векселем, но без товара. Итак, без банка здесь невозможна кредитная эмиссия. Но, с другой стороны, и без капиталистов А, В, С, Д она также невозможна, ибо эта эмиссия обслуживает товарное обращение, и свои корни имеет только в этом последнем. Следовательно, вексель А является первым и исходным моментом, а акцепт банка вторым и заключительным моментом кредитной эмиссии, каковую и следует рассматривать, как неразрывное единство этих двух моментов.

Но единство не отрицает, а, наоборот, обязательно предполагает противоречие между моментами этого единства. И здесь это противоречие постоянно имеет место. Именно это противоречие скрыто за отмеченным Вебером различием между гарантийным и финансовым акцептами. Когда второй момент кредитной эмиссии имеет место независимо от первого, когда, следовательно, акцепт выступает не как заключительный, но как исходный момент кредитной эмиссии, то последняя, как надстройка, вступает в противоречие с тем базисом, на котором она покоится. Финансовый акцепт и есть эта форма необоснованной товарным обращением кредитной эмиссии, следовательно, форма, лишенная своего содержания, и потому повисшая в безвоздушном пространстве. Если же и находится «воздух» для этой формы, то только за счет разряжения наличной атмосферы, т.-е. инфляции, если нет притока воздуха извне, а именно за счет капитального кредита из стабильной части аккумулированных фондов банковского кредитования [1]). В последнем случае дело примет такой оборот: А хочет раздобыть капитал, для чего банк В, не имеющий возможности предоставить ему таковой, соглашается акцептовать его вексель, хотя он и не обоснован товарной ценностью. Тогда В может без труда учесть этот вексель в банке С, который оставит этот вексель в портфеле, и таким образом дело сводится просто к тому, что В оказал А бланковый капитальный кредит под поручительство А банка, т.-е. здесь мы имеем дело с той формой, которую Обст называет Kreditgewährung gegen Bürgschaft. Банк А только помог В получить капитальный банковский кредит у банка С, но никакой кредитной эмиссии здесь не произошло, если банк С учитывает вексель за счет аккумулированных фондов. Но иное дело, если В уплатит этим векселем за товар капиталисту Д, а последний Е и т. д., т.-е. если этот акцептованный вексель будет брошен в обращение. В этом случае вексель В может оказаться избыточным средством обращения, если уже имеется достаточно векселей, созданных «гарантийным акцептом» в самом процессе обращения.

Таким образом, акцептная инфляция вполне возможна и именно потому, что акцепт есть форма кредитной эмиссии [2]). Однако акцептная инфляция, аналогично жиро-инфляции и в отличие от банкнотной инфляции, может не распространяться на всю сферу денежного обращения, локализуясь рамками эмитентов (трассата и банка-акцептанта), и тех, кто стал жертвой этой частной инфляции. Конкретно это сводится к тому, что трассат не может покрыть долговой суммы к моменту платежа, и если банк увлекся операцией

[1]) Оутри считает основным пороком финансового векселя то, что он дает возможность добывать средства для вложений в основной капитал как раз в те периоды, когда нет достаточного притока частных сбережений с «инвестиционного рынка». «Такое злоупотребление этой системой,—говорит Оутри,—было очевидной чертой кризиса Оверенд и К° в 1866 году, а также кризиса в Соед. Штатах в 1907 году» (Hawtrey, Currency and Credit, 2 Ed., London 1923, p. 200). Однако в дальнейшем Оутри «выгораживает» финансовые векселя и считает возможным для банков пользоваться ими в том случае, когда таким путем покрывается временная нужда в наличности (Ibidem, p. 220).

[2]) Необходимо отметить интересную особенность акцептной практики экспортных банков. По сведениям О. Геймана, филиалы германских экспортных банков в Лондоне покупают без ограничений свои собственные акцепты, если им пред'являются подобные требования. «Мало того,—говорит Гейман,—когда их руководители находили, что если по условиям момента их акцептов обращалось слишком много, то они активно выступали на рынке в качестве их покупателей» (О. Гейман, «Германские экспортные банки», П. 1917, стр. 15. Разрядка наша. З. А.). Таким образом, экспортные банки проводят своеобразную активную акцептную политику, очень напоминающую эмиссионную и девизную политику, ибо цель акцептной политики также заключается в регулировании количества акцептов в обращении и поддержании их «курса».

финансовых акцептов, то и он не в состоянии покрыть задолженность своего клиента, и банкротство банка неизбежно.

История знает не мало таких примеров, и именно этим Яффе объясняет тот факт, что акцептные операции современных депозитных банков относительно невелики, и все больше концентрируются у Merchant-Bankers и Foreign-Banks. Акцептная операция все больше вытесняется из сферы внутреннего оборота и переходит в сферу международного платежного оборота через посредство Foreign-Banks. Впрочем, ниже мы увидим, что помимо этой опасности акцептных операций для банков имеются и иные, более серьезные основания для вытеснения акцептной формы кредитной эмиссии другими формами, а именно банкнотной и депозитной эмиссией.

Сейчас нам предстоит выяснить сущность этих высших форм кредитной эмиссии в отличие от более элементарной акцептной формы. Акцепт нами рассматривался, как заключительный аккорд кредитной эмиссии постольку, поскольку акцептованный вексель непосредственно фигурирует как средство обращения. Именно таким путем и были устранены те противоречия, которые возникли в нашем примере в связи с отсутствием денежной наличности. Но оказывается, что в действительности акцепт еще не в состоянии окончательно разрешить этих противоречий.

В самом деле акцепт был выходом из вставшего перед капиталистами А, В, С, Д затруднения только потому, что В смог уплатить Д акцептованным банком векселем А. Но, если В продал А товар, скажем, на 10.000 марок и получил от него вексель на эту сумму, то это не значит, что ему потребуется купить у Д товар именно на эту же сумму. Допустим, что этот В является производителем шелковых изделий, и на вырученные от оптовой продажи А 10.000 марок он должен закупить на 5.000 марок шелка-сырца, на 1.000 марок разных необходимых для обработки шелка-сырца химических веществ, затем он должен уплатить 500 марок налогу, столько же аренды, 2.000 марок заработной платы и, наконец, 1.000 марок в виде прибыли он хочет положить себе в карман. Итак, в действительности, акцепт ему не поможет, ибо акцептованным векселем он может уплатить только в одни руки, в то время как ему необходимо по условиям его производства эту сумму обязательно раздробить; таким образом, возникает противоречие между данной формой кредитной эмиссии и ее функциональным назначением как средства обращения. Это противоречие разрешится переходом к высшей форме кредитной эмиссии, и опять-таки при посредстве банка, который уже, начиная с акцепта, взял на себя функцию консолидации тех средств обращения, без которых при отсутствии денежной наличности, но при наличии всех прочих предпосылок, невозможно все производство. Вместе с тем, анализ этой высшей формы кредитной эмиссии даст нам возможность определить вторую из отмеченных двух форм акцептного кредита, а именно, когда последний является не заключительным звеном кредитной эмиссии, но посредствующей ступенью и вместе с тем условием, при котором эта эмиссия обязательно должна произойти. Тем самым будет исчерпан также и анализ акцептного кредита...

* * *

Как противоречие простого векселя (создание его, как средства обращения и невозможность в силу отмеченного обстоятельства функционировать в качестве такового) разрешается акцептом, так и аналогичное противоречие акцептованного векселя разрешается высшей формой кредитной эмиссии — банкнотной.

Мы берем развитую форму банкнотной эмиссии, а не ту, которая, например, существовала в средние века; кроме того, мы анализируем закономерности действительной эмиссии (т.-е. не связанной 100% золотым обеспечением), но не той фиктивной эмиссии, которая на основе ложных принципов Currency Scool привилась в английской практике после банкового акта Роберта Пиля.

Выходом из того затруднения, которое встало перед А, В, С, Д в связи с невозможностью дробления акцептованного векселя и его функционирования в этих дробных суммах в качестве средства обращения, служит замена векселя акцептованного депозитным банком векселем эмиссионного банка — банкнотой. Этой трансформацией формы векселя разрешается последнее противоречие векселя как средства обращения. Вексель как бы вел отчаянную борьбу за свою самостоятельность в качестве средства обращения, но эта борьба окончилась его поражением, ибо коммерческому векселю пришлось в конце концов уступить место банковскому векселю — банкноте. Акцепт здесь был как бы компромиссом: вексель согласился на «протекторат» банка, но не лишился еще своей самостоятельности; вслед за протекторатом вексель в силу об'ективной необходимости попал в полную вассальную зависимость от банка. Однако сюзерен опирается на вассала: банкнота, как средство обращения, базируется на векселе, как ее исходной форме.

«Вексель есть носитель двух различных функций: во-первых, подобно банкнотам и чекам, он является средством обращения и, во-вторых, служит в широкой мере средством кредитного (денежно-капитального. *З. А.*) посредничества» [1]). Но в этом втором случае вексель относится к сфере не коммерческого, но денежно-капитального кредита, т.-е. служит либо формой перераспределения наличных функционирующих капиталов между отраслями производства и отдельными капиталистами, либо формой превращения аккумулированных денежных фондов (и в том числе банковских аккумулированных пассивов) в функционирующий капитал. Поскольку же мы говорим о кредитной эмиссии, нас эта форма векселя не интересует, и поэтому в дальнейшем, говоря о векселе, мы будем иметь в виду именно эту форму векселя, т.-е. вексель, как средство обращения, возникшее в процессе коммерческого кредита.

Фундаментальную ошибку Currency Scool мы усматриваем в том, что она не поняла природы банкноты, как средства обращения. Она рассматривала каждую партию эмитированных банкнот, как дополнительную массу денег, бросаемых в обращение. Между тем, если банкнотная эмиссия базируется на общеизвестных принципах Banking Scool, т.-е. на товарном обращении и дисконте исключительно «здоровых», обслуживающих это обращение коммерческих векселей, то банкнотная эмиссия ни в коем случае не может рассматриваться, как добавление к наличному об'ему средств обращения. При предпосылках Banking Principle банкнотная эмиссия не является новым эмиссионным ресурсом (для общества), но лишь простой заменой одной формы кредитной эмиссии (вексельной) другою формою (банкнотною).

Но этого не поняли ни Рикардо, ни Роберт Пиль, ни Оверстон. Не понимая, что банкнотная эмиссия базируется на совершившейся уже в процессе коммерческого кредита вексельной эмиссии, сторонники «денежной школы» в полном согласии с учением Рикардо пришли к выводу о необходимости полного золотого покрытия банкнот, и актом Роберта Пиля на практике было проведено ограничение

[1]) Jaffè, цит. соч., S. 175.

банкнотной эмиссии золотой наличностью. Тем самым они вновь вернули капиталистическое общество к тому противоречию производства и обращения, которое и призвана была разрешить банкнотная эмиссия. Но принципы денежной политики, прямо вытекавшие из этой фундаментальной теоретической ошибки, хотя и принесли английскому капитализму не мало хлопот, не могли, однако, побороть об'ективных экономических законов; в результате в Англии сошло на-нет значение этой формы кредитной эмиссии, ибо она в виду ложного банкового законодательства, была почти целиком заменена другой формой банковской кредитной эмиссии, о чем ниже.

Нужно сказать, что современная экспансивистическая теория (Гал Шумпетер, Зомбарт), которую иногда рассматривают, как развернутую дополненную «банковую теорию», в действительности очень далека от принципов этой последней. Лишь такие «полуэкспансивисты», как Оутр в наши дни и Коклен в старые годы, приближаются к этим принципам. Что касается упомянутого Коклена, то он имел несомненно правильное представление о генезисе банкноты, как превращенной формы акцепта. Вместо гарантийной надписи на векселе путем акцепта банк просто заменяет вексель банкнотой, и в этом по Коклену суть дела: «образ действий другой,— говорит по этому поводу Коклен,—но виды и цель те же» [1]). Но, правильно поняв генезис банкноты, Коклен упустил из виду качественные различия между банкнотой и векселем. «Виды и цель» банкнотной эмиссии могут быть и иные, но те противоречия банкноты, которые в этом случае возникают, не нарушают абстрактного анализа банкнотной эмиссии, как одной из форм кредитной эмиссии, возникающей в процессе коммерческого кредита.

Выпуская 1.000 штук банкнот по 10 руб. под учет «здорового» коммерческого векселя, вместо того, чтобы акцептовать вексель на 10.000 руб., банк тем самым и разрешает противоречие акцепта. Акцепт есть развитие простого векселя, как средства обращения, а банкнота есть дальнейшее развитие в том же направлении акцептованного векселя. Банкнота есть ничто иное, как развитая форма или трансформированный коммерческий вексель. И акцепт [2]) и банкнота представляют собой «смычку» или «стык» коммерческого и банковского кредита. Но последний выступает здесь лишь как надстройка по отношению к коммерческому кредиту, который и является истинным базисом кредитной эмиссии [3]). Конечно, надстройка невозможна без базиса. Однако и «базис» невозможен без надстройки, как, например, пар и электричество в качестве технического базиса данной социальной системы невозможны без соответствующей этому базису идеологической надстройки — высокого развития технических знаний. Следовательно, надстройка и базис должны быть рассматриваемы в необходимом единстве системы. Только так и следует подходить к анализу кредитной эмиссии, которая является единством базиса (коммерческий кредит) и надстройки (банковский кредит).

Если можно было бы отвлечься от связей внутреннего обращения с мировым рынком и допустить возможность идеального регулирования банкнотной эмиссии (но этого как раз капитализму не дано!), то можно было б

[1]) Коклен, О кредите и банках, пер. под редакцией Висковатова, 18 стр. 95.

[2]) Под «акцептом» здесь все время подразумевается банковский акцепт.

[3]) «Итак, анализируем сначала коммерческий кредит... он составля основу кредитной системы. Его представителем является вексель—до говое обязательство с определенным сроком платежа» («Капитал», т. III, 2, стр. Разрядка наша. З. А.).

сказать, что банкнотная эмиссия, как таковая, не нуждается в наличном золотом запасе. Это так потому, что, как мы показали, банкнота лишь заменяет тот вексель, который в нашем примере циркулировал в обществе, лишенном совершенно денежной наличности, по кругу А—В—С—А. Однако, конечно, такое общество есть не более, чем теоретическая абстракция, которая, однако, имеет то познавательное значение, что дает нам возможность выяснить природу банкнотной эмиссии в чистом виде и об'яснить возможность и закономерность функционирования частично покрытых золотом банкнот, с одной стороны, и неразменных банкнот, с другой.

Противоречие банкнотной эмиссии в том, что она с одной стороны заключает в себе возможность эмансипации от металлического базиса, а с другой стороны ограничивает эту эмансипацию золотым запасом. Этот последний, по Марксу, имеет троякое назначение: «1) запасного фонда для международных платежей, или короче запасного фонда мировых денег, 2) запасного фонда для внутреннего металлического обращения, периодически расширяющегося и сокращающегося, 3) запасного фонда, обеспечивающего уплату вкладов и размен банкнот,— эта последняя роль связана только с банковой функцией и не имеет никакого отношения к функциям денег, как таковым...» [1]).

Все, что мы говорили о закономерности первичной формы кредитной эмиссии (вексельной), в полной мере сохраняет силу для банкнотной эмиссии. В большинстве стран монополия эмиссии банкнот принадлежит центральному эмиссионному банку. Эмиссионные фонды последних (если отвлечься от незакономерного финансирования за счет банкнотной эмиссии правительств) реализуются в активных операциях путем: 1) учета товарных векселей и 2) ссуд. Учитываются же: либо а) непосредственно-коммерческие векселя, либо б) векселя, акцептованные или уже учтенные депозитными банками, банкирскими домами, бильброкерами и т. д. Ссуда же может быть: а) обеспеченной залогом (товары, ценные бумаги и пр.) и б) необеспеченной.

Вернемся к нашему примеру. В располагает траттой А на 1.000 рублей. Поскольку банк не только занимается акцептами, но и эмиссией банкнот, то для В теперь нет нужды прибегать к акцепту, и он может прямо превратить вексель А в банкноты. При нашей предпосылке единого, обслуживающего все общество, банка это, конечно, было бы так: акцептная форма просто уступила бы свое место банкнотной форме. Но в действительности мы знаем, что центральные эмиссионные банки нигде не являются монополистами кредита—они по большей части только «банки банков»,—«низовую» же кредитную работу осуществляют депозитные банки и разного рода местные кредитные учреждения. При таком положении акцепт является необходимой посредствующей ступенью превращения векселя в банкноту.

Если мы вспомним о существовании длинной иерархии кредитных посредников от какой-нибудь маленькой банкоподобной фирмы до Рейхсбанка, то ясно, что одним местным акцептом у этой фирмы дело не ограничивается. Вексель А пройдет, по крайней мере, три ступеньки до своего превращения в банкноту. Сначала вексель акцептует местная банковская фирма (но этот акцепт не удовлетворит капиталиста даже и в том случае, если бы он и не нуждался в дроблении валюты векселя: гамбургский, а тем паче шанхайский капиталист так же мало знает трассата, как и трассанта и ремитента). Это даст возможность капиталисту В учесть вексель в крупном банке; наконец, последний переучтет его в центральном эмиссионном банке, и таким образом вексель закончит свою операцию превращения в банкноту.

[1]) Маркс, Капитал, т. III, 2, 1923, стр. 107.

Но дело может принять и другой оборот. Вместо того, чтобы брать от А тратту на банк, В может сам выставить тратту на А, которую последний акцептует, после чего В обратится к местному банку уже не за акцептом, но за учетом. Правда, в нашей русской практике, в отличие от заграничной, переводные векселя не прививались, да и теперь не фигурируют, как орудие коммерческого кредита. У нас коммерческий оборот обслуживается исключительно простыми векселями, но это, конечно, не меняет сути дела. У нас В не выставляет тратты на А, но берет от А простой вексель, т.-е. обязательство платежа В на данную сумму в обусловленный векселем срок и в указанном месте. Но если А берет на себя обязательство уплаты В по простому векселю, то это то же самое, как если бы он акцептовал выставленную на него тратту В.

Акцептирование векселя в местном банке, его дисконтирование в крупном депозитном банке, и, наконец, переучет векселя в центральном эмиссионном банке, все это и есть процесс становления векселя как средства обращения. Банкнотная эмиссия не исходный, но лишь заключительный момент этого процесса. Исходный момент — товарная сделка и рождение самого векселя, посредствующие — акцепт, учет и переучет, и заключительный — эмиссия банкнот. Мы здесь имеем лишь усложнение и трансформацию того процесса кредитной эмиссии, который в чистом виде был выяснен на гипотетическом примере товарного обращения между А, В, С в обществе, лишенном денежной наличности. И местный маленький банк, и крупный депозитный банк, и, наконец, центральный эмиссионный банк — все это звенья единого аппарата, вырабатывающего средства обращения, но двигательной силой этого аппарата является само товарное обращение, а «сырье», которое оно «обрабатывает» на этих стадиях «процесса производства средств обращения», есть товарный или коммерческий вексель. И как всякое производство сводится лишь к видоизменению формы природного материала, так и эта общественная машина лишь изменяет форму «природного», но грубого, несовершенного, социально еще не достаточно «обработанного» средства обращения — коммерческого векселя.

В начальный период промышленного капитализма так обстояло дело: в местном обороте, в качестве средства обращения, функционировали товарные векселя местных капиталистов, и всякое новое жиро на векселе увеличивало его циркуляторную силу. Максимальной силой этого рода обладали те векселя, на которых уже не оставалось места для жиро, но и этого недоставало: приходилось приклеивать бумажные полосы, чтобы дать место для жирантов. Современная банкнотно-эмиссионная система (о чем ниже) является, так сказать, «технически» совершенным «машинным» способом «производства» средств обращения по сравнению с описанным способом, который может быть назван грубым, «кустарным» методом «производства» средств обращения.

Но как кустарное или ремесленное производство и до сих пор, несмотря на рост машинизации, находит еще сферы своего применения, так и акцепт (как заключительное звено кредитной эмиссии) еще не сдал совершенно позиций своему конкуренту — банкноте. Сферой полной монополии акцептной формы кредитной эмиссии является международный обмен. Но поскольку всякое международное и платежное и покупательское средство в конечном счете реализуется в пределах какой-нибудь страны, постольку и акцептированные векселя большей частью не избегают этого превращения в банкноту, которая является общепризнанным средством обращения внутри каждой страны.

Итак, по своему существу банкнота есть развитая форма кредитных денег или трансформированный коммерческий вексель. Однако из этого не следует, что между банкнотой и векселем различия только по форме и полное тождество по существу. Те ступени, которые вексель проходит в своем развитии до превращения в банкноту, являются в то же время моментами развития его, я бы сказал, «социальной акцептабельности», т.-е. его общественной приемлемости, как средства обращения. Вексель с одной подписью мало-известного коммерсанта обладает ничтожной или даже не обладает никакой акцептабельностью. Простое увеличение числа подписей на векселе уже создает его акцептабельность, но в ограниченных рамках. Наконец, появление на векселе банковской подписи вносит принципиально новый момент, ибо здесь уже мы имеем дело не просто с суммой частных гарантий. Актептованный крупным банком вексель приобретает денежно-платежную гарантию со стороны общественного института, поскольку банк в своих кредитных операциях целиком и полностью является общественной организацией более или менее широких капиталистических кругов. От этого «более или менее» в значительной степени зависит и покупательская сила акцептованного банком векселя, способность последнего заменять действительные деньги в функции средства обращения. Наконец, между акцептованным банковским векселем и банкнотой частного банка различия отнюдь не второстепенного или технического порядка.

Мы показали, что невозможность дробления валюты векселя чрезвычайно суживает возможность его функционирования, как средства обращения. Благодаря же замены акцепта банкнотной эмиссии, открывается в пределах страны совершенно безграничная возможность функционирования векселя в этой форме как средства обращения. Если независимо от общественного положения банка-акцептанта, возможность функционирования акцептованных им векселей была все же связана довольно узкими рамками, то теперь в форме банкноты эта возможность зависит исключительно от общественного положения банка-эмитента. Так, эта возможность была чрезвычайно ограничена в средние века и в начале нового времени, но отнюдь не из-за формальных моментов, но исключительно в силу частного и узко-местного характера банкирского предприятия, выступавшего эмитентом. Ликвидация частных эмиссионных банков и превращение их если не по форме организации, то по существу в централизованные, общественные и опирающиеся на правительственную власть эмиссионные банки, естественно, приводит к принципиальным, качественным различиям между первичной формой кредитных денег (вексель) и его развитой формой (банкнотой). Как развитие формы стоимости приводит к превращению товара в деньги — всеобщий товар,— так и развитие формы векселя приводит к превращению частных кредитных денег во всеобщее средство обращения и платежа. По своей платежной и покупательской силе банкнота становится равноценной действительным деньгам: предыдущим анализом мы как раз и стремились раскрыть генезис этой социальной трансформации частного коммерческого векселя.

Итак, вексель (коммерческий) есть представитель товара, и средством обращения он является лишь, как представитель будущих денег. Банкнота есть представитель денег (золота); она является дефинитивным (окончательным) средством обращения, как заместитель

настоящих денег. Поскольку вексель уже превращен в банкноту, постольку, можно сказать, товар уже закончил свой метаморфоз, частный и конкретный труд, воплощенный в товаре, превращен в общественный и абстрактный труд, кристаллизованный в деньгах и выраженный в заместителях последних — банкнотах. Невозможность же действительной реализации товаров при кризисах всегда проявляется в затруднениях с учетом векселей, следовательно, в невозможности превратить вексель — представителя товара (конкретного труда) в банкноту — представителя действительных денег (абстрактного труда). Следовательно, качественные различия между векселем — простейшей формой кредитных денег, и банкнотой — его развитой формой, есть по существу различия товара и денег, конкретного и абстрактного труда. Противоречие векселя и банкноты того же порядка, что и противоречие товара и денег, которое в свою очередь представляет собой развитие противоречия потребительской стоимости и стоимости. Отсюда вывод — банкнота не может не быть связанной с золотом, ибо она является его представителем, и в качестве такового банкнота противостоит товарному векселю, как деньги противостоят товарам. Вот почему в корне ошибочна теория «Klassische Geldschopfung» Бендиксена, который рассматривает банкноты непосредственно, как представителей товара и как самостоятельную и истинную форму денег, а не как представителей действительных денег — золота, противостоящих товарам. Устранив противоречия векселя и банкноты, Бендиксен тем самым пытается словесно устранить глубочайшее противоречие товара и денег, конкретного и абстрактного труда, но вопреки желанию Бендиксена это противоречие продолжает существовать и, поскольку существует капитализм, дает о себе знать в кризисах.

Однако здесь мы пока отвлекаемся от кризисов и диспропорциональности капиталистического производства, следовательно, мы предполагаем, что частный труд всегда может быть превращен в общественный труд, и, следовательно, возможно превращение товара в деньги. А если эта возможность налицо, то затруднения с созданием самой денежной формы не могут иметь места: они, как мы показали, устраняются процессом трансформации векселя в банкноту, и функционированием последних, как представителей настоящих денег, количественно соответствующих сумме цен реализуемых при их посредстве товаров. «Создание» этой денежной формы, целиком обусловленное товарным обращением, и является функцией банкнотно-эмиссионных банков и их пассивным фондом...

* * *

Анализ развития банкноты из коммерческого кредита дает возможность ответить на вопрос о природе акцепта, неоднократно обсуждавшийся в специальной литературе.

Одни (Яффе, Лексис, Каценеленбаум и др.) утверждают, что акцепт не есть еще кредит, поскольку акцептованный вексель еще должен быть учтен, и поэтому не акцептанты, но дисконтеры являются заимодавцами. Другие, и их большинство (Бекерат, Вебер, Роцумек, Обст и др.), полагают, что В (продавец) кредитует А (покупателя) только потому, что А пользуется правом акцепта в банке, и таким образом ссуда возможна только благодаря существованию кредитных отношений между банком и А. Далее, так как А остается должником банка до момента истечения срока векселя, то хотя банк и не вкладывает своих наличных

средств в акцептную операцию, но, несмотря на это, А является заемщиком банка, а не В, так как он имеет дело только с банком и именно банку вносит деньги к моменту платежа.

Получается парадокс с точки зрения натуралистической теории: налицо кредитное отношение без какого бы то ни было перемещения капитала в товарной или денежной форме. Поэтому с точки зрения натуралистической теории, конечно, более последовательно отрицание кредитной природы акцептных операций, но это отрицание явно противоречит тому «опыту», который лежит в основе «теории». Приспособление же «теории» к «действительности» достигается ценой отказа от самых основ теории, именно натуралистических представлений о сущности и формах кредита. Но посмотрим, как все же это противоречие устраняется, хотя бы и ценой банкротства общих основ кредитной теории.

Возьмем автора солидной работы о денежном и капитальном рынке — Бекерата.

«В действительности, при банковском акцепте, — говорит Бекерат, — первым заемщиком является акцептирующий банк, который делает «текучей» (flussig macht) в пользу трассанта находящуюся в его распоряжении покупательскую силу, но отнюдь не другой банк, который дисконтирует тратты»[1]). Это положение с полным основанием аргументируется тем, что банк, дисконтировавший акцептованный вексель, всегда может передать таковой в другие руки, следовательно, использовать его, как средство обращения.

Но этого мало: Бекерат попадает, что называется, в самую «точку», совершенно парализуя противоположную аргументацию Яффе или Каценеленбаума ссылкой на то, что поскольку даже акцептированные векселя не бросаются в обращение, но остаются в портфеле дисконтировавшего банка, последний рассматривает эти векселя, как наличность, на ряду с кассой и текущими счетами [2]). Но к наличности эти векселя приравниваются именно потому, что реализация этих векселей, т.-е. превращение их в деньги, поскольку имеется солидный банковский акцепт, всегда обеспечено. На этот пункт напирает также и Роцумек [3]).

Это положение вообще неопровержимо. Возможность использования акцептных операций банка как источника кредитной эмиссии, не может отрицать и З. С. Каценеленбаум, и это видно из следующих слов:

«Английские банки и банкирские дома, акцепты которых принимаются в уплату за товары, получают благодаря этому возможность открывать кредиты своим клиентам, давая им свои акцепты или подписи на векселях» [4]) (Разрядка наша. *З. А.*). Как будто здесь сказано вполне ясно: акцепты являются платежным средством, как и деньги, а так как эти акцепты создаются банком, то, следовательно, акцепт является формой кредитной эмиссии. Но именно этого, логически неизбежного вывода не

[1]) Beckerath, Geldmarkt und Kapitalmarkt, Jena 1916, S. 76—77.

[2]) К аналогичному выводу приходит и Бэрджес. Опираясь на американскую кредитно-банковскую практику, он отмечает, что акцептованный банком вексель «может быть реализован почти так же быстро, как текущий счет в банке, и обладает более высокой доходностью. Казначейские обязательства и акцепты вследствие своей практически полной надежности и ликвидности... оказались подходящим об'ектом вложения средств для держателей, обладающих свободными суммами на ограниченный или неопределенный срок и требующих максимума надежности и ликвидности» (Рандольф Бэрджес, Банковская организация американского капитализма, перев. с английского Б. Б. Соловейчика, Лгр. 1929 г., стр. 131. Разрядка наша. *З. А.*).

[3]) Paul Rozumeck, Das Kreditgeschäft im Bankbetriebe, IV Aufl., Berlin 1923.

[4]) Проф. З. С. Каценеленбаум, Учение о деньгах и кредите, ч. II, 1927, стр. 206.

делает З. С. Каценеленбаум: «Но нельзя упускать из виду—так корректируется выставленное выше положение о создании кредита через акцепт,—что акцептный кредит не представляет собой законченной кредитной операции. Для того, чтобы операция была закончена, акцептированный вексель должен еще быть учтен» [1]). Но если (что бывает и теперь, а раньше в первой половине XIX века было общим правилом) акцептованный банком вексель не учитывается, но функционирует, как средство обращения, как быть в этом случае? Очевидно, эта операция будет «законченной кредитной операцией», а акцептная банковская эмиссия — формой эмиссии средств обращения. И именно это положение вынужден признать В. Лексис хотя бы и в полном противоречии со своей общей концепцией кредита, как «передачи вещей» и т. п. [2]).

Лексис по этому вопросу высказывается совершенно определенно, гораздо более прямолинейно, чем З. С. Каценеленбаум; «Банки,—говорит Лексис,—могут расширять свои операции за пределы имеющихся в их распоряжении в данное время свободных средств тем, что они разрешают своим клиентам выдавать на них (на банки) переводные векселя, которые они акцептируют, превращая их в своего рода самостоятельные средства обращения, напоминающие в известной степени банкноты» (Курсив наш — З. А.) [3]). Но если даже эти векселя и не превращаются в «самостоятельные средства обращения», а дисконтируются в других банках, то далеко не безразлично то, что благодаря банковскому акцепту эти векселя в качестве учетного материала приобретают особо привилегированное положение.

Яффе отмечает, что по оценке дисконтеров на первом месте стоят Bankpaper, т.-е. векселя, выписанные, акцептированные или индоссированные английскими банками и банкирскими домами [4]). Эти векселя не могут не быть учтены: за ними гонятся банки, которые за учет этих векселей взимают на 1—1½% ниже [5]), чем за учет прочих векселей, и если даже вычесть ½% комиссии за акцепт, то выгодность акцептной операции для клиента (так же, как и для банка-акцептанта) становится очевидной.

Чем же об'ясняется такое привилегированное положение Bankpaper? Вопрос этот может даже показаться странным, ибо ответ на данный вопрос уже дан самой квалификацией этих векселей, как Bankpaper: гарантия платежа по этим векселям со стороны банка определяет их привилегированное положение в качестве учетного материала. Однако по этим векселям в конце концов ведь платят не банки, но их клиенты, и самая возможность уплаты по ним определяется возможностью погашения векселей клиентами банка [6]). Отсюда ясно, что банк, если он ведет осторожную политику, соглашается акцептовать без ценностного обеспечения только те векселя, платеж по которым гарантирован не возможностью какой-либо форсмажорной экзекуции имущества должника, но обеспечен той товарной сделкой, которая породила этот вексель. Только по-

[1]) Там же, стр. 207—208.
[2]) В. Лексис, Кредит и банки, перевод Р. и Ф. Михалевских, М. 1923, стр. [illegible]
[3]) В. Лексис, Кредит и банки, перевод Р. и Ф. Михалевских, М. 19[illegible] стр. 59—60.
[4]) «Das englische Bankwesen», S. 205.
[5]) Ibidem, S. 207.
[6]) «Банковский акцепт фактически представляет собою определенные товары на складе или в пути» (Бэрджес, цит. соч., стр. 127). Бэрджес высказывает сожаление по поводу ограниченного об'ема акцептных операций в Америке. «Очень немногие американские банки обладают значительными портфелями акцептов, что составляет резкий контраст с практикой английских банков, имеющих большую наличность акцептов в качестве вспомогательных резервов» (Цит. соч., стр. 138).

тому, что А получил товарную ценность для реализации у В, банк соглашается акцептовать вексель А, который действительно обеспечен этой годной для реализации товарной ценностью.

Следовательно, привилегированность Bankpaper в конечном счете определяется тем, что в данном случае к учету предлагается здоровый вексельный материал, прошедший через фильтр банка. Именно благодаря этому фильтру банк-дисконтер, например центральный эмиссионный банк, может смело расширять свои учетные операции за счет своих эмиссионных фондов, ибо этот фильтр гарантирует ему наиболее рациональную форму реализации эмиссионных фондов.

Таким образом, если акцептованный вексель и не бросается в обращение, то он создает предпосылки для кредитной эмиссии, предпосылки, при которых эмиссия обязательно должна иметь место.

Вот почему совершенно правильно положение Бекерата, что налицо несомненная «возможность создавать благодаря банковскому акцепту активную формальную покупательскую силу, которая вообще может возникнуть только путем создания новых денежных знаков (в широком смысле)» [1]), и именно в этом, как говорит Беккерат, «бытии как средства обращения». корень банковского акцепта.

Итак, акцепт есть всегда заключительный или посредствующий момент кредитной эмиссии. Акцептируя векселя, банк «создает» средства обращения (в 1-м случае), но лишь постольку, поскольку это создание подготовлено уже самим товарным обращением, а именно коммерческим кредитом.

В банковской практике имеют место случаи, когда банк учитывает векселя, акцептованные руководителями того же банка. В этом отношении характерна оригинальная практика банковских акцептов в Бельгии. Здесь особенно строго соблюдается принцип товарности векселя, при чем Эмиссионный Банк и по его примеру прочие банки требуют не 2, но 3 подписей на векселе. Однако третья подпись является чисто-гарантирующей и отнюдь не связана с самим товарным обращением. Большей частью эту третью подпись или жиро дают члены учетных комитетов тех самых банков, которые затем учитывают эти векселя [2]).

Но как акцептные операции банков базируются на товарном обращении, так же и банкнотная эмиссия имеет ту же основу. И если эмиссионный банк взимает % % по учету векселей за счет своих эмиссионных фондов, то, за вычетом действительных расходов по содержанию золотых резервов и оплате эмиссионного аппарата, этот чистый %, остающийся банку, того же происхождения, что и провизия. получаемая банками за акцептные операции. Это плата за привилегию банков легитимировать, давать общественную санкцию средствам обращения, создаваемым в процессе товарного обращения. В точном смысле слова, ни акцептом, ни эмиссией банкнот банкине «создают» средства обращения, но превращают эти последние из одной, менее акцептабальной, формы в другую, общественно признанную, форму. В этом превращении форм кредитной эмиссии сущность и акцепта и банкноты: банковское «творчество» средств обращения является лишь моментом движения форм кредитной эмиссии, которая ведет свое начало от процесса товарного обращения.

Об этом совершенно определенно говорит Маркс, замечая, что Оверстон считает капиталиста, учитывающего вексель в банке, «чело-

[1]) Цит. соч., стр. 77.
[2]) В 1907 г. сумма комиссии за эту гарантию со стороны членов учетных комитетов составила 1,4 млн. франков. См. «Банковская энциклопедия» под ред. проф. Яснопольского, т. I, стр. 220.

веком без капитала потому, что капитал последнего существует в товарной форме, или потому, что денежной формой капитала в этом случае является вексель, который превращается госпо дином Озерстоном в другую денежную форму» [1]) (Разрядка наша. З. А.). И далее Маркс подчеркивает, что «учет осуществляет превращение денежных требований из одной формы в другую или в действительные деньги» [2]). Когда же учет происходит за счет эмиссии непокрытых банкнот, то ясно, что в этом случае учет превращает денежные требования не в действительные деньги, но лишь из одной формы (вексель) в другую (банкноту). Наш анализ ставил себе целью показать, как происходит это превращение форм и какую роль в этом процессе играет банковский акцепт.

Но спрашивается, нуждается ли вексель и его превращенная форма—банкнота—в «конечном удовлетворении», по выражению Бруно Молля, т.-е. в погашении действительными деньгами? Необходимость такого погашения издавна признавалась экономистами. Еще старый юрист Эйнерт определял вексель, как «бумажные деньги коммерсантов, которые покоятся на личном кредите частных лиц и размен которых гарантирован в звонкой монете» [4]).

Размен, конечно, гарантирован, поскольку вексель является обязательством платежа за действительно реализуемую товарную ценность, но насколько такой размен необходим—другой вопрос. Мы показали в нашем гипотетическом примере, каким образом товарное обращение может совершаться без единого доллара звонкой монеты. Но наша гипотеза совсем недалека от действительности: общеизвестно, что в Англии и С.-А. С. Ш. большая часть всех коммерческих оборотов совершается без всякого вмешательства «звонкой монеты» — одними банкнотами, чеками и векселями. Поскольку вексель совершает полный круг (в нашем примере по цепи A—B—C—A), постольку он не превращается в наличность. Поскольку же и превращенная форма векселя—банкнота совершает тот же круг, постольку опять-таки не может появиться надобности в превращении банкноты в звонкую наличность. И в этом отношении правильно замечание Гана, что «размен банкнот возможен лишь тогда, когда он не нужен», и, наоборот, требование размена возникает лишь тогда, когда размен фактически невозможен [5]). Отсюда вполне закономерная возможность функционирования неразменных и в то же время вполне устойчивых банкнот.

Кредитная эмиссия и государство.

Анализируя акцепт, мы показали, что противоречие векселя, как средства обращения, заключается не только в ограниченности сферы его циркуляции, но также и в невозможности дробления валюты векселя. Вот почему, хотя акцепт и представляет собой замену со стороны банка «неизвестного кредита своим собственным» (Гильфердинг), он не может разрешить противоречия коммерческого векселя, что достигается лишь отрицанием этого последнего в форме банковского векселя — банкноты. Но спрашивается, не может ли ту же функцию выполнить казначейская эмиссия бумажных денег?

Вообще говоря, если все дело банкнотной эмиссии сводится к общественной легитимации кредитной эмиссии, возникшей в самом товарном обращении,

[1]) «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 411.
[2]) Ibidem, стр. 413.
[3]) Bruno Moll, Logik des Geldes, München 1922, S. 26—31.
[4]) Einert, Das Wechselrecht nach dem Bedürfniss des Wechselsgeschäfts im neunzenten Jahrhundert, Leipzig 1893, цит. по Knies'y, «Der Credit», Berlin 1876, S. 171.
[5]) «Volkwirtschaftliche Theorie des Bankkredits», I Aufl., S. 79—81.

то такую легитимирующую роль может, конечно, выполнить и государство, а не банк. Правительство могло бы для этой цели организовать в стране сеть контор, которые заменяли бы частные «здоровые» коммерческие векселя государственными бумажными деньгами, и для операций этих контор не потребовалось бы никакого резерва металлической наличности, ибо эти бумажные деньги сами по себе служат «законными платежными средствами». Они могут быть разменными на металл, но размена, как это было указано выше, не потребовалось бы, и при сделанных предпосылках не могло бы произойти инфляции. Между такими «бумажными деньгами» и банкнотами нет, конечно, по существу никакой разницы, кроме разве именования самого суб'екта выпуска. Государство в этом случае взяло бы на себя чисто-кредитную функцию, а именно регулирование кредита, как формы обращения. Такие бумажные деньги были бы кредитными деньгами. Таким образом, отличительная черта последних не в суб'екте эмиссии,—таковым может быть и частный банк, и Государственный Банк, и даже министерство финансов,—но в самом характере эмиссии.

В целях терминологической определенности мы принимаем то разграничение банкноты и бумажных денег, которое в нашей литературе провел проф. И. А. Трахтенберг [1]). Однако первый момент отличия банкноты от бумажных денег по Трахтенбергу, а именно по суб'екту выпуска, как мы показали, не имеет существенного значения. Конститутивным признаком остаются второй и третий моменты, а именно цель и способ эмиссии. Собственно это не два, но один момент, ибо цель эмиссии (при банкнотах—кредитование товарообращения, при бумажных деньгах—покрытие бюджетного дефицита) определяет и способ эмиссии (в первом случае банковско-кредитный, во втором—казначейски-финансирующий).

Вместе с тем следует заметить, что и бумажно-денежная эмиссия является, аналогично банкнотной, источником питания товарообращения средствами обращения. Поскольку бумажно-денежная эмиссия не выходит за пределы «необходимого минимума обращения» (Гильфердинг), постольку гарантируется устойчивость «представительной стоимости», бумажных денег. Но все дело в том, что именно благодаря цели и характеру бумажно-денежной эмиссии, этой гарантии на самом деле никогда нет, и эмиссия неизбежно должна выходить за пределы «необходимого минимума обращения».

Поскольку в самом товарном обороте уже создана кредитная эмиссия, постольку бумажные деньги всегда являются добавлением к этой последней, следовательно избыточной массой средств обращения, выпускаемой сверх «необходимого минимума средств обращения». Отсюда, в противоположность банкнотной эмиссии, необходимость инфляции при бумажно-денежной эмиссии. В то время, как при кредитной эмиссии оба орудия этой последней—вексель и банкнота, выполнив свою функцию товарообращения, возвращаются к эмитенту (вексель—к векселедателю, банкнота — к банку), бумажные деньги, поскольку предполагается дефицитность государственного бюджета, однажды появившись в товарном обращении в качестве «непрошенного гостя», остаются в обращении и этим «раздувают» об'ем наличных средств обращения.

Можно избегнуть инфляционного влияния бумажно-денежной эмиссии только при одном условии: если бумажные деньги будут выпускаться не в целях покрытия бюджетного дефицита, но для получения правительством краткосрочного кредита у общества. Допустим, что в течение данного месяца правительство, согласно росписи своих доходов, должно получить налогов в сумме 10 млн. рублей. Допустим далее, что платежеспособность налогоплательщиков налицо, но для получения этой суммы необходимо

[1]) И. А. Трахтенберг, Бумажные деньги, изд. III, М. 1924, гл. V.

некоторое время, например 20 дней. Но, имея в перспективе через 20 дней эти 10 млн. рублей, правительству, однако, необходимо, скажем, для оплаты заказов по военной промышленности уплатить именно сегодня эти 10 млн. рублей. Вместо того, чтобы обращаться к банковскому кредиту, правительство может просто выпустить на 10 млн. рублей бумажных денег и рассчитаться этими деньгами с поставщиками. В свою очередь поставщики закупят необходимые для них товары, которые имеются в наличии у налогоплательщиков; последние в порядке оплаты налогов внесут эти 10 млн. рублей органам фиска, и, таким образом, государственная бумажно-денежная эмиссия будет погашена. Эти 10 млн. рублей не будут добавочным рыночным спросом, ибо увеличение денежного спроса поставщиков на 10 млн. рублей соответствует сокращению денежного спроса со стороны налогоплательщиков на эту же сумму, и, таким образом, эта казначейская эмиссия не изменит отношения товарной массы к денежной массе, хотя структура рыночного спроса, правда, станет иной. Эмитированные 10 млн. рублей будут находиться в обращении как раз столько времени, сколько необходимо для реализации поставщиками 10 млн. рублей и для собирания и инкассирования этой суммы в налоговом порядке. По истечении этого срока, 10-миллионная эмиссия так же, как и в случае обычной кредитной эмиссии, возвратится к эмитенту, и, следовательно, будет погашена. Таким образом, выпуск 10 млн. рублей был гарантирован ценностями на те же 10 млн. рублей, которыми располагал эмитент, точно так же, как в нашем гипотетическом примере коммерсант В, эмитировавший тратту на покупателя А, располагал равноценностью, которую через известный срок должен был ему уплатить этот последний. Итак, здесь государство по существу выступает как суб'ект коммерческого кредита и, следовательно кредитной, а не бумажно-денежной эмиссии. Здесь мы имеем определенный круг обращения, а именно государство—поставщики—налогоплательщики—государство, и выпуск этих 10 млн. руб. был как раз необходим для обслуживания этой сферы обращения.

Весь процесс мог бы быть совершен и путем кредитования за счет эмиссионных рессурсов банком правительства. В этом случае произошло бы простое удлинение цепи на одно звено: Банк—Правительство—Поставщики—Налогоплательщики — Правительство — Банк (Предпоследнее звено «Правительство» обычно выпадает, так как центральные эмиссионные банки большей частью являются кассирами правительства, и налогоплательщики могут вносить деньги прямо в банк: эти деньги покрывают дебет активного счета правительства у банка.)

Такие правительственные краткосрочные займы у центральных банков постоянно имеют место на практике, например, в Англии или у нас в довоенной России. Вместе с тем, как это нами было показано выше, такие ссуды отнюдь не нарушают рыночного равновесия, ибо они обслуживают определенную сферу обращения. Если же правительство само в этих целях выпускает бумажные деньги, то последние уже не являются бумажными деньгами, согласно нашему определению, но государственными кредитными деньгами, подобно тому как банкноты являются банковскими кредитными деньгами, а векселя коммерческими кредитными деньгами. Следовательно, здесь мы имеем дело с особой формой кредитных денег.

Когда же государство берет на себя хозяйственные функции и выступает в качестве суб'екта производительных и торговых операций, то в этом случае первичная и заключительная стадии процесса становления кредитной эмиссии могут быть об'единены в едином акте — эмиссии государственных кредитных денег. Государство само является участником процесса товарного обращения, и именно для обслуживания этого последнего оно выпускает кредитные деньги. Государство становится на место капиталистов. В силу особого общественного положения этого суб'екта кредитной эмиссии, его векселя сразу устраняет те противоречия, которые возникли в предшествующем анализе как перед коммерческими векселями, так и перед банковскими акцептами. В государственных кредитных деньгах синтезированы специфические черты и коммерческого векселя, и банковского акцепта, и банкноты. Являясь коммерческими векселями, они в то же время обладают всеобще-признанной, общественно - легитимированной формой «законных платежных средств», выраженных в дробных денежных суммах.

Такими государственными кредитными деньгами как раз и являются наши советские банкноты и казначейские билеты, ибо только у нас в широчайшем об'еме государство выступает в качестве суб'екта хозяйственной деятельности, играя «первую скрипку» во всем процессе товарного обращения. У нас различие между банкнотами и казначейскими билетами совершенно стирается, ибо и те и другие являются государственными кредитными деньгами, поскольку казначейские знаки передаются в Государственный Банк для простого размена банкнот, выпускаемых в крупных купюрах [1]). Если бы функции Государственного Банка у нас выполнял непосредственно Наркомфин, если бы банкнотная и казначейская эмиссия были слиты воедино, то от этого ровным счетом ничего не изменилось бы, ибо фактически и теперь эти оба вида эмиссии регулируются одним и тем же центром, и по существу унифицированы. Конечно, могут быть приведены веские аргументы в защиту дифференциации обоих видов эмиссии, но это будут аргументы исключительно организационного, но не принципиально-экономического порядка.

Не то в капиталистических странах, где отделение банкнотно-эмиссионных функций от казначейских имеет свой raison d'etre, ибо там государство не является суб'ектом чисто-коммерческих отношений и коммерческого кредита, и, следовательно, не может быть суб'ектом кредитной эмиссии (за исключением указанной выше узкой и сравнительно незначительной сферы обращения). Здесь государство не может само создавать кредитную эмиссию, ибо об'ем его коммерческой деятельности слишком незначителен для этого, но может только легитимировать, превращать из одной формы в другую те средства обращения, которые уже созданы коммерческим оборотом. Само государство (капиталистическое) занимается только тем, что собирает ценности и не воспроизводит, но уничтожает их, и, конечно, этот процесс не имеет ничего общего с указанной легитимирующей функцией банкнотной эмиссии, и поэтому вполне целесообразно отделение этой последней от финансовой деятельности государства, что и имеет место во всех странах в результате исторического развития [2]). Поэтому здесь банковская форма кредитной

---

[1]) Проф. Л. Н. Юровский говорит по этому поводу следующее: «Так как в 1926 г. имел уже место единый (по существу) порядок выпуска как банковых, так и казначейских билетов через Государственный Банк по его операциям и так как ранее выпущенные казначейские билеты также почти целиком прошли по этому руслу, то результатом оказалось, что все бумажные деньги Союза (за исключением небольшой суммы, о которой речь шла выше), по своему экономическому назначению, представляют банковую эмиссию, но что последняя состоит из двух частей: из банковых билетов, обеспеченных в установленном законом размерах драгоценными металлами и иностранной валютой, и казначейских билетов, для которых такое обеспечение законом не установлено и не практикуется» (Л. Н. Юровский, Денежная политика советской власти, М. 1928, стр. 341. Разрядка наша. *З. А.*).

[2]) Лишь в одной Англии, согласно Currency and Banks Notes Act 1928 года, произошло об'единение казначейской и банкнотной эмиссии. «Все казначейские билеты,—говорится в этом Акте,—выпущенные в силу закона 1911 года, будут

эмиссии является наиболее целесообразной, при чем даже в том случае, когд
Эмиссионный Банк является Государственным, он действует, как чисто-кр
дитный орган (в указанной функции), только опирающийся на авторитет пр
вительства, но отнюдь органически не связанный с бюджетно-финансов
деятельностью этого последнего. Наоборот, бюджет нашего правительст
есть не только бюджет «власти», как таковой, но одновременно как
баланс грандиознейшего промышленного синдиката, коммерческая де
тельность которого сама является источником кредитной эмиссии, и которы
следовательно, одновременно и порождает и легитимирует эту кредитн
эмиссию [1])...

* * *

Но возвратимся к капиталистическому кредиту. Нам необходимо е
проследить процесс дальнейшей трансформации кредитной эмиссии. Банкн
ная форма последней, как уже известно, представляла собой ничто иное, к
превращенную форму коммерчески-вексельной эмиссии. Конечно, законом
ности этой первичной формы целиком включены в закономерности высш
формы. Опираясь на общие законы кредитной эмиссии, банкнотна
эмиссия, поскольку вексель в этом случае вообще обречен просто леж
в портфеле Эмиссионного Банка, эмансипируется вообще отве
селя как орудия коммерческого кредита. Поскольку векс
теперь уже не служит средством обращения, постольку надобность в нем
обще отпадает, но при этом целиком сохраняется та основа, на которой во
никают товарные векселя, а именно — коммерческий кредит. П
следний находит путь для непосредственной связи с банкнот
эмиссией и именно следующим образом:

В нашем гипотетическом примере кредитная эмиссия проходила с
дующие три ступени: 1) При продаже товара в кредит А получает у В трат
на местный банк, который 2) ее акцептирует и, наконец, 3) Эмиссионный Ба
учитывает эту тратту за счет своего банкнотного эмиссионного фонда. Вал
та векселя соответствует проданной А ценности, а срок—тому времени,
течение которого вексель, не превращаясь в банкноту, совершил бы круг
цепи А—В—С—А. Но весь этот процесс может быть упрощен. Вместо то
чтобы пользоваться акцептным кредитом в банке, А прямо получает банк
вый конкоррентный кредит в банкнотной форме у местного филиала Эм
сионного Банка. Вексель теперь уже не требуется, ибо А уплачивает В впол
совершенными, общественно-легитимированными средствами обращения
банкнотами. Итак, если раньше у нас выпал акцепт, то теперь выпадает и с
вексель, и коммерческий кредит непосредственно связывается с высшей фо
мой кредитной эмиссии—банкнотой. Но если эти краткосрочные банкнот
ссужаются на основе тех же принципов, как это имело место и при уче
векселей, то ясно, что изменение форм кредитной эмиссии ровным счет

считаться банкнотами, и Английский Банк будет нести за них ответственность
Итак, частный банк берет на себя функции казначейской эмиссии. Но поскольк
таковая не служит средством погашения бюджетных дефицитов правительств
поскольку она является лишь источником краткосрочного кредита для прав
тельства, постольку эта унификация эмиссии не может подорвать престижа Англ
ского Банка и его билетов. 28 ноября 1928 г. был опубликован первый бал
Английского Банка согласно новому валютному закону (См. «Финансы и народн
хозяйство» от 23/XII 1928 г., № 52, стр. 25). Отныне Английский Банк становит
единым регулирующим центром всей денежной и кредитной системы страны,
казначейская эмиссия принимает форму кредитной (банкнотной) эмиссии.

[1]) Если взять наш нетто-бюджет (т.-е. безоборотных сумм), то в 1927/28
статья «Финансирование народного хозяйства» составит свыше 3 миллиардов р
лей, или около 50% всего бюджета («Экономическая Жизнь» от 2/XII 1928
№ 280). Отсюда ясно, что наш бюджет не столько приходо-расходная ведомос
административного аппарата страны (чем, главным образом, и является бюдж
в капиталистических странах), сколько финансовый план грандиознейшего госуд
ственного хозяйственного об'единения.

ничего не изменят по существу в общих закономерностях кредитной эмиссии. Если же здесь возникают новые противоречия (которые будут рассмотрены в специальном очерке), то эти противоречия свойственны также и векселю и акцепту.

Депозитная эмиссия.

Банковый Акт Роберта Пиля 1844 г. связал по рукам и ногам банкнотную эмиссию, в силу чего последняя была лишена возможности выполнять свойственные ей функции. Оутри различает «систему фиксированной эмиссии» (fixed issue system) и «цертификатную систему». В первом случае контингентируется сумма эмиссии, во втором случае — банкноты эмитируются против вкладов золота в банк. Систему Роберта Пиля Оутри считает комбинацией этих двух систем: с одной стороны, определен предел непокрытых нот в 19.750.000 ф. ст. (с 12 февраля 1923 г.), а с другой—остальная масса эмиссии, поскольку банкноты обеспечиваются полностью золотом, представляет собой «цертификатную систему»[1]). Однако эта непокрытая часть эмиссии не имеет большого практического значения [2]), и поэтому не будет большой ошибкой считать английскую систему цертификатной системой. Но эта последняя по существу не является банкнотной эмиссией, ибо цертификатная система не выполняет специфической для банкнотной эмиссии функции общественной легитимации и соответствующей трансформации коммерческой кредитной эмиссии. Вместо того, чтобы освобождать обращение от металлической границы, система Роберта Пиля как раз пытается строжайшим образом связать обращение этой границей и тем самым лишить хозяйственную динамику необходимой в соответствии с ее ритмом эластичности обращения. Итак, цертификатная система не выполняет основной функции банкнотной эмиссии. Но противоречия коммерческого векселя и акцепта сохраняют всю свою силу, и если банкнотная эмиссия, как, например, в Англии, парализована как раз в этой своей основной функции, то охарактеризованные выше противоречия должны быть разрешены какой-то другой формой банковской эмиссии средств обращения.

Депозитно-чековая эмиссия как раз разрешает противоречия векселя и акцепта. Вместо того, чтобы выпускать банкноты, депозитный банк просто открывает клиенту на сумму учтенного векселя текущий счет, т.-е. предоставляет ему право расплачиваться за товар чеками на банк в пределах валюты учтенного векселя или в размере предоставленной ссуды. «Создавать» текущие счета—это значит, следовательно, «создавать» чеки и чеко- и жирооборот.

Однако эмитируемые банками жиро-счета и чеки отличаются от современных банкнот, и именно тем же, чем от последних отличаются средневековые банкноты частных банкиров или акцепты современных банков. Различие между так наз. «жиро-деньгами» и современными банкнотами заключается в степени общественной акцептабельности тех и других. Естественно, что «жиральные деньги» имеют, также как и акцепты и средневековые банкноты, ограниченную общественную акцептабельность: сальдо жиро-оборота в конце концов покрывается наличными деньгами. «Следовательно, «жиральные деньги» опираются на так наз. «наличные деньги»—и не могут от последних эмансипироваться: в отличие от банкнот они не являются всеобщим покупатель-

[1]) P. D. Hawtrey, Currency and credit, 2 Ed., London 1923, p. 76—79.

[2]) Речь идет об английской эмиссионной системе, действовавшей до Currency and Banks Notes Act, 1928. Этим актом граница непокрытой золотом эмиссии повышена с 19,7 млн. фунт. стерл. до 260 млн. фунт. стерл., что вызвано об'единением казначейской и банковской эмиссии.

ным и платежным средством[1]), следовательно, в этой форме развитие кредитных денег еще не привело к противоположности, т.-е. к их превращению из частных кредитных денег в общественные и всеми признанные платежные средства, каковыми фактически являются современные банкноты. Однако и банкнотная и депозитно-чековая формы кредитной эмиссии подчиняются одной и той же общей закономерности, обусловленной единством их основания — коммерческим кредитом.

Спрашивается, можно ли рассматривать чеки как деньги? Экспансивисты (Маклеод, Ган и Шумпетер), конечно, отвечают на этот вопрос положительно. Деньгами для Маклеода служит все то, чем расплачиваются за покупку товара или в чем погашают долги. Поэтому для Маклеода и марки, поскольку они служат этим целям, есть деньги. Далее, так как капитал есть прежде всего сумма денег (или сумма денег дает право на распоряжение определенным капиталом), а чеки есть деньги, то, создавая текущие счета и чеки, банк тем самым создает капитал.

Мы знаем, в чем ошибочность этой концепции: чек—не деньги, а деньги сами по себе еще и не капитал, и поэтому эмиссия чеков не есть создание денег и капитала. Но чеки действительно замещают или представляют деньги в функции орудия обращения, точно так же, как подобными заместителями являются «чистые» банкноты и акцептованные банками векселя. Эмиссия чеков есть одна из форм эмиссии средств обращения, т.-е. «создания» кредитных денег. Чек как раз разрешает те же противоречия векселя и акцепта, как форм кредитной эмиссии, которые в предыдущем анализе были разрешены банкнотой. И все, что было сказано относительно банкнотной эмиссии, в полной мере относится и к жиро-чековой эмиссии. В этом не трудно убедиться, если мы еще раз вернемся к нашему гипотетическому примеру.

Допустим, что наши капиталисты А, В, С, Д—клиенты единственного депозитного банка. В продает товар А и выставляет на него тратту, которую последний акцептует. Далее В обращается с этой траттой в банк, так как ему необходимо, во-первых, легитимировать, как средство обращения, эту трату, и, во-вторых, раздробить валюту векселя, ибо покупки ему необходимо сделать у двух капиталистов—С и Д. Но этот единственный банк не имеет права банкнотной эмиссии и в то же время не располагает свободной наличностью. Но ведь В ни в каком новом капитале не нуждается. Для В необходимо только определенное изменение формы имеющегося у него средства обращения. И депозитный банк осуществляет это превращение формы следующим образом.

Он учитывает эту, допустим, месячную тратту А на В, и на всю сумму учтенного векселя (за вычетом %% до истечения срока векселя) открывает В текущий счет на 10.000 рублей, равный валюте векселя. Эта сумма фигурирует на балансе банка в активе, как долг по векселю, и в пассиве, как обязательство банка уплатить по текущему счету владельцу последнего 10.000 руб. Далее, В, покупая товары на 5.000 руб.

[1]) Этого как раз не понимает Moulton, автор труда, посвященного анализу финансовой организации капиталистического общества. Moulton отождествляет чеки и банкноты на том основании, что и те, и другие не являются кредитными документами! «Чеки, банкноты и банковские векселя,—говорит Moulton,—в действительности не являются кредитными документами» (Harold Moulton, The Financial Organisation of Society, 2 ed., Chicago 1925, p. 121). Это мотивируется тем, что кредитный документ есть свидетельство будущего платежа, в то время как по банкнотам и чекам банк обязан платить немедленно.

у С и на 5.000 руб. у Д, расплачивается чеками на банк и, следовательно, исчерпывает этими двумя покупками свой текущий счет.

Но С и Д нуждаются в товарной ценности, которой располагает А. Деньги нужны лишь, как мимолетный посредник в этом процессе, как форма обращения. Завершение процесса обращения в этом случае возможно двояким образом. С и Д уплачивают А чеками В на 10.000 руб. В свою очередь А, поскольку срок выставленной на него тратты В уже истек, погашает свой долг банку по векселю в 10.000 руб. чеками на эту сумму, трассированными на текущий счет В. Таким образом, А получает из банка тратту В и уничтожает ее, а банк закрывает текущий счет В в пассиве и одновременно списывает долг В по векселю в активе.

Возможен и другой вариант. С и Д, получив чеки на текущий счет В, пред'являют их в банк для «оплаты», а как мы предположили, что и А, и В, и С, и Д совершают свои денежные сделки через банк (что для всех представляет большие удобства), то «оплата» пред'явленных С и Д чеков будет заключаться в том, что банком с текущего счета В будет списано 10.000 руб. и одновременно будет записано в «кредит» текущих счетов С и Д по 5.000 р. Таким образом, «уплата» заключалась в перемещении текущего счета от одного лица к другим лицам, что и называется внутрибанковским жирооборотом.

Дальше все идет попрежнему: С и Д уплачивают А за покупаемые у последнего товарные ценности 10.000 руб. в чеках на собственные текущие счета, а А этими же чеками погашает свой долг банку по векселю. Банк дебетует пассивные счета С и Д и этим закрывает их, и одновременно кредитует активный счет В на ту же сумму и этим также закрывает этот последний счет.

Результат всего этого процесса тот же, как и в случае банковского акцепта (и функционирования акцептованного векселя в качестве средства обращения), так и в случае банкнотной эмиссии. Депозитная или жиро-чековая эмиссия, как мы убедились из этого примера, выполнила ту же самую функцию, а именно легитимации и соответственного изменения формы первичной кредитной эмиссии — вексельной. Если в одном случае заключительным звеном кредитной эмиссии был акцепт, в другом—банкнота, то здесь—текущий счет и его представитель—чек. Закономерности же кредитной эмиссии здесь сохранили всю свою силу.

Конечно, капиталистическая действительность значительно сложнее и многообразнее рассмотренных здесь случаев коммерческого оборота. Но это по существу ничего не изменяет в установленной закономерности и выведенной из анализа этой последней функции жиро-чековой эмиссии. На место четырех капиталистов мы должны поставить множество таковых и вместо одного банка систему банков. Что это меняет в нарисованной картине? Ровным счетом ничего: внутрибанковский жирооборот лишь раздвигает свои границы и превращается также в междубанковский жирооборот, который осуществляется посредством расчетных палат или расчетных отделов центральных банков страны. Мы не имеем возможности останавливаться здесь на деталях этого дела, да и не видим в этом надобности в плане нашего анализа.

Но некоторые более общего и теоретически важного порядка коррективы мы должны все же внести в нашу схему.

Наиболее сложной формой кредитной эмиссии будет та, в которой все особые формы последней (вексель, акцепт, чек, банкнота) фигурируют в процессе становления кредитной эмиссии. Так, А, покупая товар у В, расплачивается собственной траттой на банк Е; далее, В акцептует эту тратту у банка Е и затем ее учитывает в банке К и получает теку-

щий счет, т.-е. право выписывать чек; наконец, банк К переучитывает или получает онкольную ссуду под эти векселя у центрального эмиссионного банка. Эта ссуда может быть выдана в банкнотах из эмиссионного фонда, если центральный банк располагает правом эмиссии непокрытых нот. Если же этого нет, то, как это всегда бывает в Англии, центральный банк эмитирует ноты, но жиросчета. Таким образом, банк К, предоставив В право выписывать чеки, сам в свою очередь получает это право по отношению к центральному банку, где концентрируется жирооборот всех банков и их клиентов. В то время как в Англии эмиссионный департамент Английского Банка имеет полное покрытие своих обязательств — банкнот, банковый департамент того же банка не имеет почти никакого покрытия своих обязательств—текущих счетов, хотя последние депозитным банком и всем обществом рассматриваются, как денежная «наличность». Завершается ли этот процесс становления средств обращения банкнотной эмиссией или жироэмиссией центрального банка, в данном случае не имеет значения. Очевидно только, что вся нарисованная здесь развернутая и усложненная форма кредитной эмиссии обслуживает ту же сферу товарного обращения, выполняет ту же функцию и, наконец, вытекает из той же основы — коммерческого кредита, как и самая упрощенная и элементарная ее форма, а именно коммерчески-вексельная.

Но мы уже показали при анализе банкноты, что высшая форма кредитной эмиссии «отрицает» низшую и находит точки непосредственного соприкосновения с самими источниками кредитной эмиссии—коммерческим кредитом. Аналогичен и процесс развития депозитно-чековой формы кредитной эмиссии. Поскольку вексель в этом случае, как и в примере с банкнотой, теряет свою циркуляторную способность и обречен на спокойное пребывание в портфеле банка, постольку при сохранении всех экономических условий, породивших вексель, возможна эмансипация от этой посредствующей ступени кредитной эмиссии.

Именно этим теоретически вполне обоснованным процессом характеризуется новейшее развитие кредитного оборота. Прион в своем труде, специально посвященном вексельно-дисконтным операциям [1]), вполне доказал общую тенденцию сокращения векселного оборота и роста оборотов «с наличными», при чем под наличными Прион понимает также и чеки [2]). Гильфердинг в «Финансовом капитале» также подтверждает падение роли векселей, что об'ясняется им широким развитием «книжного кредита», т.-е. жирооборота [3]). Также и анализ развития английской банковой системы приводит Яффе к выводу о том, что вексель, чем дальше, тем больше, теряет свой характер орудия обращения в связи с развитием платежей «наличными». Яффе считает товарное кредитование торговца производителем под вексель свойственным «относительно менее развитой ступени хозяйственного развития, на которой кредитование еще в значительной степени осуществлялось самими производительными капиталистами (Gewerberbetreibenden), и лишь небольшая часть этих векселей дисконтировалась в банке»; «кредитующим,—говорит Яффе,—здесь является в первую очередь еще сам производительный капиталист; на более развитой ступени организации, каковая уже достигнута в Англии, производительный капиталист продает за наличные (gegen Kassa), а кредит, который для этого необходим его клиенту, предоставляет последнему банк в

[1]) Prion, Das deutsche Wechseldiscontgeschäft, Leipzig 1907.
[2]) Ibidem, S. 120.
[3]) «Финансовый капитал», стр. 144.

форме авансов (Vorschusses); возможность наличного платежа покоится, следовательно, на том, что все кредитование постепенно концентрируется в банках» [1]). Наконец, Яффе отмечает, что хотя этот процесс в Англии окончательно еще не завершен, однако несомненно, что «товарный вексель постепенно исчезает из оборота, и в первую очередь уменьшаются именно лучшие товарные векселя», поскольку более солидным фирмам нет надобности совершать кредитные сделки при посредстве векселей [2]).

Но Прион, Яффе и Гильфердинг не совсем точно выражаются, говоря о вытеснении векселного оборота «наличными платежами», или, как выражается Яффе, «gegen Kassa». Это не совсем точно потому, что под «наличными» следует понимать действительные деньги в отличие от всякого рода платежей «заместителями денег» или «знаками денег» преимущественно кредитными деньгами, как векселя, чеки, банкноты. Между тем из платежного оборота вытесняется только одна из форм кредитных денег, а именно вексель, в то время как платежи в другой форме—чеках не сокращаются, но, наоборот, расширяются. Этот процесс происходит, особенно в Англии, за счет сокращения платежей действительно «наличными», т.-е. «субстанциональными деньгами».

Но, выражаясь не точно, указанные авторы имеют в виду именно то, о чем мы здесь говорим, т.-е. вытеснение одной формой кредитных денег другой. Чековые платежи вытесняют как платежи действительно «наличными», так и платежи в других формах кредитных денег, а именно—векселях и банкнотах. Поскольку Гильфердинг об'ясняет падение роли векселей развитием «книжного кредита», постольку ясно, что именно этот процесс он имеет в виду. То касается Яффе, то он в другом месте своего труда совершенно определенно говорит об этом, заявляя, что «результат тот, что из касс коммерческих домов почти совершенно исчезли банкноты и золото» [3]). Следовательно, тенденция заключается не в росте платежей «наличными», но, наоборот, при нашем понимании «наличности», вытеснении платежей наличными определенной формой кредитных денег.

Эта тенденция наибольшее свое развитие получила в Англии, где, по Витгерсу, 98% всех сделок в торговле совершается через банковский жирооборот и в Северо-Американских Соединенных Штатах, где, по мнению Фиске, в период оживления 95% всех сделок в торговле совершается без денег через банки.

Однако нужно заметить, что в других странах, как, например, в Германии, Франции, Австрии, Бельгии, СССР, эта тенденция еще не достигла такой степени развития, как в Англии и САСШ, что об'ясняется, главным образом, более эластичной системой банкнотной эмиссии в этих странах, благодаря чему здесь не форсируется развитие депозитно-чековой формы кредитной эмиссии, и поэтому платежи в банкнотах играют здесь большую роль. Впрочем, это об'ясняется и некоторыми моментами, специфичными для развития кредитного оборота этих стран. К этим моментам относится, например, степень развития банковской техники, как таковой, привычек «business man» (деловых людей) пользоваться «во всех случаях жизни» услугами банка и т. п. Так, в Англии мы, несомненно, наблюдаем самую совершенную в смысле техники и внутренней организации банковскую систему и самую высокую степень внедрения чековой книжки в деловой оборот. Нет более антибюрократич-

[1]) Jaffe, Das englische Bankwesen, S. 116.
[2]) Ibidem, S. 116.
[3]) Ibidem, S. 170.

ных учреждений, чем английские банки, здесь чеки оплачиваются немедленно по их пред'явлении, всегда без сверки подписей и ознакомления с состоянием счета клиента. В наших же, русских банках, и раньше и теперь, относятся с подозрением к каждому чеку, пред'явленному к оплате, или, как в личной беседе с нами выразился один русский культурный банковец, «в Англии на 100 посетителей банка допускают наличие 1 жулика, а у нас всегда уверены в 99 мошенниках из каждой сотни посетителей».

Или, например, специально привившаяся только в Америке практика акцептованных чеков «Zertifizirte Scheck», чрезвычайно расширяющая возможности чекооборота даже при наличии у банков множества мелких и мало «солидных» клиентов.

С другой стороны, огромное значение имеют и исторически выработанные в каждой стране принципы организации денежных систем и государственной валютной политики. Так, после того, как Австро-Венгрия, в результате перманентно расстроенного денежного обращения, наконец выработала свою систему банкнотного обращения, покоящуюся на строгом соблюдении banking principle, т.-е. учете солидных, краткосрочных и обязательно товарных векселей, сфера развития чекооборота в этой стране оказалась в значительной мере суженной, так как банкнотная эмиссия здесь стала, в противоположность Англии, основной формой кредитной эмиссии.

В общем, помимо других моментов, привившиеся в каждой стране принципы организации денежного обращения, несомненно, в значительной степени предопределили превалирование той или иной формы кредитной эмиссии. Так, по данным газеты «Times» [1]), на одного человека перед войной приходилось банкнот: в Англии—16 франков, Германии—47, Соед. Штатах—36, Голландии—94 и во Франции—143. Причины слабости банкнотной эмиссии в Англии нам уже известны. Но из сопоставления этих цифр совершенно ясно, что Англия, имевшая банкнот в 9 раз меньше Франции (в то время как торговый оборот последней значительно уступает первой) должна была каким-то образом заполнять дефицит в средствах обращения, и, как мы знаем, именно депозитно-чековая эмиссия с успехом заполнила этот дефицит [2]).

Новые факты и новые теории.

В оценке тех явлений, которые принес с собой быстрый темп развития депозитно-чековой эмиссии и чекооборота, очень легко впасть в крайности, в чем не трудно убедиться.

Одни экономисты, оставаясь рутинерами классической доктрины, упорно держатся за натуралистические определения капитала и кредита и поэтому совершенно не в состоянии теоретически охватить новейшие явления капиталистического развития. Другие, наоборот, увидели в факте этого развития нечто абсолютно и принципиально новое и, подобно Гану и Шумпетеру, провозгласили «переворот в науке» и обосновали так называемую «новую теорию кредита».

[1]) З. С. Каценеленбаум, Учение о деньгах и кредите, ч. I, 3-е изд., стр. 214.

[2]) По косвенным данным (штемпелевание), дающим далеко не полную картину, сумма обращающихся в Англии чеков возросла с 13 миллионов фунтов стерлингов в середине XIX века до 200 миллион. фунтов стерл. к началу XX века, в то время как лимит непокрытых золотом нот со времени Пилевского акта 1844 г. и до «Акта о банках и средствах обращения» 1923 г. вырос всего с 14 миллионов фунтов стерлингов до 19.750.000 фунт. стерл. (См. Hawtrey, Currency and Credit, New-York 1923, p. 79).

К первой группе относятся все те экономисты, которых мы назвали сторонниками «пассивно-натуралистической теории кредита» [1]). В качестве шаблонно-классического взгляда на банковский кредит этой группы можно привести следующий, установленный в категорической форме «закон»: «Банк не может оказать кредита на бо́льшую сумму, чем это допускают имеющиеся у него средства» [2]). Эта фраза, сказанная солидным русским экономистом и к тому же финансистом, А. Мануйловым, свидетельствует только о том, что автор этого «закона» просто не дал себе труда задуматься над современной капиталистической действительностью «как она есть». Наш анализ показал полнейшую абсурдность этого положения: банки в полном согласии с об'ективными экономическими законами могут оказывать и действительно постоянно оказывают кредит на значительно бо́льшие суммы, чем это допускают имеющиеся у них средства, ибо эти средства в форме акцептов, банкнот и чеков они сами эмитируют.

Но даже и Гильфердинг, который дал богатейший анализ новейшего этапа капиталистического развития и обстоятельно разработал вопрос о роли кредита, как организационной формы финансового капитализма, не дал полного анализа форм кредитной эмиссии. Анализируя эту последнюю и правильно вскрывая ее общую основу, Гильфердинг, однако, называет только две формы «замены кредита капиталистов банковым кредитом», а именно банкноты и акцепт [3]). Между тем мы показали, что депозитно-чековая эмиссия является такой же закономерной формой кредитной эмиссии, как и акцептная и банкнотная формы. Игнорирование депозитно-чековой эмиссии закрывает путь для понимания новейших явлений в области банковского кредита, а так как последний стоит в центре всей организации современного капитализма, то эта ошибка в значительной мере затрудняет анализ современного капитализма вообще. В этом отношении нужно отдать должное новейшим теоретикам денег и кредита, хотя они никакой Америки не открыли, но зато заострили внимание на этой новейшей форме кредитной эмиссии и показали ее огромное значение для теории денег и кредита. К этим теоретикам мы относим и Ирвинга Фишера, который включил кредит в свое «уравнение обмена».

Не нужно думать, что Ган «открыл» свой закон prius'a активных операций. Не говоря уже о его старых предшественниках, как Ло и Маклеод, которые другими словами выражали те же «идеи», номиналисты, как на ряду с Ганом, так и до Гана, вполне обосновали эту «идею». Так, Эльстер в своей «Душе денег» отчетливо провел разграничение между Handgeld («наличными деньгами») и Buchgeld [4]) («книжными деньгами») и показал, что банки создают эту вторую форму денег. Более того, Эльстер назвал и конкретную форму создания Buchgeld, а именно контокоррент (текущий счет). Правда, Эльстер, в соответствии со своей общей теорией денег не признает контокоррент как таковой деньгами. Для него деньги суть «платежные средства», а таковыми могут быть «все предметы, при посредстве которых переносится распоряжение возможностью участия в социальном продукте» [5]). Открытие же банком контокоррента своему клиенту еще не означает, что «возможность» такого «участия» в «социальном продукте» переносится в другие руки, что в случае Buchgeld происходит через списывание денежных сумм с одного счета на

[1]) См. нашу статью «Роль кредита и границы кредитной экспансии при капитализме», «Под Знаменем Марксизма» №№ 2 и 3, 1928 г.

[2]) А. Мануйлов, Курс политической экономии, т. I, М. 1919, стр. 249.

[3]) «Финансовый капитал», стр. 81.

[4]) Karl Elster, Die Seele des Geldes, II Aufl., Jena 1923, S. 58.

[5]) Ibidem, S. 59.

другой (durch Umschreibuug auf Girokonto) [1]). Но понятно, чтобы жиро-оборот имел место, банк должен был предварительно открыть жиро-счет, т.-е. контокоррент, и, поскольку этот последний открыт, может происходить списывание сумм с этого счета на другой в пределах «созданного» банком контокоррента. Следовательно, если и говорить о «творчестве денег» банком, то таковым будет самое открытие банком контокоррента клиенту (неиспользованный по жирообороту контокоррент должен рассматриваться как «наличность» клиента), а не жирооборот, который есть лишь результат этого так называемого «творчества денег».

На ряду с Эльстером и другой новейший номиналист,—и, по нашему мнению, это самая крупная фигура на номиналистическом горизонте,—Фридрих Бендиксен в своей теории «классического создания денег» (Klassische Geldschöpfung) рассматривает жироэмиссию на ряду с банкнотной эмиссией, как форму «создания денег»: «В качестве классических денег,—говорит Бендиксен,—банкнотам равноценны жиро-счета, создаваемые имперским банком на основе учтенных товарных векселей. Вместо уплаты вексельной суммы получателю банкнотами Рейхсбанк записывает соответствующую сумму на жиро-счет, и он располагает своим счетом при посредстве чеков и жиро-переводов. С Имперским банком в этой операции конкурируют многочисленные частные банки, которые также выступают в роли создателей жиро-денег [2]) (Разрядка наша. *З. А.*). При этом Бендиксен отмечает, что «в Имперском банке жиро-счета уменьшаются обычно при увеличении обращения банкнот и наоборот» [3], что вполне понятно, ибо банкнота и жиро-счет—суть две, замещающие друг друга, формы кредитной эмиссии.

Признав, в отличие от натуралистов, подобно Маклеоду, Гану или Шумпетеру, возможность банковского «создания денег», Бендиксен вместе с тем, в противоположность экспансивистам (и это его отличает от последних в выгодную для него сторону), строго ограничил сферу этого создания денег функцией обращения уже созданных, имеющихся в наличии в обществе и реализуемых товарных ценностей. Даже более того, создаваемые банком «деньги» выпускаются для обращения уже проданных товаров, поскольку только по учету векселей, возникших из продажи товаров, банк, согласно принципам Бендиксена, может выдавать ничем не покрытые банкноты или открывать жиро-счета.

Критикуя теорию «классических денег» Бендиксена, Лифманн указал [4]), что поскольку в периоды кризисов производство товаров может превысить пред'явленный спрос, постольку и ноты или жиро-счета, выпущенные под эти товары, могут быть избыточными и, следовательно, могут влиять инфляционно. Но Бендиксен заметил Лифманну, что «это возражение меня не задевает, ибо я определенно говорю: только проданные товары могут служить базисом для создания денег» [5]): векселя как раз и являются свидетельством уже совершенной продажи.

Несомненно, в теории Geldschöpfung Бендиксена несравненно больше реализма, чем в учении о кредите, как рычаге хозяйственного развития, которое развивают Ган, Шумпетер, Зомбарт, а также отчасти некоторые американские авторы. Бендиксен был бы близок к правильному пониманию сущности кредитной эмиссии (но не сущности денег, понять которые номиналистам не дано!), если бы он не пытался рационализировать стихийный процесс кредитной эмиссии. Он говорит относительно своих классических денег—банкнот, что «здесь лучше всего наблюдать, что товары и новые деньги одновременно появляются и одновременно исчезают; товары направляются к производителю, а деньги возвращаются в Имперский банк» [1]). При анализе форм реализации фондов кредитования (что мы дадим в специальном очерке) мы сможем убедиться, что Бендиксен, правильно подойдя к разрешению противоречий обмена в кредитной эмиссии, вместе с тем застыл на этой точке анализа и упустил из виду ту «мелочь», что если противоречия в данном случае разрешены, то это не значит, что они совершенно устранены: он знает только, из каких противоречий возникает кредитная эмиссия, но совершенно не понял тех противоречий, которые порождает сама кредитная эмиссия, и тех многообразных форм, в которых они проявляются. Но этим мы будем заниматься в специальном очерке...

Здесь же нам необходимо указать, на то, что помимо игнорирования противоречий самой кредитной эмиссии, а также общих противоречий капитализма, теория Klassische Geldschöpfung Бендиксена утопична еще потому, что она идет в разрез с тенденциями экономического развития. В самом деле: как выше было установлено, эта тенденция заключается во все большем вытеснении векселей из коммерческого оборота и развития контокоррентного банковского кредита. Между тем Бендиксен пытается как раз твердо связать, на манер практики Австро-Венгерского банка [2]), банкнотную и жиро-эмиссию учетом здоровых товарных векселей.

Несомненно, что с быстрым ростом концентрации капиталов и монополистических об'единений и, в особенности, унифицированием банковского и промышленного капитала в финансовом капитале, вексельный кредит, чем дальше, тем больше, становится пережитком, и это констатировано как Прионом, так и Яффе. Замена товарного векселя банкнотой или жиро-счетом имела смысл лишь в период промышленного капитализма, когда банки противостояли, как самостоятельные предприятия, промышленникам и купцам. При унифицировании же банкового и промышленного капитала надобность в векселе, как посредствующей ступени банковских форм кредитной эмиссии (акцепта, банкноты, чека), отпадает, ибо теперь вексель уже является не более, чем простой проформой, чисто-техническим, а не экономическим моментом. В самом деле: для чего промышленному концерну какого-нибудь Моргана пред'являть к учету, полученные по его торговым сделкам, векселя в свой собственный банк, когда он может без этой «формалистики» просто распоряжаться как аккумулированным, так и эмитированными пассивными фондами своего банка. Такая, например, вещь, как акцепт, имевшая большой резон, когда какому-нибудь мелкому или среднему капиталисту необходимо было легитимировать перед коммерческим миром свое обязательство, в условиях финансового капитализма теряет всякий смысл: Морган-банкир акцептует вексель Моргана - промышленника. Или: Морган - промышленник «просит» об учете своих векселей у Моргана-банкира. Очевидно, это бессмысленно, и, конечно, Морган мог бы только добродушно похлопать банкира Бендиксена по плечу за его «замечательно» остроумный и не менее наивный проект «классических денег».

Благодаря унифицированию промышленного и банковского капитала, первичная, исходная форма кредитной эмиссии сливается с ее высшей и заклю-

[1]) Ibidem, S. 68.
[2]) Ф. Бендиксен, Деньги, изд. «Право», Петр. 1923, стр. 33.
[3]) Ibidem, S. 34.
[4]) «Weltwirtschaftliche Archiv», Januar 1918, S. 15.
[5]) «Деньги», стр. 58.

[1]) «Деньги», стр. 58.
[2]) См. Силин, Кредитная политика эмиссионного банка и твердая валюта. Финансовое издательство, М. 1928 г.

чительной формой, а именно в форме депозитно-чековой эмиссии. Морган, одновременно и банкир и промышленник, просто открывает текущие счета в своем банке для своих же промышленных предприятий и предоставляет последним право распоряжаться своей депозитной эмиссией для операций по коммерческому кредиту в об'еме их торгового оборота. Это самый простой и вместе с тем самый удобный для него способ. Отсюда—и рост «сделок на наличные», отмеченный Прионом, Яффе, Гильфердингом. Конечно, эти «наличные» есть не что иное, как «наличные» текущие счета и внутримеждубанковский чеко-жиро-оборот.

То «разделение труда», которое существовало раньше между промышленными и торговыми капиталистами, создававшими первичные несовершенные средства обращения—векселя, и банковыми капиталистами, которые «перерабатывали» это «сырье» в совершенную и общественно-легитимируемую форму средств обращения, в условиях современного капитализма, если не исчезает совсем, то, во всяком случае, значительно уменьшается. С об'единением банкового и промышленного капиталов, ранее раздельные функции теперь соединяются: высшая форма кредитной эмиссии «отрицает» низшую форму, занимая ее место.

Выше мы показали, как депозитно-чековая эмиссия выполняет свою функцию при наличии первичной формы эмиссии и при отсутствии банкнотной эмиссии. Возвращаясь опять к нашему гипотетическому примеру, нетрудно нарисовать картину процесса товарного обращения, эмансипировавшегося совершенно от первичной формы кредитной эмиссии.

Но теперь уже наши старые знакомые А, В, С, Д, в соответствии с эпохой, превратились в финансовых капиталистов, владеющих и банками и промышленностью. Вместо того, чтобы покупать у В товар в кредит под вексель, А покупает за так наз. «наличные», т.-е. чеком на свой собственный банк. Получив чек на 10.000 рублей, В пред'являет этот чек в свой банк, который записывает эти 10.000 рублей в кредит контокоррентного счета В и в дебет счета банка А. Далее, А покупает, как и раньше, на 5.000 руб. товаров у С и на 5.000 руб. у Д, и расплачивается чеками на свой банк. Чтобы сократить дальнейший жирооборот, предложим С и Д при покупке товаров у А на 10.000 рублей прямо уплатить последнему чеками на банк В по 5.000 руб. В результате—А располагает чеками на банк В на 10.000 руб., и эти чеки он предъявляет в свой банк, который и погашает ими задолженность А по контокоррентному кредиту. В итоге банк А имеет на 10.000 руб. чеков на банк В и, обратно, банк В имеет на ту же сумму чеков на банк А: в клиринге они взаимно компенсируют свои требования; все счета забалансированы, товарные ценности совершили полный круг, и ни вексель, ни один доллар звонкой монеты не фигурировали в этом кругообороте товарных ценностей.

Хотя по форме кредитной эмиссии этот случай резко отличается от всех ранее рассмотренных случаев, однако и эта форма имеет то же содержание: процесс товарного обращения и коммерческий «взамный кредит», как его необходимую основу. Но, конечно, эта форма кругооборота не только не является «оборотом за наличные», но здесь мы имеем полнейшую эмансипацию не только от действительных денег, но даже и от банкнот и векселей. Но, несмотря на такую серьезную трансформацию кредитной эмиссии в этом типе кругооборота, поскольку полностью сохранен фундамент этой эмиссии, постольку сохраняют силу и ее об'ективные закономерности.

Эта последняя форма рассматривается нами, в силу указанных выше соображений, как специфическая для эпохи финансового капитализма форма кредитной эмиссии (что, конечно, не

отрицает наличия этой формы и в эпоху промышленного капитализма). Эта форма, с другой стороны, имеет большое значение для расширения грюндерства, которое сплошь и рядом питается контокоррентным кредитом, но этот момент уже относится к противоречиям самой кредитной эмиссии, и будет рассмотрен особо.

Исходя из наличия депозитно-чековой эмиссии, которая до поры до времени экономистами вообще даже не признавалась, экспансивисты строят на основе этого очевидного факта совершенно ложную теорию. Здесь прежде всего мы должны отметить ту гиперболичность, которую в призме анализа экспансивистов получают эти факты банковской кредитной эмиссии. Возьмем Витгерса (Withers) и рассмотрим ту самую V главу его «Денежного рынка», на которую столь гневно обрушился Яффе, возмутившийся, между прочим, тем, что Витгерса ставят на одну доску с «самим» Вальтером Бэджготом, автором популярного во всем мире «Ломбардстрита».

Уже одно название V главы «Денежного рынка» Витгерса «Создание кредита» представляет собой целую революцию для классической теории кредита. Витгерс, прежде всего, говорит о векселе, «который по удобству его передачи и по свойству обращаться в наличность при наступлении срока, можно рассматривать, как наличность» [1]). Затем констатируется, что монетой современного английского торгового и финансового мира является чек, и кредит на лондонском денежном рынке есть право выдавать чеки. Мы прежде всего рассмотрим, как создается это право выдавать чеки, и мы найдем, что оно обыкновенно создается ссудой со стороны банка [2]). Тут сразу же поставлена точка над i, хотя нужно сказать, что Витгерс это делает не в такой категорической форме, как Ган («обыкновенно» не значит—«всегда»!).

К тезису о создании депозитов банковскими ссудами Витгерс, в противоположность Гану, приходит не путем логического развития абстрактно-теоретических положений, но обобщением конкретного анализа балансов лондонских банков.

Взяв сводный баланс 6 крупнейших английских банков (кроме Bank of England), исключив из этого баланса фигурирующие в равной сумме в активе и пассиве акцепты и об'единив счета «внесенного» и «запасного» капиталов со «счетом убытков и прибылей» в пассиве, а «учтенные векселя» с «займами до востребования и краткосрочными» в активе, Витгерс дает следующую упрощенную картину этого баланса (в миллион. фунтов стерлингов) [3]):

ПАССИВ	%%	АКТИВ	%%
Долг акционерам	28½	Наличность в кассе и в Английском банке	43
Долг клиентам	249	Ценности	48
		Недвижимости	6
		Долг клиентов	[4])180½
Итого . .	277½	Итого . .	277½

[1]) «Денежный рынок», изд. «Книга», пер. Орбинского, М.-П. 1923, стр. 63.
[2]) Ibidem, стр. 63.
[3]) В английской практике, в противоположность практике континентальных банков, пассив помещается на левой, а актив на правой стороне баланса.
[4]) В русском переводе «Денежного рынка» опечатка: вместо 180½ напечатано 108½.

Из этого баланса делается следующий вывод: «Таким образом, оказывается,—говорит Витгерс,—что почти три четверти долга банков клиентам являются долгом клиентов банку, будучи взяты у банков в той или иной форме» [1]). Но тут же вслед за этой фразой Витгерс совершает поистине чудовищный прыжок из «царства» теоретической последовательности в «царство» полнейшего произвола над элементарной логикой: «Большая часть банковских вкладов, таким образом, оказывается состоящей не из внесенной наличности, а из открытых кредитов: каждый заем создает вклад, и так как наш баланс показывает 180½ миллионов займов, то из 249 миллионов вкладов 180½ были созданы займами».

Это действительно замечательная логическая эквилибристика. Каким образом из того факта, что вкладам на 249 миллионов соответствует в активе задолженность клиентов на 180½ миллионов фун. стерл., следует, что банк сам «создал», т.-е. эмитировал, вклады на 180½ ф. стерл.? Из самого баланса это никоим образом не вытекает, ибо баланс говорит только о том, что долг банка клиентам на три четверти покрывается долгом клиентов банку, но каким путем образовался этот долг банка клиентам, вкладом ли действительной наличности в банк этими последними или кредитованием банком своих клиентов, нам ровным счетом ничего не известно. Поэтому утверждение Витгерса, что «большая часть банковских вкладов оказывается состоящей из... открытых кредитов», остается совершенно голословным и во всяком случае ни в коей мере не обоснованным тем балансом, который анализирует Витгерс.

С таким же основанием (т.-е. без всякого основания!) натуралист мог бы сделать совершенно противоположный вывод, а именно, сказать, что вся задолженность клиентов банку в сумме 180½ миллионов полностью покрывается вкладом денежной наличности со стороны других клиентов банку, и что за счет этих вкладов банк кредитовал своих активных клиентов. Конечно, и этот тезис, который является стандартным во всех старых и новых банковских руководствах и сочинениях большинства экономистов, так же мало обоснован, как и обратный тезис Витгерса. Баланс сам по себе ничего не говорит ни за, ни против тезиса Витгерса: он глух к обеим этим теориям, и эти последние не могут поэтому базироваться на механическом сопоставлении цифр правой и левой сторон баланса.

Мы считаем ложными оба эти взаимно исключающие друг друга положения, а именно, как то, что кредитование осуществляется исключительно за счет вкладов денежной наличности клиентами, так и то, что эти вклады целиком суть порождение банковского кредитования. Наш анализ показал, что депозиты могут быть как аккумулированными, так и эмитированными, при чем эмиссия вкладов в одном банке может проявиться, как аккумулированный вклад в другом банке.

Теоретически необходимо разграничение аккумулированных и эмитированных депозитов, но практически анализ банковских балансов не может дать точного их разграничения, хотя приблизительно и лишь в качестве гипотезы можно это сделать. Если мы возьмем всю банковскую систему, как нечто целое, как единый банк, и, следовательно, исключим возможность аккумуляции одним банком эмитированных другим банком депозитов, то эти две группы депозитов представляли бы совершенно определенные величины. В действительности же такой определенности нет, и, конечно, в соответствии с анархической природой капиталистического общества, не может быть. Между тем, действительно «рациональная» кредитная политика, которая постоянно поддерживала бы равновесие кредита и денежно-товарного обращения, следовательно, равновесие капиталистического воспроизводства, была бы возможной только в том случае, если бы можно было строго определить эти два принципиально различных (выполняющих различные функции) фонда банковского кредитования. Вот почему Klassische Geldschöpfung Бендиксена, основанное на строжайшей «рационализации» кредитной эмиссии, в условиях капитализма есть nonsens, а при полном социализме не потребуется вообще никакого Geldschöpfung. По этим же основаниям и «рациональные» методы кредитной политики, предлагаемые А. Мюллером [1]) для регулирования кредита и денежного обращения в кон'юнктурном процессе, есть такая же иллюзия «рационального капитализма», как и Klassische Geldschöpfung Бендиксена.

[1]) Ibidem, стр. 67.

Яффе [2]), конечно, вполне прав, упрекая Витгерса в смешении фиктивных и действительных депозитов и полной замене вторых первыми. Эта ошибка Витгерса вытекает, по мнению Яффе, из того, что он смешал деньги в смысле средств обращения с деньгами в смысле капитала и поэтому сделал вывод о том, что все депозиты вообще «созданы» самим банком. Но вместе с тем и сам Яффе не может не признать, что нет «твердых данных» для разграничения депозитов на «текущие средства», которые могут искусственно создаваться самими банками, и «вложения», представляющие результат действительных сбережений. Однако, что называется «на глаз», Яффе все же определяет первые (Current-Account) в ⅔, а вторые (Deposit-Account) в ⅓ всей суммы вкладов [3]). Но первые еще не могут быть целиком отнесены к банковской эмиссии. К фиктивным текущим счетам Яффе относит только те, которые при существующей в Англии практике просто представляют собой механическую запись в пассиве открытых и неиспользованных еще клиентами кредитов, которые, следовательно, фигурируют дважды—и в активе, и в пассиве. Только эти текущие счета «созданы», а не аккумулированы банками. Такой метод записи открытых кредитов существует только в Лондоне, при чем ряд банковских директоров констатировал, что суммы таких текущих счетов составляют в среднем не более 10% всех текущих счетов и вкладов. Кроме того, фиктивными являются и все те банковские вклады, которые депонированы в Clearing-Haus (Расчетной Палате), благодаря чему одна и та же сумма депозитов фигурирует дважды [4]).

Однако при всем этом мы не думаем, что тут дело только в особенностях бухгалтерии лондонских банков или в фиктивном удвоении части вкладов, депонируемых банками в клирингах. Этими 10% Яффе хочет просто отмахнуться от вопроса о возможности и необходимости депозитной эмиссии. Яффе придерживается натуралистических взглядов в теории кредита, и вполне понятно, что он хочет свести спор в плоскость %% и бухгалтерских приемов. Но суть дела вовсе не в том, какова бухгалтерская практика в Англии и какой % депозитов представляет собой неиспользованные клиентами кредиты...

Так, установлено, что «создание депозитов» банками распространено в Америке, пожалуй, даже еще шире, чем в Англии. «Скорее большая часть этих так называемых депозитов, — говорит Hellwig, — являются только показателем представленных контокоррентных кредитов, которыми соответствующие клиенты могут распоряжаться посредством чеков. Ибо в Америке распространен обычай при предоставлении кредита таковой немедленно же заполнять для клиента по контокоррентному счету в полной сумме, и в то же время предоставлять клиенту возможность пользоваться чековым счетом.

[1]) Alfred Müller, Formen der Kreditexpansion und der Kreditpolitik, «Die Kreditwirtschaft» 1927, I T.
[2]) «Das englische Bankwesen», S. 195.
[3]) Ibidem, S. 196.
[4]) Ibidem, S. 193, 194.

Значительно меньше депозитных счетов возникает путем взноса наличными деньгами, чеками и векселями. Американские специалисты считают, что больше половины так называемых «депозитов по требованию» (demand deposits), т.-е. краткосрочных депозитных вложений, состоят из таких фиктивных и искусственно созданных депозитов» [1]). Кроме того, Геллвиг отмечает еще один весьма важный момент: «Цифры депозитов,—говорит Геллвиг,—далее также еще тем затемняют картину или искусственно повышаются, что большинство банков не дают возможности своим клиентам брать определенную часть предоставленных кредитов по текущему счету. Требуется так называемый «банкирский остаток» (Bankers Balance). Это приводит к тому, что клиент, которому необходим кредит в 800 долларов, должен получить таковой и оплачивать проценты в сумме 1.000 долларов, потому что он 20% постоянной суммы кредита должен держать на текущем счету. Требуемый банками минимум текущего счета различен в разных местах и в разное время, но в среднем, как минимум, требуется 20%» [2]). Геллвиг полагает, что таким методом искусственного повышения цифр депозитов банк широко пользуется в рекламных целях, и это, между прочим, по его мнению, делает невозможным сравнение цифр депозитов американских и европейских банков. «С достоверностью можно только допустить,—заключает Геллвиг,—что лишь так называемые «срочные депозиты» (Time Deposits), т.-е. долгосрочные депозиты (вложенные более чем на 30 дней), возникли путем действительных взносов» [3]).

Но Геллвиг в этом вопросе не оригинален: в своих выводах он лишь следует за американскими экономистами. Создание депозитов рассматривается целым рядом крупных американских экономистов, как вполне обычным образом» возникают путем выдачи ссуд, то самый факт создания депозитов американскими банками — это значит оспаривать вполне очевидные факты. Уальдо Митчелль (W. Mitchell), автор небольшой, но интересной работы о реализации банковских фондов, совершенно категорически, на основании фактов, заявляет, что «депозиты не представляют собой кассу, помещенную в банке: депозиты возникают, главным образом, путем выдачи ссуд» [4]).

Если далеко не все согласны с тем, что депозиты «главным образом» возникают путем выдачи ссуд, то самый факт создания депозитов признают и Робертсон [5]) и известный Тауссиг [6]) и др. Последние также как и Митчелль, утверждает, что депозиты «главных образом» «создаются», а не аккумулируются [7]).

---

[1]) Hellwig, Das Bankwesen der Vereinigten Staaten von Amerika, Jena 1[illegible] S. 26.

[2]) Цит. соч., стр. 26—27.

[3]) Цит. соч., стр. 27.

[4]) Mithel, The Uses of Bank Funds, p. 20 и след. В другом месте Митчелль устанавливает следующие три источника образования депозитов: «Депозиты возникают либо из 1) взноса наличными, 2) взноса по кассовым счетам (a deposit of cach items), как, напр., чеками а другие баки, 3) выдачи ссуд. Таким образом, мы рассматриваем ссуды и переучет, как один фактор, а вклады наличными и по кассовым счетам, как другой фактор, влияющий на депозиты» (Цит. соч., p. 6[illegible]

[5]) D. H. Robertson, Banking Policy and the Prise Level, London 19[illegible] p. 54 и др.

[6]) «Банки выполняют две функции, одинаково важные, но совершенно различные. Они — суть агенты по собиранию сбережений и инвестиций; они создают часть средств обмена» (F. W. Taussig, Principles of Economics, V. I, New-York 1923, p. 325).

[7]) «Но большая часть депозитов в Соед. Штатах и Англии не возникает таким путем (т.-е. путем аккумуляции сбережений. З. А.). Депозиты, главным образом (in main), создаются этими (депозитными. *З. А.*) банками» (Ibidem, p. 33[illegible]

Наш анализ показал, что депозитно-чековая эмиссия и возможна и необходима, ибо она выполняет определенную об'ективно-закономерную функцию. И если Яффе отрицает закономерность депозитной эмиссии, сводя эту последнюю к чисто-бухгалтерскому приему, то это говорит только о том, что Яффе в своем столь ценном исследовании английской банковской системы не смог, однако, дать правильной оценки новейших форм кредита. Такую оценку можно дать только в том случае, если отказаться от натуралистической теории кредита и капитала классиков. С другой стороны, новейшие экспансивисты и «полуэкспансивисты», решительно порвав с этим натуралистическими воззрениями, не смогли, однако, найти точку «теоретического равновесия» и сделали скачек в другую крайность, превратив банк исключительно в эмиссионный аппарат, что, разумеется, так же неверно, как и то, что банк только распределяет наличные капиталы в денежной форме.

Несомненно, что под влиянием работ современных экспансивистов, главным образом Гана и Шумпетера, старая догма теории кредита в значительной мере поколеблена, и сами натуралисты, подчас не отдавая еще себе в том отчета, ревизуют свое собственное учение. Так, З. С. Каценеленбаум, сторонник классической теории кредита, вместе с тем признает, что «эмиссионный банк имеет в известном смысле возможность создавать кредит» [1]), а «современные депозитные банки продолжают работу старых эмиссионных банков», занимаясь «эмиссией депозитов и чеков» [2]). Это, конечно, вполне правильно, но поскольку кредитование за счет этих эмиссионных фондов все же остается кредитованием, то следовало бы, пожалуй, пересмотреть также и классическую теорию кредита, ибо кредит, оказанный таким путем, отнюдь не представляет собой «перенесение реального капитала» от банка к его заемщику. Что же касается таких авторов, как Эльстер, Бендиксен, Витгерси Оутри, то их нельзя целиком отнести к экспансивистам. Они, правда, признают за банком возможность создавать кредит и в этом их отличие от натуралистов, но отнюдь не придают этому акту банковского «творчества» того значения, какое ему приписывают Маклеод, Ган, Шумпетери Зомбарт. Для последних кредит является рычагом обще-экономической экспансии, и банк «создает кредит» не только для обращения товарных ценностей, но главным образом для финансирования производства, для создания «новых производственных комбинаций», и без такого «творчества» невозможен поэтому вообще хозяйственный прогресс. В общем для них банки—это рычаги всей хозяйственной динамики: сама кредитная экспансия создает хозяйственный под'ем, и если постоянно поддерживать эту экспансию, то возможна и «вечно высокая кон'юнктура» (Ган), т.-е. perpetuum mobile хозяйственного под'ема. Между тем, Оутри в 1-й главе своего труда «Currency and Credit», именуемой «Credit without money» («кредит без денег»), рисует лишь процесс товарного обращения, совершаемый исключительно при посредстве кредита без наличных денег. Поэтому Ган не вполне прав, ссылаясь на Оутри, как на своего полного единомышленника, о чем он заявил во 2-м издании своей «Volkwirtschaftliche Theorie des Bankkredits». Зачисляя Оутри в свою «школу» [3]), Ган ссылается, например, на следующую фразу Оутри [4]): «Когда банкир ссужает, можно сказать, что он творит или создает кредит или «кредит». Это неясное (loose) выражение для описания двойной операции. Банкир принимает на себя немед-

---

[1]) З. С. Каценеленбаум, Некоторые проблемы теории кредита, М. 1926, стр. 51—52.

[2]) Там же, стр. 48.

[3]) A. Hahn, Volkwirtschaftliche Theorie des Bankkredits, 2 Aufl., Tübingen 1924, S. X.

[4]) Hawtrey, Currency and Credit, 2 ed., London 1923, p. 9.

ленное обязательство по отношению к своему клиенту в обмен на будущее обязательство клиента по отношению к нему» (Разрядка наша. *З. А.*). Но это отнюдь не равносильно основному экспансивистическому тезису о кредите, как prius motor'е хозяйственного развития. Оутри ограничивает функцию создаваемой кредитом покупательской силы по преимуществу товарообращением между производством и потреблением, в то время как у Гана и Шумпетера речь идет о финансировании за счет ad hoc создаваемой покупательской силы самого производства. «Кредит,—говорит Оутри, и это очень напоминает Бендиксена,—возникает в производстве и погашается в потреблении» [1]), и хотя Оутри признает стимулирующее (при кредитной экспансии) и сдерживающее (при кредитной рестрикции) влияние банковского кредита на об'ем производства, но замечает, что в этом случае будет потерян «стандарт ценности»: «Как расширение, так и сокращение кредита может поэтому происходить абсолютно безгранично (это при системе «кредита без денег. *З. А.*), но зато и соответствующее падение или повышение в ценности монетной единицы будет поэтому также происходить безгранично. В этом случае всякий стандарт ценности будет совершенно потерян» [2]), и задача заключается в том, чтобы разрешить конфликт между экспансивистическими тенденциями кредита и сохранением фиксированного стандарта ценности [3]).

Но отрицание «абсолютного закона» натуралистов о связанности банковских активных операций об'емом аккумулированных по пассиву средств еще не означает солидарности с гановско-шумпетеровской концепцией, и это сохраняет силу как по отношению к теории «Создания кредита» Витгерса, так и системы «Credit without money», Оутри, учения о Handgeld и Buchgeld Эльстера и принципов Klassische Geldschöpfung Бендиксена. Возможность банковского создания «покупательской силы» и даже методологическую приемлемость оперирования абстракцией «безденежного хозяйства» признавал также и Дж. Ст. Милль [4]), но он в то же время был бесконечно далек от концепции своего современника—экспансивиста и предшественника современных экспансивистов, «Конфуция Лондонского Сити» по выражению Энгельса—Маклеода.

Мы также признаем возможность и даже необходимость банковского «создания» средств обращения, как формы об'ективно-закономерной и необходимой для капитализма кредитной эмиссии. Но функции и границы этого «банковского творчества» мы, как это ясно из всего изложенного, понимаем совершенно по-иному, чем Ган и Шумпетер, концепцию которых мы уже подвергли критике в другом месте [5]), и здесь не имеем поэтому возможности на ней останавливаться...

Схема построения нормального баланса.

Мы выяснили строение банковских пассивов и общие закономерности их образования и реализации. Теперь мы имеем возможность дать общую схему равновесия банковского кредита. При учете эмитированных депозитов, как фонда банковского кредитования, приведенный в первой части настоящей статьи, баланс депозитного банка примет иной вид. Прежде всего необходимо

[1]) Ibidem, p. 10.
[2]) Ibidem, p. 13.
[3]) Ibidem, p. 16.
[4]) Дж.-Ст. Милль, Основания политической экономии, стр. 34, 44, 53.
[5]) «Роль кредита и границы кредитной экспансии» в «Под Знаменем Маркса» № 3 за 1928 г. См. также интересную критику этой концепции у Ф. И. Михалевского в статье «Теория кредита Hahn'а и Schumpeter'а»—«В. К. А.», кн. 26, 1928 г. и С. Выгодского в статье «Теория кредита Гана» в «Социалистическом Хозяйстве» кн. I за 1927 год.

включить в пассив эмитированные текущие счета. Возьмем среднюю между крайними оценками значения этой части текущих счетов в общей массе текущих счетов, а именно не 10% (Яффе) и не 75% (Витгерс), а 50% (Гелвиг). Тогда мы получаем следующее строение пассива:

Текущие счета	Эмитированные	3.150.000	35%
	Аккумулированные	3.150.000	35%
Вклады		2.700 000	30%
В том числе группа	A	1.800.000	20%
„ „ „	B	900.000	10%
	Итого	9.000.000	100%

Или в иной группировке:

Эмитированные фонды	3.150.000	35%
Аккумулированные фонды	5.850.000	65%
В том числе текущие счета	3.150.000	35%
„ „ вклады	2.700.000	30%

В согласии с развитыми выше положениями необходимо внести изменение и в строение актива. В соответствии с нашей номенклатурой форм реализации фондов банковского кредитования мы разобьем весь актив на 2 группы—1) денежного и 2) капитального кредитования, а эту последнюю группу на 2 подгруппы: а) кредитования в оборотный и б) в основной капитал. В виду изменения состава кредитного фонда меняются и пропорции кредитования между указанными тремя группами, а именно: на всю сумму эмитированных депозитов должно быть сокращено капитальное кредитование в оборотный капитал и увеличено денежное кредитование: тем самым мы исправим отмеченный в первой части статьи («Под Знам. Маркс.» № 4) дефект нашей схемы. Далее мы совершенно исключим из схемы кассовую наличность, которая составляет те 10%, которым, допустим, как раз равен весь собственный капитал банка и таким образом исключение этой статьи из актива целиком компенсируется исключением собственных капиталов из пассива.

Тогда распределение активов примет следующий вид:

Денежное кредитование	3.150 000	35%
Капитальное кредитование	5.850.000	65%
В том числе в оборотн. капит.	2.700 000	30%
„ „ в основной „	3.150.000	35%
Итого	9.000.000	100%

Итак, общее равновесие актива и пассива в %% таково:

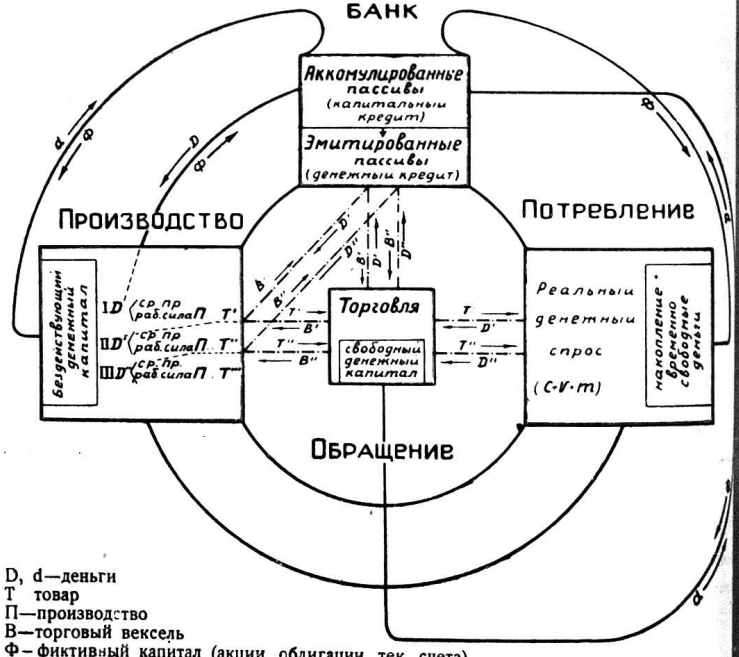
АКТИВ	%%	ПАССИВ	%%
Денежное кредитование	35	Эмитированные тек. счета	35
Капитал кредит. в оборотн. капитал.	30	Аккумулир. депозиты тек. счета.	35
„ основной „	35	вклады	30
	100		100

Конечно, цифровые пропорции взяты произвольно. Этими пропорциями мы хотим лишь общую закономерность банковского кредита свести к следующим моментам: при предпосылке, что собственные капиталы банка обслуживают исключительно наличные кас-

совые платежи, и, следовательно, не закреплены вообще в так называемых «продуктивных активах» (ссудных операциях), все денежное кредитование может полностью обслуживаться эмитированным фондом, а все аккумулированные депозиты могут быть использованы для капитального кредитования, при чем пропорция кредитования в основной капитал по сравнению с кредитованием в оборотный может быть выше отношения вкладов к текущим счетам в аккумулированном фонде.

Наш вывод, таким образом, сводится в общем к тому, что 1) процесс товарообращения имеет тенденцию полностью обслуживаться эмитируемыми банками фондом кредитования, 2) в форме аккумулированных текущих счетов происходит распределение оборотных капиталов во времени и пространстве, а 3) аккумулированные вклады плюс абсолютно стабильная часть текущих счетов идут на авансирование основных капиталов.

Исключив разграничение между кредитованием в основной и оборотный капитал, мы можем в намеренно-упрощенном виде схематически представить весь процесс банковского кредитования в следующей форме:



D, d—деньги
T товар
П—производство
В—торговый вексель
Ф—фиктивный капитал (акции, облигации, тек. счета)

Допустим, что 1) существует один только банк и 2) все обращение, все общественное накопление обязательно принимает кредитную (банковскую) форму. Из схемы мы видим, что источниками образования аккумулированных пассивов служат как производство, так и потребление и обращение,—словом, все моменты воспроизводства. Аккумулированные пассивы

(их стабильная часть) реализуется в порядке капитального кредитования: деньги направляются для производительных целей (к производителям), а банк приобретает права на этот производительный капитал, точнее на создаваемую им прибавочную стоимость. На схеме это изображено, как движение Д (денег) к производительным капиталистам и Ф (фиктивного капитала) от этих последних к банку. Далее идет процесс производства, и капитал совершает известные читателям по схемам воспроизводства Маркса метаморфозы. Результат производства T^1. Начинается процесс обращения, который требует времени. Между тем производство должно продолжаться. Обращение совершается при посредстве банка, а именно: производительные капиталисты реализуют оптом T^1 торговым капиталистам, каковые выдают первым B^1 (вексель). Производительные капиталисты отправляют этот вексель в банк и получают от последнего за счет эмитированного фонда деньги—безразлично, в какой форме (банкноты, жиро-счета), что дает им возможность продолжать, но уже на расширенной базе, производственный процесс; таким образом, открывается цикл II производительного капитала. Но процесс обращения еще не закончен. T^1 движется от торговых капиталистов к потребителям, в число каковых включены обе сферы потребления: личного (v + m) и производительного (c). Потребители получают T^1, а D^1 идут к торговым капиталистам и от них к банку. В обратном направлении (от банка к капиталистам) движется вексель (простой), выданный в свое время торговыми капиталистами производителям. В результате вексель снова в руках торговых капиталистов, а деньги (ранее эмитированные) у банка. Процесс обращения закончен, и вместе с тем погашена кредитная эмиссия как ее первичная форма (коммерческий вексель), так и ее заключительная форма (банкноты или жиро-счет). Начинается процесс обращения II цикла кругооборота, в котором повторяются те же моменты. Тем самым при предпосылке пропорционального развития отраслей производства дана возможность безграничного расширения процесса воспроизводства со стороны процесса обращения, который эмансипирован от металлической границы: само расширение процесса производства создает и расширенный процесс обращения и расширенную кредитную эмиссию.

III. Эволюция форм кредитной эмиссии.

Мы проанализировали различные формы кредитной эмиссии. Теперь нам остается в самых общих чертах остановиться на вопросе об исторической эволюции этих форм...

Совершенно правильно положение Карла Бюхера, что «о кредите в современном смысле в средневековом городском хозяйстве не может быть и речи»[1]). Попытку Бруно Куске опровергнуть этот тезис Бюхера в специальной работе «Возникновение кредитного хозяйства и капитального оборота» [2]) нужно признать неудавшейся. Что касается многочисленных фактов потребительского и государственного кредита, приводимых Куске, то они не противоречат тезису Бюхера, который отрицает не наличие кредита вообще в средние века, но именно «кредита в современном смысле». В отношении же так называемого «промыслового кредита» Куске приводит материалы, которые говорят о кабальном и ростовщиче-

[1]) Карл Бюхер, Возникновение народного хозяйства, перев. под редакцией И. Кулишера, изд. III, Петр. 1918, стр. 90.
[2]) «Die Kreditwirtschaft», Kölner Forträge, Bd. I, Leipzig 1927.

ском характере этого кредита (например, запродажа хлеба на корню). Случаи же нормального, действительно производственного кредитования городских кустарных промыслов, богато представленные в труде Куске (например, горшечный, кузнечный и горный промысла), относятся к более позднему периоду, а именно XVI—XVII векам, когда уже развивается торговый капитализм, и именно торговые капиталисты применяли «систему авансирования» производителей для расширения своих торговых оборотов [1]). Только в тех отраслях труда, где еще не были созданы все необходимые предпосылки для возникновения капиталистической промышленности, имело место относительно «мирное сожительство» и поддержка через кредит тех кустарных промыслов, на развитии которых пока еще должен был опираться торговый капитал. Поэтому сохраняет всю свою силу общая характеристика кредита в древние и средние века, данная Бюхером в следующих словах: «Ссуды между отдельными хозяйствами, хотя и имеют место, но обычно делаются беспроцентно и служат целям потребления. Производительный кредит с этой формой хозяйства не вяжется. Там, где в нее проникают денежные проценты, ссуды, они являются чем-то неестественным и влекут за собой, как это известно из греческой и римской истории, гибель должника. Поэтому запрещение церковью ростовщичества основывалось не на морально-богословских теориях, а на экономической необходимости» [2]).

Однако, при коренном отличии сущности и функций кредита при капитализме и в докапиталистическую эпоху, современные формы кредита развиваются из докапиталистических форм. Также и формы кредитной эмиссии ведут свое начало от докапиталистических форм таковой. Ниже мы отмечаем лишь некоторые, необходимые для нашего анализа моменты эволюции этих форм...

Банковские формы кредитной эмиссии возникают уже при зародышевых формах банкирской деятельности, когда банки еще не выполняли специфически кредитных функций, но служили лишь расчетными центрами [3]). Банкнотная форма кредитной эмиссии развивается на основе операции depositum regulare средневековых банкиров. Последние принимали вклады на хранение по весу металлических монет, а банкноты первоначально были просто свидетельствами о наличии этих вкладов [4]).

[1]) См. нашу критическую оценку работы Куске в рецензии на I том «Kreditwirtschaft» в «Под Знаменем Марксизма» № 1 за 1928 г.

[2]) «Возникновение народного хозяйства», III изд., стр. 79.

[3]) Таким чисто-расчетным банком был, например, Амстердамский Wisselbank, учрежденный в 1609 году. «Банкноты» этого банка были по существу чеками или «платежными ордерами». Интересна характеристика деятельности этого банка и его «банкнот», данная одним компетентным, по свидетельству Зомбарта, современником: «Он (т.-е. Амстердамский Банк. *З. А.*) представляет такие удобства для всего торгового мира, что немыслимо себе представить, чтобы кто-либо (из торговцев), пожив некоторое время в этом городе, не занялся деловыми операциями, ибо с помощью этого банка можно ежедневно производить миллионные платежи посредством простых платежных ордеров (Zahlungsanweisungen), которые называются «банковыми билетами» (русский пер. «Современного капитализма» В. Зомбарта, т. I, полутом I, Л. 1924 г., стр. 253). Совершенно очевидно, что такого рода «банкноты» имели мало общего с современными банкнотами.

[4]) Чисто-кассовые «банки» превращаются в Италии в «кредитные банки» уже в XIII—XIV веках. Кулишер отмечает, что «операция вкладов практиковалась в Италии в значительных размерах: население привлекалось к депонированию денег нередко высокими процентами по вкладам, уплачиваемым банкирам: поэтому банкротство менялы или банкира отражалось на широких кругах населения» («Лекции по истории экономического быта Западной Европы», изд. VI, т. I, 1920 г., стр. 214). Ясно, конечно, что «высокие проценты» могли уплачиваться только потому, что деньги не лежали в кассе, как это было у позднее учрежденных Амстердамского и Гамбургского банков (Ср. Зомбарт «Современный капитализм», т. I, полутом I, стр 253—255), но пускались в оборот в форме активных операций; следовательно, итальянские банки указанного периода были уже «кредитными банками», правда, на ростовщическом фундаменте. С другой стороны, банки сами широко практиковали пользование заемными средствами для товарной торговли. «Результатом последнего являлось замедление в обратной выдаче вкладов банкирами и даже отказ в этом: нередко также, вследствие неудач в торговле, наступало банкротство их и потеря вкладчиками помещенных у них денег» (Кулишер, цит. соч., стр. 224).

Закон стабильности вкладов, который выше был проанализирован, неизбежно должен был проявиться, поскольку развивалась вкладная операция, и отсюда появление активных операций за счет этой стабильной части вкладов. Но благодаря государственно-феодальной дробленности денежных систем, широкому распространению как подделки монет самими государями-феодалами, так и обрезывания монет в обращении, в междуфеодальном коммерческом обороте в качестве средства обращения все прочнее укрепляются указанного типа «банкноты», т.-е. простые цертификаты на металл. При этих условиях развитие активных операций банкиров за счет стабильной части вкладов, поскольку заемщики предпочитали получать эти «банкноты», а не металлическую наличность, происходило в форме депозитной эмиссии, но отнюдь не в форме банкнотной эмиссии.

В самом деле ведь эта средневековая так называемая «банкнота» была ничем иным, как именным свидетельством о наличии у банкира определенного вклада в металле, сделанном клиентом банка. «Банкнот» вне вклада первоначально не было [1]): банкир эмитировал не непокрытые банкноты, но непокрытые, фиктивные вклады, и так наз. «банкнота», как мы сказали, была ничем иным, как правом требования клиента к банку на этот эмитированный последним вклад. Первоначально эти банкноты были писанные, а не печатные, и платеж по ним мог производиться частями. Такие банкноты были не общественно-легитимированными денежными знаками, имеющими силу «законных платежных средств», как это имеет место сейчас, но скорее той формой кредитных денег, каковой является ныне чек. Следовательно, средневековые банкиры эмитировали вклады, и обращение этих так называемых «банкнот» были ничем иным, как обращением требований платежа по вкладу, т.-е. обращением современных чеков на банк.

В дальнейшем форма банковской эмиссии изменяется: банк, кредитуя за счет этого источника своих клиентов, выдает им не именные свидетельства на несуществующий в действительности вклад, но свидетельства на пред'явителя, и в этой форме «банкноты» становятся действительными банкнотами: не именными свидетельствами на вклад, но безличными обязательствами банкиров в уплате данной суммы в металле всякому, пред'явившему это свидетельство к размену [2]). Тем самым депозитно-чековая форма эмиссии переходит в банкнотную фор-

[1]) Таковыми были, например, в Англии, так наз. goldsmith notes (билеты золотых дел мастеров). Кроме того, первоначально эти «банкноты» передавались из рук в руки только по индоссаменту (Sombart, цит. соч., стр. 255), хотя банкиры боролись с индоссаментом, так как индоссирование коммерческих частных векселей превращало эти векселя в средства обращения и освобождало купцов от необходимости прибегать к услугам банкиров или золотых дел мастеров, что ослабляло роль как тех, так и других. Однако индоссамент победил: вексельное жиро без всяких ограничений было признано в Голландии в 1651 г.; французский указ 1654 г., а затем ордонанс 1673 г. (Тит. V о векселях) устанавливает правила индоссамента и т. п. (Кулишер, цит. соч., т. II, стр. 239).

[2]) Этот процесс превращения свидетельств на вклад в банкноты хорошо описан у Кулишера во II части «Лекций по истории экономического быта Западной Европы», стр. 224—228.

му, а депозитно-эмиссионные банки становятся банкнотно-эмиссионными. Поскольку эти эмитируемые банкирами вклады в более ранний период и банкноты в более поздний обслуживали процесс обращения, постольку их эмиссия была вполне закономерной. Многочисленные же крахи этих средневековых банков говорят только о том, что эти последние мало считались с функциями и закономерностями банковской формы кредитной эмиссии. Они занимались совсем не тем, чем «положено» им было заниматься «по штату», т.-е. по их роли в общественной экономике.

С ликвидацией феодального режима и образованием национально-государственных об'единений, правительства, с одной стороны, стараются оградить общество от злоупотреблений банкиров эмиссионными функциями, а, с другой стороны, сами хотят воспользоваться этими функциями для финансирования своих «государственных дел». Правительства сначала стараются наложить узду на произвол банкиров и воспользоваться в своих интересах как их эмиссионными функциями, так и аккумилируемыми ими вкладами; затем частные банки и банкиры постепенно лишаются эмиссионно-банкнотных функций, и эти последние становятся привилегией либо государственных банков, либо одного или нескольких частных банков, находящихся в очень интимной связи с правительством [1]).

Этот процесс растянулся в течение очень длительного периода, но в настоящее время с урегулированием эмиссионного дела в Северо-Американских Соединенных Штатах он может считаться законченным. В большинстве стран, как СССР, Франция, Англия, Бельгия, Швеция, Норвегия, Чехо-Словакия, Нидерланды, Швейцария, существует только по одному банкнотно-эмиссионному банку, и только в Германии 5 эмиссионных банков, в Шотландии—10, Ирландии—7 и Италии—3. Но и в этих странах доминирующее

[1]) Некоторые историки считают причиной возникновения центральных нотных банков финансовые потребности правительств, другие — организационные их преимущества. Sven Helander, специально исследовавший этот вопрос и давший, как он выражается, «общую теорию их (эмиссионных банков. *З. А.*) развития» на основе конструирования «идеально-типических методов» и абстрагирования от отдельных, уклоняющихся от общей линии развития моментов, приходит к иным выводам. Автор исходит из общей тенденции хозяйственной эволюции, заключающейся в переходе от неорганизованных индивидуалистических и неустойчивых замкнутых единиц к социальным и в силу этого более стабильным государственным образованиям. Та же тенденция в политической эволюции заключается в проведении национального и демократического принципа. Обе параллельных тенденции к организованности находятся во взаимодействии и приводят «к грандиозному общему развитию, которое лучше всего может быть охарактеризовано, как повышающееся обобществление» и отсюда потребность в имеющих возможность функционировать (fungibelen) платежных средствах, в кон'юнктурном регулировании, в повышенной финансовой мобильности...» (Sven Helander, Theorie u. Politik der Zentralnotenbanken in ihrer Entwicklung, H. I: «Theorie der Zentralisation in Notenbankwesen», 1916, S. 130). Образование центральных нотных банков как раз отражает эту присущую современному развитию «социалистическую тенденцию». Однако эту последнюю Helander понимает весьма своеобразно: «Рассматриваемый в своей общественной целостности центральный нотный банк имеет действительно социалистическую тенденцию, но, само собой разумеется, не в партийном и еще менее в государственно-социалистическом смысле» (Ibidem, S. 135). Эта тенденция проявляется в двояком смысле; во-первых, отрицательно в том, что соображения прибыли при удовлетворении спроса на кредит для Центрального Нотного Банка отходят на задний план; во-вторых, положительно в том смысле, что Центральному Нотному Банку присуща социалистическая тенденция регулирования общественных состояний (Zustände) для рассматриваемой здесь сферы общества в отношении пространства (между различными местностями и странами) и времени (в кон'юнктуре и общем развитии). На этот процесс большие надежды возлагал, как говорит автор, Сен-Симон; в схему Маркса также целиком включался этот процесс. Однако Маркс, по уверениям автора, оказался не прав в том отношении, что будто бы на ряду с этим общим централизационным про-

значение в общем об'еме банкнотной эмиссии принадлежит только одному банку, например, в Германии—Рейхсбанку. Лишь в Сев.-Амер. Соед. Штатах сохранилась плюралистическая система банкнотной эмиссии, но федеральная резервная система обеспечивает полное единство контроля и банкнотно-эмиссионной политики всех эмиссионных банков.

Современная система банкнотной эмиссии может быть поэтому охарактеризована, как централизованная и монистическая.

Но означает ли эта централизация банкнотной эмиссии вместе с тем и централизацию банковской эмиссии средств обращения вообще? Ни в коем случае, ибо, поскольку мы рассматриваем банкнотную эмиссию лишь как одну из форм банковской эмиссии средств обращения, постольку централизация и унификация этой формы эмиссии еще не означает общей централизации банковской эмиссии средств обращения.

Когда в средние века депозитно-чековая форма кредитной эмиссии трансформировалась в банкнотную форму и пользование этой последней ничем не было ограничено, тогда банкнотная форма была единственной формой банковской эмиссии средств обращения.

Поскольку же частные банки постепенно все более ограничивались, а затем и совсем лишились банкнотно-эмиссионных функций, постольку они стали пользоваться другими формами банковской эмиссии, а именно акцептной и депозитно-чековой. Эти формы развиваются еще в эпоху торгового капитализма и широко прививаются в коммерческой практике на всем протяжении эпохи промышленного капитализма.

Во времена Рикардо, Дж.-Ст. Милля и Маркса чрезвычайно широко распространяется первичная форма кредитной эмиссии, а именно обращение товарных векселей, создаваемых в процессе коммерческого

цессом, должны обостряться кризисы, что опровергнуто новейшим развитием. И здесь, как и в отношении других предсказаний Маркса, самое осуществление одной из открытых им тенденций как раз устраняет другую тенденцию, например, централизация эмиссионных банков устраняет кризисы! (Ib., S. 136). Все это говорится всерьез, при чем абсолютно никаких доказательств того, что кризисы устраняются развитием центральных нотных банков, автор не приводит. Очень курьезно вышло также и с «открытой» Helander'ом «социалистической» тенденцией центральных нотных банков. Оказывается, что поскольку этот «социалистический институт» находится в капиталистической обстановке и не может освободиться от несоциалистических влияний, постольку «Центральный нотный банк уже не является больше социалистическим образованием»; хотя этот банк есть национальный институт, но он находится в интернациональной зависимости, ярким примером чего может служить дисконтная политика, при осуществлении которой центральные нотные банки не могут не считаться с положением мирового денежного рынка. Итак, центральные нотные банки одновременно и социалистический и капиталистический институт, а именно «сверхкапиталистический и плюс к тому же национальный и демократический» (So die Zentralnotenbank als nachkapitalistische Institut, als nationales Institut und schliesslich auch als demokratisches Institut. Ibidem, S. 137). При этом демократизацию автор усматривает в том, что центральные банки вступают в связь с широкими кругами клиентеллы. Демократическую тенденцию автор считает необходимым усилить и перейти к мелким векселям, мелким нотам и т. д. Этот апологетический вздор преподносится под научным соусом «тенденций развития» и конструирования нового понятия «сверхкапиталистический», в котором погашаются специфически-капиталистические противоречия и одновременно заключены «социалистические принципы». Но Helander проявляет лишь явное непонимание как сущности капитализма, с одной стороны, так и социализма, с другой, и, наконец, Центрального Эмиссионного Банка, включающего в себя и капитализм и социализм в его понимании, с третьей стороны; ибо центральные нотные банки были и суть орудия господствующего класса, а так называемая «демократизация» этого банка лишь расширяет и укрепляет сферу его господства. Впрочем, теория Helander'а лишь частный эпизод на общем фоне кредитных иллюзий Гильдебранда, Деймера, Гезеля и т. д.

кредита. Вексель снабжается многочисленными бланковыми надписями, и такие жирированные векселя широко обслуживают товарный оборот [1]): одни векселя погашаются другими, а банкнота или звонкая монета в этом непрерывном потоке непосредственно-коммерческой формы кредитной эмиссии требуются лишь в сравнительно небольших суммах для покрытия взаимно некомпенсированной долговой разницы.

Банки не остаются безучастными к развитию этой формы кредитной эмиссии и, выступая в качестве акцептантов [2]) и инкассаторов коммерческих векселей, тем самым трансформируют эту непосредственно-коммерческую форму в опосредованную акцептом банковскую форму кредитной эмиссии.

На ряду с этим развивается также и депозитно-чековая форма кредитной эмиссии, но пока еще в непосредственной связи с коммерческо-вексельной эмиссией. Однако большинство экономистов того времени еще не смогли уловить этой формы кредитной эмиссии, и только экспансивисты, как Маклеод, Коклен, Цышковский, нашли определения этой формы, говоря о «создании» кредита и капитала банком вместо того «распределения» наличного капитала, которое знали классики и их эпигоны.

Новейшая эволюция капиталистической экономики принесла с собой и дальнейшую трансформацию форм кредитной эмиссии. Эта трансформация связана с отмеченным уже выше процессом концентрации капитала, ростом монополистических об'единений и унифицированием промышленного и банковского капитала в финансовом капитале. Она выражается во все большем вытеснении товарных векселей из коммерческого оборота, а в связи с этим естественно падает значение акцептного кредита или акцептной эмиссии [3]). Прогресс самого платежного оборота выражается в почти полной концентрации платежных расчетов в банках, и в результате — в широчайшем развитии жирооборота. А при наличии этой последней предпосылки создается возможность интенсивного развития

[1]) «В Ланкашире вплоть до середины XIX столетия векселя регулярно переходили из рук в руки, как средство платежа за товары, собирая в этом процессе почти невероятное количество индоссаментов» (Hawtrey, Currency and Credit, 2 ed., p. 197).

«Если при промышленном капитализме вексель является орудием коммерческого кредита, то в средние века его функция заключалась, главным образом, в инкассировании денег. Из коммерческого письма флорентийского торгового дома Черчи, обращенного к представителю его в Лондоне в 1921 г., видно, что вексель служил для следующих целей: «находящиеся в Лондоне представители флорентийского товарищества этим путем получают нужные им суммы с ярмарок Шампани, флорентийцы из Англии посылают через посредство товарищества деньги домой, кредитор во Флоренции инкассирует платеж у другого флорентийца, находящегося в Англии; представитель английского аббатства обеспечивает себе через посредство того же товарищества нужные ему для пребывания в Риме суммы» (Кулишер, цит. соч., стр. 218).

[2]) Акцепт, юридически признанный, впервые появляется в XIV веке. Стат. Лукки 1376 г., Флоренции 1393 г., Барселоны 1394 г. определяют юридические основы акцепта: акцептная надпись должна делаться обязательно на самом векселе, а не в особом документе, как это было раньше (Кулишер, цит. соч., стр. 217).

[3]) С развитием контокоррентного кредита роль вексельного кредита не только в Англии, но и в Германии в значительной мере упала. Вексельный оборот не развивается: так, по данным Somary («Bank politik», 1915, S. 31) все вексельное обращение Германии составляло:

1885 г.	12,06	миллиардов марок
1905 „	25,50	„ „
1910 „	33,39	„ „
1912 „	36,68	„ „
1913 „	36,24	„ „

Акцепты немецких банков резко упали во время войны, как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении к «дебиторам»:

депозитно-чековой или жиро-эмиссии, и эту возможность депозитные банки в наибольшей мере используют там, где существуют наибольшие ограничения для банкнотной эмиссии, и где депозитные банки своей жиро-эмиссией заполняют дефицит капиталистического общества в средствах обращения. «Жиральный кредит,—правильно замечает Ф. И. Михалевский,—вновь возвращает банкам возможность эмиссии средств обращения, отнятую у них привилегиями центральных банков» («Вестник Коммунистической Академии», кн. XXVI, стр. 36). Что же касается акцептной формы, то она сохраняется в качестве посредствующей формы банковской эмиссии внутри страны лишь постольку, поскольку векселя еще играют роль орудия коммерческого кредита; зато в международном обращении акцептная эмиссия остается единственной формой банковской эмиссии средств обращения. Правда, А. Вебер предлагает создать интернациональные банкноты и жирооборот [1]), но, учитывая противоречия интересов капиталистических стран и самую тщательную охрану каждой страной своего правительственного суверенитета в отношении внутреннего денежного обращения, вряд ли можно предполагать, что когда-нибудь будут созданы такие обязательные к приему внутри каждой страны международные средства обращения.

Итак, общий ход эволюции форм банковской эмиссии может быть представлен в следующем виде. Первоначально банковская эмиссия децентрализована, распылена между мелкими банкирами и представлена в депозитно-чековой форме; позднее эта форма трансформируется в банкнотную форму. Далее функция банкнотной эмиссии из'емлется из рук частных банков и банкиров, становится особой привилегией и концентрируется в одном или нескольких, пользующихся этой монополией банках. Вместе с тем банкноты легимитируются правительствами в качестве «законных платежных средств», обязательных к приему на ряду со звонкой монетой. Такое выделение банкнотно-эмиссионных функций приводит к большему или меньшему сокращению банкнотной эмиссии в сравнении с необходимым для товарооборота об'емом средств обращения. Дефицит этих последних покрывается развитием обращения жирированных коммерческих векселей, и на этой основе развивается акцептная форма банковской эмиссии. Это децентрализованая система эмиссии, ибо акцептными операциями занимаются не только крупные банки, но и мелкие банкирские дома и даже просто «вексельные маклеры» (бильброкеры).

Наконец, с развитием монополистического капитализма и широким распространением жирооборота и контокоррентного кредитования, банками патронируемых ими предприятий, акцептная форма банковской эмиссии заменяется той формой, которая была еще развита в средние века, а именно депозитно-чековой. Однако это не простая реставрация формы: современная депозитно-чековая эмиссия имеет совершенно иное содержание

В конце следующих годов	Сумма в млн. марок	%% отнош. к дебиторам
1911	2.048,78	29,7
1912	2.392,39	34,5
1913	2 398,14	35,1
1914	1.842,68	28,4
1915	1.011,87	16.3
1916	667,31	10,6
1917	613,15	8,15
1918	507,71	6,5

(Данные взяты у Carl'a Jores'a «Grundsätze des Geld-, Kredit- und Bankwesens», IV Aufl., Leipzig 1920, S. 191).

[1]) См. «Банковскую Энциклопедию» под ред. проф. Яснопольского, стр. 177.

в сравнении со средневековой формой. В связи с общим процессом капиталистической концентрации, происходит в широких размерах и процесс концентрации банков [1]), и, следовательно, распыленная между мелкими банкирами в средние века депозитно-чековая эмиссия в современном капитализме концентрируется в руках небольшого числа крупнейших депозитных банков, во Франции — в трех, в Англии — в пяти (Bug Five) и т. д. Эта форма банковской эмиссии в значительной мере оттесняет на второй план банкнотную форму. Банкнотами обслуживается более мелкий оборот, платежи служащим и рабочим, а также междубанковское сальдирование жирооборота [2]). Но большая часть всего коммерческого оборота, в Англии до 98%, в Америке до 95%, обслуживается этой депозитно-чековой формой банковской эмиссии. Ее роль превалирующая в современной системе банковской эмиссии. Эта форма эмиссии развивается тем шире, чем больше денежные расчеты в коммерческом обороте вытесняются так наз. «безденежными», т.-е., жирооборотом [3]). В самом деле при отсутствии этой предпосылки, депозитно-чековая форма банковской эмиссии невозможна, ибо банк оказался бы вынужденным уплачивать по «созданным» им депозитам своим клиентам той наличностью, которой при этом акте «творчества», конечно, нет, ибо иначе это не было бы «созданием кредита».

В связи с превалирующей ролью депозитно-чековой формы эмиссии осложняется задача регулирования эмиссии в соответствии с потребностями оборота в средствах обращения. Современное капиталистическое общество всегда стоит перед угрозой кредитной инфляции, а экспансивность

[1]) О концентрации банков с конца XIX века до 20-х годов этого века ценный материал собран у А. Вебера в «Депозитных и спекулятивных банках», М., ГИЗ, 1927 г., стр. 50—78. См. также Ленин «Империализм как новейший этап капитализма», Харьков 1922 г., гл. II.

[2]) Это подтверждается, например, данными о купюрах эмитируемых банков в Германии. По сведениям, приводимым Обстом, находящиеся в обращении банкноты распределялись по купюрам в следующих %%:

Сумма обр. в млн.	Годы	1.000 марок	100 марок	50 марок	20 марок
1.320	1895	35,6	64,2	—	—
1.409	1900	27,1	72,8	—	—
1.656	1905	25,6	74,4	—	—
1.885	1907	17,7	66,9	7,4	8,0
2.593	1913	15,2	58,5	10,0	16,3

То, что при колоссальном росте торгового оборота Германии с 1895 г. по 1913 г. удельный вес тысячемарковых банкнот упал с 35,6% до 15,2%, говорит о том, что как раз наиболее крупные сделки совершаются без наличных банкнот, которые оттесняются в сферу более мелкого оборота, что подтверждается ростом 50 и 20-марковых банкнот (См. Obst, Das Bankgeschäft, Theil II, S. 237).

[3]) О формах организации современного «безденежного» или «безналичного» платежного оборота см. Schippel-Scholle «Die Organisation des bargeldlosen Zahlungsverkehrs in Deutschland», Leipzig 1921; F. Schmidt «Bargeldloser Zahlungsverkehr» в Handwörterbuch d. Staatswissenschaften, IV Aufl., Jena 1924, Bd. II, S. 330—361; [9]. Hellander «Zahlungswerkehr» в Handwörterbuch der Betriebswirtschaft, Stuttgart 1928, Bd. V. Весьма плодотворна классификация Schippel-Scholle безналичного платежного оборота по «средствам» (mittel) и «суб'ектам» (Träger) (Указ. соч., S. 1198—1199). В отношении спорного вопроса о том, следует ли банкноты причислять к формам безналичного оборота, мы не согласны с Schmidt'ом и присоединяемся к точке зрения Hellander'а и Schippel-Scholle, рассматривающих платежи в банкнотах, как платежи наличными в отличие от жиро-чекового оборота. На русском языке о безналичном платежном обороте см. Куперман, «Безденежные расчеты», М., изд. НКФ, 1927 г.

HOOVER LIBRARY

даже считают эту последнюю законом хозяйственной динамики. Но капиталистическое общество не мирится с этим законом, и для борьбы с кредитной инфляцией вырабатывается система всевозможных рогаток кредитной экспансии, как-то: определенные нормы покрытия обязательств наличностью (в Америке непомерно-высокая норма—25%), отношения собственного капитала к депозитам и т. п. С другой стороны, и центральный банкнотно-эмиссионный банк старается регулировать депозитную эмиссию частных банков, что не всегда ему удается.

* * *

Мы проанализировали строение банковских пассивов, а именно формы их аккумуляции и эмиссии, а также эволюцию этой последней. Из изложенного ясно, что банковские пассивы, вопреки натуралистической теории, мы не мыслим, как строго определенный в своем об'еме фонд исключительно аккумулированных средств. Это—эластичный, подвижной фонд, при чем эта эластичность определяется в значительной мере эмитируемой частью этого фонда. Там, где банки пользуются наибольшей свободой эмиссии, как банкнотной, так и депозитно-чековой, налицо и эластичность банковских пассивных и активных операций, освобождающая растущее производство от связанности границами металлической наличности. С другой стороны, жирооборот или так называемые «жиральные деньги», аналогично действительным деньгам, имеют в каждый данный момент определенный коэффициент скорости обращения, повышение которого при данном об'еме депозитной эмиссии дает возможность расширять об'ем совершаемого при их посредстве товарного обращения.

Далее, при данном об'еме товарного обращения увеличение массы или скорости обращения одной формы банковской эмиссии (например, депозитной) сокращает границы для расширения другой формы (например, банкнотной) и наоборот. Наконец, недостаточное расширение всех форм банковской эмиссии вызывает необходимость роста металлических средств обращения или металлического резерва покрытия цертификатных банкнот, что естественно сокращает производительные силы обществ, ибо приводит к омертвлению части общественных материальных фондов.

Избыточная же банковская эмиссия приводит к инфляции, которая может быть как общей, т.-е. подрывающей устои валюты (при банкнотной форме), так и частной (при акцептной и депозитной формах), когда «обесцениваются» «жиральные деньги» именно данного банка, т.-е. попросту этот банк не в состоянии выполнить своих обязательств...

Но задача настоящего очерка ограничивалась лишь анализом тех противоречий, которые разрешаются имманентными капитализму формами кредитной эмиссии. Анализ же противоречий, которые возникают из этой последней и, проявляясь в многообразных формах банковских активных операций, разрешаются в кризисах, общей кредитной рестрикции (кредитной дефляции) и банкротствах,—выходит за пределы нашей темы.

Система Фурье[1]).

В. Волгин.

I.

Учение Фурье представляет собою весьма сложный комплекс идей да
леко не одинакового исторического значения. При их изложении чрезвычайн
соблазнительно выделить из этого комплекса то, что представляется сейча
наиболее ценным, то, что сыграло положительную роль в развитии социа
листических идей,—и на этом положительном сосредоточить внимание. Такая
постановка проблемы вполне правомерна, но при том условии, что исследо
ватель заранее отказывается от намерения дать о б щ у ю историческую
оценку учения Фурье и его социальную характеристику. Для последнего со
вершенно необходимо понять систему во всей ее целостности, со всеми ее
«положительными» и «отрицательными» чертами. Этим требованием опре
деляется характер настоящей статьи. Ее задача — кратко наметить основны
элементы теории Фурье, — независимо от того, какова их дальнейшая судьб
и их внутренняя ценность, — и показать, как эти элементы связываются
автором в единое целое, — в исторически данную систему фурьеризма.

Фурье вырос в малокультурной семье, принадлежавшей к среднетор
говой буржуазии Безансона. Он учился в провинциальной школе, рано бы
вынужден прервать свое образование, чтобы поступить приказчиком в то
говое предприятие, и в течение большей части своей жизни зарабатыв
себе средства к существованию в качестве торгового и конторского служ
щего. В сущности, Фурье был гениальным самоучкой, и ему свойственны к
положительные, так и отрицательные черты этого типа людей. Большую час
своих знаний он черпал из популярных журнальных статей и брошюр. Отсу
ствие серьезной школы наложило, несомненно, свой отпечаток на его систем
отразившись особенно сильно на ее общей, теоретической части.

В своей философии Фурье примыкает к самому реакционному напр
влению философской мысли XVIII в. — направлению мистико-теософско
В мироздании он различает три основных причины: бога, материю и ма
матику. Бог есть сила, приводящая мир в движение. Материя не сотворе
богом; но сама по себе она пассивна, движение материи дается ей бого
Наконец, математика также в своем бытии не зависит от бога, наоборот,
должен согласоваться с нею в своем творчестве и управлении миром.
движении материи существует, таким образом, математическая законом
ность. Но она подчинена закономерности телеологической, как средств
цели. Мир организован богом из материи при помощи математики как нес
целесообразный механизм. Все в нем подчиняется провиденциальному пл
ведущему мир к гармонии.

[1]) Настоящая статья представляет главу из печатаемой Гизом второй ча
«Истории социалистических идей».

Фурье стоит на такой философской позиции, при которой телеологическое понимание мира покрывает собою его каузальное понимание. Познать причины того или иного движения—значит для него познать цели, руководящие божеством, которое это движение вызывает. Фурье резко осуждает ученых, изучающих только действия и не желающих восходить к их движущим причинам — к плану и цели бога. Задача науки — понять законы, управляющие движением. Но так как эти законы даны материи богом, то понять их — значит открыть цели божества, постигнуть мир в его божественном предназначении.

Все сотворенное богом аналогично творцу. Кроме того, все сотворенное подчинено одинаковым математическим законам. Отсюда Фурье выводит закон всеобщей аналогии. Вселенная подобна богу: человек подобен вселенной или, как иногда выражается Фурье, является зеркалом вселенной. Так Фурье приходит, по существу, к христианскому учению о сотворении человека по образу и подобию божию. Закон всеобщей аналогии Фурье считает существенной частью своего учения и пользуется им весьма широко для подтверждения своих положений. Стремясь уяснить природу страстей человека, он проводит параллель между ними и музыкальными тонами или цветами: фазы развития общества он сравнивает с фазами существования небесных тел и т. п.

По отношению к социальному миру божественное провидение выражается в некоем социальном кодексе, который, однако, еще не осуществляется. Но такой кодекс не может не существовать: бог, давший законы для всех частей мироздания, не мог не дать их для социального движения человечества. Эти законы можно и должно открыть, исходя из основных свойств природы человека, — тех свойств, при помощи которых в человеке выявляется божественная воля. Таким выразителем воли бога в человеческой душе служат страсти, страстное притяжение (attraction passionelle). Весь мир подчиняется общим законам — законам движения. Закон материального движения — тяготение. Аналогичный ему закон социального движения — влечение страстей. Первый открыт Ньютоном, честь открытия второго принадлежит Фурье.

Итак, чтобы установить положения социального кодекса, необходимо изучить страсти человека. Зная их, из них нетрудно вывести уже чисто-логическим путем социальный порядок, соответствующий страстям, следовательно, соответствующий природе человека и воле бога. Социальный кодекс Фурье является, таким образом, как мы видим, своеобразным вариантом естественного права. Это — совокупность социальных норм, обеспечивающих социальную гармонию и выводимых из свойств человеческой природы, которые принимаются за основные. Метод установления этих норм — рационалистический. Эти рационалистические и естественно-правовые черты учения Фурье связывают его при всем его своеобразии с философией XVIII в.

Социальный кодекс может быть осуществлен лишь в результате прохождения человечеством ряда подготовительных к нему этапов. Это положение выводится в системе Фурье из устанавливаемого им закона двойственности движения. Во всех сотворенных мирах чередуются два типа движения: беспорядочный и гармонический. В качестве примера из мира материального Фурье ссылается на кометы и планеты. Первые подчинены беспорядочному движению, вторые — гармоническому; и кометы, по истечении определенного промежутка времени, должны превратиться в планеты. Точно так же и в социальном бытии человечества должны существовать века беспорядочности, дисгармонии, и века порядка, гармонии.

В соответствии с этим общим законом Фурье дает схему развития человечества, параллельную схеме развития индивидуума. Вся земная жизнь человечества продолжается 80.000 лет и распадается на 32 периода и четыре фазы. Первые семь периодов—периоды дисгармонии, но в то же время периоды роста человечества, накопления им сил. Они составляют первую фазу, соот-

ветствуют детству в жизни индивидуума и должны продолжаться 5.000 лет. Затем идут восемнадцать периодов гармонического существования, достигающие апогея между шестнадцатым и семнадцатым периодом. Века гармонии длятся 70.000 лет; это вторая и третья фазы. Начиная с двадцать шестого периода человечество попадает вновь в фазу дисгармонии, охватывающую последние семь периодов—старость человечества. Эта фаза длится опять-таки, как и первая, 5.000 лет. По прошествии их наступает конец земного существования человеческого рода.

Такова схема Фурье; он заполняет ее конкретным содержанием лишь для первой фазы, но в своей характеристике этой фазы он дает не мало интересного. Прежде всего здесь встает вопрос о том, какими конкретными обстоятельствами обусловлена дисгармония первых веков. Фурье отвечает на этот вопрос достаточно определенно. Причина дисгармонии состоит в том, что земной шар недостаточно снабжен средствами существования, необходимыми для человека, чтобы он мог с первых же шагов своего бытия обеспечить себе гармоническое развитие. Такое развитие Фурье считает возможным на других, лучше снабженных, небесных телах. Гармония требует изобилия. Земное человечество может достигнуть этого изобилия лишь рядом длительных усилий.

Человечество появляется на земле со страстями, созданными богом применительно к гармоническому существованию, которое должно длиться 70.000 лет, а не применительно к векам дисгармонии, этому, — с точки зрения общих планов провидения, — кратковременному этапу своего развития. Поэтому люди в первый период после сотворения, — эденический, как его называет Фурье, — повинуясь своим страстям, естественно, инстинктивно группируются согласно нормам социального кодекса в свободные ассоциации—серии. Страсти индивидуума не противоречат в этом строе общему благу: поэтому человечество не знает организации власти. Для Фурье, как и для его предшественников, теоретиков естественного права XVIII в., это — период естественного состояния, счастливого детства человечества. Люди живут, собирая плоды, занимаясь рыбной ловлей и охотой. Однако уже этот период знает зачатки скотоводства и земледелия.

Предпосылками этого «земного рая» были редкость первозданного населения и относительная легкость удовлетворения потребностей. Но с размножением человечества росли трудности в добывании средств существования, росла нужда, неизбежно разлагавшая первобытную гармонию. Поскольку тех ресурсов, какие предоставляла в распоряжение человека природа, было уже недостаточно, человек должен был развить свою индустрию. Лишь индустрия могла восстановить изобилие, необходимое, как мы знаем, для гармонии. Но для того, чтобы была создана индустрия, человечество должно было пережить века страданий. Оно должно было как бы отступить от своего первоначального положения, чтобы накопить силы и сделать новый прыжок вперед.

Когда первобытные ассоциации распадаются, им на смену приходят родственные семейные хозяйства. Отдельные семьи соединяются в орды, во главе орд появляются вожди, не располагающие еще, однако, принудительной властью, в семье женщина ставится в подчиненное положение. Основными занятиями людей является скотоводство. Этот период Фурье называет дикостью. Но порядки, установившиеся в период дикости, не в состоянии обеспечить человечество от нужды, связанной с ростом населения. Под давлением нужды на почве раздоров общественная организация диких—орда—разлагается на изолированные семьи, в которых вырастает деспотическая власть отца. Остальные члены семьи попадают в полурабство. Этот период—патриархат. В это время складываются между людьми отношения господства и подчинения. Но зато организация принуждения делает возможным развитие производства.

Патриархат, однако, тоже не в состоянии подвинуть производство достаточно далеко и создать условия для гармонии. Человечеству приходится сделать как бы еще один шаг назад. Патриархальные семьи вновь начинают соединяться. Из власти отцов вырастает деспотизм — возникает новый период, варварство. Общество распадается на два класса — господ и рабов. Варварство — время полного промышленного и женского рабства. Но именно это рабство и делает возможным под'ем индустрии. Если период дикости имеет своим признаком мелкую индустрию, патриархат — среднюю, то варварство создает уже крупную. С материальной стороны гармония уже возможна. Отступление человечества окончено, оно может опять двинуться вперед.

Следующий период, цивилизация, имеет своей целью дальнейшее развитие индустрии, но уже в новых, более совершенных формах, не на основах рабства, а на основах индивидуальной свободы. Цивилизация у Фурье отнюдь не совпадает с капитализмом. Она начинается уже в древней Греции. Очевидно, цивилизация не имеет единого производственного признака, она об'емлет и рабовладельческие общества античного мира, и средне-вековой феодализм, и период первоначального накопления, и современный Фурье промышленный капитализм. Ее первая фаза отмечена освобождением женщины, вторая — освобождением трудящихся. За второй фазой цивилизации следует момент ее апогея, высшей точки, какой она может достигнуть в своем развитии. К этому моменту цивилизация создает науку и искусство, необходимые для полного успеха гармонического строя. В качестве символа этих достижений Фурье берет экспериментальную химию и искусство мореплавания.

После апогея цивилизации все готово для перехода к гармонии. Однако этот переход еще не совершился, и потому цивилизация, осуществившая уже свое предназначение, должна была неизбежно пойти под уклон. Самые ее достижения, необходимые для блага человечества, стали служить во вред человечеству. Свобода, это создание цивилизации, в третьей ее фазе вырождается в торговую анархию, которая ведет к монополии торговых компаний. Дальнейшее движение человечества по кривой цивилизации должно привести к коммерческому феодализму, вырастающему из торговых компаний и подчиняющему всех своему господству. Цивилизация, в течение первых своих фаз — фаз под'ема — освобождающая человечество, в течение последних двух фаз—фаз упадка—вновь его порабощает. На место индивидуального рабства эпохи варварства она ставит коллективное рабство, основанное на экономической зависимости, на тирании индивидуальной собственности. «Цивилизация начала свое существование с крупных вассалов или олигархов, дворянских и патриархальных: она должна его закончить возвращением крупных вассалов, принявших другой образ — образ директоров или шефов акционерных компаний. Соприкосновение крайностей — таков общий закон движения».

К критике порядков цивилизации у Фурье мы еще вернемся. Сейчас, для полного уяснения социальной философии Фурье, нам необходимо обратиться к вопросу о том, какую роль в этом историческом процессе подготовки человечества к гармонии играет разум человека. Иными словами, как связывает Фурье сделанное им «открытие» божественного социального кодекса со своей философией истории?

Развитие человечества идет по плану, предустановленному богом. Но бог Фурье не желает быть деспотом. Являясь образцом, по которому сделан человек, он обладает всеми теми чертами, какие по учению Фурье свойственны его творению. Человек — существо социальное, предназначенное не для индивидуализма, а для ассоциации, таким же является у Фурье и его бог. Бог не желает творить один; он желает иметь соучастников в творении. Он хочет, чтобы человек был не его рабом, но сотрудником. По-

этому он предоставляет человеку известную свободу. Воля бога выявляется в человеке, как мы знаем, через посредство страстей: свобода—через деятельность разума. Человечество может ускорять и замедлять естественный ход общественного развития, оно может даже вовсе миновать известные его периоды. Для того, чтобы достигнуть гармонии, нужна индустрия, как одно из условий изобилия; но, с другой стороны, нужно понимание человечеством его судеб, открытие соответствующего воле бога и природе человека социального кодекса.

До сих пор человеческий разум не был в состоянии разрешить эту задачу. В течение веков дикости, патриархата и варварства это бессилие разума соответствовало планам бога. Если бы в один из этих периодов и был открыт социальный кодекс, человечество не смогло бы провести его в жизнь из-за слабости индустрии. Ясное представление о блаженстве людей при гармоническом строе и сознание невозможности его осуществления повергло бы людей в отчаяние и, может быть, приостановило бы развитие человечества. Но с того момента, как материальные предпосылки гармонии созданы, ошибки человеческого разума являются лишь препятствием к установлению гармонического порядка. Социальный кодекс мог бы быть введен в жизнь, по мнению Фурье, еще в век Солона. Если этого не произошло, если человечество лишних 2.300 лет провело в периоде цивилизации, то виноват в этом человеческий разум, его ложная наука. Подходя с этой точки зрения к рассмотрению современного периода, последних фаз цивилизации, Фурье характеризует все свойственные современности бедствия как кару божества за уклонение человечества от предназначенного ему пути, за замедление процесса исторического развития.

Сделанное Фурье открытие социального кодекса дает возможность легко и безболезненно перейти к гармонии. В соответствии с философско-исторической схемой Фурье первому гармоническому периоду предшествуют семь периодов. Четыре из них уже прошли для европейских народов. Это, как мы видели, эденизм, дикость, патриархат и варварство. Пятый, современный период — цивилизация. За ней следуют по схеме гарантизм и социантизм. Эти периоды — шестой и седьмой — человечеству пришлось бы пройти, если бы не открытие Фурье. История — тихоход, оплачивающий каждый свой шаг слезами и горем человечества. Поскольку люди знают теперь, как должна быть организована гармония, они могут, в силу прав, предоставленных богом человеческому разуму, ускорить этот болезненный прогресс, миновав гарантизм и социантизм, перепрыгнув через них. Что касается народов, живущих еще в периодах варварства или дикости, то они смогут перепрыгнуть сразу через все промежуточные периоды, в том числе и через цивилизацию.

Переход человечества к гармонии образует эру не только в истории человечества, но и в истории мироздания. Успехи человека, как сотрудника бога в творении, таинственным образом отражаются в виде нового творческого акта, изменяющего к лучшему материальную обстановку жизни человечества. Характеризуя эти изменения, Фурье дает полную свободу своей пылкой фантазии: он предсказывает улучшение климата земного шара в связи с появлением «северной короны», нового источника света и тепла, превращение морской воды в приятный напиток, появление новых пород животных, полезных для человечества и т. д. Эта странная идея, какой бы нелепой она нам ни казалась, логически связана с основами миросозерцания Фурье,—в частности с законом всеобщей аналогии. Если человек есть зеркало вселенной, то естественно, что гармонизации его бытия соответствует и гармонизация окружающего его внешнего мира.

В философии истории Фурье имеются известные черты материализма, унаследованные им от Руссо. Ей свойственно представление о несоответствии между потребностями человека и ресурсами окружающей его среды: это не-

соответствие является основным толчком к прогрессу человечества от первобытного строя до цивилизации. С каждым периодом Фурье связывает известные производственные признаки (дикость — мелкая индустрия, патриархат—средняя, варварство — крупная). Но степень развития индустрии рассматривается им не как основа данной социальной структуры, а как ее цель в соответствии с общим телеологическим характером его построения. Основным, стержневым признаком каждого периода Фурье считает—в связи со своей теорией страстей, как выражения воли бога в человека,—не признак производственный, а признак, наиболее связанный с игрой страстей—характер отношений между мужчиной и женщиной. Так, для эденического периода стержнем является свободная любовь, для варварства—полное рабство женщины и т. д. Зачатки материалистического понимания исторического процесса, таким образом, не получают в теории Фурье должного развития и занимают в ней подчиненное положение.

Следует отметить бессознательную диалектику, присущую теории общества Фурье. Общество движется вперед под давлением противоречия между ним и природой. Это противоречие в течение первой фазы преодолевается созданием индустрии. Устанавливается временное равновесие—вторая и третья фазы. Затем равновесие вновь нарушается, общество деградирует, возвращаясь к подобию своего первоначального положения. Аналогию с этой общей характеристикой развития человеческого общества в целом составляет развитие в течение каждого периода. Исходным моментом, по крайней мере для первых периодов, является нужда, вызываемая относительным перенаселением. Толкаемое ею общество создает свойственную данному периоду социальную форму, временно удовлетворяющую его потребностям. Затем эта социальная форма оказывается недостаточной; она распадается, чтобы дать место новой. Не чужды Фурье и некоторые общие диалектические формулировки. Таковы его законы «двойственности движения» и «соприкосновения крайностей». Однако диалектика своеобразно скрещивается у Фурье с рационализмом: «открытие» разума вторгается в развитие общества, нарушая его внутреннюю последовательность.

II.

Современная эпоха—это, по Фурье, эпоха упадка цивилизации, осуществившей уже все, что было предназначено в провиденциальном плане, создавшей все предпосылки для гармонии. Продолжение существования цивилизации вредно для человечества, влечет за собою бездну зол, ничем не оправдываемых и являющихся карой за неспособность человеческого разума открыть социальный кодекс, гармонический порядок.

Для Фурье существующий общественный строй — предел беспорядка, нищеты и разврата. Фурье дает одинаково отрицательную характеристику и политическим формам общества, и его экономическим порядкам, и его морали, и его философии. «Можно ли где-либо увидеть беспорядок более ужасный, чем тот, что царствует на земном шаре? Половина всей земли населена хищными зверьми и дикарями, что в сущности одно и то же. Из другой, подчиненной культуре, половины ¾ заселены варварами или головорезами, которые женщин и земледельцев обращают в рабство и во всех отношениях поступают против разума. Следовательно, только ⅛ земного шара остается на долю так называемых цивилизованных, похваляющихся своим превосходством и в то же время умножающих нищету и разврат до последней степени».

В чем причина такого бедственного положения населения земного шара, мы уже знаем. Сокровища природы далеко не исчерпаны. Способности человеческие велики, и человек по природе способен к развитию. Он достиг больших успехов в индустрии и науке. Но, благодаря несовершенной общественной организации, он не может как следует воспользоваться своими достиже-

ниями. Устройство общества — вот в чем корень зла. Благодаря ему в цивилизации из избытка рождается бедность.

Как это происходит? Если посмотреть беспристрастно на порядки, существующие в современном обществе, то нельзя не заметить, что весьма значительный процент населения—около двух третей—живет паразитически, за счет других. Работа этой части или непроизводительна, или имеет даже отрицательное значение. Фурье делает подробный обзор различных категорий паразитов, существующих в цивилизованных обществах. Он делит их на три группы: паразиты домашние, паразиты социальные и паразиты дополнительные. Первая группа—паразиты домашние. К ним Фурье относит прежде всего большинство женщин, которые заняты в домашнем хозяйстве или вовсе не работают (три четверти в городах и половина в сельских местностях); те, которые вовсе не работают, явно должны быть причислены к паразитическим элементам; те, которые заняты в домашнем хозяйстве, тратят свои силы с общественной точки зрения совершенно не целесообразно. К этой же категории относится три четверти детей, силы которых в существующем обществе совершенно не используются в городе и почти не используются в деревне. И, наконец, совершенно естественно сюда же следует отнести прислугу, не занимающуюся никаким производительным трудом, и всех занимающихся изготовлением ненужных предметов роскоши. Гораздо многочисленнее группы паразитов, относящихся к паразитам социальным. Здесь в качестве первой категории Фурье называет армию, военных всякого рода. Армию,—говорит Фурье,—держат без всякого производительного дела, пока не употребят ее для дела разрушения. Вторую значительную группу социальных паразитов составляют легионы чиновников и служащих, особенно занимающихся сборами податей и налогов. Третью категорию образуют добрая половина промышленников, изготовляющих ненужные или плохие предметы, вследствие ненадлежащей организации производства в обществе. Сюда же относятся девять десятых торговцев и служащих у них, две трети работающих в транспорте. К дополнительным паразитам относятся прежде всего безработные в виду отсутствия спроса на их труд и лодыри, отлынивающие от труда; далее софисты и пустые бездельники, т.-е. литераторы и адвокаты; затем — люди праздные, «comme il faut» и их лакеи; наконец, заключенные в тюрьмах, больные, различные отбросы общества, разбойники, мошенники, публичные женщины и т. д.

На ряду с паразитами Фурье ставит еще две общественные группы: агентов положительного разрушения и агентов отрицательного творчества. Первые —это, например, военные во время войны или спекулянты; вторые—производители бесполезных или вредных работ: строители разрушающихся зданий, рабочие, сводящие лес, который необходимо для страны сохранить и т. п.

Мы видим, что Фурье дает весьма полную классификацию разных видов паразитов. Нужно, однако, оговориться, что термин «паразит» не сопряжен у него ни в малой мере с какой-либо моральной характеристикой, с моральным осуждением. Он стремится лишь констатировать факт пользования со стороны известных общественных групп продуктами полезного общественного труда без соответственного эквивалента, без соответственной трудовой затраты. Таким образом, весьма многочисленные группы населения живут фактически за счет труда остальных.

Если мы перейдем к рассмотрению групп трудящихся и процесса труда, то раскрывающуюся здесь картину мы найдем не менее безотрадной. Производительность труда работающей части общества совершенно недостаточна в виду полной его неорганизованности. При существующей организации труда общество совершенно не в состоянии обеспечить всем своим членам сколько-нибудь сносное существование. Эта организация такова, что в ней даже успехи

индустрии приводят не к росту благосостояния, а к еще большей бедности. Фурье анализирует особенности двух существующих видов организации производства: мелкого производства и крупного производства. В мелком производстве труд собственника сопряжен с его интересами. Собственник трудится не из-под палки, а руководствуясь своим собственным желанием. Но зато этому будто бы самостоятельному труженику совершенно недоступны все достижения техники, недоступны блага кооперации. Мелкие хозяйства не в состоянии ввести у себя механические усовершенствования, не в состоянии производить необходимые мелиоративные работы. Раздробленность производства тормозит, таким образом, его рост. Образцом мелкого производства является производство сельскохозяйственное, и мы видим, что сельское хозяйство совершенно лишено участия в общем техническом прогрессе. Хотя труд собственника привлекательнее труда наемника, но человек создан для общества, все преимущества экономии и механизации он может получить лишь в крупной хозяйственной ячейке, а отнюдь не в отдельной семье. Если мы возьмем крупное производство, то здесь мы увидим и технический прогресс, и кооперацию. Однако мы увидим здесь и другую сторону медали—мы увидим, что труд является трудом подневольным, насильственным. Рабочие ни в какой мере не заинтересованы в результатах своего труда, и потому их труд отличается малой производительностью и плохим качеством. Труд может быть радостью и счастьем, в цивилизации он является страданием и проклятием.

Итак, мы имеем перед собою альтернативу: или труд собственника и отсутствие техники, или производство, технически усовершенствованное, крупное и принудительный труд из-под палки царя голода. Цивилизация оказывается совершенно неспособной соединить преимущества того и другого вида организации производства, только их соединение, соединение привлекательности труда, энтузиазма к труду, с одной стороны,—и применение всех достижений техники, всех благ кооперации с другой,—только такое соединение может дать должный уровень производительности труда. Цивилизация ведет к тому, что численность той части населения, которая занимается трудом, имея собственные орудия, мелких собственников—все более уменьшается. Между предпринимателями и трудящимися образуется все большая пропасть. Капиталы сосредоточиваются в немногих руках, и крупное производство, само по себе благодетельное, оказывается при цивилизации общественным бедствием. Концентрация приводит к монополии и отдает общество во власть кучки капиталистов, пользующихся своим положением для усиленной эксплоатации народных масс. Положение большинства трудящихся становится все хуже. Социальный прогресс—иллюзия. Богатый класс идет вперед, но бедный стоит на месте, все время у нуля. Богатство возрастает, а бедность не уменьшается.

На этой почве, на почве внутренних экономических противоречий развиваются социальные противоречия, социальные антагонизмы. Рабочий, который не является участником в продукции своего труда, который не заинтересован в ней, относится безразлично к результатам работы и к самому трудовому процессу. Отсюда происходит не только дурное качество продуктов труда. Рабочий начинает ненавидеть труд, потому что это—труд подневольный, основанный не на свободном влечении человека, а на насилии, нужде, угрозе голодной смерти, труд—страдание. Положение рабочего еще ухудшается в силу господства системы конкуренции. Его заработная плата падает до ничтожного размера, уровень жизни трудящихся неудержимо понижается. Чем более развита в стране промышленность, тем хуже оказывается положение рабочих. «Индустриализм, это—последняя наша научная химера». Но страна, наиболее индустриальная—Англия—в то же время страна с самым несчастным рабочим населением. «Английские рабочие не могут спастись от нищеты, буквально, умирают с голода в стране, где имеется избыток продуктов питания».

Рабочий не может быть уверен даже в том, что он всегда найдет себе работу, которая спасет его от голодной смерти. В результате мы получаем, с одной стороны, бесполезную трату некоторой части человеческого труда, плохие товары, а с другой—вражду рабочего к своему труду и ко всему существующему строю. Антагонизмами пронизана вся общественная система. В ней интересы покупателя противоположны интересам торговца, интересы фабриканта противоположны интересам рабочего, интересы правительства противоположны интересам управляемых.

Особенно яркий образец общей неорганизованности всей системы Фурье видит в торговле, на ней, на ее анализе он особенно подробно останавливается. Торговля, по своему существу, должна представлять собою только орудие потребления, средство, облегчающее использование обществом продуктов, изготовляемых производителями. Торговец — слуга потребителей. В действительности, в существующем общественном строе торговля является посредствующим звеном между производителями и потребителями,—звеном, не столько содействующим нормальному прохождению продуктов от первого к последнему, сколько нарушающим связь между тем и другим. Торговля поглощает массу капиталов, содержит массу рабочих рук,—какую же она приносит пользу при существующей общественной организации? Она, занимая выгодное положение между производителем и потребителем, держит в зависимости от себя и того, и другого. Своими приемами скупки и ажиотажа торговцы сеют лишь беспорядок. Начиная с XVIII в., торговцы постепенно овладевают обществом и при помощи биржи становятся повелителями повелителей. Спекулянты и аферисты держат в своих руках судьбы правительств и целых империй. Из наличия такого средостения между производителем и потребителем вырастает целый ряд чрезвычайно пагубных последствий.

Прежде всего к таким последствиям Фурье относит несоразмерность производства со спросом. Он дает яркую и для своего времени весьма интересную характеристику промышленного кризиса 1825 г. Но об'ясняет он кризис целиком махинациями торговцев. Одна группа торговцев, стремясь в своей жадности максимально использовать перспективы расширившегося американского рынка, перебросила в Америку в четыре раза больше товаров, чем рынок мог поглотить. Это вызвало застой в торговле, обесценение товаров и банкротства фабрикантов. С другой стороны, скупщики хлопка, в расчете на расширяющееся производство, закупили весь хлопок, бывший на рынке. Между тем фабрики остановились, скупщики потерпели крах, и последовала новая волна банкротств. Таким образом, мысль Фурье скользит по поверхности явлений: основную причину промышленных кризисов и перепроизводства он ищет не в организации самого производства, а в организации обмена, что сближает его с мелкобуржуазными критиками капитализма и радикально отличает от критиков социалистических, в настоящем смысле этого слова.

Выгодное положение торговли между производителем и потребителем позволяет ей фальсифицировать продукты и тем еще больше понижать качество тех продуктов, которыми пользуется потребитель. Добыть в Париже стакан натурального молока совершенно невозможно. Наконец, на почве торговли вырастают бесконечные спекуляции и банкротства, которые, будучи выгодны отдельным представителям класса торговцев, разоряют массы населения. Банкротство самое искусное и самое бесстыдное из всех мошенничеств. Фурье останавливается на вопросе о банкротствах с особенным вниманием, посвящает им не мало страниц и дает по своему обыкновению необычайно тщательную классификацию банкротств. Перечислив тридцать шесть видов банкротств, он утверждает, что это число можно еще удвоить.

В торговле и ее бедственных последствиях, как в фокусе, сосредоточено для Фурье все основные свойства неорганизованного строя цивилизации. Этот строй лишен какого-либо плана, каждый заботится только о том, чтобы

удовлетворить свои собственные интересы. Никто не думает о целом — об удовлетворении общественных потребностей. Господствующая система общественного устройства, утверждает Фурье, противоречит интересам как отдельных личностей, так и всего народа в целом. Это—война каждого против всех и всех против каждого. Индивид находится в состоянии непрерывной борьбы с коллективом, счастье одних основано на неудаче и даже гибели других. Лишь ничтожное меньшинство,—какая-нибудь одна весьмая населения,—довольно этим строем. Из семи восьмых недовольных большинство, принадлежащее рабочим и бедноте, не восстает лишь из страха наказания: его труд для них—мучение, от которого оно охотно освободилось бы. Враждебна существующему строю и значительная часть людей состоятельных. Кто же доволен цивилизацией? Ничтожное меньшинство праздных и привилегированных.

При всей красочности той характеристики, которую дает Фурье антагонизмам, раздирающим цивилизацию, его представление о классовом делении общества не многим выше представлений социалистов XVIII в. Для него основное деление общества—деление на богатых и бедных. Иногда Фурье пытается от этого деления отойти, дать нечто более точное, более дифференцированное. Но и в этих случаях он оказывается неспособен нащупать производственную основу общественной дифференциации. Так, в одном из своих произведений он делит общество на пять классов: двор, знать, буржуазия, народ и чернь. В другом он считает классами юристов, врачей, военных и т. д.

Анализ экономических порядков цивилизации занимает центральное место в критике Фурье. Но Фурье не менее резко клеймит и ее политические порядки, и господствующие в ней идеи. Интересно, что он, отнюдь не будучи материалистом в своих философских и социологических взглядах, очень недурно подмечает в эпоху цивилизации зависимость политических фактов и идеологии от экономических отношений. Экономический беспорядок находит себе выражение в политической несправедливости. Государство является, по существу, слугой и защитником привилегированных, богатых против массы населения. Его задача—обеспечение богатым спокойного обладания. Оно вооружает небольшое количество бедных рабов, чтобы держать в покорности рабов безоружных. Большинство знает государство только по налогам и наборам. Даже в справедливом суде государство отказывает бедному, так как он никогда не в состоянии обеспечить себе должную защиту против богатого. Правительства находятся в полном порабощении у «негоциантов» и это порабощение все возрастает. Коммерция—это новая власть, которая стоит наравне с государством и стремится взять его целиком под свою опеку.

Не лучше обстоит дело и с моральным состоянием общества. Так как в цивилизации каждый действует за себя и для себя, то эгоизм господствует над всем. В обществе столько моральных систем, сколько в нем классов. Как в области экономической Фурье заостряет свою критику на торговле, так в области моральной образцом беспорядка служат для него брачные отношения. В существующем обществе брак для женщин только механизм угнетения и страдания. Брак как будто изобретен специально для преступных людей. Это—своеобразная спекуляция, при помощи которой можно завоевать себе богатство и уважение, не будучи достойным ни того, ни другого. Женщина—товар, об'ект преступного торга. Настоящей любви в браке нет: поэтому супруги обманывают друг друга. Адюльтер—нормальное и как бы обязательное явление для большинства браков. Проституция в браке и проституция внебрачная, неизбежный результат бедности, по существу одинаково выявляют моральное падение общества.

Мы знаем уже, что ложная наука цивилизации задержала, по мнению Фурье, переход человечества к гармонии на две тысячи лет с лишком. Фурье высоко ценит развитие точных наук. Но науки неточные—мораль, политика, политическая экономия, философия,—являются в его книгах об'ектом самой

жестокой критики. Христианскую мораль Фурье отвергает за ее аскетизм, ее борьбу со страстями, этим голосом бога в человеке. Его отталкивает в не также идея воздаяния в ином мире за земные страдания,—идея, оправдыва щая существующее зло и дискредитирующая мирового творца. Не лучше мораль философов. Все они думают о подавлении и исправлении страсте Конечно, их моральные законы не могут иметь ничего общего с природ человека. Их попытки бороться с природой были бы опасны, если бы не бы смешны.

В последнее время моралисты отодвинуты в общественном внима новой сектой—экономистами. Мораль проповедовала презрение к богатст Экономисты, впав в противоположную крайность, начали восхвалять нажи Они ввели культ золотого тельца, вопреки протестам Руссо и Мабли. К мог произойти такой поворот? До середины XVIII века повсеместно госп ствовало предубеждение против торговли. Но торговля достигла своего полно торжества, и ученые начали ее восхвалять. Философы приспособились к мне века, их соблазнило золото. После краткой борьбы между лестью и критик золото победило, и философы превратились в самых низких лакеев куп Своей ложной теорией они освящают зло цивилизации вместо того, что искать из нее выхода.

Не способна найти этот выход и политика. Фурье относится рез отрицательно к великой революции и к революционерам вообще. Революци неры никогда ничего не созидали. Их методы годятся только для дезорга зации, для разрушения. Их братство и равенство—чистейший обман. Теор революционеров привели на практике к ограблению богатых в пользу инт ганов. Французская революция принесла столько несчастий, сколько благ о обещала. Нелепа и политическая цель революционеров—республика. Фур издевается над принципом народного суверенитета: трудно понять, что за суверен, у которого при изобилии продуктов в стране нет хлеба, и ко рому его приказчики не желают обеспечить даже права на труд и про точный минимум. Не верит он и во всеобщее избирательное право: оно д ведет лишь к тому, что народ продаст свой голос за экю. Если, таким образ ничего не может дать обществу теория и практика революционеров, то менее бессильны в деле преобразования либералы. Их проекты беспомощ половинчаты. Они хотят, реформировать управление, не трогая индустр У них нет даже и представления о необходимости глубоких изменений в эко мическом и социальном режиме.

Между тем положение общества таково, что необходимы срочные ме Напряженность общественных противоречий грозит социальными потр ниями, междоусобной войной. В этой надвигающейся социальной борьбе Фу не видит способа разрешения кризиса цивилизации. Стремясь ее предупред он противопоставляет учениям политиков, моралистов и экономистов с собственное открытие, всех примиряющее.

III.

Беда человечества вовсе не в недостатке средств достижения лучш Весь вопрос сводится к целесообразной организации производства. Ну лишь найти эту организацию и испробовать на опыте. Это—великий во судеб человечества, вопрос спасения или гибели, богатства или нищеты, может жизни или смерти современного человечества.

Мы видели уже, как рационалистически подходит Фурье к проб лучшего общественного порядка. По его мнению, существует некий предус новленный план социального порядка, план, который соответствует прир человека и велениям божества. Этот план надо найти, открыть при пом изучения основных свойств природы человека. Так как основным свойст

природы человека Фурье признает страсти, то задача построения нормального общественного порядка приводит к нахождению таких условий, при которых свободное удовлетворение человеческих страстей давало бы в то же время гармонию, гармоническое сочетание человеческих индивидуумов. Эта задача разрешима, ибо бог, ведущий миры, создал страсти, через которые он выявляет свою волю в человеке, не для того, чтобы их подавлять. «Природа страстей была и будет неизменной для всех народов». Существующий строй не дает удовлетворений страстям, наоборот—он их коверкает и стесняет, подчиняя придуманным людьми обязанностям, долгу. Одна группа населения вовсе не может большую часть своих страстей удовлетворить. Другая: если удовлетворяет, то удовлетворяет за счет других и следовательно не нормально. В нормальном строе место антагонизма должна занять полная гармония, полное наслаждение жизнью или, как выражается Фурье, должно наступить согласие между творениями и творцом.

Итак, для того, чтобы создать надлежащий общественный строй, нужно изучить страсти человека. Какие же страсти человеку свойственны? Страсти распадаются по Фурье на три группы: страсти материальные или чувственные; страсти аффективные—симпатические; наконец, страсти верховные, распределительные, честь открытия которых Фурье приписывает себе. Материальных страстей пять в соответствии с пятью органами чувств. Аффективных страстей четыре: дружба, любовь, честолюбие и семьелюбие. Они толкают людей на образование групп. Особенно важную, решающую роль в социальной теории Фурье играет последняя группа страстей—распределительные страсти. Их три: страсть к соревнованию или к интриге, страсть к разнообразию и страсть к творчеству или энтузиазм. До сих пор эти страсти не признавались. Их считали пороками. А между тем именно они способны формировать основные единицы гармонического общества—по терминологии Фурье серии.

Интрига, несмотря на доставляемое ею беспокойство, приносит всегда удовлетворение, если она проведена удачно. Это волнение необходимо душе. Интрига удваивает силы человека, изощряет его способности. Из страсти к интриге родится общее усовершенствование промышленности. При существующем порядке страсть к переменам стоит в резком противоречии с организацией труда. И самостоятельный рабочий, и наемный рабочий прикованы к монотонному труду на длительный срок, если не на всю жизнь. Но из этого не следует, что нужно бороться со страстью: наоборот, необходимо в соответствии с нею перестроить организацию труда. Страсть к творчеству, или composite—наиболее романтическая из страстей. Она рождается из соединений наслаждения души и тела, испытываемых одновременно. Такое соединение воодушевляет человека, родит в нем энтузиазм, облагораживающий и возвышающий все остальные страсти. Ни чисто-чувственные удовольствия, ни чистодуховные не в состоянии дать такого эффекта.

Совместное действие трех высших страстей приводит к гармонии, согласует между собою все страсти человека. Поэтому их открытие и применение является необходимой предпосылкой гармонического строя. Эти три страсти, вместе с четырьмя аффективными, дают еще одну, тринадцатую страсть—гармонизм или унитеизм. Гармонизм—это стремление человека согласовать свое счастье со счастьем всего окружающего его мира, всего человеческого рода. «Это—всеобщее взаимное доброжелательство, которое может развиться только тогда, когда весь род человеческий будет богатым, свободным и справедливым». Гармонизм подобен белому цвету, представляющему соединение ряда цветов: так и гармонизм представляет соединение страстей.

Итак, для того, чтобы в человеческом обществе воцарилась гармония, нужно построить такую общественную организацию, которая бы соответствовала как страстям материальным и душевным, так и страстям распределительным: к творчеству, к интриге и к разнообразию (composite, cabaliste,

papillone). Удовлетворение материальных страстей достигается известным уров-
нем материального благосостояния, комфортом и материальным довольством
Поэтому Фурье об'единяет их все под именем люксизма (от luxe—роскошь).
Для удовлетворения аффективных страстей необходима свобода группировок
людей в процессе труда по симпатиям и антипатиям. Эти четыре страсти
вместе носят наименование «группизм». Наконец, для удовлетворения распре-
делительных страстей необходима такая организация труда, при которой ни
один человек не был бы прикреплен к какой-нибудь одной разновидности
труда, при которой труд каждого был бы разнообразен, при которой каждый
выбирал бы себе известные виды труда по своему собственному влечению, что-
бы процесс труда давал трудящимся физическое и духовное удовлетворение,
вызывал энтузиазм, и, наконец, такая, при которой между различными кате-
гориями трудящихся возникало бы естественное соревнование, интрига. Для
этого необходимо соединение групп в высшие единства—серии, почему группи-
распределительных страстей получает общее название «сериизм».

Нам уже ясны теперь основные контуры того общественного здания,
которое для Фурье является осуществлением гармонии. Причины непроизво-
дительности общественного труда и всех пороков цивилизации в плохой орга-
низации труда. Труд должен быть организован и притом так, чтобы служил
удовлетворению человеческих страстей, которые являются двигателями обще-
ственного человека. Если труд будет отвечать основным страстям человека,
то он будет привлекателен, он будет давать удовлетворение, будет наслажде-
нием: тогда исчезнут антагонизмы, тогда не будет паразитов, тогда удвоится
производительность труда.

Основной хозяйственной ячейкой гармонического общества является, по
Фурье, ассоциация, которую он называет фалангой. Уже самые размеры фа-
ланги определяются на основе данных теории страстей. Страсти, рассуждает
Фурье, комбинируются в каждом отдельном индивидууме разным образом.
Отсюда разнообразие характеров у людей. Фурье со свойственной ему склон-
ностью к точным вычислениям определяет, исходя из числа страстей, число
возможных человеческих характеров в 810. При построении трудовой ячейки
необходимо исходить из этого различия характеров. Труд должен соответ-
ствовать склонностям. Наличие в ячейке всех 810 характеров обеспечивает
возможность для каждого найти себе занятия по склонности и для каждого
занятия найти исполнителя. Удваивая число характеров, чтобы иметь всегда
заместителей, Фурье определяет нормальный размер фаланги в 1.620 человек.
Допуская известные колебания нормального размера, он устанавливает пре-
делы состава ячейки от 1 600 до 2.000 человек.

Фаланга—производительно-потребительское товарищество. Основной
вид труда в ней—сельское хозяйство. По мнению Фурье, склонности к сель-
скому хозяйству и промышленному труду распределяются у людей в отноше-
нии 3 : 1. Поэтому промышленность стоит в фаланге на втором плане, отни-
мая только $^1/_4$ общего труда. Следовательно, фаланга нуждается в известной
земельной базе, которую Фурье, опираясь на свое вычисление личного состава,
определяет в одну квадратную милю. Для приобретения такого участка земли
и для первоначального оборудования необходим капитал в 4.000.000 франков.
Этот капитал Фурье рассчитывает получить путем привлечения в фалангу
капиталистов в качестве акционеров. Они должны сделать это отнюдь не из
филантропических соображений. Капиталисты, внесшие в фалангу пай, ста-
ляются ее полноправными членами, получают известную долю дохода, состав-
ляющую весьма значительный процент на капитал, и пользуются всеми пре-
имуществами жизни в фаланге.

Свою идею соответствия труда склонностям Фурье проводит весьма по-
следовательно. Он пытается найти соответственные категории труда для жен-
щин и для детей, для таких индивидуальных характеров, как обжоры, лодо-

тели животных и т. п. В фаланге никто не трудится по принуждению, всякий
выбирает себе труд по своему вкусу. Но труд, даже выбранный по склонности,
не может давать полное удовлетворение страстям, если он выполняется в оди-
ночку. Следующее требование, которому должна отвечать организация труда,
состоит в том, чтобы давать удовлетворение потребностям индивидуумов в
группировках согласно аффективным страстям—симпатиям. Следовательно,
ассоциация должна распадаться на свободно формирующиеся небольшие груп-
пы—примерно по 7 членов в каждой. Каждая группа занимается выполнением
определенной работы в пределах данной специальности. Тем самым создается
стимул соревнования с другими группами той же специальности и получается
удовлетворение страсти к интриге. Далее, труд должен быть организован так,
чтобы каждый индивидуум мог переходить в течение рабочего дня от одного
вида работы к другому, чтобы была удовлетворена его страсть к перемене, к
чередованию в работе. Эта цель достигается путем своеобразного распреде-
ления трудящихся по сериям. Фаланга делится на серии. Каждая серия связана
с определенным видом труда. Таким образом, может быть серия садоводов,
серия скотоводов, серия ткачей и т. д. Каждый гражданин или гражданка яв-
ляется членом не какой-либо одной серии, а целого ряда серий (30—40).
В каждой серии он в свою очередь выбирает себе определенную группу. Рабо-
чий день составляется не из сплошного труда в какой-либо одной отрасли
производства, а из смены небольших, так сказать, отрезков труда по часу
или по полтора в каждой серии.

Каждый член фаланги в течение дня переходит из одной серии в другую,
от одного труда к другому,—следовательно, тем самым он удовлетворяет
свойственную ему страсть к разнообразию. В каждой серии он участвует
в какой-либо группе, где подобраны товарищи ему по вкусу. Эта группа со-
ревнует с другими группами той же серии, стремясь дать продукты труда
высшего качества, стремясь в этой конкуренции труда победить другую
группу. Таким образом, удовлетворяются как аффективные страсти, так
и распределительные. Так как труд по склонности в свободно избранной
группе удовлетворяет человека и физически, и духовно, то он дает
также пищу и высшей из двенадцати страстей — энтузиазму. Член ассо-
циации не остается равнодушным к труду, он проявляет в нем всю свою
страсть к творчеству, к какой он способен. Наконец, полное развертывание
и полное удовлетворение всех страстей стимулирует расцвет гармонизма, как
их синтеза. Для члена фаланги, в отличие от человека, живущего в цивилиза-
ции, личный интерес сливается с общественным.

Конечно, при системе привлекательности труда, положенной в основу
ассоциации, не может быть и речи о наемном труде. В ассоциации трудятся
только ее члены. Но не надо думать, что режим ассоциации — режим равен-
ства. Мы уже знаем, что в ней есть капиталисты. Фурье вообще решительный
противник «химеры» равенства. Он считает, что основным недостатком дру-
гих проектов общественного преобразования является именно стремление
к равенству. Опираясь на свое учение о разнообразии человеческих характе-
ров и склонностей, как необходимом условии процветания фаланги, он тре-
бует, чтобы в фаланге были представлены все возрасты, все специальности
и даже, по возможности, самые различные размеры капиталов. Земледельцы
и работающие в промышленности должны составлять около $^7/_8$ состава фа-
ланги; остальные—это капиталисты, ученые и артисты. Но не послужит ли
эта пестрота состава источником антагонизма, внутренних раздоров в фа-
ланге? Фурье глубоко убежден, что в гармоническом строе не будет никаких
оснований для конфликтов между богатыми и бедными, и что поэтому богатые
Мондоры и бедняки Грожаны будут прекрасно друг с другом уживаться.

Капиталисты, участвующие в фаланге, могут пользоваться, как уже
было сказано, всеми преимуществами и удобствами жизни в фаланге, даже не

papillone). Удовлетворение материальных страстей достигается известным уровнем материального благосостояния, комфортом и материальным довольством. Поэтому Фурье об'единяет их все под именем люксизма (от luxe—роскошь). Для удовлетворения аффективных страстей необходима свобода группировки людей в процессе труда по симпатиям и антипатиям. Эти четыре страсти вместе носят наименование «группизм». Наконец, для удовлетворения распределительных страстей необходима такая организация труда, при которой ни один человек не был бы прикреплен к какой-нибудь одной разновидности труда, при которой труд каждого был бы разнообразен, при которой каждый выбирал бы себе известные виды труда по своему собственному влечению, чтобы процесс труда давал трудящимся физическое и духовное удовлетворение, вызывал энтузиазм, и, наконец, такая, при которой между различными категориями трудящихся возникало бы естественное соревнование, интрига. Для этого необходимо соединение групп в высшие единства—серии, почему группа распределительных страстей получает общее название «сериизм».

Нам уже ясны теперь основные контуры того общественного здания, которое для Фурье является осуществлением гармонии. Причины непроизводительности общественного труда и всех пороков цивилизации в плохой организации труда. Труд должен быть организован и притом так, чтобы служить удовлетворению человеческих страстей, которые являются двигателями общественного человека. Если труд будет отвечать основным страстям человека, то он будет привлекателен, он будет давать удовлетворение, будет наслаждением: тогда исчезнут антагонизмы, тогда не будет паразитов, тогда удвоится производительность труда.

Основной хозяйственной ячейкой гармочического общества является, по Фурье, ассоциация, которую он называет фалангой. Уже самые размеры фаланги определяются на основе данных теории страстей. Страсти, рассуждает Фурье, комбинируются в каждом отдельном индивидууме разным образом. Отсюда разнообразие характеров у людей. Фурье со свойственной ему склонностью к точным вычислениям определяет, исходя из числа страстей, число возможных человеческих характеров в 810. При построении трудовой ячейки необходимо исходить из этого различия характеров. Труд должен соответствовать склонностям. Наличие в ячейке всех 810 характеров обеспечивает возможность для каждого найти себе занятия по склонности и для каждого занятия найти исполнителя. Удваивая число характеров, чтобы иметь всегда заместителей, Фурье определяет нормальный размер фаланги в 1.620 человек. Допуская известные колебания нормального размера, он устанавливает пределы состава ячейки от 1 600 до 2.000 человек.

Фаланга—производительно-потребительское товарищество. Основной вид труда в ней—сельское хозяйство. По мнению Фурье, склонности к сельскому хозяйству и промышленному труду распределяются у людей в отношении 3 : 1. Поэтому промышленность стоит в фаланге на втором плане, отнимая только $^1/_4$ общего труда. Следовательно, фаланга нуждается в известной земельной базе, которую Фурье, опираясь на свое вычисление личного состава, определяет в одну квадратную милю. Для приобретения такого участка земли и для первоначального оборудования необходим капитал в 4.000.000 франков. Этот капитал Фурье рассчитывает получить путем привлечения в фалангу капиталистов в качестве акционеров. Они должны сделать это отнюдь не из филантропических соображений. Капиталисты, внесшие в фалангу пай, являются ее полноправными членами, получают известную долю дохода, составляющую весьма значительный процент на капитал, и пользуются всеми преимуществами жизни в фаланге.

Свою идею соответствия труда склонностям Фурье проводит весьма последовательно. Он пытается найти соответственные категории труда для женщин и для детей, для таких индивидуальных характеров, как обжоры, любители животных и т. п. В фаланге никто не трудится по принуждению, всякий выбирает себе труд по своему вкусу. Но труд, даже выбранный по склонности, не может давать полное удовлетворение страстям, если он выполняется в одиночку. Следующее требование, которому должна отвечать организация труда, состоит в том, чтобы давать удовлетворение потребностям индивидуумов в группировках согласно аффективным страстям—симпатиям. Следовательно, ассоциация должна распадаться на свободно формирующиеся небольшие группы—примерно по 7 членов в каждой. Каждая группа занимается выполнением определенной работы в пределах данной специальности. Тем самым создается стимул соревнования с другими группами той же специальности и получается удовлетворение страсти к интриге. Далее, труд должен быть организован так, чтобы каждый индивидуум мог переходить в течение рабочего дня от одного вида работы к другому, чтобы была удовлетворена его страсть к перемене, к чередованию в работе. Эта цель достигается путем своеобразного распределения трудящихся по сериям. Фаланга делится на серии. Каждая серия связана с определенным видом труда. Таким образом, может быть серия садоводов, серия скотоводов, серия ткачей и т. д. Каждый гражданин или гражданка является членом не какой-либо одной серии, а целого ряда серий (30—40). В каждой серии он в свою очередь выбирает себе определенную группу. Рабочий день составляется не из сплошного труда в какой-либо одной отрасли производства, а из смены небольших, так сказать, отрезков труда по часу или по полтора в каждой серии.

Каждый член фаланги в течение дня переходит из одной серии в другую, от одного труда к другому,—следовательно, тем самым он удовлетворяет свойственную ему страсть к разнообразию. В каждой серии он участвует в какой-либо группе, где подобраны товарищи ему по вкусу. Эта группа соревнует с другими группами той же серии, стремясь дать продукты труда высшего качества, стремясь в этой конкуренции труда победить другую группу. Таким образом, удовлетворяются как аффективные страсти, так и распределительные. Так как труд по склонности в свободно избранной группе удовлетворяет человека и физически, и духовно, то он дает также пищу и высшей из двенадцати страстей — энтузиазму. Член ассоциации не остается равнодушным к труду, он проявляет в нем всю свою страсть к творчеству, к какой он способен. Наконец, полное развертывание и полное удовлетворение всех страстей стимулирует расцвет гармонизма, как их синтеза. Для члена фаланги, в отличие от человека, живущего в цивилизации, личный интерес сливается с общественным.

Конечно, при системе привлекательности труда, положенной в основу ассоциации, не может быть и речи о наемном труде. В ассоциации трудятся только ее члены. Но не надо думать, что режим ассоциации — режим равенства. Мы уже знаем, что в ней есть капиталисты. Фурье вообще решительный противник «химеры» равенства. Он считает, что основным недостатком других проектов общественного преобразования является именно стремление к равенству. Опираясь на свое учение о разнообразии человеческих характеров и склонностей, как необходимом условии процветания фаланги, он требует, чтобы в фаланге были представлены все возрасты, все специальности и даже, по возможности, самые различные размеры капиталов. Земледельцы и работающие в промышленности должны составлять около $^7/_8$ состава фаланги; остальные—это капиталисты, ученые и артисты. Но не послужит ли эта пестрота состава источником антагонизма, внутренних раздоров в фаланге? Фурье глубоко убежден, что в гармоническом строе не будет никаких оснований для конфликтов между богатыми и бедными, и что поэтому богатые Мондоры и бедняки Грожаны будут прекрасно друг с другом уживаться.

Капиталисты, участвующие в фаланге, могут пользоваться, как уже было сказано, всеми преимуществами и удобствами жизни в фаланге, даже не

принимая участия в труде. Но Фурье уверен, что труд в фаланге, дающий полное удовлетворение страстей, труд — наслаждение, неизбежно привлечет к себе и капиталистов. Капиталисты будут работать рядом и совместно с бедняками. Однако Фурье оказывается неспособным провести эту точку зрения последовательно. Набрасывая проект примерного дневного распорядка труда в фаланге, он дает его в двух вариантах: для бедного и для богатого. Как мы увидим, они различаются весьма существенными чертами.

День Луки:

3½ ч. вставание, приготовления.
4 ч. сеанс в группе, работающей в конюшнях.
5 ч. » » » садовников.
7 ч. завтрак.
7½ ч. сеанс в группе косцов.
9½ ч. » » » огородников, работающих на парниках.
11 ч. » » скотников.
1 ч. обед.
2 ч. сеанс в группе лесников.
4 ч. » в фабричной группе.
6 ч. » в группе, занимающейся поливкой.
8 ч. на бирже.
8½ ч. ужин.
9 ч. развлечения.
10 ч. сон.

День Мондора:

3½ ч. вставание, приготовления.
4 ч. ознакомление с происшествиями.
4½ ч. первый завтрак.
5½ ч. сеанс в группе охотников.
7 ч. » » » рыболовов.
8 ч. завтрак, газеты.
9 ч. сеанс в группе огородников.
10 ч. в церкви.
10½ ч. сеанс в группе, занятой на фазаньем дворе.
11½ ч. в библиотеке.
1 ч. обед.
2½ ч. сеанс в группе, занятой в оранжереях.
4 ч. » » » культивирующей экзотические растения.
5 ч. » » » работающей в садках для рыб.
6 ч. закуска на свежем воздухе.
6½ ч. сеанс в группе, разводящей овец-мериносов.
7 ч. на бирже.
9 ч. ужин.
9½ ч. концерты, балы, спектакли, приемы, занятия искусством.
10½ ч. сон.

Богатый, как мы видим, свободен от работ в конюшне, от косьбы, фабричной работы. Он тратит гораздо больше времени на всякого рода трапезы и развлечения. Наконец, из всех видов труда для него подобраны такие, которые являются для богатого и в цивилизованном обществе излюбленным спортом (охота, рыбная ловля), или барской прихотью (оранжереи, рыбные садки и т. п.).

Тем не менее, эта работа в сериях будет, по мнению Фурье, не малым средством к сближению богатых с бедными. У богатого исчезнет его отвращение к труду и пренебрежение к трудящемуся. Он почувствует общность своих интересов со своим бедным соседом по работе. Ему не придется ждать от бедного попрошайничества, плутней и обмана. В свою очередь бедный перестанет завидовать богатому, ибо он, если будет оказывать богатому услуги, то дружески, добровольно, а не по найму. К тому же положение бедного в гармонии настолько изменится к лучшему, что его приходится приравнивать к положению буржуа в обществе цивилизации: «он будет жить не хуже нашего буржуа». Наконец, в том же направлении будет действовать совместное во-

питание детей. Таким образом, секрет единства интересов — в ассоциации. Все классы общества, ассоциированные и об'единенные общностью интересов, забудут взаимную ненависть, тем более что народу, увлеченному привлекательностью работы, не придется изнывать от тяжести труда, а богатые перестанут презирать физический труд, в котором они сами будут участвовать. Классовая рознь исчезает в общей гармонии.

Индустрия, как мы уже указывали, занимает в фаланге подчиненное место. Фурье чувствует, что определяемое им соотношение склонностей к индустрии и склонностей к сельскому хозяйству (1 : 3) может вызвать возражение со стороны возможной недостаточности одежды и предметов домашнего обихода. Этому возражению он противопоставляет указание на то, что в гармонии богатство будет покоиться на наибольшем потреблении и разнообразии пищевых продуктов и наименьшем потреблении и разнообразии тканей, одежды и домашней утвари. Он уверен, что при гармонии люди достигнут такого совершенства в изготовляемых ими предметах, при котором ткани и утварь станут практически вечными. Доброкачественность материала и изготовления и бережливое отношение с вещами дадут, по его мнению, фаланге колоссальную экономию и тем радикально сократят потребность в продуктах промышленности.

Фаланга в основе своей является, следовательно, сельскохозяйственной ассоциацией. Но сельское хозяйство носит в ней характер, резко отличающий его от сельского хозяйства цивилизации. Не случайно, что в приведенном нами распорядке трудового дня двух членов фаланги мы не находим ни одного сеанса, имеющего отношение к хлебопашеству. Фурье считает, что преимущественное значение хлеба, как предмета питания, об'ясняется историческими причинами, но вовсе не должно сохраняться навсегда. Во-первых, хлеб сам по себе вовсе не является излюбленной пищей людей, предпочитающих ему мясо и фрукты. Во-вторых, добывание хлеба связано с тяжелым трудом, влечение к которому встречается редко. Пахота, жатва, молотьба весьма мало привлекательны. По всем этим причинам в гармонии хлеба будет и добываться и потребляться очень мало. Его вытеснят мясо, фрукты, молочные продукты, изделия из сахара. В соответствии с этим в производстве выдвигаются на первые места огородничество, садоводство, птицеводство и т. п., а площадь хлебных полей сокращается до минимума.

Наличие в фаланге класса капиталистов не может не находить своего отражения в распределении продукта общественного труда. Классовое деление закрепляется системой распределения. Как мы уже говорили, капиталисты получают прибыль на внесенный ими капитал. Весь общественный доход делится в фаланге на три части. Капиталу из этого дохода причитается $^{4}/_{12}$, таланту — $^{3}/_{12}$ и труду — $^{5}/_{12}$. Фурье рассчитывает на весьма высокую производительность труда в фаланге. Поэтому по его вычислениям капиталист сможет получить на свой капитал до 15%, что должно послужить стимулом для капиталистов вкладывать свои средства в фаланги, дающие больший доход, чем частные предприятия. Капиталист, не желающий ставить свой доход в зависимость от больших или меньших успехов хозяйства фаланги, имеет право потребовать постоянного фиксированного дивиденда, который определяется Фурье в $8^{1}/_{3}$%. Акции в фаланге передаются по наследству, могут продаваться и по требованию их держателя выкупаются самой фалангой. Фурье подчеркивает сохранение полной подвижности капитала в гармоническом строе. Сделки совершаются в определенные часы на бирже, которая имеется в каждой фаланге.

Причитающиеся на долю трудящихся $^{5}/_{12}$ дохода распределяются между ними согласно некоторым основным принципам. Труд оценивается тем выше, чем он неприятнее, чем менее он притягателен, чем важнее он для фаланги в смысле закрепления связывающих ее уз общественности. Исходя из этих

принципов, фаланга классифицирует все серии со стороны их участия в общей прибыли. Гарантией справедливости распределения дохода между сериями является самый распорядок труда в фаланге. В самом деле, если бы кто-либо был только плотником или только каменщиком, он в силу корыстолюбия обязательно стремился бы защищать интересы плотников или каменщиков в ущерб другим профессиям. Но в фаланге именно заинтересованность будет побуждать каждого члена голосовать за строжайшую справедливость: ведь каждый участвует во многих сериях, и то, что он выиграет при несправедливом распределении, как работник одной или двух серий, он потеряет, как работник остальных. Система распределения дохода бросает новый свет и на систему распределения труда в фаланге. Пайщики-капиталисты ассоциации могут выбирать себе ряд серий гораздо более легких, чем те, в которых работает беднота ассоциации, которая не вносит в нее ничего, кроме личного труда. Капиталист не заинтересован в том, чтобы брать на себя большой неприятный труд косца, конюха и т. п., ибо капиталист рассчитывает, что он будет получать главную долю своего дохода не из тех $^{5}/_{12}$, которые причитаются труду, а из тех $^{4}/_{12}$, которые причитаются классу капиталистов в качестве процента на вложенный капитал.

В пределах каждой серии труд также оценивается неравномерно. Более старые и более достойные ее члены получают более значительную долю в прибылях: новички имеют право лишь на весьма скромную долю. Но, каковы бы ни были эти доли, каждый член фаланги обеспечен известным минимумом. Он знает, что его непосредственные, наиболее насущные потребности в пище, одежде и помещении всегда будут удовлетворены. Для членов фаланги, только в нее вступающих и не имеющих еще доли в доходах минувшего года, этот минимум гарантируется в форме аванса в счет доходов текущего года. Право на минимум средств существования, как и право на труд, является эквивалентом естественных прав человека на охоту, рыбную ловлю, собирание плодов, пастьбу скота, — прав, отнятых у него цивилизацией.

Никакого жалованья, никакой заработной платы никто в фаланге не получает. Фаланга знает только соучастников, делящих между собою общие доходы. Как капиталист в фаланге становится в силу привлекательности труда участником трудового процесса, так и трудящийся имеет все возможности стать после более или менее длительного срока пайщиком. Фурье предполагает, что доходы фаланги будут настолько велики, что каждый его член, желающий делать сбережения и помещать их в фонд фаланги, легко сможет это сделать. Пусть он приобретет хотя бы сперва лишь $^{1}/_{20}$ акции, — все же он будет уже чувствовать себя собственником. Цель не в том, чтобы уничтожить собственность, а в том, чтобы наемников превратить в собственников. Само собою разумеется, что такой член фаланги, как и принимающий участие в работе капиталист, будет получать долю в доходе как по категории труда, так и по категории капитала.

Подобно многим своим предшественникам, социалистам-утопистам XVIII века, Фурье уделяет в своих произведениях большое внимание внешней обстановке и быту фаланги. Все члены фаланги живут в одном громадном здании, расположенном в центре ее территории. Это здание Фурье называет фаланстером. Рассчитанное на 1.600—2.000 человек, оно должно быть больше даже таких дворцов, как версальский или Эскуриал. Центральная часть его отводится для столовых, библиотек, биржи, храма, телеграфа, зимнего сада и тому подобных общественных учреждений. В одном крыле будут расположены мастерские, работающие с шумом (кузницы, детские мастерские). В другом крыле большие залы для собраний и жилые помещения. Основное здание фаланстера связано со всеми другими зданиями системой крытых и отапливаемых галлерей и подземных коридоров. Таким образом, в фаланстере зимой можно пройти из жилых помещений в библиотеку, из библиотеки в конюшню и т. д., не зная даже, какая погода на дворе.

Гораздо важнее этих подробностей то, что говорит Фурье об организации потребления в фаланге. Потребление должно быть таким же коллективным, как и труд. Фурье — решительный противник раздробленного семейного домашнего хозяйства и воспроизводит в пользу общественного потребления все те доводы, какие выдвигались в защиту потребительного коммунизма еще отцами церкви. Он вычисляет, какая огромная экономия должна получиться от замены трехсот отдельных амбаров — одним амбаром и т. д. Однако отсюда отнюдь не следует, что потребление организовано в фаланге на коммунистических началах. В фаланстере имеются помещения разного качества и на разные цены, кухня фаланстера изготовляет завтраки и обеды различных категорий, даже в театре имеются ложи разной стоимости. Желающий может получить стол первого, второго или третьего класса, а при случае сделать кухне специальный заказ. Само собою разумеется, что высшие классы помещений и стола доступны только для богатых. Бедные должны довольствоваться третьим классом, ибо они по своим доходам не в состоянии оплатить роскошные квартиры и улучшенную пищу. Фурье утешает их и себя тем, что «продукты, которыми будет питаться третий класс, представляющий собою низы народа, будут гораздо тоньше и изысканнее тех деликатесов, которыми наслаждаются наши теперешние гастрономы».

Таким образом, фаланстер Фурье больше напоминает грандиозный отель со всеми удобствами, чем потребительную коммуну. Это и не удивительно. Не зачем было бы оставлять капиталистам прибыль на капитал, если бы они были лишены возможности использовать свои более высокие доходы путем повышения качества потребления. Эта особенность фаланги также тесно связана с ее центральной идеей, — об'единением капитала и труда в единой ассоциации, — как и различие в характере трудового дня для бедного и для богатого. Люди с различными доходами должны иметь склонность, — а следовательно, по общей теории Фурье, им должна быть предоставлена возможность,—по-разному жить. Неизбежности вытекающего из этих условий классового антагонизма Фурье совершенно не видит.

IV.

С хозяйственной системой фаланги тесно связана система воспитания, так как дети и детский труд занимают определенное и значительное место в общей трудовой организации, разрешая в ней одну из существенных проблем. Воспитание преследует в фаланге двоякую цель: развить в будущих членах фаланги общественные чувства и промышленные навыки. В обществе, построенном на привлекательном труде, соответствующем склонностям, на тех же началах, очевидно, должно строиться и воспитание. Фурье — один из самых горячих пропагандистов идеи трудового воспитания. Человек, предназначенный к труду, проявляет склонность к нему уже с самого раннего возраста. Надо, следовательно, лишь понять и использовать эти склонности вместо того, чтобы их подавлять. С другой стороны, человек предназначен в жизни к широкой общественной организации. Поэтому совершенно ненормально воспитывать его в одной из самых узких групп, — в семье. Воспитание должно быть не только трудовым, но общественно-трудовым. Организация воспитания должна быть, в известном смысле, подобием трудовой организации. Принцип серии должен быть в ней проведен со всею последовательностью. Только такое воспитание даст обществу граждан, всесторонне развитых для жизни в гармонии, доставит самим детям максимум радостей и удовольствий и даст возможность извлечь из детей громадную пользу вместо убытков, которые они причиняют в настоящее время.

Дети до 3-летнего возраста находятся на попечении особой серии нянь, которая составляется, как и все серии, исключительно из женщин, имеющих к этой работе влечение. Матери приходят лишь в известные часы для кормления ребят грудью. С 2 лет уже ребенок соприкасается с трудовыми процессами — пока лишь наблюдая, как работают дети старшего возраста и возясь с игрушками, которые должны все служить целям трудового воспитания. Детям в высокой степени свойственна подражательность, и, смотря на старших, ребенок обязательно начнет повторять сам то, что, как он видит, делают другие. Так, к трем годам он успеет уже пристраститься к тем работам, которые наиболее соответствуют его склонностям. В три года он сдает экзамен, после которого он поступает в специальные детские «маленькие мастерские», где он может даже начать зарабатывать себе средства к жизни. В таком же порядке переходя и далее с низшей на высшую ступень, ребенок постепенно превращается в полноценного члена фаланги. При этом на всех ступенях должны быть использованы в качестве двигателей свойственные детям влечения. Принципами и здесь остаются свобода, соревнование, перемена.

Очень интересны, хотя и парадоксальны, соображения Фурье о методах воспитания чувств ребенка. Из пяти чувств ребенку мало свойственно чувство осязания, развивающееся лишь в половой зрелости. Поэтому задача воспитания — содействовать усовершенствованию остальных четырех чувств: зрения и слуха, обоняния и вкуса. Для развития первых двух Фурье рекомендует оперу, последних двух — кухню. Опера есть для Фурье весьма богатое содержанием понятие. Опера сочетает в одно стройное, гармоническое целое ряд весьма разнообразных элементов: пение, игру на инструментах, поэзию, жест, танцы, гимнастику, живопись и механику. И все это подчинено математической правильности. Все элементы оперы весьма привлекательны для ребенка; каждый из них развивает в нем полезные качества и таланты. Опера, как целое, является школой единения и гармонической деятельности. Наконец, по своему содержанию она служит школой нравственности, ибо в ней следует внушать детям отвращение ко всему, что оскорбляет чувство справедливости, истины и единения. Само собою разумеется, что дети, согласно общему принципу, только в самом раннем возрасте приходят в оперу в качестве зрителей, в дальнейшем становясь ее активными участниками. Не меньшее значение имеет в воспитании кухня, и ею ребенок может заинтересоваться не меньше, чем оперой: сама природа вложила в него страсть к кухне. Помимо того, что кухня развивает два чувства, необходимые для человека, она является отправным пунктом для получения целого ряда полезных знаний в области ботаники, зоологии, анатомии, она возбуждает в ребенке интерес к агрономии и зоотехнике.

Научное образование в системе Фурье дается как своеобразная надстройка над промышленным воспитанием. Учение должно базироваться на той любознательности, которая рождается из занятий трудом. Даже интерес к изучению грамоты пробуждается в связи с интересом к тому или иному виду труда. Ребенок узнает, что из книг он может почерпнуть интересные для него сведения, относящиеся к любимому делу, и что продвинуться дальше в этом деле он сможет, только став грамотным. Он по собственному желанию попросит, чтобы его учили. Гораздо проще идет дело на дальнейших ступенях. Отдельные виды работ сами собою толкают ребенка к изучению математики, химии, естествознания. Этими толчками нужно только уметь воспользоваться.

Дети, принимая участие в трудовых процессах, с раннего возраста являются полезными работниками фаланги. Но кроме того они выполняют в ее хозяйственной жизни еще некоторые специфические функции. Дети и юноши обнаруживают всегда склонность к служению обществу. Фаланга должна использовать эту склонность, поручая детям выполнение тех работ,

которые имеют большое общественное значение и в то же время отталкивают взрослых. «Механизм притягательности труда оказался бы несостоятельным, если бы не были найдены иные приманки кроме золота для исполнения неприятных работ». Привлечь к этим работам детей тем легче, что в большинстве своем они отличаются манией неряшливости и беспорядка. Эти свойства нужно лишь развить и усовершенствовать при помощи религиозного чувства и корпоративной чести. Они должны также найти себе место в общей системе гармонии, будучи положены в основу организации особых детских дружин, которые Фурье называет маленькими ордами. Эти орды всегда на ногах в три часа утра, они чистят животных, конюшни и стойла, работают на бойнях, заботятся об исправном состоянии и чистоте дорог. Несмотря на отталкивающий характер всех этих работ, члены орд получают за них самое маленькое вознаграждение. Зато орды пользуются в фаланге большим почетом: на торжествах их приветствуют прежде всех, при их приближении звонят в колокола и т. п. Если $\frac{2}{3}$ мальчиков и $\frac{1}{3}$ девочек обладают склонностями, необходимыми для орд, то $\frac{1}{3}$ мальчиков и $\frac{2}{3}$ девочек обладают иными вкусами. Они отличаются чистоплотностью, любовью к изящному, к украшениям. Из них формируются маленькие банды, задачи которых вносить в жизнь фаланги прекрасное. Они заботятся о цветниках, об украшении храмов и зал и т. п.

Фаланга—основная и независимая ячейка гармонического общества. Но она вовсе не является самоудовлетворяющейся экономической единицей. Если торговле нет места внутри фаланги между отдельными ее членами (исключая купли-продажи акций), то торговля между фалангами представляется у Фурье весьма оживленной. Ее будут вести от имени фаланги особые доверенные лица, частное посредничество в этих сделках не допускается. Каждая фаланга будет закупать у других фаланг крупными партиями нужные ей продукты. «Торговые обороты гармонийцев будут, по крайней мере, в сто раз больше, чем у нас, ибо каждая фаланга будет покупать у десяти соседних фаланг десять сортов тех или иных овощей или капусты и будет продавать им взамен десять сортов тех овощей, которые составляют ее гордость». Сделки этого рода совершаются публично, на бирже. Отсутствие частных торговцев освобождает торговлю гармонического общества от всех недостатков, свойственных ей в цивилизации.

Помимо торговых сношений фаланги связываются друг с другом для разрешения общих производственных задач, выходящих за пределы возможностей отдельной фаланги. В то время как цивилизация создает армии разрушительные, ассоциация создает армии производительные. Конечно, эти армии не будут набираться насильственно. Они будут формироваться добровольно, согласно общим принципам фаланги: добровольности и привлекательности труда. Рекрутов будет притягивать не вербовка, а сознание важности подлежащего выполнению дела, а также те празднества и удовольствия, которыми будет сопровождаться работа производительных армий. Такие армии, организованные для целей созидания, смогут за короткий срок изменить лицо земного шара. Они превратят Сахару в плодородную страну, они проложат каналы через Суэцкий и Панамский перешейки и т. п. И они выполнят эту работу с быстротой и совершенством, недоступными для рабского и наемного труда, ибо работа в армиях будет для гармонийцев «сплошным праздником и утехой для самолюбия».

Из рассмотрения экономического строя фаланги, мы можем вывести то заключение, что семья, как единица хозяйственная, утрачивает в ней всякое значение. Сельскохозяйственный и промышленный труд организован в систему серий; домашнее хозяйство заменено общественной кухней и общественным обслуживанием. Женщина является совершенно равноправным членом ассоциации и принимает участие наравне с мужчиной в труде различных серий фаланги. Задачи воспитания детей также отнимаются в фаланге у

семьи. О семье фаланги, таким образом, не приходится, в сущности, говорить. Гармонический строй знает лишь свободные брачные отношения большей или меньшей длительности, отношения, основывающиеся исключительно на свободном влечении мужчины и женщины. Со своей манией все классифицировать Фурье делит людей на различные группы в зависимости от развития в них полового инстинкта. Молодые люди, не расположенные к ранним половым сношениям, образуют корпорацию «весталат»; молодые люди легкого поведения—корпорацию «дамузелат». Члены весталата дают обет воздержания. Но выход из весталата совершенно свободен. Весталату Фурье придает большое значение, потому что его существование и почет, каким он окружен, служит сдержкой для чрезмерного развития чувственности. Члены дамуазелата пользуются свободой во всех половых связях. Это не ставится им в вину. Однако солидные люди предпочитают выбирать себе подруг жизни из весталок, а не из дамуазелей. Заключенные в гармонии брачные союзы могут быть более или менее прочными, более или менее длительными. Учитывая особенности человеческой природы, Фурье устанавливает различные типы союзов. Одно во всех этих типах остается обязательным: свобода заключения и расторжения брака. Ибо Фурье никогда не забывает, что страсть к перемене является одной из главных страстей человека, а насилие в брачном союзе не менее ужасно, чем в других человеческих отношениях.

В общественном строе, в котором все основано на системе естественных страстей, естественных влечений человека, организация принуждения должна оказаться излишней. Она не применяется в деле направления трудящихся в ту или иную отрасль производства. Она не применяется при распределении продуктов, где все решается соглашением участников. Она не нужна ни для укрепления семьи, ни для воспитания детей. Наконец, ей нет места и в отношениях между фалангами, по всем вопросам между собой договаривающимися. Естественно, что гармонический строй оказывается по существу строем анархическим, хотя Фурье не только этого термина не употребляет, но создает даже для гармонии сложную иерархическую систему всякого рода правительственных лиц.

Анархические черты гармонии связаны с общей философско-исторической концепцией Фурье. Мы знаем, что в первоначальном строе, в «земном раю» на заре человеческого существования царила гармония между страстями индивидуума и общим благом; поэтому естественное состояние не знало власти. Периоды отступления человечества для накопления сил были периодами нарушения этой гармонии. Насилие, власть возникает как результат разрыва между страстями и благом целого и как средство создания индустрии, предпосылки возвращения к гармонии. С переходом к ассоциации эти основания для отношения господства и подчинения исчезают. В фаланге имеется орган общего руководства делами — ареопаг, выделяющий из себя более тесную группу—правление. Но ареопаг не издает никаких уставов и правил, ибо они не могут заменять свободного притяжения; ареопаг не дает никаких приказов. Он лишь советует на основании опыта своих членов и научных данных, высказывает свое мнение о тех или иных начинаниях фаланги. Каждая серия вольна принять или отвергнуть этот совет, мнения ареопага всегда выслушиваются со вниманием, но ни для кого не обязательны. Ареопаг не вмешивается в распределение. В состав ареопага входят руководители всех серий, избираемые самими сериями, капиталисты-акционеры фаланги и члены фаланги, по тем или иным причинам пользующиеся особым уважением сограждан.

Все счета, как между гражданами и фалангой, так и между данной фалангой и соседними, ведутся в особой серии счетоводов. Счетоводство носит очень простую форму. Расчеты не производятся ежедневно. Каждому гражданину открыт кредит, соответствующий его предполагаемому доходу. Все, им получаемое, записывается, и баланс подводится в конце операционного

года, после распределения дохода. Также записываются и в определенные сроки балансируются отдельные сделки с другими фалангами. Все спорные дела решаются третейским судом. Несмотря на отсутствие принудительных связей между фалангами, гармонический строй, по мнению Фурье, приведет к установлению того мирового единства, которого не в состоянии достигнуть цивилизация. Это единство найдет свое выражение в единстве основ хозяйственного строя, в организации промышленных армий, снабжения продовольствием, в установлении общей монеты, общей системы мер, общего языка и шрифта и т. д.

Казалось бы, в этой организации нет места для монархии и для монархических титулов: монархам здесь решительно нечего делать. Но среди человеческих влечений есть честолюбие. С ним, как и с другими влечениями, не следует бороться; его необходимо использовать как дополнительное орудие для привлечения людей к общеполезной деятельности. Люди гонятся за титулами. Надо эти титулы оставить как награду, как выражение высокой общественной оценки. В гармонии мы находим, поэтому, почти полный ассортимент всех знаний, когда-либо и где-либо существовавших. Здесь и калифы, и великие князья, и маршалы, и монархи различных степеней (унархи, дуархи и т. д.). На вершине этой пирамиды находится омниарх, т.-е. глава всего земного шара. Число одних унархов Фурье исчисляет в 2.985.984. Все эти звания дают право на больший или меньший почет, но не дает никакой реальной власти.

Фурье неоднократно высказывает уверенность в том, что гармония быстро и легко осуществится в жизни, как только его открытие станет достаточно известным. Если, например, в 1823 г. приступить к организации пробной фаланги, и в 1824 г. пустить ее в действие, то общая реорганизация завершится, по его мнению, к 1828 г. А для организации пробной фаланги достаточно убедить сравнительно небольшую группу людей, в числе которых, конечно, должно быть несколько капиталистов. Известно, что Фурье, действительно, все время ждал прихода к нему этих капиталистов. Он ясно видел опасность социальных потрясений и революций, вытекающих из классовых антагонизмов, характерных для цивилизаций. Но в этой социальной борьбе он не видел способа разрешения внутренних противоречий современного строя. Он противопоставляет ей свое открытие, всех примиряющее и потому способное привлечь к себе представителей всех классов. Для установления гармонии не нужно даже вмешательства правительств, поэтому и бесплодно участие в политической борьбе. Вся задача социального переворота сводится к мирной пропаганде и к примеру. По утопичности своих представлений об осуществлении общественного идеала Фурье имеет мало равных в истории социальных идей.

Однако, повидимому, в этой уверенности Фурье была какая-то трещина, оставлявшая место для сомнений. Иначе трудно об'яснить, почему он почти во всех своих произведениях на ряду с характеристикой гармонического строя набрасывает также беглый чертеж гарантизма, 6-го периода, который должен последовать за цивилизацией, если человечество не внемлет голосу бога, призывающего его к гармонии устами Фурье.

Как ни мало относительно места занимает гарантизм в общей системе Фурье, на нем стоит остановиться. Гарантизм находится в ряду исторических периодов между цивилизацией и гармонией, и представляет поэтому соединение черт той и другой. Иногда Фурье называет его полуассоциацией. Известные элементы гарантизма имеются уже в последних фазах цивилизации, так как в каждом периоде намечаются черты периодов, за ним следующих. Такими чертами является в цивилизации административное и индустриальное единство, страховые учреждения, религиозная терпимость. В режиме гарантизма сохраняется система индивидуального производства, но в качестве корректи-

ва к нему создаются кооперативные учреждения, имеющие своею целью поддержку индивидуального производства. Отдельные хозяйства об'единяются в них на основе солидарности как бы для взаимного страхования. Как первый этап развития гарантизма Фурье намечает реформу торговой системы, как второй — создание «солидарной» системы мануфактуры, как третий — введение ассоциации в сельское хозяйство. Таким образом линия развития идет от частного хозяйства через частичную ассоциацию к ассоциации полной.

Наиболее характерным из намечаемых Фурье учреждений эпохи гарантизма можно считать коммунальную акционерную контору. Это — кооперация с многообразными задачами. Она доставляет населению товары, избавляя его от посредничества торговцев, выполняет, следовательно, функции потребительного общества. Она выдает земледельцам ссуды из низкого процента (кредитное товарищество). Она организует ряд собственных производств для переработки продуктов сельского хозяйства и дает, таким образом, крестьянам добавочный заработок в зимнее время. Она берет на себя хранение и сбыт зерна или вина, произведенных земледельцами и освобождает их от необходимости продавать свой урожай немедленно после уборки по низким ценам (товарищество по сбыту). Фурье представляет себе, что контора, постепенно расширяя свои операции в область производства и втягивая в это производство население, усиливая элементы коллективности за счет индивидуальных хозяйств, могла бы все более и более приближаться к типу фаланги.

В организации коммунальных контор главная роль принадлежит самому заинтересованному населению. Но следует подчеркнуть, что Фурье, не придающий существенного значения правительствам в деле превращения цивилизации непосредственно в гармонию, считает их способными содействовать введению в жизнь гарантизма. Забывая о той характеристике, какую он дал этим правительствам в связи с критикой цивилизации, он ждет от них инициативы в учреждении хозяйственных ячеек, долженствующих положить конец свойственным цивилизации общественным отношениям. Это — казенные фермы. Фермы берут на себя все те функции, что и коммунальные конторы: снабжают население продуктами, дают ссуды и т. п. Но они прежде всего являются образцовыми государственными сельскохозяйственными предприятиями. Фурье уверен, что такие хозяйства быстро привлекут к себе мелких сельских хозяев, не могущих свести концы с концами на своих клочках земли. А, с другой стороны, к ним будут притягиваться и капиталы, вытесняемые из торговли. В своем дальнейшем развитии и ферма ведет туда же, куда и коммунальная контора — к гармонии. Идея государственных ферм не могла найти применения в условиях капиталистического производства. Но идея коммунальных контор, несомненно, оказала известное влияние на развитие мелкобуржуазного кооперативного движения во Франции. С точки зрения практического успеха эта часть учения Фурье, казавшаяся ему второстепенной, проявила, таким образом, наибольшую жизненность.

* * *

Обращаясь к общей оценке системы Фурье в целом, мы прежде всего должны поставить вопрос, имеются ли основания признать ее социалистической. Ответ должен быть, конечно, отрицательным, если только мы признаем основными признаками социализма общественное владение средствами производства и отсутствие классов. В гармоническом строе Фурье имеются некоторые черты социализма: идея коллективной организации производства и потребления, отсутствие наемного труда, гарантия минимума средств существования. Но, с другой стороны, в фаланге сохраняется частная собственность, хотя и в форме акционерного капитала. В ней сохраняется классовое

строение общества и классовая эксплоатация. Ибо ясно, что $^{1}/_{12}$ дохода, причитающихся на долю класса капиталистов, выражают собою прибавочный труд класса трудящихся.

По своему общему социальному характеру теория Фурье должна быть отнесена к теориям мелкобуржуазным. Мелкобуржуазна прежде всего одна из основных идей гармонии: идея мирного сотрудничества капитала с трудом, идея примирения классов. Мелкобуржуазным настроениям отвечает в полной мере мечта Фурье о капиталистах, которые по доброй воле, сохраняя все свои права на нетрудовой доход, займутся полезным трудом, и о рабочих, которые постепенно будут превращаться в маленьких капиталистов (хотя бы на $^{1}/_{20}$ акции!). В том же смысле весьма характерно его заявление о том, что основная задача не в отмене собственности, а в ее распространении и закреплении. Наконец, отпечаток мелкобуржуазных вкусов носит на себе представление Фурье о будущем обществе как о системе мелких хозяйственных единиц. Это стремление к хозяйственной раздробленности в пору развивающегося промышленного капитализма является экономически-реакционным и отражает в себе протест мелкобуржуазных общественных групп против подрывающего их положение процесса расширения народно-хозяйственных связей. В этом пункте учение Фурье составляет полную противоположность сен-симонизму. Последний, отражая настроения интеллигенции, занятой в промышленных и банковских предприятиях, оказался более способным оценить положительное историческое значение укрупнения производства, упрочения и расширения хозяйственных связей.

Не менее ярко сказываются мелкобуржуазные черты в проектах, набрасываемых Фурье для эпохи гарантизма. Основная мысль этих проектов — спасение мелких собственников от угрожающего им капиталистического развития путем кооперирования — в условиях буржуазного общества является типичной мелкобуржуазной утопией. Наемному рабочему эта утопия ничего не сулит. Подчеркнем, что острием своим коммунальная контора гарантизма направлена не против промышленного капитала, а против капитала торгового. Это обстоятельство приобретает особое значение в связи с тем, что и в своей, исключительной по силе мысли, критике капиталистического общества Фурье тоже уделяет непропорционально большое место критике торговли и ее злоупотреблении. Совершенно несомненно, что торговый капитал — для него основной враг. К капиталу промышленному он иногда относится весьма терпимо. Это опять-таки ведет нас туда же — к настроениям мелкой буржуазии. Именно мелкой буржуазии свойственно видеть главное зло капиталистической системы в отношениях обмена и в торговом капитале, вторгающемся в качестве посредника между мелкими товаропроизводителями и потребителем. Только мелкий товаропроизводитель, отнюдь не наемный рабочий, может видеть своего эксплоататора в торговце и в соответствии с этим строить схему отношений капиталистического общества, отводя в ней торговле центральное место.

Менее непосредственно, конечно, сказывается влияние мелкобуржуазных тенденций в философии и социологии Фурье. Все же и здесь весьма симптоматично свойственное системе Фурье соединение материалистического анализа современного строя с общей телеологической и рационалистической концепцией, на которой основывается его «открытие» идеального общественного порядка. Мелкобуржуазная оппозиция капитализму незаинтересована в его идеалистическом оправдании. Это дает ей возможность подчас заглядывать весьма глубоко в материалистическую сущность свойственных капитализму отношений. Но в этих отношениях нет элементов, которые предуказывали бы победу мелкобуржуазного идеала. Этот идеал не может быть выведен из материалистического анализа «цивилизации». Для его обоснования приходится обращаться, поэтому, к соображениям иного порядка. В этом

пункте на смену материализму и приходит телеологический рационализм. Капитализм отвергается и гармонический строй провозглашается во имя воли бога и совпадающих с нею требований человеческой природы.

Не будучи социалистической, теория Фурье оказала громадное воздействие на развитие социалистической мысли. Наибольшее значение имела в этом смысле та критика капитализма, которую дает Фурье. Многое в этой критике не утратило своего значения и до сих пор. Некоторые ее положения перешли целиком в последующие социалистические системы. Менее широкий круг влияния имело учение Фурье о будущем обществе. Все же и здесь, при всем мелкобуржуазном утопизме идеала «гармонии», Фурье высказал ряд идей, в высокой степени плодотворных и ценных для теории социализма. Наименьшее значение имело общее философское и социологическое учение Фурье. Его влияние в истории социализма не может быть и сравниваемо с влиянием сен-симонистической философии истории. Оно никогда не выходило за пределы фурьеристской школы, т.-е. группы писателей, которые считали себя непосредственными учениками Фурье.

Теофиль Леклер[1]).

Я. Захер.

Подобно другим «бешеным» — Жаку Ру и Варле, Теофиль Леклер был выходцем из среды буржуазной интеллигенции. Подобно им, он начал свою политическую деятельность как революционер-одиночка довольно банального якобинско-демократического типа и затем, подобно им, он пережил переворот, сблизивший его с обездоленными ремесленно-рабочими массами и превративший его в их пламенного идеолога, т.-е. в «бешеного». Но если в отношении Жака Ру [2]) мы имеем довольно детальную картину процесса его социального перерождения, а в отношении Варле [3]) мы, не имея такой картины, можем все же нащупать основные этапы этого процесса, то относительно Леклера дело обстоит во много раз хуже. Вообще, нужно сказать, что касающиеся этого вождя «бешеных» источники очень и очень немногочисленны; но особенно катастрофически обстоит дело как раз с тем периодом его жизни, когда Леклер перерождался и складывался, как «бешеный». Здесь мы не имеем н и о д н о г о документа, и единственное,, что можно с большей или меньшей степенью достоверности утверждать, это то, что перерождение Леклера произошло во время его пребывания в Лионе в начале 1793 г. и что главную роль в процессе этого перерождения сыграло влияние лионской бедноты и, в частности, ее вождя Шалье. Этого, конечно, совершенно недостаточно, и, ограничиваясь этим общим указанием, мы, само собой разумеется, ни в коей мере не думаем заполнить крупнейшей лагуны, имеющейся в истории жизни Леклера и, что особенно грустно, в истории в а ж н е й ш е г о п е р и о д а его жизни. Но вина в этом падает не на нас, а на наши источники.

Теофиль Леклер (Théophile Leclerc или Le Clerc, иногда именовался Le Clerc d'Oze или Doze) родился в декабре 1771 года в Монбризоне, в провинции Лионнэ [4]). Он был младшим из пяти детей путейского инженера (ingénieur de ponts et chaussès) Грегуара Леклера и его жены Антуанеты, урожденной Лабулэ; как отец, так и мать Теофиля были разночинцами.

Получив хорошее по тому времени домашнее образование, Теофиль Леклер был воспитан в духе «просветительных» идей; поэтому неудивительно, что начавшуюся революцию восемнадцатилетний юноша встретил с восторгом, который он называет неописуемым [5]). Он немедленно вступает в ряды национальной гвардии Клермон-Феррана (куда отец его к этому времени

---

[1]) Настоящая статья представляет собой часть подготовленной к печати книги «Бешеные».

[2]) См. нашу статью «Жак Ру до падения Жиронды»—«Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 12.

[3]) См. нашу статью «Жан Варле до 9 термидора», печатающуюся в «Вестнике Коммунистической Академии».

[4]) Как эти, так и дальнейшие подробности заимствованы из хранящейся в Национальном Архиве автобиографии Леклера, написанной в 1794 году («Extraction, profession avant et après la Révolution, carrière politique et révolutionnaire, et l'état présent de Théophile Le Clerc». Arch. Nat., F^{7} 4774^{9}).

[5]) Ibidem.

переселился) и служит в ней до марта 1790 года. А затем, в поисках приключений, он вместе с другими молодыми людьми отправляется на Мартинику, где уже находились двое его старших братьев, и принимает там участие в борьбе с контрреволюционным губернатором этого острова, Дама (Damas). При усмирении специально присланной из Франции эскадрой под командой Беага революционного движения во французских колониях, Леклер попадает в тюрьму и затем, в самых ужасных условиях, доставляется в июле 1791 года в Лориан, где и оказывается на свободе, но без всяких средств существования.

Нет надобности говорить, что перенесенные в борьбе за революцию страдания должны были только подогреть революционный энтузиазм пылкого юноши. Состоя до февраля 1792 года в рядах национальной гвардии Морбигана, он одновременно с этим принимает деятельное участие в работе местного народного общества и, в частности, выступает в нем горячим защитником революционных гренадер Форезского полка, служивших на Мартинике и пострадавших от преследований того же Беага, что и сам Леклер. По его инициативе была открыта подписка на сбор средств, необходимых для посылки в Париж делегации, и в результате этого 25 марта 1792 года Леклер является в Законодательное Собрание во главе депутации от 37 гренадер бывшего Форезского полка и выступает там в качестве их «официального защитника» [1]).

Указав, что гренадеры пострадали потому, что «отказались принести присягу, потребованную от них белыми колонистами-аристократами»[2]), Леклер от имени гренадер просил о назначении над ними гласного суда, который бы мог смыть наложенное на них в административном порядке позорное клеймо [3]). Петиция Леклера была передана Легислативой в ее военный комитет [4]), и в конце концов «солдаты добились правосудия и, будучи реабилитированы, в настоящее время служат отечеству» [5]).

Еще за два дня до этого, 23 марта, Леклер явился в якобинский клуб и в произнесенной им там речи громил контрреволюционную деятельность Дама, «который прекрасно понимает, что, разоряя колонии, он подрывает французскую торговлю, а подрывая торговлю, разоряет французские приморские города, все существование коих с ней связано. Разорив эти города, Дама тем самым увеличил бы количество недовольных и усилил бы партии, стремящуюся к совершению контрреволюции во Франции» [6]).

Речь Леклера вызвала в якобинском клубе взрыв восторга и по предложению председательствовавшего Мейля и жирондиста Ласурса, было решено отметить в протоколе «энергию и патриотизм» молодого оратора. И это, конечно, неудивительно — ведь составлявшие в это время большинство якобинского клуба жирондисты, как известно, выражали как раз интересы торговой и зарождавшейся промышленной буржуазии тех самых приморских городов, о которых говорил в своей речи Леклер. Зато значительно холоднее было, повидимому, встречено сделанное им в конце того же заседания 23 марта замечание о необходимости беречь умеренных, «намерения коих неизвестны» [8]); так же холодно была встречена большая речь, произнесенная Леклером в заседании якобинского клуба 1 апреля 1792 года [9]).

[1]) Ibidem. Ср. также «Archives parlementaires», 1 série, т. XL, p. 480.
[2]) Ibidem, p. 480.
[3]) Ibidem, p. 480.
[4]) Ibidem, p. 480.
[5]) Автобиография Леклера. Arch. Nat., F⁷ 4774⁹.
[6]) Aulard, La Société des Jacobins, t. III, p. 447.
[7]) Ibidem, p. 447—448.
[8]) Ibidem, p. 448.
[9]) «Discours de M. Le Clerc-Doze, prononcé aux Jacobins, dans la séance du 1 avril 1792». Bibl. Nat., Lb⁴⁰ 2260.

В этой речи Леклер, обращаясь к Людовику XVI и сравнивая его преступления с деяниями Карла I английского [1]), грозит ему смертью в случае, если он откажется стать на путь подчинения воле народа. «Перед тобой сейчас только два пути—либо конституция, либо смерть» [2]). Решительно отвергая теорию божественного происхождения королевской власти и противопоставляя ей теорию общественного договора [3]), Леклер подчеркивает доброту народа, в лице Учредительного Собрания, оставившего Людовика XVI на престоле его предков. Этой доброте он противопоставляет многочисленные злодеяния короля и, в качестве непременных условий сохранения им не только престола, но и жизни, выставляет полное подчинение Людовика XVI всем декретам нации и удаление Марии-Антуанеты и придворных. В случае отказа выполнить эти требования Леклер угрожает королю восстанием народа и предрекает пришествие нового Брута [4]).

Понятно, что эта речь, по своей неслыханной резкости оставлявшая далеко позади себя все выступления этого времени не только жирондистов, но даже и большинства монтаньяров (за исключением, само собой разумеется, Марата), не могла вызвать особого восторга якобинского клуба в его тогдашнем составе, и чрезвычайно характерно, что протокол заседания якобинцев 1 апреля, упоминая о речи Леклера, не приводит, однако, ее содержания [5]). Но это нисколько не поколебало революционного энтузиазма молодого человека, и несколько дней спустя он в Палэ-Рояле публично срывает со стены направленную против революционных солдат полка Шато-Вье афишу, за что трибунал исправительной полиции приговаривает его к 10 часам тюремного заключения [6]). «Его наивный рассказ об этом событии,—повествует отчет о заседании якобинского клуба 8 апреля, в котором Леклер рассказал о случившемся,—награждается многократными аплодисментами» [7]).

Покинув через несколько дней после этого Париж, Леклер отправляется в рейнскую армию и, по поручению страсбургского муниципалитета, подвергаясь величайшему риску, в целях разведки о силах неприятеля проводит три недели по ту сторону Рейна [8]). После этого он некоторое время служит в лазарете в Париже, а с ноября 1792 года по начало 1793 г. находится в отпуску в Монбризоне [9]). В начале 1793 года Леклер попадает в Лион и сближается с Шалье [10]).

Как мы указывали выше, есть все основания предполагать, что пребывание в Лионе и, в частности, дружба с Шалье наложили ярчайший отпечаток на идеологию Леклера и что его сближение с «бешеными» относится именно к этому периоду его жизни [11]). В самом деле—уже известная нам речь Леклера от 1 апреля 1792 г., несмотря на всю ее резкость, выдержана в строго-монтаньярских тонах, и это в то самое время, когда Жак Ру в своей «Речи о средствах спасения Франции и свободы» успел уже уйти далеко вперед, выставив столь характерные для «бешеных» требования борьбы со спеку-

[1]) Ibidem, p. 4.
[2]) Ibidem, p. 5.
[3]) Ibidem, p. 2—3.
[4]) Ibidem, p. 7.
[5]) «La Société des Jacobins», t. III, p. 456.
[6]) Ibidem, p. 475—476.
[7]) Ibidem, p. 476.
[8]) Автобиография Леклера. Arch. Nat., F⁷ 4774⁹; «L'Ami du peuple par Leclerc de Lyon», № XXI, p. 4. Bibl. Nat., Lc² 704.
[9]) Ibidem, Arch. Nat., F⁷ 4774⁹.
[10]) Ibidem.
[11]) Впоследствии Леклер утверждал, что в это время он, в полном согласии с Шалье, предлагал утопить в Роне шесть тысяч аристократов, но это предложение оказалось выше понимания даже самых лучших патриотов. «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № XVIII, p. 8. Bibl. Nat., Lc² 704.

ляцией и барышничеством [1]). А прибыв в начале мая 1793 г. в Париж с поручением от лионского Народного общества добиться образования в Лионе революционного комитета [2]), он выступает 16 мая в Парижской Коммуне с речью, в которой жалуется на преследования со стороны контрреволюционных журналистов, обвиняет «некоторых монтаньяров» в слабости и утверждает, что «есть только один способ спасти Республику—это чтобы народ сам добился справедливости» [3]).

Как видно из этих слов, Леклер высказывается теперь уже совершенно в духе выступлений «бешеных» этого времени, и поэтому неудивительно, что он принимает самое горячее участие в борьбе с жирондистами, которых он обвиняет в стремлении перерезать патриотов [4]). Результатом этого была жгучая ненависть, заслуженная им со стороны жирондистов, и вечером 19 мая, проходя с одним из своих приятелей по Новому Мосту (Pont-Neuf), Леклер подвергся нападению со стороны пяти или шести человек, нанесших ему несколько ударов в голову и спину [5]). Но это не помешало ему принимать дальнейшее участие в борьбе с жирондистами, и, избранный 29 мая в заседавший в «Центральном клубе», т.-е. Епископстве, Революционный Комитет, он 31 мая был кроме того избран членом почтовой комиссии [6]), ведавшей цензуру всех подозрительных писем [7]).

Революция 2 июня столь же мало удовлетворила Леклера, как и Жака Ру и Варле, и уже 4 июня он выступает в Коммуне с речью, в которой отмечает, что революция еще далеко не закончена. «Арест подозрительных является одним из главнейших способов общественного спасения. Но все ли подозрительные арестованы? Я в этом сильно сомневаюсь, а между тем все прежние опасности налицо и теперь. Разве невозможно предположить, что некоторые из арестованных депутатов уже бежали? Почему же вы так медлите разделаться с вашими врагами? Почему вы так боитесь пролить несколько капель крови?» [8]).

Эта речь Леклера, как и следовало ожидать, вызвала в Коммуне всеобщее негодование, и Эбер предложил считать плохим гражданином всякого, кто потребует пролития крови [9]). Но это не испугало Леклера и не случайностью, по всей вероятности, было то обстоятельство, что среди избранной 22 июня кордельерским клубом комиссии, которой было поручено редактирование адреса Жака Ру к Национальному Конвенту, фигурировал, между прочим, и Леклер [10]). Кроме того, в этом заседании Леклер призывал к массовому шествию к Конвенту с целью поддержания петиции Жака Ру [11]). Когда

[1]) См. нашу статью «Жак Ру до падения Жиронды».

[2]) Автобиография Леклера, Arch. Nat., F⁷ 4774⁹; Buchez Roux, Histoire parlementaire de la Revolution Française, t. XXVII, p. 73.

[3]) Ibidem, p. 73; Tuetey, Répertoire général des sources manuscrites sur l'histoire de Paris pendant la Révolution Française, t. VIII, № 2476.

[4]) Buchez et Roux, op. cit., t. XXVII, p. 73.

[5]) Об этом было рассказано в заседании якобинского клуба 20 мая. «La Société des Jacobins», t. V, p. 200. Более подробное изложение см. Buchez et Roux, op. cit., t. XXVII, p. 152.

[6]) Автобиография Леклера. Arch. Nat., F⁷ 4774⁹.

[7]) Tuetey, op. cit., t. VIII, №№ 2267, 2692, 2753, 2759, 2760. Tuetey (op. cit., t. VIII, p. 761—762) ошибочно приписывает назначение в почтовую комиссию не Теофилю Леклеру, а члену Коммуны Этьенну-Пьеру Леклеру. Уже цитированное место из автобиографии Теофиля Леклера показывает, что речь идет именно о нем.

[8]) Buchez et Roux, op. cit., t. XXVIII, p. 157—158.

[9]) Ibidem, p. 158.

[10]) «Correspondance politique» du 24 juin 1793. Цитируем по A. Mathiez, La vie chère et le mouvement social sous la terreur, p. 214. Этому нисколько не противоречит то обстоятельство, что впоследствии, в октябре 1793 г., Леклер отрицал наличие знакомства между ним и Жаком Ру. «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № XXI, 8 septembre 1793, p. 2. Bibl. Nat., Lc² 704.

[11]) «Correspondance politique» du 24 juin 1793». Цит. по Mathiez, op. cit., p. 214.

же в результате петиции 25 июня монтаньяры обрушились на Жака Ру с рядом нападок, то Леклер в заседании кордельеров 27 июня потребовал исключения из клуба Лежандра, особенно энергично выступавшего против «бешеных» [1]). Наконец, когда на заседании кордельерского клуба 30 июня явившаяся туда делегация от якобинцев выступила против Жака Ру, Леклер поднялся на его защиту, за что и был вместе с ним исключен из числа членов кордельерского клуба [2]). Кроме того, докладывавший об этих событиях в заседании якобинского клуба 1 июля Колло д'Эрбуа обвинял Леклера в революционных эксцессах в Лионе, результатом коих, по его словам, явилось лионское контрреволюционное восстание [3]).

Но этим дело не ограничилось. Марат, уже ранее выступавший против Леклера [4]), опубликовал в № 233 своего «Публициста Французской Республики» от 4 июля 1793 года статью, в которой, нападая на Жака Ру, не обошел молчанием и Леклера, коего он аттестовал как «ловкого мошенника». «Я видел,—писал далее Марат,—как он (т.-е. Леклер. *Я. З.*) в течение одной недели менял костюм три раза, чтобы изменить свою наружность и лучше обманывать. Говорят, что прежде, чем поселиться в Париже и вводить в заблуждение народные собрания, он был несколько месяцев послушником в Кобленце и что он был одним из главных зачинщиков беспорядков, вспыхнувших в Лионе несколько месяцев тому назад» [5]).

Но и эти нападки и инсинуации не охладили революционного энтузиазма Леклера. Наоборот, именно в это время — в июле 1793 г. — его деятельность разворачивается особенно ярко и для расширения рамок своих выступлений Леклер избирает имя никого иного, как того самого Марата, который на него столь ожесточенно нападал. 20 июля 1793 года появляется в свет «Друг Народа, издаваемый Леклером из Лиона».

II.

Мысль о продолжении от своего имени газеты Марата возникла у Леклера, повидимому, одновременно с Жаком Ру, т.-е. уже через несколько дней после смерти «друга народа». Первый [6]) номер «Публициста Французской Республики, издаваемого Тенью Марата, друга народа» [7]), вышел 16 июля; через четыре дня, а именно 20 июля, вышел № 1 леклеровского «Друга народа» [8]).

В этом номере Леклер, в самых патетических выражениях восхваляя покойного трибуна [9]), обещает, несмотря на свою молодость [10]), следовать его примеру и подобно ему говорить народу всю правду, «невзирая на мо-

[1]) Buchez et Roux, op. cit., t. XXVIII, p. 220.

[2]) «Extrait du Procès-Verbal de la séance du 1 juillet dernier de la Société des Jacobins de Paris». Arch. Nat., W²⁰; «La Société des Jacobins», t. V, p. 282—283.

[3]) Ibidem, p. 282.

[4]) Ibidem, p. 282—283.

[5]) «Le Publiciste de la République Française», № 233, du 4 juillet 1793. Цитируем по русскому переводу, напечатанному в качестве приложения к статье Ц. Фридлянда «Классовая борьба в июне—июле 1793 г.», «Историк-Марксист», т. II, стр. 201.

[6]) Или точнее 243-й, так как Жак Ру продолжал нумерацию Марата, остановившегося на номере 242-м. Ср. нашу статью «Жак Ру в борьбе с монтаньярами», «Известия Ленинградского Гос. университета», № 2.

[7]) Bibl. Nat., Lc² 227.

[8]) «L'Ami du Peuple par Leclerc», № 1, 20 juillet, l'an 2-e de la République. Bibl. Nat., Lc² 704. В дальнейших номерах к фамилии Leclerc прибавлено «de Lyon». Газета издавалась in-8°, и каждый номер содержал 8 страниц. Печаталась газета в типографии Celère, rue Gallande, № 79. Начиная с № 12 (17 авг.) газета печаталась в типографии «Друга Народа».

[9]) «L'Ami du Peuple», № 1, p. 3—5.

[10]) Ibidem, p. 6.

гущие обрушиться на меня стрелы злобы, ненависти и клеветы» [1]). С этой целью Леклер призывает на свою помощь «патриотов всех стран» и обещает, что дверь его дома будет для них всегда открыта [2]).

После этого вступления, Леклер тут же, в первом номере своей газеты, указывает на те социальные слои, на которые он намерен опираться в своей дальнейшей деятельности.

«Разрушая тиранический режим и создавая на его развалинах республиканское и демократическое правительство, где мы нашли те добродетели, которые являются его базой и опорой? В том трудящемся и бедном классе, который, приближаемый своими нуждами к естественному состоянию, лишен, правда, тех знаний, которыми гордятся пустые люди, но обладает зато тем здравым смыслом, который позволяет человеку знать, что ему полезно, и делает его всегда готовым к завоеванию своих прав» (Курсив наш. *Я. З.*) [3]).

Против этого класса людей были бы бессильны все удары тиранов и помогающих им фанатиков, «если бы люди, в руки которых он передает бразды правления, оказывались достойными возложенного на них поручения и оставались бы недоступными для подкупа» [4]). Номер заканчивается обещанием в ближайшем же будущем нарисовать картину нынешнего состояния Франции, выяснить причины пожирающих ее бедствий и указать средства для их исцеления [5]).

Разобранный нами первый номер «Друга Народа» показывает, что к июлю 1793 г. Леклер был уже совершенно сложившимся политическим деятелем и, сознавая себя идеологом «трудящегося и бедного класса», был тем самым таким же самоопределившимся «бешеным», как Жак Ру и Варле. Поэтому неудивительно, что, полностью разделяя программу остальных «бешеных», Леклер принимает и их тактическую линию этого периода, выражавшуюся, как известно, в борьбе за террор и требовании преследования спекуляции и барышничества.

Уже во втором номере своей газеты, вышедшем в свет 23 июля, Леклер приступает к исполнению обещания, данного им в № 1. Анализируя переживаемые Францией бедствия, он считает самым главным из них то, что, повергаясь нападению внешних врагов, Республика в то же самое время «заключает в своем чреве своих самых жестоких и самых опасных врагов». «Если бы мы повергли во прах наших домашних врагов, деспоты разочаровались бы в своих надеждах и отказались бы от своих намерений» [7]).

Леклер полагает, что дороговизна продуктов и падение ценности ассигнатов есть не что иное, как результат тактики, сознательно применяемой внутренними врагами, чтобы вызвать контрреволюцию [8]). Он решительно отвергает «постоянно повторяемую аристократией» мысль, что причиной дороговизны является большое количество находящихся в обращении ассигнатов [9]). «Вот в самом деле прекрасный предлог, чтобы заставить умирать с голоду бедный и трудящийся класс» [10]).

Право на существование является, по мнению Леклера, естественным и неотъемлемым правом каждого индивида, и поэтому при данном положении вещей для законодателя есть только один выход — это «таксировать все

[1]) Ibidem, p. 5.
[2]) Ibidem, p. 6.
[3]) Ibidem, p. 7.
[4]) Ibidem, p. 8.
[5]) Ibidem, p. 8.
[6]) Ibidem, № II, p. 2.
[7]) Ibidem, p. 2—3.
[8]) Ibidem, p. 3.
[9]) Ibidem, p. 4.
[10]) Ibidem, p. 4.

продукты первой необходимости по цене, доступной для всех» [1]). Сделать это необходимо в интересах народа, составляющего большинство нации, и все направленные против этой меры «проклятия богатых, крики жирондистов и вопли федералистов» должны быть оставлены без всякого внимания [2]). Что касается до вздорожания предметов роскоши, то народ в этом, по словам Леклера, ни с какой стороны не заинтересован и на эти предметы такса распространяться не должна [3]).

Если все изложенное выше чрезвычайно близко напоминает выступления Жака Ру этого же самого времени, то в эти же дни между обоими лидерами «бешеных» намечаются кой-какие расхождения тактического характера. В то самое время как Жак Ру призывал массы к спокойствию и надеялся еще на соглашение с монтаньярами [4]) (впрочем, как известно, эта линия поведения Ру скоро изменилась), Леклер, напротив того, требует энергичных мер и протестует против нерешительности конвентского большинства [5]). Так, в вышедшем 25 июля № 3 своей газеты он осуждает доверчивость властей, позволившую бежать части подверженных домашнему аресту жирондистов [6]), и требует казни Кюстина [7]), а в № 4 (27 июля) предлагает народу устроить массовое шествие к Конвенту с требованием окончательного устранения бывших дворян и духовных от всех гражданских и военных должностей [5]). Кроме того, в этом же № 4, Леклер высказывается за арест всех подозрительных граждан [9]) и еще раз требует установления максимума [10]). «Пора, наконец, принять меры для устранения тех колоссальных злоупотреблений, борьбы с которыми народ не перестает требовать у Национального Конвента. Если же он останется к этому глух, то вооружимся рупорами и с высоты конвентских трибун и из-за его дверей будем ему кричать каждый раз, когда он приступит к обсуждению посторонних предметов: «прекратите барышничество и устраните спекуляцию» [11]).

В № 5 «Друга Народа» Леклер снова высказывается за террор [12]), а в № 6 (2 августа) он опять требует снятия бывших дворян и священников со всех должностей и осуждает (правда, в довольно мягкой форме) Национальный Конвент, который руководствуется по данному вопросу не ясно выявленной волей народа, а какими-то своими собственными соображениями [13]). В № 7 (4 августа) к этому присоединяется еще требование ареста всех бывших привилегированных, бывших членов парламентов и всех спекулянтов и барышников [14]). Лица эти, которые достаточно богаты, чтобы, находясь в тюрьме, кормиться на собственный счет, «послужат вместе с тем заложниками против затей наших внешних врагов и ответят своими головами за поражения, которые мы можем потерпеть» [15]).

[1]) Ibidem, p. 5. Кроме максимума, Леклер требовал еще установления смертной казни за барышничество (—L'Ami du Peuple», № II, p. 6). Как известно, соответствующий закон был издан уже 26 июля.
[2]) «L'Ami du Peuple», № II, p. 6.
[3]) Ibidem, p. 6—7.
[4]) См. нашу статью «Жак Ру в борьбе с монтаньярами», в № 2 «Известий Ленинградского Гос. Университета».
[5]) Было бы, конечно, чрезвычайно интересно выяснить корни этого расхождения, но сделать это так же трудно, как и относительно расхождения Жака Ру и Варле в марте—апреле 1793 г. Ср. нашу статью «Жак Ру до падения Жиронды».
[6]) «L'Ami du Peuple», № III, p. 5.
[7]) Ibidem, p. 7.
[8]) Ibidem, № IV, p. 5.
[9]) Ibidem, p. 7.
[10]) Ibidem, p. 6—7.
[11]) Ibidem, p. 7.
[12]) Ibidem, № V, p. 2.
[13]) Ibidem, № VI, p. 2.
[14]) Ibidem, № VII, p. 5.
[15]) Ibidem, p. 5.

Все рассмотренные нами до сих пор выступления Леклера в июне—июле 1793 года необычайно напоминают (если оставить в стороне то небольшое тактическое расхождение, о котором мы уже говорили) пропаганду Жака Ру в этот же самый отрезок времени. Таким образом мы имеем полное основание утверждать, что до сих пор деятельность обоих вождей «бешеных» развивалась параллельно. Но дальше картина меняется, и в то самое время, как Жак Ру и в августе 1793 г. ставит своей задачей борьбу в первую очередь за экономические интересы парижских рабочих и ремесленников, Леклер, не отказываясь и от этой борьбы, вместе с тем главное внимание обращает на критику политической линии монтаньяров.

Как известно, стремление монтаньяров оттянуть введение в действие конституции 1793 года до окончания войны встретило со стороны «бешеных» самое энергичное сопротивление и главным глашатаем этого сопротивления был в это время именно Леклер. Уже в рассмотренном нами № 7 «Друга Народа» содержится решительный протест против сделанного Дантоном в заседании Национального Конвента 1 августа [1]) предложения о превращении Комитета Общественного Спасения в правительство и предоставлении в его бесконтрольное распоряжение 50 миллионов ливров.

«Если существует мера опасная, неполитичная и нарушающая всякий общественный строй, то это, без всякого сомнения, сделанное Национальному Конвенту предложение о превращении Комитета Общественного Спасения в правительственный комитет. В этом предложении я усматриваю стремление к узурпации власти, которое заставляет меня думать плохое об его авторе [2]). Я рассматриваю это предложение, как покушение на свободу, косвенный удар по революции, шаг к диктатуре... В этом громадном количестве полномочий, предоставленном Комитету Общественного Спасения, я вижу ужасающую диктатуру, а во входящих в его состав (если только эта мера будет принята) членах — новых триумвиров, председатель коих может легко стать Аппием.

Комитет Общественного Спасения дал нам превосходную конституцию, и родина должна быть ему за это благодарна. Весьма возможно, что все входящие в его состав члены чисты и неподкупны. Но в век, подобный настоящему, и после бесконечного количества измен и преступлений, нельзя настолько верить людям, чтобы к той власти, которой они уже обладают, присоединить еще и ту, которую монархическая конституция предоставляла предателю Капету. К влиянию, которым эти люди уже обладают в Конвенте, присоединить еще то влияние, которое дается ведением дел и правом предоставления должностей, это значит декретировать падение республики, на место павшего Капета поставить нового девятиголового и уничтожить разделение власти, столь необходимое для сохранения свободы» [3]).

Совершенно ясно, что пропаганда Леклера, к тому же совпавшая с временем продовольственных волнений в Париже [4]), должна была встретить со стороны монтаньяров крайне резкий отпор. Если уже раньше Леклер был подвергнут кратковременному аресту, связанному с его резким выступлением в Коммуне [4]), то совершенно ясно, что № 7 «Друга Народа» должен был окончательно переполнить чашу монтаньярского терпения. На следующий же день после выхода этого номера, т.-е. 5 августа, Робеспьер, воспо-

[1]) «Archives parlementaires», t. LXX, p. 104—105.
[2]) Несколькими абзацами ниже Леклер напоминает, что критикуемое им предложение «исходит из уст комиссара Бельгии» («L'Ami du Peuple», № VII, p. 6).
[3]) Ibidem, p. 6—8.
[4]) См. по этому поводу Mathiez, op. cit., p. 258—290.
[5]) Единственный, дошедший до нас, источник, свидетельствующий об этом аресте Леклера, — беглые указания в №№ V и XXIV его газеты («L'Ami du Peuple», № V, p. 2—3; № XXIV, p. 2).

зовавшись как предлогом речью Венсана, также критиковавшего предложение Дантона [1]), выступил в якобинском клубе с громовой речью, направленной против «новых людей, патриотов одного дня, стремящихся очернить в глазах народа его самых испытанных друзей [2]). В этой речи Робеспьер не только защищал Дантона, но и крайне резко клеймил Жака Ру и Леклера, утверждая, между прочим, что этот последний по происхождению аристократ, и что, будучи в Лионе, он провоцировал гибель Шалье [3]).

Выпад Робеспьера нисколько не испугал Леклера. В вышедшем на следующий день, 6 августа, № 8 «Друга Народа» он скромно отмечает, что хотя он, «новый человек, оказавший революции лишь незаметные услуги», и не обладает талантом Марата, но зато он не меньше его предан свободе и обладает равными ему энергией и патриотизмом [4]). И, продолжая далее свою критику предложения Дантона, Леклер утверждает, что «необходимо строжайшим образом поддерживать существующее положение вещей и даже поскорее ввести в действие конституцию» [5]).

При таких условиях неудивительно, что выпущенная монтаньярами 8 августа вдова Марата, Симонна Эврар [6]), в своем выступлении перед Национальным Конвентом на ряду с Жаком Ру клеймила и Леклера, которого она обвиняла в полной с ним солидарности [7]). По предложению Робеспьера, вопрос о деятельности обоих вождей «бешеных» был передан на рассмотрение Комитета Общей Безопасности [8]).

Все эти нападки только еще более раззадоривали Леклера. Вышедший в тот же день 8 августа № 9 «Друга Народа» содержит ряд резких выпадов против Национального Конвента.

«Народ, разве ты не имеешь оснований жаловаться на твоих законодателей? Ты требовал от них таксации предметов первой необходимости, и они тебе в этом отказали; ты требовал ареста всех подозрительных, и он еще не декретирован; ты требовал устранения дворян и священников от всех военных и гражданских должностей, и эта мера не осуществлена» [9]).

Леклер требует решительной расправы со всеми врагами революции. «Убийство посредством голода и убийство при помощи оружия — таковы преступления врагов свободы. Барышники, спекулянты и большая часть богатых виновны в первом, а дворяне и священники — во втором. Тем самым произнесен их приговор и вместе с тем изложены программа и манифест справедливой мести народа» [10]).

Решительно возражая против муссируемых дантонистами проектов всеобщей амнистии, об об'явлении каковой в связи с принятием конституции в эти дни усиленно говорили, Леклер угрожает повторением сентябрьских дней. «Если бы Национальный Конвент осмелился когда-нибудь проявить этот позорный призрак слабости, народ сам совершил бы правосудие» [11]).

В этом же номере своей газеты Леклер возвращается к обвинениям, выставленным против него 5 августа Робеспьером (которого он, однако, не называет по фамилии, а говорит лишь об «одном человеке»). «Не ожидая

[1]) «La Société des Jacobins», t. V, p. 329.
[2]) Ibidem, p. 330.
[3]) Ibidem, p. 330. Мы уже видели, что последнее обвинение было в свое время выставлено Колло д'Эрбуа и Маратом.
[4]) «L'Ami du Peuple», № VIII, p. 2.
[5]) Ibidem, p. 5.
[6]) Подробнее об этом выступлении Симонны Эврар см. нашу статью «Жак Ру в борьбе с монтаньярами».
[7]) «Archives parlementaires», t. LXX, p. 527—528.
[8]) Ibidem, p. 528.
[9]) «L'Ami du Peuple», № IX, p. 2.
[10]) Ibidem, p. 4.
[11]) Ibidem, p. 4.

выхода в свет моей оправдательной записки, я об'являю публике, что эти оскорбительные и позорящие утверждения являются ложными, и я утверждаю, что тот, кто их выставил, не в состоянии доказать истинности ни одного из них» [1]). Что касается до выпада Робеспьера против «новых людей», то, отвечая на него, Леклер заявляет, что «я считаю, что новые люди кажутся слишком экзальтированными только потому, что старые изнашиваются [2]). Я уверен, что одни только молодые люди могут обладать той степенью воодушевления, которая необходима для совершения революции. Одним из символов моей веры является, что наша революция сделана лишь наполовину и что мы не достигнем счастья и спокойствия до тех пор, пока республика не будет очищена от омрачающих ее негодяев» [3]).

В № 10 «Друга Народа» от 10 августа Леклер в качестве ответа на выступление Симонны Эврар высказывает мысль, что «чем больше клевещут на писателя патриота, тем больше должен он защищать свои принципы, лишь презрением отвечая на лай возящихся у его ног шавок, слишком слабых, чтобы его укусить» [4]).

Переходя затем к рассмотрению продовольственного вопроса, он снова повторяет, что переживаемый страной продовольственный кризис является чисто-искусственным и вызван лишь проделками спекулянтов [5]). Для ликвидации этого кризиса Леклер предлагает систему, представляющую в сущности не что иное, как национализацию торговли [6]).

«Французская Республика об'является покупателем всего зерна, произрастающего на его территории. Отныне никто не сможет продавать эти предметы первой необходимости никому, кроме государства.

«... Части республики, производящие больше того, чем необходимо для прокормления жителей, будут снабжать те места, где своего произрастания не хватает. Излишки будут сохраняться в особых складах (greniers d'abondance), устроенных в еще непроданных национальных домах.

«Покупные цены будут фиксированы Национальным Конвентом; государство же будет продавать продукты потребителям по доступным для всех ценам. Неимущие будут получать продукты бесплатно. Государство обязано обеспечить им существование; для того же, чтобы не брать на себя слишком больших расходов, государство урежет из роскоши богачей средства для обеспечения жизненных потребностей несчастных» (Курсив наш. *Я. З.*).

В этом же № 10 «Друга Народа» Леклер еще раз возвращается к требованию снятия бывших дворян и духовных, указывая, что этого требует бесконечное количество народных обществ. «Пора, наконец, чтобы они были услышаны и чтобы Национальный Конвент окончательно решил этот вопрос. Народ этого хочет, и, не взирая на модерантизм, мы будем скоро очищены от этой горсточки контрреволюционеров» [7]).

В № 11 своей газеты от 14 августа Леклер говорит о необходимости национализации не только хлеба, но и всех предметов первой необходимости. «Национальный Конвент должен начать с декретирования, что зерно и вообще предметы первой необходимости принадлежат Республике с тем, однако, условием, что земледельцы должны получить справедливое вознаграждение за свои труды» [1]). Кроме того, Леклер предлагает заранее собрать, а в случае необходимости это сделать — уничтожить все виды урожая на всей территории, угрожаемой неприятельским нашествием [2]). Наконец, он требует создания революционной армии, средства для содержания коей должны быть предоставлены богатыми [3]).

Но номер 11 «Друга Народа» интересен не только содержащимися в нем предложениями по продовольственному вопросу. Как известно [4]), после 9 термидора оставшиеся на сцене «бешеные» и близкие к ним элементы выступили с решительной агитацией за установление свободы печати. И вот, № 11 леклеровского «Друга Народа» показывает, что борьба за свободу печати велась «бешеными» не только после 9 термидора, но и задолго до него, и была начата одновременно с их кампанией против революционного порядка управления. Правда, Леклер говорит пока не о свободе печати вообще, а лишь о свободе печати для патриотов, но ведь и Жак Ру, начав с протеста против применения террора в отношении противников существующего режима слева, постепенно пришел к отрицанию всякого террора вообще [5]).

«До чего мы дошли, — говорит Леклер в № 11 своей газеты, — если можно говорить правду, только подвергаясь угрозе проскрипции, если свобода печати предоставлена писателям-патриотам только на тех условиях, на которых она в свое время была предоставлена севильскому цирюльнику. Это значит, что условием этой свободы является не говорить ни о правительстве, ни о высокопоставленных лицах, ни о бывшем, ни о настоящем Комитете Общественного Спасения, ни о предоставленных ему 50 миллионах, ни о Ла-Валетте, ни о бельгийских комиссарах, ни об обогатившихся мошенниках, ни о мошенниках, которые еще только собираются это сделать» [6]).

В этом же номере Леклер обращается в очень резком тоне к Национальному Конвенту, который он упрекает в том, что за время, истекшее с 31 мая, он еще ничего не сделал для блага Республики. «Ваши законы против спекуляции и барышничества не исполняются, дворяне не сняты с должностей, подозрительные не тронуты и враг находится в 32 лье от Парижа» [7]). Номер заканчивается резкими нападками на Лежандра и указанием, что равенство во Франции не осуществлено [8]).

В № 12 (17 августа) Леклер снова повторяет все сделанные им ранее предложения и еще раз указывает, что в том отчаянном положении, в котором находится Франция, спасти ее могут только самые решительные меры [9]). Отсюда вытекает его призыв к энергии и бдительности [10]), повторяющий, впрочем, лишь то, что уже говорилось в ряде предыдущих номеров [11]). А в № 13 (21 августа) он обличает вождей революции, именующих всех с ними несогласных агентами Питта и Кобурга [12]), и призывает народ отказаться от обготворения его вождей, ибо это, по его словам, может легко привести его к рабству [13]).

---

[1]) Ibidem, p. 7—8.
[2]) Ibidem, p. 6. Матьез ошибочно относит эти слова к номеру от 6 августа. Mathiez, op. cit., p. 280.
[3]) «L'Ami du Peuple», № IX, p. 6—7.
[4]) Ibidem, № X, p. 1.
[5]) Ibidem, p. 3.
[6]) Ibidem, p. 4—5.
[7]) «L'Ami du Peuple», № X, p. 6.

[1]) Ibidem, № XI, p. 3.
[2]) Ibidem, p. 3—4.
[3]) Ibidem, p. 4—5.
[4]) См. нашу статью «Жан Варле в эпоху термидорианской реакции»,—«Под Знаменем Марксизма», 1928 г., № 6.
[5]) См. нашу статью «Конец Жака Ру»,—«Под Знаменем Марксизма» 1929 г., № 2—3.
[6]) «L'Ami du Peuple», № XI, p. 6—7.
[7]) Ibidem, p. 8.
[8]) Ibidem, p. 8.
[9]) Ibidem, № XII, passim.
[10]) Ibidem, p. 2.
[11]) Например, № XI, p. 1—2.
[12]) Ibidem, № XIII, p. 2.
[13]) Ibidem, p. 2—4.

Дальнейшее развитие террористической программы Леклера содержится в № 14 его газеты, вышедшем в свет 23 августа:

«Если Национальный Конвент действительно стремится к спасению отечества, то он должен это доказать, немедленно мобилизовав всех, без различия возраста или состояния, санкюлотов этого огромного города. Нужно закрыть заставы и лавки; нужно приостановить все работы, кроме производства оружия. Нужно образовать народные трибуналы, составленные из квинт-эссенции граждан и на площади Революции поставить две никогда не разбираемые гильотины. Согласно декрету или даже без такового, по приказу революционного комитета (который, надо надеяться, не будет, как это обыкновенно бывает, составлен из нерешительных или злонамеренных людей), вооруженные отряды направятся ко всем барышникам, спекулянтам, подозрительным, эгоистам, людям, обогатившимся за время революции и всем вообще грабителям Республики, какой бы маской они ни прикрывались, и заявят им» [1] — и дальше Леклер излагает мотивы, в силу коих все эти категории людей по его мнению заслуживают гильотины [2]). «Все эти меры, — продолжает далее Леклер, — могли бы быть осуществлены легальным путем, если бы в Национальном Конвенте не господствовал дух модерантизма, глубоко вредный для общественного дела. Я осмелюсь даже сказать, что я начинаю думать, что если это продлится еще некоторое время, гора родит мышь и н а р о д б у д е т в ы н у ж д е н с п а с а т ь с е б я с а м» (Курсив наш. *Я. З.*) [3]).

И, утверждая далее, что «милостью для революционного трибунала является заподозревание его в одних только нерешительности, неспособности и трусости» [4]), Леклер требует его реорганизации и разделения на несколько отдельных трибуналов, а также возобновления повальных обысков [5]).

Высказывая сожаление, что 31 мая не были казнены тридцать два жирондистских вождя, Леклер вместе с тем категорически возражает против сделанного Шабо предложения о высылке за границу всех подозрительных, которых, по его мнению, необходимо, напротив, иметь всегда под рукой в качестве заложников [6]). Номер заканчивается требованием скорейшей казни всех контрреволюционеров [7]).

В № 15 от 25 августа Леклер открывает поход против дантонистов и возвращается к проекту Дантона о превращении Комитета Общественного Спасения в правительство.

«В Конвенте, и притом в среде самих монтаньяров, существует партия, стремящаяся если не возвратить нам наши старые цепи, то во всяком случае выковать нам новые, укрепив свое положение во главе правительства. Именно из недр этой партии вышло подлое предложение о превращении Комитета Общественного Спасения в правительство,—предложение, против которого высказались Робеспьер и все еще сохранившиеся в Конвенте честные люди. При помощи этой партии Дантон и Лакруа, для формы вышедшие из Комитета Общественного Спасения, но уверенные, что они возвратятся туда при первых же перевыборах, добились предоставления в его распоряжение 50 миллионов... Если небольшому числу сохранившихся еще в Конвенте добродетельных людей не удастся заставить возвратить остальным комитетам узурпированных у них Комитетом Общественного Спасения функций, то, как я уже говорил, мы скоро увидим, как Робеспьер и двое или трое еще входящих в

[1]) Ibidem, № XIV, p. 2—3.
[2]) Ibidem, p. 3—5.
[3]) Ibidem, p. 5.
[4]) Ibidem, p. 5.
[5]) Ibidem, p. 5.
[6]) Ibidem, p. 7.
[7]) Ibidem, p. 8.

состав этого комитета честных людей будут при первых же перевыборах заменены бельгийскими комиссарами, а предоставленные Комитету 50 миллионов послужат на возвышение нескольких честолюбцев, и так уже достаточно обогатившихся за наш счет» [1]).

Не называя, далее, Дантона по имени, Леклер решительно осуждает его миролюбивую внешнюю политику и требует войны до победного конца [2]). Он призывает народ об'единиться вокруг добродетельной части Конвента [3]) и советует отправляющимся на фронт парижанам перед своей отправкой потребовать у Конвента окончательного снятия дворян и скорейшей организации предусмотренной конституцией исполнительной власти [4]).

№ 16 «Друга Народа» (27 августа) посвящен вопросу о том, что надлежит делать с аристократами, «т.-е. с аристократией дворянской, священнической и торговой, включая сюда барышников, спекулянтов и множество мошенников, которые, прикрывшись маской патриотизма, разграбили средства Республики» [5]). Леклер полагает, что было бы безумием, отправляя на фронт наиболее революционные элементы страны, оставлять у них в тылу громадное количество контрреволюционеров, ждущих лишь удобного момента для выступления [6]). Он протестует против высылки аристократов за границу, ибо это лишь усилило бы контрреволюцию [7]), и высказывается за их арест [8]) или, еще лучше отправку на тот свет [9]). «Время для колебаний прошло. Нужно, чтобы враги свободы были истреблены, — легально или нелегально, это безразлично. Законодателям предстоит решить, через какую дверь эти мерзавцы уйдут с поверхности земли» [10]).

В заключительной части номера Леклер возвращается к Дантону и, не беря на себя ответственности за их истинность, передает циркулирующие по городу слухи, о его близости с Дюмурье и совершенных им во время пребывания в Бельгии растратах [11]).

В № 17 «Друга Народа», вышедшем в свет 30 августа, Леклер в связи с поданной 26 августа Национальному Конвенту петицией клуба революционных республиканок [12]), текст которой он тут же воспроизводит [13]), снова требует скорейшего введения в действие конституции 1793 года.

«Законодатели, не будем скрывать правды: задержка в организации Исполнительного Совета удивляет и огорчает всех добрых граждан... Рассейте опасения народа и докажите ему, что вы не для формы только дали ему конституцию» [14]).

К этому же вопросу Леклер возвращается и в № 18 от 1 сентября — очевидно в связи с постановлением Национального Конвента, накануне этого дня решившего сдать в архив протоколы принятия конституции 1793 года всеми коммунами Республики [15]). «Итак,—говорит Леклер,—доказано, что мы приняли конституцию лишь для формы, и мошенники, интриганы и честолюбцы, всегда выигрывающие от беспорядка, состояния неустойчивости и

[1]) Ibidem, № XV, p. 1—2.
[2]) Ibidem, p. 2—3.
[3]) Ibidem, p. 4.
[4]) Ibidem, p. 7—8.
[5]) Ibidem, № XVI, p. 1—2.
[6]) Ibidem, p. 5.
[7]) Ibidem, p. 2—3.
[8]) Ibidem, p. 3.
[9]) Ibidem, p. 2—4.
[10]) Ibidem, p. 6.
[11]) Ibidem, p. 6—7.
[12]) Об этой петиции см. нашу статью «Клара Лакомб и клуб революционных республиканок 1793 г.», напечатанную в сборнике «Проблемы Марксизма».
[13]) «L'Ami du Peuple», № XVII, p. 6—8.
[14]) Ibidem, p. 5.
[15]) «Archives parlementaires», t. LXXIII, p. 243.

войны, решили удовлетворить свое честолюбие. Анархия является лихорадкой общественного тела; она бывает иногда нужна в первые времена революции, но ее дальнейшее продолжение убивает государство и свободу... Рано или поздно придется пожалеть, что на место закона поставлена воля нескольких лиц, и это с нами непременно случится, если мы не поспешим в виде массовой манифестанции явиться к решетке Национального Конвента и потребовать от него скорейшей организации исполнительной власти согласно конституции» [1]).

Считая, что мысль о «продолжении революции до тех пор, пока воюющие державы признают нашу самостоятельность», является глубоко вредной [2]), Леклер требует скорейшего осуществления конституции 1793 года и ее дополнения особым законом, запрещающим в течение четырех лет переизбрание депутатов трех предшествующих легислатур [3]). В случае же дальнейшей отсрочки конституции, «честолюбцы воспользуются обстановкой, чтобы прогнать с общественных должностей всех ненужных им лиц и заменить их продавшимися им людьми. Машина будет работать лишь посредством их и лишь для них и мы через непродолжительное время снова окажемся в цепях» [4]).

В этом же номере Леклер негодует по поводу промедления с началом суда над жирондистами и об'ясняет его сознательной провокацией новых сентябрьских убийств со стороны тех (ясный намек на Дантона), кто боится их показаний и предпочли бы устранить их без суда [5]). Он требует реорганизации «так называемого революционного трибунала» [6]) и разделения его на 12 секций, которые в течение двух недель смогли бы разделаться со всеми контрреволюционерами [7]).

Вопросу о конституции посвящен и № 19 «Друга Народа» от 4 сентября, вышедший под заголовком «Конституцию, всю конституцию и одну только конституцию!» [8]). Негодуя по поводу поведения Конвента, уничтожившего свое же собственное детище [9]), Леклер особенно возмущается Базиром, «заставившим декретировать, что французы будут находиться в состоянии революции до признания их независимости воюющими державами. Между тем установление конституции и явилось бы как раз первым шагом по пути к миру. Таким образом, несомненно, что существуют люди, которые, подчиняя общий интерес своему частному, стремятся продлить войну, чтобы продлить свое собственное пребывание во главе правительства» [10]).

Леклер решительно отвергает утверждение о том, что немедленные выборы в Законодательный Корпус могут дать нежелательные результаты. Подобное утверждение, говорит он, не только унижает французский народ [11]), но и противоречит фактам, ибо делегаты, посланные первичными собраниями в Париж для принятия конституции были все прекрасными патриотами [12]).

Эти же соображения повторяются Леклером в № 20 его газеты от 6 сентября, при чем на этот раз он не ограничивается требованием немедленного введения в действие конституции, но и указывает, что выборы в

[1]) «L'Ami du Peuple», № XVIII, p. 1—2.
[2]) Ibidem, p. 2—3.
[3]) Ibidem, p. 5.
[4]) Ibidem, p. 2—3.
[5]) Ibidem, p. 6.
[6]) Ibidem, p. 5.
[7]) Ibidem, p. 6.
[8]) Ibidem, № XIX, p. 1.
[9]) Ibidem, p. 2.
[10]) Ibidem, p. 2.
[11]) Ibidem, p. 4.
[12]) Ibidem, p. 4—5.

Законодательный Корпус должны иметь место не позже 1 ноября, а его созыв — не позже 1 января 1794 года [1]).

Само собой разумеется, что эта пропаганда Леклера не могла не раз'ярить монтаньяров. Если она и не была для них столь опасной, как деятельность Жака Ру (ибо, как мы уже отмечали, в то время как Леклер главное внимание уделял конституции, а о борьбе со спекуляцией говорил лишь мимоходом, Жак Ру, наоборот, все время кричал о спекулянтах и барышниках, и это в момент максимального обострения продовольственного кризиса), то все же у монтаньярских вождей не могло быть никаких оснований без конца терпеть непрерывные обвинения их в честолюбии и стремлении к удержанию власти. И если пока Леклер все острие своей критики обращал против дантонистов, а о Робеспьере и его единомышленниках говорил в сравнительно мягких выражениях, то ведь по существу требование немедленного осуществления конституции 1793 года противоречило политике не только дантонистов, но и всей вообще монтаньярской партии.

Вот почему, когда после вторичного ареста Жака Ру [2]) в якобинском клубе была создана комиссия для расследования его действий, то этой же комиссии было, по предложению Дефье, поручено равным образом заняться и Леклером [3]).

Ответ Леклера на это постановление якобинцев содержится в № 21 «Друга Народа» от 8 сентября. Утверждая, прежде всего, что он с Жаком Ру почти не знаком [4]), Леклер вместе с тем отнюдь не отказывается от своей пропаганды, а, напротив того, заявляет, что «гражданин Дефье не добьется поставленной им себе цели. Я не замолчу, не сбегу и сто тысяч гильотин не помешают мне говорить народу всю правду. Я ничего не боюсь, вся моя общественная деятельность представляет ряд подлинных, хотя и мало заметных, услуг делу революции, и я, не взирая на завистников, буду продолжать работать на пользу отечества» [5]).

В дальнейшей части того же номера Леклер рассказывает якобы приснившийся ему сон о том, как его за продолжение его деятельности отправляют на гильотину [6]), и заканчивает новым уверением в своей решимости бороться до конца [7]).

Соответственно этому обещанию, вышедший 11 сентября № 22 «Друга Народа» отличается совершенно исключительной резкостью. «Законодатели, — говорит в этом номере Леклер, обращаясь к членам Национального Конвента, — вам уже давно намекают на то, о чем я сейчас скажу вам совершенно открыто: вы позорно закончите свою карьеру, если только произвольные распоряжения нескольких человек и громадные полномочия, предоставленные вашим диктаторским комитетам, вы не замените единственной властью, перед которой может склониться свободный человек—конституцией 1793 года» [8]).

Еще раз решительно отвергая все доводы против немедленного введения этой конституции в действие, Леклер называет их плодом безумия народных представителей. «Имейте в виду, что, откладывая организацию исполнитель-

[1]) Ibidem, № XX, p. 7—8.
[2]) См. нашу статью «Конец Жака Ру»,—«Под Знаменем Марксизма» 1929 г., № 2—3.
[3]) «La Société des Jacobins», t. V, p. 392. В сборнике Aulard'a это постановление якобинского клуба относится к 8 сентября, но так как № 21 газеты Леклера с ответом на решение якобинцев датирован этим же самым днем, то здесь, очевидно, имеет место какое-то недоразумение в датах.
[4]) «L'Ami du Peuple», № XXI, p. 2.
[5]) Ibidem, p. 3.
[6]) Ibidem, p. 3—8.
[7]) Ibidem, p. 8.
[8]) Ibidem, № XXII, p. 2.

ной власти и вообще осуществление конституции, вы одни только бредите, тогда как все остальные находятся в здравом уме. Берегитесь же дома умалишенных!» [1]).

Не менее резки страницы № 22 «Друга Народа», посвященные способам применения закона о подозрительных:

«Все добрые граждане единогласно просили ареста подозрительных лиц; спрашивается только, в каком смысле понимали это слово наши уполномоченные, когда они исполняли это желание суверена.

Народ под подозрительными понимал тех, кто посредством контрреволюционных писаний и речей вредят общественным интересам.

Напротив того, большая часть наших государственных деятелей рассматривает как подозрительных тех, кто посредством их писаний или речей, вредят интересам частным» (Курсив Леклера. *Я. З.*) [2]).

И, рассматривая далее понятие частного интереса, Леклер поясняет, что он имеет в виду интересы тех стоящих у власти людей, которые подобно Дантону пользуются этой властью для наживы или вообще для удовлетворения своих узко-эгоистических целей [3]). В результате этого получается полное искажение смысла закона о подозрительных, из способа борьбы с контрреволюцией превращающее его в инструмент для преследования самых лучших патриотов [4]). Даже в тюрьмах заключенные патриоты находятся в куда худших условиях, чем находящиеся там богатые контрреволюционеры—настолько ложными являются все разговоры о якобы осуществленном во Франции равенстве [5]). Единственным способом прекратить все эти злоупотребления Леклер считает опять-таки немедленное осуществление конституции 1793 года [6]).

В № 23 «Друга Народа» от 13 сентября Леклер негодует по поводу установившегося обыкновения, в силу которого всякое высказывание против более или менее видных вождей монтаньяров рассматривается, как контрреволюция.

«Между частью членов Национального Конвента существует нечто в роде союзного договора, в силу которого, если кто-либо из граждан выставит какое-либо обвинение против какого-нибудь монтаньяра, кто-либо из коллег этого последнего непременно заявит, что даже в народных обществах имеются люди, подкупленные Питтом и Кобургом, чтобы клеветать на патриотов и ссорить их между собой. Он непременно скажет, что обвинять одного из вождей Горы значит стремиться к падению всей Горы и, тем самым, к гибели общественного дела» [7]).

Вышедший 15 сентяря № 24 «Друга Народа» по резкости своего тона составляет апогей всего, когда-либо написанного Леклером.

«Мы требовали поставить в порядок дня террор, а вместо него мы получили преступный дух вражды и личной ненависти. Сильный угнетает слабого и сажает его под замок. Так как это единственное средство заставить меня замолчать, то я каждую минуту жду приказа об аресте, который лишит меня слова» [8]).

Не ограничиваясь повторением сказанного в предыдущих номерах, Леклер на этот раз нападает на Комитет Общей Безопасности и, указывая, что в

[1]) Ibidem, p. 2—3.
[2]) Ibidem, p. 3.
[3]) Ibidem, p. 2—3.
[4]) Ibidem, p. 4.
[5]) Ibidem, p. 5—6.
[6]) Ibidem, p. 4.
[7]) Ibidem, № XXIII, p. 2.
[8]) Ibidem, № XXIV, p. 1—2.

его состав входят монах, священник и маркиз, он восклицает: «патриоты, я спрашиваю вас, доколе вы будете терпеть подобную власть?» [1]).

Это означало не что иное, как почти открытый призыв если не к восстанию, то во всяком случае к чему-то в роде «морального давления» 31 мая, и нет сомнения в том, что, произнося эти слова, Леклер прекрасно знал, каковы могут быть их последствия. В том, что это так, убеждают нас последние слова этого номера: «я, может быть, сказал больше, чем следовало бы для моей безопасности, но можно ли молчать перед лицом подобных гнусностей!» [2]).

III.

Мы уже видели, что решительная и последовательная борьба Леклера за конституцию 1793 года вызывала не меньшее негодование монтаньяров, чем непрерывные призывы Жака Ру к расправе с барышниками и спекулянтами, а успех, которым пропаганда Леклера пользовалась среди низов парижского населения, мог только до максимума обострить это негодование. Тайный полицейский агент Латур-Ламонтань, уже в своем донесении министерству внутренних дел от 11 сентября отмечавший пропаганду Леклера за немедленное переизбрание Национального Конвента [3]) и подчеркивавший ту «легкость, с которой он выражается об установленных властях (в частности о Революционном Трибунале)» [4]), 13 сентября указывает, что «количество подписчиков Леклера растет с каждым днем и его газета покупается нарасхват» [5]). При таком положении вещей совершенно очевидно, что № 24 «Друга Народа» должен был переполнить чашу монтаньярского долготерпения и контрудар последовал немедленно [6]).

№ 24 «Друга Народа» вышел 15 сентября, а уже на следующий день, то-есть 16 сентября, якобинский клуб, рассматривавший вопрос о клубе революционных республиканок [7]), обрушился одновременно и на Леклера [8]). «Один член клуба, только что прочитавший номер Леклера, цитирует из него отрывок, который, по его мнению, заслуживает самого строгого наказания» [9]). Это нападение на Леклера было поддержано Дефье, назвавшим его контрреволюционером [10]), и после исключительно бурных столкновений между

[1]) Ibidem, p. 3.
[2]) Ibidem, p. 5.
[3]) P. Caron, Paris pendant la terreur, t. I, p. 66—67.
[4]) Ibidem, p. 66—67.
[5]) Ibidem, p. 88.
[6]) В найденной после казни Робеспьера его записной книжке имеется фраза «Заговор Проли и Леклера». По этому поводу Матьез в своем издании записной книжки Робеспьера («Le carnet de Robespierre» в книге «Robespierre terroriste», p. 67) высказывает предположение, что речь идет о Теофиле Леклере. Нам кажется, что для такой догадки нет ровно никаких оснований. Сопоставление фамилии Леклера с именем Проли позволяет скорее предположить, что Робеспьер имел в виду служащего военного министерства Армана Юбера Леклера, казненного впоследствии по процессу эбертистов. (Отмечаем мимоходом, что Луи Блан в своей «Истории Французской Революции» смешал Теофиля Леклера с этим его однофамильцем и, рассказывая о процессе эбертистов, утверждал, что одной из жертв его сделался бывший вождь «бешеных». Louis Blanc, Histoire de la Révolution Française, t. XII, p. 260).
[7]) Как известно, Леклер был связан с клубом революционных республиканок не только идейно (мы уже видели, что в своей газете он напечатал петицию этого клуба от 26 августа), но и личными отношениями — он одно время жил с Кларой Лакомб, а впоследствии женился на другой деятельнице клуба, Полине Леон. Поводом к нападению якобинцев на революционных республиканок послужило исключение имн из своей среды некоей Гобен, написавшей донос на Леклера. «La Société des Jacobins», t. V, p. 406.
[8]) Ibidem, p. 406—409. Ср. также рассказ о заседании 16 сентября, написанный Лакомб. Arch. Nat., t. 1001^{1-3}.
[9]) «La Société des Jacobins», t. V, p. 407.
[10]) Ibidem, p. 407—408.

членами клуба и наполнявшей трибуны публикой [1]) якобинцы постановили просить Комитет Общей Безопасности арестовать Леклера и Лакомб [2]).

Как известно, Лакомб, присутствовавшая на заседании якобинского клуба, была тотчас же отведена в Комитет Общей Безопасности, где ее немедленно осводили [3]). Что касается Леклера, то мы даже не знаем, был ли он вообще арестован — уже цитированная выше его автобиография позволяет скорее предположить, что нет [4]). Факт лишь тот, что с этого времени выход газеты Леклера приостанавливается.

Как известно, после происшедшего осенью 1793 г. окончательного и полного разрыва между якобинцами и «бешеными», перед этими последними был поставлен выбор: продолжение своей деятельности и — как вывод из этого — смерть или отказ от всякой общественной деятельности и уход в частную жизнь. Мы знаем, что, в то время как Жак Ру смело и решительно пошел по первому пути, приведшему его к самоубийству, как способу избежания Революционного Трибунала, Варле пошел по линии наименьшего сопротивления и временно сошел со сцены [5]). По этому же пути пошел и Леклер — по крайней мере мы не знаем ни о каких его выступлениях, относящихся ко времени после 15 сентября 1793 г. Можно было бы, конечно, предположить, что он просто ушел в подполье, но в этом случае он, после переворота 9 термидора, не преминул бы, конечно, похвастаться своей борьбой с Робеспьером и его режимом. А между тем, во всех дошедших до нас написанных после 9 термидора обращениях Леклера в Комитет Общей Безопасности, мы ничего подобного не встречаем; что же касается до относящегося к этому же времени утверждения его жены, что Леклер пострадал за свою антиробеспьеровскую деятельность [6]) (речь об этом будет ниже), то оно слишком обще и неопределенно, чтобы позволить верить в его серьезность.

Итак, начиная со второй половины сентября 1793 г., Леклер возвращается в частную жизнь. Сделать это ему было тем легче, что в его личной жизни произошло в это время важное событие. 28 брюмера он женится на Полине Леон, видной деятельнице клуба революционных республиканок [7]). Вскоре после этого призванный по мобилизации на военную службу, Леклер попадает в город Ла Фер в департаменте Эн (l'Aisne) и служит там в штабе 17-й дивизии, иначе называвшейся 1-й дивизией Уазы [8]). Жена его остается в Париже и зарабатывает себе хлеб торговлей шоколадом, которой она занималась и ранее, еще до революции [9]).

Но уход от политической деятельности не спас Леклера от преследований монтаньяров. Весной 1794 года, при разгроме своих противников, как справа, так и слева, робеспьеристы вспоминают и о вождях «бешеных». Жак Ру к этому времени был уже мертв; что касается Леклера, то он был арестован одновременно с Кларой Лакомб [10]) 13 жерминаля. Изданый в этот день приказ Комитета Общей Безопасности предписывал, без об'яснения причин

[1]) Рассказ об этом см. в описании Лакомб. Arch. Nat., t. 1001[1.3].
[2]) «La Société des Jacobins», t. V, p. 407—408.
[3]) Рассказ Лакомб. Arch. Nat., t. 1001[1.3].
[4]) Автобиография Леклера. Arch. Nat., F[7] 4774[9]. Было бы, конечно, очень любопытно выяснить, почему Леклеру удалось так дешево отделаться от преследований со стороны монтаньяров, но все имеющиеся в нашем распоряжении источники об этом молчат.
[5]) См. нашу статью «Жан Варле до 9 термидора».
[6]) Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[7]) Ibidem и автобиография Леон. Arch. Nat., F[7] 4774[9]. Биографию Полины Леон до ее замужества см. в нашей статье «Клара Лакомб и клуб революционных республиканок».
[8]) Автобиография Леклера. Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[9]) Автобиография Леон. Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[10]) Arch. Nat., F[7] 4756.

арест Леклера и его жены [1]), незадолго до того приехавшей к нему на свидание [2]). Специально прибывшие в Ла Фер комиссары уже на следующий день арестовали как Леклера, так и его жену [3]), а 17 жерминаля они были доставлены в Париж, где одновременно с этим были опечатаны их вещи [4]).

Допрошенные в революционном комитете секции Хлебного Рынка [5]), Леклер и Полина Леон были препровождены в тюрьму Сент Пелажи [6]), но за отсутствием там места их пришлось возить из тюрьмы в тюрьму, пока, наконец, их не приняли к Люксембурге [7]).

15 мессидора Полина Леон была допрошена, при чем у нее потребовали представления документов, устанавливающих истинность данных ею показаний [8]). В силу этого, она на следующий день, 16 мессидора, ходатайствует о скорейшем рассмотрении ее запечатанных бумаг [9]), и присоединяет к своему заявлению автобиографию [10]), в которой подробно излагает свою жизнь и общественную деятельность [11]). «Я должна отметить,—заканчивает Леон свое жизнеописание,—что мы (т.-е. она и Леклер. *Я. З.*) совершенно не знаем причин нашего ареста. Не виновные ни в каких преступлениях, мы свободны от всякого страха. Мы делали для нашей родины все возможные жертвы, мы служили ей с полнейшим бескорыстием; мы бедны, отягчены долгами и абсолютно далеки от всех бывших и настоящих общественных деятелей» [12]).

Одновременно с этим и Леклер ходатайствовал о просмотре своих опечатанных бумаг [13]), равным образом присоединив к своему ходатайству автобиографию [14]). Подобно своей жене указывая, что он всегда был далек от всех политических деятелей [15]), Леклер особенно подчеркивал, что он был всегда врагом ныне свергнутых фракций [16]) и что вся его деятельность была неизменно «посвящена защите истины, свободы и равенства» [17]). Автобиография заканчивается указанием на его материальную нужду и необходимость помогать двум неимущим сестрам [18]).

Ходатайства Леклера и его жены отчасти помогли—по постановлению Комитетов Общественного Спасения и Общей Безопасности от 19 мессидора, революционный комитет секции Хлебного Рынка в тот же самый день произвел просмотр опечатанных бумаг обоих супругов, при чем, гласит протокол осмотра, «в них не было найдено ничего, противного принципам Рево-

[1]) Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[2]) Автобиография Леон. Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[3]) «Comité Révolutionnaire de la section de la Halle aux Bleds. 14 germinal an II». Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[4]) Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[5]) «Comité Révolutionnaire de la section de la Halle aux Bleds. 17 germinal an II». Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[6]) Приказ тюремщику Сент-Пелажи об их заточении. Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[7]) Arch. Na., F[7] 4774[9].
[8]) «La citoyenne Le Clerc aux citoyens composant la Commission populaire». Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[9]) Ibidem.
[10]) «Précis de la conduite révolutionnaire d'Anne Pauline Léon, femme Leclerc».
[11]) Ibidem.
[12]) Ibidem.
[13]) «Paris, le 16 messidor l'an 2-me de la république une et indivisible». Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[14]) «Extraction, profession avant et depuis la Révolution; carrière politique et révolutionnaire et l'état présent des affaires de Théophile Le Clerc». Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[15]) Ibidem.
[16]) «Paris, le 16 messidor». Arch. Nat., F[7] 4774[9].
[17]) Ibidem.
[18]) Автобиография Леклера, Arch. Nat., F[7] 4774[9]. Матьез в своей же неоднократно цитированной книге (p. 361) говорит, что Леклер и его жена «были еще в тюрьме 16 мессидора. Дальнейший их след теряется» (Курсив наш *Я. З.*). Как будет видно из дальнейшего, последнее утверждение неверно.

люции» [1]). Но на этом дело и застопорилось, и дальнейшее течение воды в деле Леклера и его жены относится уже ко времени после 9 термидора.

Уже очень скоро, повидимому (говорим «повидимому», так как документ не датирован), после переворота, Леклер и его жена ходатайствуют о сообщении им причин их ареста, при чем Полина Леон глухо намекает, что ее муж пострадал за свое антиробеспьеристское поведение [2]). Как и следовало ожидать, зная обстановку этих дней, это немедленно помогло — постановлением Комитета Общей Безопасности от 4 фрюктидора Леклер и его жена получили свободу, якобы на основании благоприятных сведений, представленных о них революционным комитетом секции Красного Колпака [3]). 5 числа того же месяца они были освобождены, а 25 фрюктидора им были возвращены захваченные у них при обыске бумаги [4]). С этого момента следы о них теряются.

[1]) Arch. Nat., F^7 4774^9.

[2]) «La f-e Leclerc ajoute que son mari a été mis au secret pour avoir avec Réal recueilli les faits contre le complot de Robespierre». Arch. Nat., F^7 4774^9.

[3]) «Du 4 fructidor». Постановление подписано Elie Lacoste, Dubarran, Amar, Louis du Bas-Rhin, Goupilleau de Fontenay et Legendre. Любопытно, что последний в свое время был, как мы видели, злейшим врагом Леклера.

[4]) Обращение Леклера «Aux citoyens representants du peuple composant le Comité de Sureté Générale». На этой же бумаге имеется его расписка о получении бумаг 25 фрюктидора. Arch. Nat., F^7 4774^9.

Методология измерения и диалектический материализм.

А. Максимов.

Одной из теорий, оказавших глубочайшее влияние и придавших своеобразный оттенок современному естествознанию, является теория относительности. Она затронула глубочайшие основы современного естествознания и в то же время теснейшим образом выявила связь взглядов современных естествоиспытателей с идеологией классов современного общества.

Все это оправдывает тот интерес, который теория относительности вызвала у представителей диалектического материализма. Однако та работа, которая проделана в этом направлении марксистами, находится еще в самом своем начале.

Предпосылкой возможности дальнейшей разработки марксистами проблем, связанных с теорией относительности, является разбор ряда вопросов, которые еще не ставились на страницах нашей марксистской печати. Одной из важнейших, относящихся сюда проблем является проблема методологии измерения.

Автор настоящей статьи и пытается осветить эту проблему с точки зрения диалектического материализма.

Настоящая статья является таким образом лишь введением к постановке собственно проблемы теории относительности.

Для того, чтобы выяснить, что внесла в науку теория относительности, необходимо прежде всего установить основные исходные взгляды при решении проблемы пространства, времени, движения, измерения и т. п. диалектического материализма.

Дальнейшее изложение точки зрения диалектического материализма на перечисленные категории точного естествознания опирается на изучение как основоположников марксизма, так и их предшественников, прежде всего Гегеля и Фейербаха. Оставляя за собой право вернуться к более подробному разбору затрагиваемых ниже вопросов при специальном разборе логики и натурфилософии Гегеля, мы остановимся при разборе проблемы пространства, времени и т. д. лишь на тех сторонах вопроса, которые нам нужны для постановки проблем, непосредственно связанных с теорией относительности.

Пространство.

Пространство является для диалектического материализма формой существования материи [1]). Оно не есть какое-либо свойство ее, могущее возникать или исчезать, а есть всеобщая форма существования материи. Поэтому нет материи вне пространства и пространства без материи.

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1928 г., стр. 46.

Пространство определяется распределением материи. Различные распределения материи дают и различные пространства. Форма распределения материи, закон этого распределения материи и составляют характеристику данного пространства. Если бы это распределение соответствовало закономерности, лежащей в основе Евклидовой геометрии, то такое пространстро мы называли бы евклидовым; если же распределение материи соответствовало бы отношениям, положенным в основу Риманновой геометрии, то мы называли бы его римановым, и т. д.

При определении пространства играет роль лишь существенное распределение материи. Случайные, несущественные моменты распределения материи не определяют ее пространства. Так мы можем себе представить, отвлекаясь от физической определенности вселенной, такое геометрическое распределение материи звездной вселенной, которое будет предполагать всюду одинаковую среднюю плотность ее. Для этого случая будет несущественно, если в отдельных частях вселенной будут те или иные колебания плотности материи, не изменяющие общей закономерности ее распределения. По отношению к пространству млечного пути расположение того или иного отдельного атома или электрона несущественно. В то же самое время нужно иметь в виду, что существенное отношение не есть какое-то внешнее или постороннее отношение несущественных. Как млечный путь состоит из атомов, электронов и т. д., включая их как подчиненные моменты общего целого, так и пространство млечного пути включает в себя, как подчиненные моменты, пространственные отношения атома, электрона и т. д.

Нет пространства, которое свое значение распространяло бы на все случаи распределения материи. Можно говорить о пространстве доступном нам вселенной, о пространстве млечного пути, солнечной системы, земли, атома, электрона и т. д., но нет пространства вообще, без отношения к какому-либо конкретному случаю.

Время.

Если пространство есть форма существования материи, взятая в ее неподвижности, то время есть форма существования материи в движении. Нельзя представить себе время, как пространство, вне материи и материю вне времени.

Для определения времени существенно то общее, что имеется в отношении формы существования материи в движении. Время не есть то или иное частное движение в системе (напр., солнечной, звездной, системе электронов в атоме и т. п.), а общая форма, закон смены одних движений другими. Можно было бы сказать, что время есть движение движений.

То же самое и по отношению к пространству: оно не есть само расположение материи, а расположение материи, рассматриваемое с более общей точки зрения—пространства, которое является законом расположений материи. Поэтому расположение земли мы рассматриваем в пространстве солнечной вселенной, солнечной вселенной в пространстве млечного пути и т. д. Аналогично и с временем: частные движения мы рассматриваем на фоне, в их отношении к общему движению.

Пространство и время и их единство в движении.

Пространство и время не имеют самостоятельного значения одно помимо другого. То и другое из них форма существования одной и той же материи. Это единство пространства и времени прежде всего проявляется в движении: движение как форма существования материи в качестве подчиненных моментов предполагает данными пространство и время. Движение есть

форма существования материи, проявляющаяся в пространстве и времени [1]). Движение материи как форма ее существования дает нам пространственное и временное существование.

Единство пространства и времени не ограничивается лишь тем моментом, что они форма существования материи и конкретизируются прежде всего в движении. Отношение между пространством и временем более глубокое. Они определяют взаимно друг друга.

Действительно, движение материи в пространстве определяется свойствами этого пространства, т.-е. конкретным законом ее распределения. Так движение планет, комет и пр. в пространстве солнечной системы определяется структурой этого пространства. Так как законом частных движений является общая их форма—время, то можно говорить, что пространство определяет время.

Но то же самое справедливо и наоборот. Время определяет пространство. Именно всякое наличное состояние материи есть результат ее предшествующего движения, развития. Поэтому будет справедливо также сказать, что пространство определяется временем.

Пространство и время, будучи моментами движения, в то же время не суть тождественны. Мы потому и различаем пространство от времени и наоборот, что они, несмотря на взаимную обусловленность и взаимный переход, не суть тождественны, а отличны друг от друга.

Движение не как отдельное частное, случайное движение, а как общая форма существования материи, имеет в себе как подчиненные моменты пространство и время. В этом единстве пространства и времени в движении прежде всего сказывается диалектический характер движения: пространство, как форма существования материи, отражает момент неподвижности, момент неизменности материи, время же—момент движения, изменяемости. Поэтому движение, будучи единством пространства и времени, есть диалектическое единство неподвижного и подвижного, данного и преходящего.

Такое понимание движения материи в то же время подчеркивает конкретность движения прежде всего в смысле его закономерности и, далее, его обусловленности.

Действительно, движение есть не просто безразличное движение, но закономерный переход от одного данного состояния к другому данному ее состоянию. Всякое новое состояние материи не есть случайное, а обусловленное ее предшествующим состоянием. Поэтому движение материи есть движение закономерное и в каждый момент времени и в каждой точке пространства обусловленное.

Пространство и время являются формами материи. Но, будучи таковыми, они, в свою очередь, обуславливают бытие материи, являются определяющими для этого бытия условиями.

Действительно, отдельное движение происходит во времени и пространстве, и это движение определяется этими формами существования материи. Так, путь какой-либо планеты в солнечной системе определяется по ее орбите как пространственными отношениями, существующими в этой системе [2]), так и тем законом движений в системе, который господствует над отдельными движениями. Пространство и время, как общая форма существования материи солнечной системы, противостоят здесь, как нечто данное, неизменное отдельным частным движениям, определяя их. Поэтому нельзя частное распределение материи и отдельное движение спутывать с пространством

---

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1928 г., стр. 53; Гегель, Философия природы, пер. Чижова, изд. 1868 г., стр. 75.

[2]) Мы здесь не рассматриваем вопроса о том, определяются ли, пространственные отношения в солнечной системе только распределением материи в ней, но и во всей звездной вселенной.

и временем. Возникая на основе отдельных распределений тел и отдельных движений, будучи их высшим синтезом, пространство и время не суть просто сумма отдельных тел или отдельных движений. Формы существования материи — пространство и время — приобретают известное самостоятельное существование по отношению к отдельным телам и отдельным движениям. Ворвавшаяся в пределы солнечной системы комета не уничтожает своим появлением пространственных и временных отношений, существующих в системе. Нужен переход за известные пределы в этом вмешательстве чужеродных тел, чтобы пространственные и временные отношения солнечной системы перешли в другие, что привело бы эту систему к ее уничтожению, как определенного качества.

Это известное постоянство пространства и времени по отношению к отдельным телам находит в естественно-научной практике, как мы увидим далее, то выражение, что как масштабы пространства и времени избираются такие тела и такие процессы, которые отличаются наибольшим постоянством среди прочих других и тем самым должны быть представителями того общего, что остается в данной системе, как качественном образовании, постоянным при переходе от одного тела к другому, от одного движения к другому.

Подводя итог сказанному, мы можем вкратце так сформулировать основное в смысле определений пространства, времени и движения: пространство, время и движение—формы существования материи; движение, как форма существования материи, включает в себе, как подчиненные моменты, пространство и время; являясь существенным в расположении и смене частных форм материи, возникая из этих частных отношений, пространство и время в то же время являются условиями [1]) дальнейшего бытия материи; частное и единичное переходит в общее и общее переходит в частное. Правильное понимание пространства и времени может быть достигнуто только путем исследования их диалектического единства в движении и диалектики их взаимных переходов.

Общая методология измерения.

Познание природы делается тем более успешным, чем более методическим оно становится. Развитие и усовершенствование методов познания—важнейшее условие развития науки.

Непосредственное единичное чувственное восприятие дает нам очень мало в смысле познания. Обогащая наш опыт возможно большим количеством восприятий об'ективной действительности и, далее, подвергая этот материал обработке мышления, мы достигаем знания.

Однако простое, несистематическое, неметодическое накопление восприятий очень мало продуктивно в смысле достижения познаний природы. Более действительным способом познания является такой способ, где и самое накопление восприятий идет известным закономерным путем. Само собой разумеется, такие пути вырабатываются лишь в процессе долгой человеческой практики, но раз найденные, они с большим успехом ведут нас к познанию.

Одним из таких методических приемов в познании об'ективной действительности является установление связей между предметами этой действительности и именно: между частью и целым, между частным, особенным и общим.

Но так как в природе частное и особенное не лежат вне общего, и общее проявляется в виде частного и особенного, то при таком установлении отношений между частью и целым, между частным и общим, мы устанавливаем отношения между конкретными вещами, из которых одни представляют в своей особенности общее, другие же частное. И здесь опять-таки требуется большой опыт и практика, для того чтобы более и более удачно избрать предмет, представляющий общее. В дальнейшем развитии знания нахождение таких предметов делается целью методических поисков науки.

Но в начале, на первых стадиях познания определение общего и установление отношения его к частному происходит стихийно. Сколько-нибудь развитой язык уже содержит слова для выражения общего и частного (подлежащее и сказуемое) и речь прежде всего заключается в словесном выражении мысленно найденных отношений частного, особенного и общего (суждение и умозаключение). Правда, в языке общее получает особое, абстрактное от частного и особенного выражение и конкретный характер общего вскрыт был лишь диалектической логикой.

На ранних стадиях познания природы в качестве об'екта, выражающего общее, человек совершенно стихийно выбирает самого себя, как определенный физический об'ект.

Так для познания общего, скажем длины или количества различных предметов, он избирает длину или количество своих членов: локоть, фут, сажень, шаг, счет по пальцам (происхождение отсюда десятичной системы счисления) и т. д. В некоторых случаях оперирование органами чувств человека связано автоматически с установлением отношений предметов к частям тела человека, играющим роль таких эталонов общего. Так известно из физиологии органов чувств, что бинокулярное зрение при определении расстояния предметов исходит из расстояния между глазами человека и т. д.

Такой стихийный способ установления отношений между частным и общим, при чем части человека, как физического предмета, представляют общее, в дальнейшем уступает место более совершенному методу. Человеческий организм оказывается практически неудобным образцом целого ряда общих свойств: об'ема, тяжести, длительности и т. д. В то же время оказывается более удобным выражать и те общие свойства, которые до известной поры удовлетворительно представлялись частями человеческого тела, как, напр., длина особыми телами. Так постепенно возникают различные об'екты, представляющие те или иные общие свойства или атрибуты материи: протяженности, длительности, веса и т. д.

Установление отношения частного к общему и частей к целому, идя по этому пути, перерастает из просто сравнительного метода в метод количественного познания тех или иных общих качеств, свойств, атрибутов материи. Возникает методология измерения. Об'екты, представляющие общие свойства, превращаются в масштабы пространства, времени, тяжести и т. д.

Из сказанного выше видно, какое большое и общее значение имеет методология измерения. Особенное значение она имеет в «точных» науках. Можно сказать, все знания о природе точные науки получают методом измерений, и правильная оценка этого метода имеет коренное значение для этих наук.

Но методология измерения имеет значение и в других науках, в том числе и общественных, и прежде всего в политической экономии.

Именно в политической экономии этот метод был глубоко, как никем ранее и никем после, разработан и критически оценен Марксом. Именно Маркс в своем «Капитале» дал непревзойденный анализ этого метода.

Так как для нашего дальнейшего изложения разбор этого метода имеет первостепеннейшее значение, то мы далее рассмотрим в основном результаты разбора этого метода Марксом.

Марксом этот метод был подробно исследован при разборе проблемы стоимости.

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 46; Людвиг Фейербах, Собр. соч., т. I, стр. 129.

Анализируя товар, Маркс говорит о двойственной его природе. С одной стороны качественная природа товара, его потребительная стоимость, с другой стороны его количественная сущность, количество, представляющееся нам в виде меновой стоимости, проявляющейся как отношение, как пропорция.

Если рассматривать меновую стоимость только с этой количественной стороны, — говорит Маркс, — то «меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и совершенно относительным, внутренняя же для товара, имманентная меновая стоимость представляет, повидимому, бессмыслицу» (Стр. 3) [1]).

Таким образом Маркс ставит вопрос, есть ли что-нибудь кроющееся за отношением, выражающим меновую стоимость, исчерпывается ли явление стоимости только тем отношением, которое выражает меновую стоимость?

Отвечая на этот вопрос Маркс говорит, что «меновая стоимость должна представлять способ выражения какого-то содержания, отличного от этих предметов» (Стр. 3). Этим содержанием, субстанцией стоимости является труд, именно он кроется за отношением меновой стоимости.

Именно содержание труда определяет основные черты стоимости. «Потребительная стоимость или благ,—пишет Маркс,—имеет стоимость лишь потому, что в ней материализуется или овеществляется абстрактно человеческий труд» (Стр. 5). Количество труда и лежит в основе менового отношения стоимости.

Количество же труда, в свою очередь, измеряется рабочим временем, необходимым для производства того или иного товара. Исходя из этого положения, мы получаем возможность сравнивать стоимости товаров. «Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара, как рабочее время, необходимое для производства первого к рабочему времени, необходимому для производства второго... Следовательно, величина стоимости товара остается постоянной, пока неизменно рабочее время, необходимое для его производства» (Стр. 6).

Но как измерять стоимость товара, если изменяется производительная сила труда и тем самым время, необходимое для изготовления того или иного товара?

Маркс на этот вопрос дает следующий ответ: «...Чем более производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного товара, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления товара, тем больше его стоимость. Величина стоимости товара изменяется таким образом прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе овеществленного в нем труда» (Стр. 7).

Изменение производительной силы труда не отзывается на самом труде, как субстанции стоимости. «Полезный труд,—пишет Маркс,—является то более богатым, то более скудным источником продуктов, прямо пропорционально повышению или падению его производительной силы. Напротив, изменение производительной силы само по себе нисколько не затрагивает труда, поскольку он выражается в стоимости товара»... «Один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как бы не изменялась его производительная сила. Но он доставляет при этих условиях в равные промежутки времени различные количества потребительных стоимостей: больше когда производительная сила растет, меньше, когда она падает» (Стр. 13)

[1]) К. Маркс, Капитал, изд. 1920 г.

Исходя из этих основных положений, Маркс приступает к анализу формы стоимости, т.-е. к той пропорции, которая является аналогом всех измерительных отношений, которые мы имеем в точных науках. Он разбирает сначала простую, элементарную форму стоимости. Мы остановимся на анализе именно только этой элементарной формы стоимости, не переходя к дальнейшему, потому что те положения, которые Маркс дает в этом отношении, для нас чрезвычайно ценны и заключают в себе все основное, что нам будет нужно для дальнейшего.

Простая форма стоимости это есть та единичная форма, когда «х» товара «А» равны «у» товара «Б» или, выражая это на конкретном примере, когда 20 арш. холста равняются 1 сюртуку. Маркс говорит, что субстанцией стоимости является труд. В каждом товаре эта стоимость представляется в его натуральной форме. Но когда мы имеем пропорцию, то мы имеем уже нечто другое. Здесь эта стоимость выражается в виде отношения между двумя товарами, а не в натуральной форме стоимости каждого товара по отдельности. Когда мы имеем простую форму стоимости, то стоимость «х» товара «А» получает выражение в «у» товара «Б» и Маркс говорит, что здесь мы имеем пример, когда стоимость распадается на две свои противоположности, на два полюса — количественная форма и качественная форма. Стоимость как таковая—это есть некое качественное явление, а количественная сторона стоимости одного товара получает свое выражение в качественной форме другого товара. Другой товар, как качество служит материалом, служит, так сказать, масштабом, для измерения количества стоимости другого товара. Маркс употребляет специальный термин: «х» товара «А» это есть относительная форма стоимости, а «у» товара «Б»—это есть эквивалент. Таким образом, товар «Б» в своем натуральном виде служит для выражения стоимости товара «А». Но получает ли этот товар «Б» в данном отношении сам какое-нибудь выражение стоимости? В данном уравнении он представляет только качество. Сам же своей стоимости в этом уравнении он не выражает. Если мы перевернем уравнение, то товар «Б» будет получать свое выражение в товаре «А». Тогда товар «А» будет тем эквивалентом, которым раньше был товар «Б». Таким образом, нельзя стоимость холста выразить в холсте, или стоимость сюртука выразить в сюртуке.

Выше мы уже сказали, что за формой пропорции Маркс вскрыл некоторую сущность, именно труд, как субстанцию стоимости. Любопытно здесь отметить подчеркивание Марксом того, что для буржуазных ученых типично видеть именно только отношение, только пропорцию и не замечать того, что кроется за этим отношением, именно того, что пропорцией не исчерпывается сущность явлений, связанных с проблемой стоимости. «Свойства данной вещи не создаются,—писал Маркс,—ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...» (Стр. 25).

Если оставаться на почве буржуазных взглядов, не видящих за отношением, в котором выступают товары в простой форме стоимости, сущности явления стоимости, то тогда невозможно правильно решить вопрос о тех количественных изменениях, которые наступают в пропорции в случае, если производительная сила труда будет меняться.

Разбирая влияние изменения производительной силы труда на форму стоимости, Маркс рассматривает три случая:

Первый случай — когда при неизменной стоимости товара Б, относительная стоимость товара А меняется. Тогда его стоимость, выраженная в товаре Б, повышается и падает прямо пропорционально стоимости товара А.

Второй случай—это случай когда при неизменной стоимости товара А меняется стоимость товара Б. Тогда стоимость товара А, выраженная в товаре Б, повышается и падает в отношении, обратном изменению стоимости товара Б.

Наконец, третий случай относится к тому положению, когда стоимости обоих товаров А и Б изменяются одновременно и притом в одном и том же отношении. Тогда изменение их стоимости мы можем открыть лишь при сравнении с третьим товаром, стоимость которого осталась неизменной. Если же стоимости всех товаров одновременно повышаются или одновременно падают в одной и той же пропорции, то их относительные стоимости остаются без перемены, и мы не можем открыть в этом их отношении изменения их стоимостей. Реальное изменение стоимости товаров в этом случае сказалось бы лишь в том, что в течение того же самого рабочего времени вообще производилось бы больше или меньше товаров, чем ранее.

Из всего этого Маркс делает вывод, что действительное изменение стоимости не отражается на величине относительной стоимости, т.-е. то количественное отношение, которое имеется в этой формуле, не выражает сущности явления до конца, а только частично, и при некоторых условиях вообще не выражает действительных отношений.

Важность изложенных результатов не только по отношению к анализу категории стоимости, но и вообще к методологии измерения, в том числе и методологии измерения точных наук, Маркс иллюстрировал на трех примерах из учения о природе. Он приводит в первой главе первого тома «Капитала» один пример из геометрии, один из химии и третий из физики. Остановимся несколько на последнем, так как он иллюстрирует нам отношение изложенных выше взглядов Маркса на методологию измерения стоимости к проблемам методологии измерения наук о природе.

«Для большей наглядности,—говорит Маркс,—иллюстрируем это на примере тех мер, которыми измеряются товарные тела как таковые, т.-е. как потребительные стоимости. Голова сахару, как физическое тело, имеет определенный вес, но ни одна голова сахару не дает возможности непосредственно увидеть или почувствовать ее вес. Мы берем поэтому куски железа, вес которых заранее определен. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, столь же мало является формой проявления тяжести, как и голова сахару. Тем не менее, чтобы выразить голову сахара как тяжесть, мы приводим ее в весовое отношение к железу. В этом соотношении железо является телом, в котором нет ничего кроме тяжести. Количества железа служат поэтому мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляют лишь воплощение тяжести, или форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое к нему вступает сахар или другое какое-либо тело, когда отыскивается вес последнего. Если бы оба тела не обладали тяжестью, они не могли бы вступить в это отношение, и одно из них не могло бы стать выражением тяжести другого. Бросив их на чашки весов, мы убедимся, что как тяжесть оба они действительно тождественные и потому взятые в определенной пропорции, имеют один и тот же вес. Как тело железо, в качестве меры веса, представляет по отношению к голове сахара лишь тяжесть, так в нашем выражении стоимости тело сюртук представляет по отношению к холсту лишь стоимость» (Стр. 24—25).

Таким образом, мы за количественной формой отношения двух тел должны иметь в виду ту сущность, которая скрывается за этой количественной формой, и Маркс подчеркивает в следующем далее и цитированном нами положении, что свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в этих отношениях. Вот основное, что нам нужно иметь в виду, чтобы перейти к вопросу о методологии измерения в точных науках.

Точные науки, как мы уже сказали, только тем и занимаются, что производят измерения. Все результаты точных наук получены измерениями, и всякая формула, всякое явление, которое анализируется в точной науке, подходит под случай, разобранный Марксом: там всегда сравнивается какой-нибудь масштаб с каким-нибудь другим телом, качественно с ним одинаковым, и получаются известные количественные результаты. Эти количественные результаты и их выражение в тех или иных теориях служат содержанием точных наук. То, что в точных науках, с одной стороны, есть явления качественно по себе различные, а, с другой стороны, они получают свое выражение в этих пропорциях, именно это обстоятельство служило и служит до сих пор для механистов причиной, почему они не видят этих качеств, скрытых за этой пропорцией. Надо отказаться от фетишизации этой пропорции, надо посмотреть за кулисы пропорции, чтобы вскрыть это качество. Такая фетишизация отношения есть одна из причин, почему не видят этого качества, и эта точка зрения стоит в полной аналогии с той точкой зрения буржуазных политико-экономов, которые за формой стоимости не видели самой стоимости.

Методология измерения у Ньютона, Гельмгольца и махистов.

Гельмгольц в своей работе «Счет и измерение с точки зрения теории познания» [1]) писал: «Хотя счет и измерение суть основы плодотворнейших, вернейших и точнейших научных методов, которые мы когда-либо знали, тем не менее, однако, над теоретико-познавательными основами таковых работали мало». Эта оценка Гельмгольца остается справедливой и по сию пору.

Действительно работа над основами методологии измерения, хотя ею и занимались все крупнейшие умы [2]), дала до сих пор в методологическом смысле, а в таком смысле и употребляет прежде всего Гельмгольц термин «теория познания», очень мало положительного. И причина этого кроется, как это ни покажется странным, именно в том, что все исследователи этого вопроса подходили к нему с определенной теоретико-познавательной точкой зрения, понимая этот термин в узком его смысле, т.-е. в смысле учения об отношении мышления к бытию. Именно то обстоятельство, что различные исследователи проблемы методологии измерения стояли не на материалистической, а на идеалистической, или в лучшем случае на метафизико-материалистической точке зрения, именно это служило причиной бесплодности решения проблемы методологии измерения. Мы должны констатировать таким образом факт, что, несмотря на колоссальнейший успех практического приложения этого метода, несмотря на его совершенствование, его критическая оценка не шла в ногу со стихийным ростом метода и его приложений.

Причина этого обстоятельства кроется в том, что теория познания в тесном смысле этого слова неразрывнейшим образом связана с методологией. Поэтому неправильный ответ на основной вопрос об отношении нашего мышления к бытию должен был сказываться и в неправильной оценке методологии измерения.

Действительно, лишь диалектический материализм дает правильное решение не только проблемы отношения нашего мышления к бытию, но и решение проблемы об относительной и абсолютной истине, о диалектиче-

---

[1]) H. Helmholtz, Schriften zur Erkenntnisstheorie, 1920, S. 70.

[2]) В качестве примеров укажем, напр., на Декарта: R. Descartes, Philosophesche Werke, I. Bd.: «Regeln zur Leitung des Geistes», S. 90—99, изд. «Philosophische Bibliothek»; Гоббс, Избр. сочинения, стр. 97; Leibniz, Hauptschriften zur Grundlegung der Philosophie, изд. «Philos. Bibliothek», B. I, S. 61, 343; Bd. II, S. 222. Трактовка в духе современной буржуазной философии у Вейля: Weyl, «Philosophie der Mathematik und Naturwissenschaft», 1927, стр. 100.

ском отношении категорий общего и частного, целого и части качества и количества и т. д., имеющих самое непосредственное отношение, как мы видели выше, к методологии измерения. Ни метафизический материализм, тем более идеализм этих проблем не решают, а поэтому и их ответ на проблему метода измерения остается в целом не удовлетворительным.

Чтобы иллюстрировать сказанное, мы рассмотрим в дальнейшем вкратце взгляды на методологию измерения четырех мыслителей: Ньютона, Гельмгольца, Маха и Пуанкаре.

Если отвлечься от общего, теологического мировоззрения Ньютона, то нужно сказать, что в области естествознания он стоял на материалистической позиции. Он признавал, что существует внешний мир, что наше познание отражает отношения этого мира. В механике и физике это отражение это познание приобретает по преимуществу математическую форму. Именно оценке формы математического познания, а в математической форме предстают пред нами и результаты измерения, Ньютон и уделил очень много внимания.

Измерение дает количественное выражение отношению предметов и предстает пред нами в виде пропорций, относительных количеств. Встает прежде всего вопрос: в каком отношении находятся между собой эти относительные количества и то, что ими выражается.

Ньютон, в соответствии с общей своей материалистической точкой зрения, различает относительные количественные выражения от того, что ими выражается. «Таким образом,—пишет он в своих «Началах», подводя итоги рассмотрения затрагиваемой нами проблемы,—относительные количества не суть те самые количества, коих имена им обычно придаются, а суть лишь результаты измерений сказанных количеств (истинные или ложные) постигаемые чувствами и принимаемые обычно за самые количества. Если значение слов определять по тому смыслу, в каком эти слова употребляются, то под названиями время, пространство, место и движение и следует разуметь эти постигаемые чувствами меры их. Речь стала бы совершенно необычной и математической, если бы под этими названиями разуметь действительно сами измеряемые количества. Поэтому воистину насилуют смысл священного писания те, кто эти слова истолковывают в нем, как самые количества, не менее того засоряют математику и физику, и те, кто смешивает самые истинные количества с их отношениями и их обыденными мерами» [1]).

Итак, Ньютон различает действительные отношения от той относительной формы, в которой они проявляются в результате измерения. Мы видим, что в основном этот подход правилен. Но Ньютон одновременно делает и существенную ошибку: он прежде всего математизирует действительность. Для Ньютона, получается, существуют два вида количеств: постигаемые чувствами — относительные, неистинные количества, и действительные, истинные. Эти последние он понимает не как момент конкретной действительности, но как самостоятельные сущности.

Насколько же эти сущности выражаются по Ньютону через относительные количества?

«Распознавание истинных движений отдельных тел,—пишет Ньютон дальше [1]),—и точное их разграничение от кажущихся весьма трудно, ибо части того неподвижного пространства, о котором говорилось и в котором совершаются истинные движения тел, не ощущаются нашими чувствами. Однако это дело не вполне безнадежное».

[1]) Ньютон, Математ. начала натуральной философии, пер. Крылова, т. I, стр. 34.
[2]) Там же, стр. 35.

Итак, Ньютон признавал на словах не безнадежной попыткой познать на основе относительных количеств истинные отношения. Но у Ньютона это утверждение осталось и не могло не остаться словесным утверждением.

Уже в приведенной выше цитате заключена причина этого.

Если истинные движения тел не ощущаются нашими чувствами, если последние не дают нам действительного знания, хотя бы и через опосредывающую деятельность мышления, то мы становимся перед затруднением: как познавать действительный мир?

Этого затруднения Ньютон не разрешил, скатившись с одной стороны в агностицизм, о чем мы имели случай говорить в другом месте [1]), а с другой в теологию.

Признавая, что чувственное знание не дает нам истинного знания, Ньютон метафизически оторвал сущность от явления, частное от общего и т. д. Частное он отнес к чувственно-постигаемому миру, а общее, сущность он отнес к умопостигаемому миру. А так как мир сущности Ньютон абсолютно оторвал от мира явлений, то тем самым он принужден был помимо мира явлений создать другой, действительный мир, ничего общего с первым не имеющий.

Так у Ньютона за относительными пространственными и временными отношениями, за миром явлений оказался стоящим другой мир, внешний первому. Этим самым была открыта дверь для теологии. Действительный мир субстанциализировался в боге, истинные отношения мира в атрибутах бога и т. д. Этим путем материализм Ньютона перешел в свою противоположность — теологический идеализм.

Итак, на примере Ньютона мы видим, что метафизический материализм неспособен последовательно и до конца решить проблему методологии измерения и неизбежно скатывается в идеализм.

Ньютонова метафизика получила новую формулировку в философии Канта. Несмотря на то, что Кант отверг материалистические моменты в учении Ньютона, он все же своей философией пытался дать общее оправдание не только метафизике Ньютона, но Евклида и др., возведя метафизическое в их учениях в априорную форму воззрения и мышления. Таким образом, хотя и под флагом суб'ективного идеализма, метафизика Ньютона продолжала свое существование.

В виду той большой роли, которую играла философия Канта до 2-й половины XIX века у естествоиспытателей, критика метафизики в естествознании приняла по преимуществу форму критики кантианства.

Моментом в этом развитии к дальнейшему периоду господства в буржуазной натурфилософии махизма явилось неокантианство. Одним из виднейших неокантианцев был Гельмгольц, на взглядах которого мы далее и остановимся.

О том, что наши восприятия вызываются воздействием внешнего мира, что восприятия лишь символы, а не отражения внешних воздействий, — об этих моментах взглядов Гельмгольца имеется достаточно указаний в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина, который и дал им критическую оценку. Мы продолжим лишь эту характеристику [2]) далее.

На примере Гельмгольца очень хорошо можно иллюстрировать положение, что одного утверждения о том, что наши ощущения вызываются воздействием внешнего мира, — недостаточно, что непоследовательность в трактовке этого материалистического положения сводит на-нет весь материализм, который можно найти у Гельмгольца и превращает последнего в непоследовательного кантианца.

[1]) Максимов, Ньютон и философия,—«Под Знам. Маркс.», № 4 за 1927 г.
[2]) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Собр. соч., т. X, стр. 193—199.

Все качественное Гельмгольц в нашем восприятии относил за счет организации наших органов чувств: зеленое, красное, холодное и т. д., это лишь способность наших органов чувств окрашивать в исключительно им присущие, чувственные цвета воздействия внешнего мира. Здесь Гельмгольц целиком исходил из позиций И. Мюллера, родоначальника «физиологического идеализма». Упуская из виду, что красное, теплое и т. д. суть абстрактные представления, извлеченные из восприятий конкретных предметов, где эти элементы никогда не встречаются в такой абстракции, а в конкретной форме восприятий предметов, процессов и т. д., — извлеченные уже при посредстве анализирующей способности рассудка, Гельмгольц приходил таким образом к признанию существования у человека прирожденной способности воспринимать воздействия внешнего мира в определенной, исключительно суб'ективной форме.

Существование таких прирожденных, априорных способностей Гельмгольц распространял и на область пространственных и временных восприятий.

Время для Гельмгольца ничто иное, как наша суб'ективная способность связывать одни наши восприятия с другими в определенную последовательность. «В этом смысле,—пишет он,—упорядочение в временной последовательности есть неизбежная форма нашего внутреннего воззрения» [1]).

Если в этом утверждении Гельмгольц, хотя и без достаточного основания, мог опираться на тот факт, что наши внутренние переживания, независимо от того, возникают ли они под воздействием внешних предметов или в данную минуту суть лишь воспоминания и пр., протекают во временной последовательности, то по отношению к пространственным восприятиям у него не могло быть и такой опоры, так как внутренние переживания представляются нам как непространственные, а пространственность же восприятия связана неизбежно с представлением внешнего воздействия. И тем не менее, и пространственную форму восприятия Гельмгольц об'явил такой прирожденной формой внешнего воззрения. Но для этого ему пришлось подвергнуть «раз'яснению» самое понятие внешнего, чем он окончательно и ликвидировал элементы материализма в своем мировоззрении.

Сущность относящихся сюда рассуждений Гельмгольца следующая: мир наших восприятий состоит из двух частей; одна часть — наши намерения, воспоминания, желания, настроения и т. д.—не изменяется, если мы скажем, производим движение рукой, взглядом и т. д.; другая часть — состоит именно из таких восприятий, которые изменяются при изменении положения нашего тела или его частей (органов чувств). Эта последняя группа восприятий и получает признак пространственности.

Таким образом пространственность по Гельмгольцу связывается с существованием определенных отношений между двигательными волевыми импульсами и определенными группами наших восприятий. «Согласно этому,— резюмирует свои рассуждения Гельмгольц, — пространство будет нам являться также чувственно, окрашенное качествами наших двигательных ощущений, как то, благодаря чему мы должны двигаться туда, благодаря чему мы должны смотреть в ту или иную сторону. Пространственное воззрение было бы таким образом в этом смысле такой же суб'ективной формой воззрения, как качество ощущений красного, сладкого, холодного» [2]).

Таким образом Гельмгольц сохранил в своем учении очень многое из кантовского учения об априорных формах воззрения. Отличие от Канта у Гельмгольца заключается лишь в том, что он содержание закономерности пространственных восприятий относил за счет эмпирического момента, т.-е. полагал, что априорная способность пространственного воззрения помимо воздействия внешнего мира еще не определяет законов пространственных отношений, как это полагал Кант. Признавая пространство априорной формой внешнего воззрения, Гельмгольц аксиомы геометрии считал эмпирическими истинами. В этом его отличие от Канта.

[1]) H. Helmholtz, цитир. сочинение, стр. 74. Как в этом, так и во многих других вопросах, как видит читатель, Гельмгольц стоял на позиции, близкой к махизму.

[2]) H. Helmoltz, цитир. соч., стр. 117.

В таком же суб'ективно идеалистическом направлении, как проблему пространства, решает Гельмгольц и проблему счета и измерения.

В решении проблемы счета он исходит в противоположность теоретикам более раннего периода не из понятия совокупности предметов, а из содержания нашего сознания. «Я рассматриваю арифметику или учение об абстрактных числах,—пишет он,—как метод, построенный исключительно на психологических фактах...» [1]).

Ряд чисел для Гельмгольца прежде всего твердо фиксированная в памяти последовательность психических актов. Исходя из этой последовательности, устанавливается понятие «высший» и «низший», законы арифметических операций и т. д.

Приложимость законов таким образом развитой арифметики к миру об'ектов обусловливается по Гельмгольцу тем, что у об'ектов обнаруживаются свойства, удовлетворяющие условиям приложимости к ним арифметики. Таким образом исходным пунктом для исследования основ арифметики для Гельмгольца являются не предметы, как это есть на самом деле, а наши внутренние переживания; не переживания должны отражать бытие предметов, а предметы по Гельмгольцу должны удовлетворять условиям возможности операций счета, развитых исключительно суб'ективным образом.

Завершением этих рассуждений Гельмгольца о пространстве, времени и счете и в то же время завершением его теории познания являются его рассуждения о закономерности, как о том, что единственно познаваемо в мире действительности. Определяя закон как «остающееся постоянным отношение между переменными величинами» [2]), он ставит его даже выше понятия субстанции, считая последнее проблематическим.

Подчеркивая, что единственно познаваемым в мире действительности является закономерность явлений, Гельмгольц дает этой закономерности и не может не дать в связи с его взглядами на пространство, время, счет и пр. суб'ективно идеалистическую трактовку. В конце концов для него закономерность, несмотря на все непоследовательности в выражениях, на припутывание стихийно-материалистической фразеологии, остается «закономерной связью между нашими движениями и наступающими при этом ощущениями» [3]).

Методология измерения является у Гельмгольца лишь дальнейшим развитием изложенных мыслей.

Счет предметов основан на том, что мы с восприятием каждого отдельного предмета связываем один из членов того ряда переживаний, который мы приняли за числовой ряд. Та совокупность предметов, которая будет исчерпана при счете высшим числом, чем другая, будет называться большей; в противоположном случае—меньшей; совокупности же, определяемые одним и тем же числом, принимаются за равные.

Особенное значение для методологии измерения имеют те совокупности предметов, члены которых в каком-нибудь отношении одинаковы. «Такие об'екты, которые в каком-нибудь определенном отношении одинаковы и подвергаются счету, называем мы единицами счисления, числен-

[1]) Там же, стр. 72.
[2]) Там же, стр. 131.
[3]) Там же, стр. 130.

ность таковых обозначаем мы как именованное число, а особый род единиц, которое она охватывает, наименованием числа»[1]). «Объекты или атрибуты об'ектов, — продолжает Гельмгольц далее, — которые, сравниваемые с подобными, допускают различие большего, меньшего и равного, называем мы величинами. Если мы можем таковую выразить через именованное число, то это мы называем значением величины, а способ, которым мы находим именованное число, — измерением величины»[2]).

В этих определениях Гельмгольца обращает на себя внимание прежде всего его непоследовательность. Давая числу чисто-суб'ективное определение, признавая единственно познаваемым в действительном мире лишь закон явлений (т.-е. в сущности лишь относительную форму закономерности), он говорит о равенстве или неравенстве об'ектов в каком-либо отношении, т.-е. в отношении какого-либо свойства или качества, и приходит таким образом к необходимости употреблять категорию качества в об'ективном смысле.

Но это лишь непоследовательность в его рассуждениях. В основном же его точка зрения на количество и качество сводится к тому, что он качество приписывает к миру внутренних переживаний, а количество, как относительную величину, — миру действительности.

В тех случаях, где мы имеем дело с такими величинами, которые не состоят из дискретных единиц, там мы, по Гельмгольцу, делим на единицы такую величину искусственно: время на секунды, минуты и т. п., пространство на сантиметры, метры и проч.

Результаты измерений нам дают в конце концов ту закономерность, единственно которую мы и можем по Гельмгольцу познать в мире.

Таковы основные черты методологии измерения Гельмгольца. Его теоретико-познавательная точка зрения наложила свой отрицательный отпечаток и на методологию измерения: получился разрыв между качеством и количеством, непонимание роли единицы измерения и отличия ее от измеряемого, односторонняя и суб'ективная трактовка понятия величины и числа, пространства и времени.

Элементы метафизичности в учении Гельмгольца сказались кроме отмеченного также и в том, что возможность познания закономерности природы он выводил из наличия в природе элементов неизменности, неподвижности. Субстанция для него тождественное отношение между переменными величинами; причина — за изменчивостью изначально сущее и пребывающее[3]). В мире, где «все течет, все изменяется», по Гельмгольцу познание не было бы возможно. «Мы могли бы жить в мире,—пишет он,—в котором каждый атом был бы отличен от каждого другого, и где не было бы ничего покоящегося. Там нельзя было бы найти никакой закономерности, и наша деятельность мышления должна была бы покоиться»[4]).

Дальнейшее развитие естествознания и физики в первую очередь разрушило окончательно остатки метафизики, которые еще сохранялись, как видим из примера с Гельмгольцем в мировоззрении естествоиспытателей. Однако критика уходящей со сцены метафизики пошла по идеалистическому руслу и приобрела чрезвычайно противоречивый характер.

В основном эта критика выпала на долю махизма. Именно махизм, ополчившись против метафизики, одновременно с тем выбросил из мировоз-

[1]) Там же, стр. 84.
[2]) Там же, стр. 84.
[3]) Там же, стр. 131.
[4]) Там же, стр. 133. В заключение можно еще отметить, что закон причинности Гельмгольц трактовал как априорный закон.

зрения естествоиспытателей (если говорить о сознательном мировоззрении) последние элементы материализма и заменил его суб'ективным идеализмом.

Внешний мир, вещи в себе и т. д. для махизма—метафизика. Нет никакого внешнего мира, а есть только наши переживания, которые, будучи взяты в одном отношении, есть психическое, а в другом физическое. Точку зрения по этому вопросу Маха, основоположника махизма, и критику ее с точки зрения диалектического материализма, мы будем в дальнейшем считать за известную[1]) и перейдем прямо к рассмотрению того, как эта точка зрения преломилась в решении проблемы методологии измерения.

Для Маха, как, в сущности, и Гельмгольца, если отбросить у последнего допущение еще какой-то непознаваемой материи, материя «есть только известная закономерная связь элементов (ощущений)[2]). Субстанция или материя—такая связь элементов, которая представляется нам относительно постоянной. Отсутствие безусловной постоянности материи и субстанции и служит Маху доводом для отрицания их материалистической трактовки[3]).

Так как элементы Маха отличаются прежде всего качественно, то самым общим типом связи для него является качественная зависимость элементов. Среди элементов встречаются более или менее однородные. Первые, т.-е. элементы однородного характера, в отношении друг к другу дают количественную зависимость. Таким образом количественная зависимость лишь частный случай качественной зависимости. Однако она играет несравненно большее значение, чем более общая качественная зависимость, так как она более проста. А стремление к простоте есть удовлетворение стремления человека к экономии мышления, принципу, играющему у махизма (под различными наименованиями) существенную роль. Поэтому сведение качественных зависимостей к количественным для махизма существенный прогресс науки. «Очевидные преимущества,—пишет Мах,—заключающиеся в применении количеств, должны вызвать стремление к отысканию связей между качествами и количествами везде, где это только возможно, дабы таким образом постепенно свести все качественные исследования к количественным»[4]).

Количественные исследования просты тем, что они позволяют применить метод счета или измерения, по Маху.

В основе счета лежит по нему некоторая привычным, постоянным образом упорядоченная последовательность членов какой-либо группы или предметов—на ранних стадиях развития науки, или знаков или понятий—на более высокой стадии. Каждое число потенциально содержит в себе понятие о всей группе членов совокупности, последним элементом которой оно и является. «Числами,—пишет Мах,—мы называем такие понятия, через которые мы определяем группы, из равных членов состоящие, в смысле их содержания, и отличаем их одну от другой»[5]).

Значение счета в применении других предметов заключается в упорядывающей роли счета. Сложные же формы счета переходят в вычисление, могущее дать большую экономию сил по сравнению с простым счетом. Здесь другой момент значения применения количественного метода.

Измерение, по Маху, ничто иное, как счет. Там, где мы имеем дело с непрерывными величинами, как пространство, время и т. п., там мы эти величины искусственно разбиваем на отдельные части-единицы и производим над этим искусственно произведенным единицам.

[1]) См. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, и соответственные работы Плеханова.
[2]) Мах, Анализ ощущений, стр. 270.
[3]) Там же, стр. 268—270.
[4]) Мах, Познание и заблуждение, стр. 326—327.
[5]) Там же, стр. 330.

В физическом отношении измерение для Маха есть установление раве
ства между измеряемым об'ектом и избранной единицей измерения. Равны
он считает такие об'екты, которые при неизменившихся условиях могут
определенных отношениях заменять друг друга с неизменными последствия
Так литр воды при определенной температуре по весу равен килограмму, т.
тысяче определенным образом избранных единиц.

Характерным в изложенных взглядах Маха является то, что он
время остается в пределах чисто-внешнего рассмотрения явлений и не пе
ходит за пределы эмпиризма. Все его рассуждения о методологии измере
в конце концов сводятся к тому, что мы можем лишь описывать явле
Отвергая понятие об'ективно, независимо от нас и ранее нашего воспри
существующего мира действительности, он лишен возможности стави
вопрос о качестве и количестве, как об'ективных категориях, не говоря
о причинности и т. д.

Таковы взгляды на методологию измерения Маха. Родственными к
взглядами являются взгляды А. Пуанкаре.

Отличие философии Пуанкаре от философии Маха заключается в т
что Мах идеалист, всюду проводящий эмпирическую точку зрения, тогда
Пуанкаре в своей идеалистической философии дает много места ра
нализму.

Пуанкаре, так же, как и Мах, говорит: «опыт есть единственный ис
ник истины» [1]), и, как последний, он понимает опыт в суб'ективно-идеа
стическом смысле. Поэтому для Пуанкаре бессмысленно говорить о каких
«вещах в себе» [2]). Вещи в себе непознаваемы; познаваемы же лишь зако
отношений вещей в себе [3]).

Но и эти законы отношений вещей в себе суть ничто иное, как прод
свободного творчества нашего разума

Опыт по Пуанкаре дает несовершенное, неопределенное знан
Поэтому по нему одним опытом, «чистым опытом», ограничиться на
нельзя [4]). На сцену должен выступить разум. Этот разум, побуждаемы
только побуждаемый, а не определяемый в содержании своей деятельно
опытом, в свободном творчестве создает то, что дает научное знание.

Разумом создаются такие категории, как величины, пространст
и т. д., создаются законы операций с этими категориями; одним сло
чистая, не зависимая ни от каких отношений действительности наука. Но
науку Пуанкаре не называет априорной, так как деятельность мышлени
нему вызывается опытом и служит оформлению опыта в знание ради пр
тических целей.

Вот как он живописует это дело по отношению к математике и ис
нике.

Говоря о понятии величины, Пуанкаре пишет: «Сравнивая необр
танные данные наших чувств и то чрезвычайно сложное и тонкое поня
которое математики называют величиной, мы должны будем признать,
они не сходятся; оказывается, что мы сами изобрели ту категорию, к ко
рой хотим все привести; но изобрели не случайно, а сообразно нужной
цели, и потому-то мы можем свести к ней факты, не извращая в них
существенного» [6]).

[1]) Пуанкаре, Гипотеза и наука, пер. под ред. Н. Андреева, М. 190
стр. 94.
[2]) Там же, стр. 109.
[3]) Там же, стр. 2, 109, 111.
[4]) Там же, стр. 94.
[5]) Там же, стр. 3.
[6]) Там же, стр. 3.

Точно так же рассуждает наш автор и относительно геометрии. Аксиомы геометрии не суть ни нечто априорно данное, ни нечто выведенное из опыта. Наш разум, опираясь на опыт, пускается в творчество и способен, исходя из опыта, построить бесконечное множество различных геометрий. В основу этих геометрий он кладет те или иные аксиомы, которые суть ничто иное, как некоторые у с л о в и я, т.-е. совершенно произвольные допущения, могущие согласоваться с результатами опыта, не противореча ему [1]). Так, для об'яснения геометрических свойств мира, мы можем допустить и Евклидову и не-Евклидову геометрию и лишь по практическим соображениям мы выбираем ту, которая проще [2]). Принцип простоты играет здесь ту же роль, что у Маха принцип экономии мышления [3]).

Таким образом из множества аксиоматических геометрий, мы выбираем одну в качестве практической.

То же самое и с механикой. Принципы механики «представляют просто условия, установить которые мы имеем право, так как заранее знаем, что никакой опыт не может опровергнуть их. Условия эти не вполне произвольны, не истекают из нашего каприза; мы принимаем их, так как опыт показал нам, что они наиболее удобны. Таким образом об'ясняется, почему опыт, установив законы, не может, однако, их опровергнуть» [4]).

В области физики дело еще более усложняется и число возможных условий возрастает. Поэтому для об'яснения одних и тех же явлений для Пуанкаре возможны весьма различные комбинации этих произвольных условий [5]).

Условия, как мы видим у Пуанкаре, суть условные способы связывания различных величин. Но что лежит за этими величинами, что они отображают? Мы уже отметили, что для Пуанкаре мир вещей непознаваем. Поэтому для него гипотезы в роде атомистической лишь подсобные орудия мышления, никакой об'ективной значимости не имеющие. Можно думать, что мир состоит из атомов, можно думать, что он состоит из непрерывной материи. То же и по отношению к другим гипотезам (космогоническим, физическим и пр. [6]). В этом отличие гипотез от условий.

Отрицая какой-либо смысл за понятием вещей в себе, Пуанкаре все же говорит, что нам доступно познание законов, которые управляют отношениями вещей в себе. В этом имеется кажущееся противоречие. Но оно только кажущееся, так как, как мы видели выше, все, что характерно для закона, все, что составляет его содержание, есть в сущности по Пуанкаре продукт свободного творчества нашего разума. Таким образом в сущности и законы по Пуанкаре никаких действительных отношений в нашем материалистическом смысле не выражают. Так законы понимал и сам Пуанкаре [7])—и если он и употребляет термины «действительность», «отношение вещей» и т. п., то лишь для того, чтобы одеть свою идеалистическую философию в одежду, принятой у естествоиспытателей и выражающей стихийно-материалистическую точку зрения, фразеологии.

Упирая на то, что нам доступно лишь изучение закономерности явлений, а не тех действительных отношений, которые обуславливают эту закономерность, Пуанкаре в то же время понимает закономерность исключительно в математическом смысле. Сведение сложных отношений к более простым—

[1]) Там же, стр. 37.
[2]) Там же, стр. 38.
[3]) Там же, стр. 98, 100, 103.
[4]) Там же, стр. 91. См. также Пуанкаре, Новая механика. Эволюция законов, Москва 1913 г., стр. 91.
[5]) См. статью: «Эволюция законов» в цитир. книге.
[6]) Пуанкаре, Гипотеза и наука.
[7]) Эволюция законов, стр. 177.

математическим—для него необходимый момент в развитии науки [1]). «Усилия ученых,—пишет он,—направляются всегда к тому, чтобы сложное явление, непосредственно данное опытом, разложить на возможно большее число элементарных явлений» [2]).

Получая математическую закономерность, Пуанкаре рассматривает величины, входящие в эту закономерность, как исключительно относительные, как невыражающие действительных отношений «вещей в себе». Для иллюстрации этой мысли Пуанкаре пользуется очень ходовым, но не выдерживающим никакой научной критики примером. «Предположим,—пишет он,—что в какую-нибудь ночь все измерения вселенной станут в тысячу раз большими: мир останется подобным самому себе... Какое же чувство я испытаю завтра, по случаю такой поразительной трансформации, когда проснусь? Да просто я ровно ничего не замечу. Самые точные измерения ничего не откроют мне об этом перевороте, потому что метры, которыми я буду пользоваться, изменяться в той же пропорции, что и предметы, подлежащие измерению. В сущности говоря, этот переворот существует только для тех, кто считает пространство абсолютным» [3]).

Таким образом Пуанкаре в конце концов доказывает, что мир не только остается подобным самому себе, но остается тем же самым, так как по нему понятие величины не связано ни с каким действительным отношением вещей в себе.

Так, в полном соответствии с своей гносеологической точкой зрения разрешает Пуанкаре основной вопрос методологии измерения.

* * *

Подведем итоги краткого рассмотрения приведенных примеров.

Для всех авторов, рассмотренных нами, прежде всего типична метафизическая трактовка категорий качества и количества. Они их не рассматривают с точки зрения их единства, а отрывают их друг от друга, об'ективное значение приписывая лишь категории количества.

Математизация действительности стоит в теснейшей связи с требованием сведения сложного к простому.

Трактовка количества как относительно количества и утверждение или непознаваемости вещей в себе (у Гельмгольца) или вообще отрицание их и переход на почву идеализма (Мах и Пуанкаре) — другая характерная черта трех из рассматриваемых нами авторов. Они, выражаясь словами Ньютона, «засоряют математику и физику» и «смешивают истинные количества с их отношениями и их обыденными мерами». Ньютон в отличие от этих трех авторов сделал ту ошибку, что гипостазировал «истинное количество» как самостоятельной, метафизической сущности, лежащей вне вещей.

Непонимание проблемы отношения качества и количества приводит рассмотренных авторов к чисто-поверхностному разбору проблемы методологии измерения. Для них остается непонятым и непонятным распадение единства количества и качества в измерении на два полюса—единица или масштаб и измеряемое.

Признавая лишь относительные количества, Гельмгольц, Мах и Пуанкаре приходят в сущности и к отрицанию об'ективности закономерности, так как они и закономерность понимают лишь исключительно, как относительную. Эта их позиция теснейшим образом связана с их или агностической или чисто-идеалистической теорией познания.

[1]) Если бы наши механисты были знакомы с философской литературой и обладали бы способностью ее понимать, то они бы поняли, что между механизмом и махизмом имеется органическая связь. Сведение сложного к простому боевой клич механистов, роднит их с махистами и не случайно.

[2]) Пуанкаре, Гипотеза и наука, стр. 103, 98, 100.

[3]) Пуанкаре, Наука и метод, изд. 1910 г., стр. 75.

Таковы основные черты метафизической и идеалистической методологии измерения. Эти основные посылки естественно находят свое развитие и при трактовке отдельных проблем методологии измерения и прежде всего методологии измерения пространства и времени.

Метрическое и физическое пространство и время.

Изучение пространства и времени в современном естествознании опирается на метод измерения. Исходя из результатов измерения, мы составляем себе представление о временных и пространственных отношениях изучаемого нами мира. Возникает вопрос, как же относится эта, полученная нами на основе измерения, картина к тому, что мы изучаем, т.-е. к действительному, физическому, конкретному пространству и времени?

Естественно, что наш результат измерения и построенная на нем картина зависит, с одной стороны, от избранных нами масштабов, а с другой стороны от совершенства методов измерения.

Действительно, как мы видели выше в примере из «Капитала», результат измерения будет иной, если наш масштаб, в отличие от делаемого нами предположения о его неизменности [1]), что является необходимой предпосылкой измерения, не будет неизменным. В качестве масштаба избирают тело или процесс, которые остаются по возможности неизменными во все время наших измерений. Но абсолютно неизменных процессов и тел нет. Есть только относительно неизменные процессы и тела, т.-е. более постоянные, чем другие, могущие быть взятыми в качестве масштабов. Из этого обстоятельства неизбежно уже проистекает известная доля, практически может быть совершенно несущественная, но теоретически никак не могущая быть отброшенной, доля приблизительности результатов наших измерений и построенных на них представлений.

Другим такого же рода обстоятельством является относительное совершенство методов измерения. Как бы ни были совершенны методы измерения в данное время, они все же лишь временный момент в развитии методики измерения, никогда не останавливающейся в своем развитии по мере совершенства наших измерительных инструментов и их применений. Отсюда проистекает другая причина, почему результаты наших измерений и построенное на них представление о свойствах мира является лишь приблизительно верным отражением того, что имеется в действительности.

На основании измерений мы составляем себе представления о свойствах нашего пространства и о том, как протекают процессы в изучаемом нами мире. Мы не можем не признать этих наших представлений лишь приблизительно верными отражениями тех действительных физических пространства и времени, измерение которых дало нам о них известное представление.

Таким образом мы приходим к необходимости различать метрическое пространство и время и физическое пространство и время, отображением которых являются первые.

Итак, метрические пространства и время суть лишь приблизительная относительно верная картина конкретного физического действительного пространства и времени.

Более того, на основании изложенного выше в главе об основах «Общей методологии измерения», мы должны заключить, что та относительная форма, которую получает наше пространство и время в результате измерений уже в силу самого метода, может не выражать действительных отношений. Эти действительные отношения могут быть открыты, если мы наши измерения

[1]) Понимая неизменность не в метафизическом смысле, а в смысле способности выражать сущность того, представителем чего является масштаб, т.-е. в смысле постоянства об'ективных, физических пространства и времени и т. д.

подвергнем критическому анализу, применяя различные масштабы, или, как мы увидим далее, применяя методы, выходящие за сферу обычной методологии измерения, вскрывающие за оболочкой качественно-количественных отношений существенные отношения изучаемого мира.

Между метрическими пространством и временем получается то же самое отношение, которое диалектический материализм принимает между относительной и абсолютной истиной. Относительная истина лишь приближение к абсолютной, но в то же время познание абсолютной истины возможно лишь на основе познания относительных истин. Поэтому метрическое пространство и время лишь неполное отражение конкретных, физических пространств и времени.

Если метрическое пространство и время суть лишь приблизительно верная картина физических пространства и времени, то все же они отражают известную сторону последних и не суть только ложные представления, а частично истинные. Поэтому было бы ошибочно думать, что метрические пространство и время существуют вне физических пространства и времени и чужды последним. Нет, они лишь одна сторона, один момент в познании истинных физических пространства и времени.

Пространственные отношения, как метрические, мы познаем прежде всего как геометрические отношения. Но именно в этом и сказывается их относительность.

Действительно, мы выше сказали, что пространство и время взятые в отдельности суть абстракции. Поэтому ни время, ни пространство нельзя при конкретном анализе взять по отдельности. Каждое из них обусловливает другое: пространство — время, и наоборот. Поэтому, когда мы говорим о метрическом пространстве, как исключительно геометрическом, то мы его берем в абстракции, отвлекаясь от того, что геометрические свойства мира суть результат развития этого мира, результат движения материи, составляющей мир.

Таким образом геометрико-метрические свойства мира лишь момент механико-метрических свойств такового, и мы можем с полным основанием говорить, что геометрия есть момент, часть механики. «Итак, геометрия основывается на механической практике и есть не что иное, как та часть общей механики, в которой излагается и доказывается искусство точного измерения» [1]). Это утверждение Ньютона в основном мы считаем согласно изложенному выше правильным.

Теперь посмотрим вкратце, как обстоит дело с различением физического и метрического пространства и времени у четырех рассмотренных нами выше авторов, т.-е. у Ньютона, Гельмгольца, Маха и Пуанкаре.

Как известно, Ньютон отличал метрическое пространство от физического, если выражаться в наших терминах. Первое он назвал относительным, а второе—абсолютным. В основе различения лежала правильная мысль о том, что результаты измерений дают нам лишь относительно верную картину действительных физических отношений. Ошибка Ньютона заключалась в метафизическом разрыве относительной и абсолютной истины, метрических и физических отношений. Последние он вынес в виде абсолютного пространства и времени за пределы наблюдаемого нами мира.

Таким образом ошибка Ньютона заключается не в том, что он различил относительные пространства и время от действительных физических, названных им абсолютными, а в том, что он последние счел за неизменные сущности, лежащие вне вещей.

Для нас нет иных пространства и времени, чем те, которые проявляются в конкретных вещах, в материи. Поэтому для нас путь к абсолютному

[1]) Ньютон, Математические начала, т. I, стр. 2.

познанию физических пространства и времени лежит не помимо познания относительных пространства и времени, а через последние. Выражаясь в Ньютоновых терминах, для нас нет иных пространств и времен, чем относительные, т.-е. материальные, но познание действительного физического пространства и времени идет через познание относительных метрических пространства и времени.

Так обстоит дело с основными чертами взгляда Ньютона по рассматриваемому вопросу.

Ньютоновскую науку от науки времен Гельмгольца отделяет не только значительный по времени промежуток, но и то колоссальное изменение, которое претерпела наука в смысле размеров эмпирических знаний. В учении о пространстве колоссальнейшим в этом отношении приобретением было открытие не-Евклидовых геометрий.

Именно исходя из этого открытия, Гельмгольц, идя по стопам Гаусса, доказывает эмпирическое происхождение аксиом геометрии и борется с идеалистической теорией априорного происхождения таковых. Суть доказательств эмпиричности аксиом сводится у него к тому, что аксиомы опираются явно или неявно на ряд предположений, которые относятся к поведению тел окружающего нас мира и которые не могут никак быть почерпнуты нами из априорных форм воззрения и требуют своего эмпирического подтверждения механической или физической практикой, экспериментом.

К таким, могущим быть определенными лишь экспериментом, положениям относятся положения о возможности совмещать или сравнивать фигуры тел, независимость геометрических форм тел от места, где происходит их сравнение, от их ориентации в пространстве, от того пути, каким для сравнения были перенесены тела и т. д. [1]). Оказывается, таким образом, что аксиомы геометрии зависят от того, какие механические и физические свойства имеют тела окружающего нас мира.

Все указанные выше предположения прежде всего относятся к нашим измерительным инструментам, к нашим масштабам, так как они служат для установления равенства или неравенства геометрических фигур. Физическая практика подтверждает существование тех отношений между телами, которые удовлетворяют Евклидовой геометрии. Однако, возникает вопрос: нет ли среди физических свойств таких свойств, которые, будучи в равной мере свойственны всем масштабам, применяемым нами, лишают нас возможности эти свойства открыть, хотя в этих свойствах может быть конкретизируются иные геометрические отношения, чем Евклидовы [2]).

Таким образом возникает вопрос о соответствии картины, получаемой измерением, т.-е. построенной на относительных количествах, действительным отношениям. Но именно этот вопрос и остался нерешенным Гельмгольцем и даже более того, последний сделал все для того, чтобы затруднить научный ответ на него.

Выступая против идеализма по вопросу об априорности геометрических истин, Гельмгольц неизбежно становился на материалистическую точку зрения, так как никакой другой точки зрения в противовес идеализму занять нельзя. Но этот стихийный материализм, соответствовавший всей научной практике, стоял в полном противоречии к той социальной практике, в которой участвовал Гельмгольтц [3]). Поэтому всюду, где он пытался сознательно ответить на вопрос о соответствии наших знаний об'ективной действительности, ответ сводился или к замазыванию неизбежно вытекавшего из научных

[1]) Гельмгольц, цитир. сочин., статья «Ueber den Ursprung und die Bedeutung der geometrischen Axiome».

[2]) Там же, стр. 18—23.

[3]) О политических взглядах Гельмгольца можно прочесть в «Tatsachen in der Warnehmung».

достижений материализма или даже прямому двурушничеству, т.-е. защит
и материализма, и идеализма.

Замазывание материалистического значения эмпиричности геометрич
ских аксиом сказалось у Гельмгольца в его агностической позиции в теор
символов, что нами было изложено уже выше. В применении к вопросу о зав
симости геометрической картины мира от свойств избранных масштабов э
непоследовательность Гельмгольца сказалась в том, что он и здесь счит
возможным допускать агностическое решение. Утверждая, с одной сторон
что геометрия, опираясь на механику, может быть подтверждена или опр
вергнута опытом [1]), он в то же время допускал и такую возможность, ч
опыт не будет иметь решающего значения, так как возможно сохранить
или иную геометрию, если соответственно изменить принципы механики [2]).

Эти колебания у Гельмгольца могли уживаться лишь с его непосле
вательной точкой зрения на отношение нашего мышления и действительнос
Отрицая возможность познания этой действительности, допуская возмо
ность познания лишь метрической относительной закономерности, он у
ливал от решения того самого вопроса, который им самим был поставл
зависимости получаемой измерением картины мира от свойств масштабов.

Но если здесь Гельмгольц только путал, то под влиянием упреков о то
что он проповедует материализм, он просто-на-просто, как он это сделал в сво
ответе проф. Land, не только заявил, что суб'ективный идеализм такая
равноправная «гипотеза», как и «реализм» (т.-е. тот подмоченный материали
который невольно проповедывал Гельмгольц) [3]), но попытался, хотя с наш
точки зрения довольно комично, изложить все свои доводы об эмпирическ
происхождении аксиом геометрии на языке суб'ективного идеализма [4]).

Итак, несмотря на то, что Гельмгольц вплотную стоял пред пробле
относительности нашей картины мира, поскольку она вызывается свойств
принятых нами масштабов, он ее не решил, так как не смог стать на пос
довательно-материалистическую точку зрения.

Мы не будем сколько-нибудь подробно останавливаться на взгл
Маха и Пуанкаре по вопросу о методологии измерения пространства и в
мени. Скажем лишь, что в соответствии с их более решительной, в отли
от Гельмгольца, позицией отрицания существования каких бы то ни б
вещей в себе, для них проблема метрического и физического пространст
как и вообще проблема относительной и абсолютной истины, отпадала.
них в вопросе о пространстве и времени все сводится к тому, как наше с
ективное физиологическое пространство и время относятся к метрическо
Указанные авторы, как и Гельмгольц, иногда употребляют и термин фи
ческое пространство и время, но лишь в том же смысле, в каком они же у
ребляют термин метрическое пространство и время, желая лишь термин
физический подчеркнуть именно момент зависимости, напр., системы г
метрии от физических свойств масштабов, в отличие от чисто-логически р
витой системы геометрии.

Подводя итоги изложенному, мы можем сказать, что если ко врем
второй половины XIX века можно констатировать со времен Ньютона ко
сальнейший рост эмпирической науки, то в лице таких мыслителей, как М
Пуанкаре и им подобные, теоретическое одоление материала не только не п
грессирует, но в целом ряде отношений идет назад даже по сравнению с Н

[1]) Цитир. сочин., стр. 24.
[2]) Там же, стр. 23.
[3]) Этот-то подмоченный материализм и об'явил в свое время тов. Тимир
«последовательным материализмом» и призывал у Гельмгольца учиться матер
лизму. См. сборник «Философия науки», вып. I, предисловие редактора.
[4]) Гельмгольц, Die Tatsachen in der Warnehmung, § 2.

тоном, не говоря уже о таких гигантах в области мышления, как, напр., Декарт или в первой половине XIX века Гегель.

В то время как эмпирическое содержание науки доросло до того, чтобы отвергнуть и метафизику Ньютона и Канта (прежде всего в учении о пространстве и времени), в теоретических воззрениях указанных выше мыслителей 2-й половины XIX века намечается попятное движение. Если Ньютон, напр., говорит о пространстве и времени в об'ективном смысле, если он в таком же смысле говорит также и о причинности, т.-е., выражаясь в терминах Гегеля, делает, хотя и слабую, попытку применять не только категории бытия, но и категории сущности, то мыслители в роде Маха и Пуанкаре окончательно ограничиваются категориями бытия, трактуя даже такую категорию, как категория причинности, в духе категорий бытия («чистый опыт», «описание» и т. п.). Именно в этом смысле в теоретической области они делают шаг назад даже по сравнению с Ньютоном, хотя в своих рассуждениях и исходят из колоссальнейших достижений науки, достигнутых по сравнению с временем Ньютона. Именно, поэтому для них оказывается неразрешимой проблема методологии измерения вообще и методология измерения пространства и времени в частности, проблема, которая в применении прежде всего к области экономических наук, а также и естественных, несколько даже ранее Маха и Пуанкаре, уже правильно решается Марксом и Энгельсом, так как последние владеют научным методом диалектического материализма.

Движение.

Другой естественно-научной категорией помимо категории пространства и времени, для диалектической трактовки, которой естествознание в своем эмпирическом содержании уже к концу XIX века дало чрезвычайно много и которая, однако, сохранила все черты метафизичности до нашего почти времени, является категория движения. Поэтому мы остановимся в дальнейшем на некоторых чертах метафизической трактовки этой категории в современном естествознании.

В научном смысле понятие прямолинейного движения тел в пространстве возникло лишь с начала нового времени, когда техника развилась настолько, что движение тел по инерции стало легко наблюдаемым явлением. Исходя из этих явлений, в науке и составилось о прямолинейном движении такое представление, что прямолинейное движение есть самый простой и естественный вид движения, а все остальные виды движения и прежде всего криволинейное суть видоизменения прямолинейного под влиянием внешних факторов — сил. А так как в обычных условиях от воздействия внешних сил освободиться совершенно очень трудно, то в механике создалось представление, что идеальное прямолинейное движение возможно лишь при бесконечном удалении движущегося тела от прочих тел, служащих источниками сил, нарушающих прямолинейность движения [1]).

Эта точка зрения на движение, оправдываемая в известных пределах практикой, вообще говоря не верна. Действительно, изложенное выше представление о прямолинейном движении есть абстрактное представление. В действительности ни бесконечно удаленного от других тел движущегося тела, ни идеально прямолинейного движения не существует вне и помимо других форм движения. Прямолинейное движение есть абстракция и момент в рассмотрении других более конкретных форм движения и прежде всего криволинейного.

Ограничивая наше рассмотрение криволинейного движения небольшим промежутком времени и в малом участке пространства, мы приходим к представлению прямолинейного движения. Так движение шара по гладкой поверх-

[1]) См., напр., Планк, Введение в общую механику, ГИЗ, 1927 г., стр. 9.

ности стола в лаборатории или движение звезды или планеты на известном участке ее орбиты мы можем рассматривать как прямолинейное. Именно в этом смысле представление об идеальном прямолинейном движении оправдано нашей практикой. Но здесь прямолинейное движение лишь момент криволинейного, так же как прямая линия момент кривой. Поэтому для нас криволинейное движение не есть видоизмененное прямолинейное движение, а наоборот прямолинейное есть момент криволинейного. Прямолинейное движение в криволинейном не искажается, не исчезает, а сохраняется, но лишь как момент более конкретного движения. Для того, чтобы понять данное прямолинейное движение не в его метафизической оторванности, а в его сущности, его нужно прежде всего рассмотреть, как момент того криволинейного движения, от которого мы или по незнанию такового или сознательно отвлеклись.

Это один момент в метафизической трактовке движения в механике.

Другим таким же моментом является представление о движении, как движении массивных, твердых, неизменных тел в неизменном пространстве, т.-е. такое представление, которое рассматривает движение как всегда самому себе тождественное и выражающееся лишь в изменении конфигурации распределения твердых тел.

Такое представление о движении в механике было опять-таки исторически обусловленным. При этом все движение сводили к движению данного неизменного твердого тела в пустом пространстве, в котором там и сям расположены другие твердые, остающиеся при движении первого тела также неизменными тела. При таком движении все остается абсолютно тождественным за исключением пространственных расстояний тел, т.-е. конфигурации их расположения. Эта метафизическая точка зрения совершенно отрицает развитие и изменение в мире, сводя последнее исключительно к перемещению неизменных твердых тел.

Будучи исторически обусловленным, такое представление в дальнейшем привело, если и не к принципиальному, в виду господства эмпирических взглядов у естествоиспытателей, то к фактическому его отрицанию.

Действительно дальнейшее изучение движения тел заставило естествоиспытателей дать об'яснение тем случаям движения тел, когда эти тела не остаются неизменными, а изменяются в результате движения. Так столкновение неупругих шаров приводит не только к изменению их внешней формы, но и к изменению их внутреннего состояния: они нагреваются.

Для об'яснения этого и других подобных явлений представление о неизменных твердых телах было перенесено из области обычных твердых тел на мельчайшие составные части этих тел: молекулы, атомы и, в дальнейшем, электроны. Изменчивость тел стали об'яснять движением и зависящей от него конфигурацией расположения неизменных атомов. Механическое представление о движении было таким образом перенесено из области видимых предметов в область движения атомов, в область молекулярных движений.

Дальнейшее развитие науки показало, хотя и не без потрясений для теорий, опиравшихся на метафизическое представление движения, что за каждой принимавшейся неизменной формой существования материи скрывается процесс ее развития и вечного изменения. Процессы радиоактивности доказали это положение по отношению к химическим элементам, а второй закон термодинамики по отношению к энергии.

Таким образом идея неизменного твердого тела заменилась представлением материи, внутреннее состояние которой меняется от одного момента времени к другому.

Но и понятие перемещения тела, рассматриваемое механически, т.-е. внешне, в процессе развития механики и особенно опиравшихся на нее дисциплин, как, напр., космогония, обнаружило свою связь с идеей развития. Развитие применения механики к об'яснению сначала строения, а затем происхождения вселенной, послужило к созданию теорий, где через механическое движение изменялось состояние системы. Однако в этих теориях с самого начала для об'яснения развития системы было недостаточно одного только механического движения. Оно даже в теориях Канта и Лапласа сочеталось с процессами внутреннего изменения материи (тепловое и световое излучение и т. д., тяготение и пр.).

Таким образом развитие науки показало в отличие от ранних представлений о движении, что движение всегда связано с изменением как той среды, в которой это движение происходит (окружающие тела), так и с внутренним изменением самого движущегося тела. Вместо движения, как самого себе равного, тождественного процесса, на сцену выступил процесс, в котором каждый момент оказался исторически обусловленным и отличным от предыдущего и последующего. Движение, как механическое движение, стало нам представляться как момент более сложного, более конкретного процесса — изменения вообще, а не только как пространственное перемещение.

Все это развитие науки показало, что механика, поскольку она рассматривает движение вообще, независимо от той конкретной формы, в которой это движение в действительности проявляется, схватывает лишь внешнюю сторону явления. Поэтому неудивительно, как это мы и видели выше, что механика так естественно уживается с такими идеалистическими и эмпирическими философскими течениями в естествознании, как махизм, как философия чистого опыта, чистого описания, чисто внешнего рассмотрения явлений.

Для того, чтобы от внешности явления перейти к его сущности, нужно рассмотреть не движение вообще, а ту особенную форму движения, в которой оно пред нами является. Механик и физик может рассматривать движение тела или атома независимо от того, что это движение, как бы оно ничтожно ни было, есть в действительности момент в развитии нашей земли, солнечной системы и т. д. Поскольку механика и физика сосредоточивают свое внимание на общем, отвлекаясь от частного и особенного, они имеют полное основание так поступать, но они делают, как это исторически бесчисленное число раз и имело место в действительности, огромнейшую ошибку, если такие односторонние представления возведут в абсолют, общим и абстрактным попытаются заменить конкретное. В этом была ошибка всех механистических теорий. Понятно, почему они были исключительно количественными и отрицали качественность явлений.

Лишь выходя за область собственно механики и физики можно понять сущность, скрывающуюся за внешностью движения материи, наблюдаемой механиками и физиками. Так космогония дает нам возможность, опираясь на механику и физику, понять, что наблюдаемые нами в механике и физике движения в действительности суть моменты в развитии нашей солнечной или звездной системы. Химия с ее учением о химических элементах, о периодической системе последних, дает возможность нам понять, что движение атомов и электронов суть лишь момент в развитии химических элементов и т. д.

Выходя за пределы абстрактной области, как мы это видели в вопросе о том, что движение есть момент изменения вообще, мы переходим в область неизбежной диалектической трактовки явлений: помимо категории количества, мы начинаем применять категорию качества, закономерности, причинности и другие категории, выходящие за пределы только учения о бытии, что было бы неизбежно, если бы мы оставались только на точке зрения одной механической и физической трактовки движения.

Принцип относительности Галилея.

Движение в естествознании изучается по преимуществу посредством измерения. Первым шагом в изучении движения является определение ско-

ности стола в лаборатории или движение звезды или планеты на известном участке ее орбиты мы можем рассматривать как прямолинейное. Именно в этом смысле представление об идеальном прямолинейном движении оправдано нашей практикой. Но здесь прямолинейное движение лишь момент криволинейного, так же как прямая линия момент кривой. Поэтому для нас криволинейное движение не есть видоизмененное прямолинейное движение, а наоборот прямолинейное есть момент криволинейного. Прямолинейное движение в криволинейном не искажается, не исчезает, а сохраняется, но лишь как момент более конкретного движения. Для того, чтобы понять данное прямолинейное движение не в его метафизической оторванности, а в его сущности, его нужно прежде всего рассмотреть, как момент того криволинейного движения, от которого мы или по незнанию такового или сознательно отвлеклись.

Это один момент в метафизической трактовке движения в механике.

Другим таким же моментом является представление о движении, как движении массивных, твердых, неизменных тел в неизменном пространстве, т.-е. такое представление, которое рассматривает движение как всегда самому себе тождественное и выражающееся лишь в изменении конфигурации распределения твердых тел.

Такое представление о движении в механике было опять-таки исторически обусловленным. При этом все движение сводили к движению данного неизменного твердого тела в пустом пространстве, в котором там и сям расположены другие твердые, остающиеся при движении первого тела также неизменными тела. При таком движении все остается абсолютно тождественным за исключением пространственных расстояний тел, т.-е. конфигурации их расположения. Эта метафизическая точка зрения совершенно отрицает развитие и изменение в мире, сводя последнее исключительно к перемещению неизменных твердых тел.

Будучи исторически обусловленным, такое представление в дальнейшем привело, если и не к принципиальному, в виду господства эмпирических взглядов у естествоиспытателей, то к фактическому его отрицанию.

Действительно дальнейшее изучение движения тел заставило естествоиспытателей дать об'яснение тем случаям движения тел, когда эти тела не остаются неизменными, а изменяются в результате движения. Так столкновение неупругих шаров приводит не только к изменению их внешней формы, но и к изменению их внутреннего состояния: они нагреваются.

Для об'яснения этого и других подобных явлений представление о неизменных твердых телах было перенесено из области обычных твердых тел на мельчайшие составные части этих тел: молекулы, атомы и, в дальнейшем, электроны. Изменчивость тел стали об'яснять движением и зависящей от него конфигурацией расположения неизменных атомов. Механическое представление о движении было таким образом перенесено из области видимых предметов в область движения атомов, в область молекулярных движений.

Дальнейшее развитие науки показало, хотя и не без потрясений для теорий, опиравшихся на метафизическое представление движения, что за каждой принимавшейся неизменной формой существования материи скрывается процесс ее развития и вечного изменения. Процессы радиоактивности доказали это положение по отношению к химическим элементам, а второй закон термодинамики по отношению к энергии.

Таким образом идея неизменного твердого тела заменилась представлением материи, внутреннее состояние которой меняется от одного момента времени к другому.

Но и понятие перемещения тела, рассматриваемое механически, т.-е. внешне, в процессе развития механики и особенно опиравшихся на нее дисциплин, как, напр., космогония, обнаружило свою связь с идеей развития. Развитие применения механики к об'яснению сначала строения, а затем происхождения вселенной, послужило к созданию теорий, где через механическое движение изменялось состояние системы. Однако в этих теориях с самого начала для об'яснения развития системы было недостаточно одного только механического движения. Оно даже в теориях Канта и Лапласа сочеталось с процессами внутреннего изменения материи (тепловое и световое излучение и т. д., тяготение и пр.).

Таким образом развитие науки показало в отличие от ранних представлений о движении, что движение всегда связано с изменением как той среды, в которой это движение происходит (окружающие тела), так и с внутренним изменением самого движущегося тела. Вместо движения, как самого себе равного, тождественного процесса, на сцену выступил процесс, в котором каждый момент оказался исторически обусловленным и отличным от предыдущего и последующего. Движение, как механическое движение, стало нам представляться как момент более сложного, более конкретного процесса — изменения вообще, а не только как пространственное перемещение.

Все это развитие науки показало, что механика, поскольку она рассматривает движение вообще, независимо от той конкретной формы, в которой это движение в действительности проявляется, схватывает лишь внешнюю сторону явления. Поэтому неудивительно, как это мы и видели выше, что механика так естественно уживается с такими идеалистическими и эмпирическими философскими течениями в естествознании, как махизм, как философия чистого опыта, чистого описания, чисто внешнего рассмотрения явлений.

Для того, чтобы от внешности явления перейти к его сущности, нужно рассмотреть не движение вообще, а ту особенную форму движения, в которой оно пред нами является. Механик и физик может рассматривать движение тела или атома независимо от того, что это движение, как бы оно ничтожно ни было, есть в действительности момент в развитии нашей земли, солнечной системы и т. д. Поскольку механика и физика сосредоточивают свое внимание на общем, отвлекаясь от частного и особенного, они имеют полное основание так поступать, но они делают, как это исторически бесчисленное число раз и имело место в действительности, огромнейшую ошибку, если такие односторонние представления возведут в абсолют, общим и абстрактным попытаются заменить конкретное. В этом была ошибка всех механистических теорий. Понятно, почему они были исключительно количественными и отрицали качественность явлений.

Лишь выходя за область собственно механики и физики можно понять сущность, скрывающуюся за внешностью движения материи, наблюдаемой механиками и физиками. Так космогония дает нам возможность, опираясь на механику и физику, понять, что наблюдаемые нами в механике и физике движения в действительности суть моменты в развитии нашей солнечной или звездной системы. Химия с ее учением о химических элементах, о периодической системе последних, дает возможность нам понять, что движение атомов и электронов суть лишь момент в развитии химических элементов и т. д.

Выходя за пределы абстрактной области, как мы это видели в вопросе о том, что движение есть момент изменения вообще, мы переходим в область неизбежной диалектической трактовки явлений: помимо категории количества, мы начинаем применять категорию качества, закономерности, причинности и другие категории, выходящие за пределы только учения о бытии, что было бы неизбежно, если бы мы оставались только на точке зрения одной механической и физической трактовки движения.

Принцип относительности Галилея.

Движение в естествознании изучается по преимуществу посредством измерения. Первым шагом в изучении движения является определение ско-

рости движения. Как и во всяком измерении, так и в измерении движения происходит сравнение масштаба с измеряемым. Это сравнение движений происходит при посредстве часов, т.-е. известного эталона движения. Однако для того, чтобы осуществить определение скорости изучаемого движения, нужно начать определять это движение от определенного пункта в пространстве. Этот пункт — начало координат с проходящими через него осями координат. Определяя путем измерения пройденный изучаемым телом путь и время, потребовавшееся для этого, мы определим скорость данного движения. Поступая аналогичным же образом, мы получаем метрические данные и о других механических и физических величинах — количестве движения, энергии и пр., при чем, кроме эталона длины и времени, мы неизбежно должны будем употреблять еще целый ряд эталонов (массы, работы и пр.).

Из изложенного мы видим, что метрический результат будет зависеть не только от избранных эталонов, но и от того, по отношению к какой координатной системе мы определяем движение [1]).

Именно зависимость результатов измерения движения от избранной системы координат составляет одну из важнейших проблем методологии измерения, начиная с начала нового времени. Эта проблема связана с проблемой основных законов механики и прежде всего закона инерции. Поэтому эта проблема и получила имя Галилея.

Мы увидим в дальнейшем, что ответ на поставленную нами проблему стоит в теснейшей связи с тем, каких взглядов на движение придерживаться. Метафизическая трактовка дает один ответ, диалектическая другой, поглощающий первый.

Принцип относительности Галилея или галилеево преобразование формулирует независимость механических процессов от любой избранной нами системы координат, если те системы координат, к которым мы относим движения, находятся в взаимно-равномерном и прямолинейном движении. При этом к какой бы из этих систем мы ни относили движение, математическая форма уравнения, выражающего движение, останется одна и та же [2]).

Таким образом этот принцип утверждает полную относительность движения по отношению к любой равномерно и прямолинейно движущейся координатной системы. Именно эта трактовка галилеева принципа получила особенное значение в науке последнего времени. Поэтому на ее разборе мы и остановимся подробнее.

Действительно, опыт показывает, что механические движения, напр. качание маятника, происходят точно так же, будем ли мы их наблюдать на земле или на движущемся равномерно и прямолинейно пароходе, притом независимо от того, какую скорость будет последний иметь. Это утверждение получило в последние десятилетия как будто свое подтверждение и для области электромагнитных явлений.

Отвлекаясь пока от последней группы явлений, так как об этом у нас речь будет отдельно, мы по отношению к классическому принципу относительности, т.-е. галилееву принципу, должны отметить, что, во-первых, все наблюдения, на которых он построен, имеют дело с небольшими скоростями, во-вторых же, точность механических экспериментов, положенных в его основу, очень невелика. Однако, оставляя в стороне это соображение, мы перейдем к методологической стороне вопроса.

Мы видели выше, что измерение движения складывается из нескольких моментов: выбора системы координат и применения определенных масштабов. Всеобщая, принципиальная правильность галилеева принципа могла бы считаться вполне безупречной лишь в том случае, если бы оба эти момента методологии измерения движения не оставляли места для сомнений в правильности этого принципа. Но для этих сомнений не только имеется место, но, более того, мы имеем основания утверждать лишь относительную, а не всеобщую правильность галилеева принципа.

Прежде всего относительно применяемых при измерении движения масштабов длины, времени и пр. Справедливость утверждения, заключенного в галилеевом принципе, тогда имелась бы налицо, если бы было доказано, что масштабы длины, времени и пр. независимы от того, в каком движении находится система координат, по отношению к которой производятся наблюдения. Несомненно, что принцип Галилея предполагает в качестве молчаливой посылки абсолютную неизменность масштабов длины, времени и т. д. Для доказательства полной справедливости обсуждаемого принципа необходимо было бы доказать эту полную независимость масштабов, служащих для измерения, чего в действительности нет.

Другим соображением, которое нас заставляет не только усумниться, а прямо увериться в неправильности возведения галилеева принципа именно в принцип природы, а не в одно из правил, имеющих ограниченное применение, является то соображение, что в основу принципа при его выводе положено было абстрактное представление о движении.

Действительно, мы в предыдущей главе показали, что прямолинейное движение само по себе, а не как момент другого более конкретного движения, не существует. Если мы рассматриваем один раз движение по отношению к поверхности земли, а другой раз по отношению к стенам каюты плывущего парохода, то мы при этом отвлекаемся от того, что земля в действительности находится не в прямолинейном движении, а описывает орбиту вокруг солнца, пароход же скользит по водной оболочке земли. Отвлекаясь от этих особенностей, беря в обоих движениях лишь тождественное, мы приходим к формулировке принципа Галилея.

Если же взять движение во всей его конкретности, а не только абстрактной тождественности, то мы должны будем сказать, что все наши прямолинейные движения суть лишь моменты других более конкретных, исторически развертывающихся движений. При этом взгляде в движении по отношению к земной поверхности и по отношению к стенам движущегося парохода мы найдем не только моменты тождества, внеисторичности, абсолютной относительности, но и моменты особенного и единичного и неповторяемого.

Действительно, какое бы мы прямолинейное движение ни рассматривали на земле, оно есть момент в развитии нашей земли и затем солнечной системы от одного состояния к другому, отличающему его от первого. При этом каждый момент прямолинейного движения получает свое особенное место в общем историческом процессе.

То же самое относится и к вопросу о безразличии систем координат, к которым мы относим наше движение. Поверхность земли, пароход и т. д., как системы координат, имеют лишь постольку безразличное значение, постольку абсолютно тождественны, поскольку мы сознательно ограничиваем свое рассмотрение лишь одним абстрактным моментом движения. Если же мы возьмем движение во всей его конкретности, в его сущности, то мы должны будем выйти за пределы абстракции, за пределы безразличия, за пределы прямолинейного движения. При этом мы найдем, что нет безразличия в выборе систем координат.

[1]) Мы не касаемся здесь вопроса зависимости результатов измерения от методики и измерения, от того, насколько точно производится измерение. Не нужно при этом путать методику с методом. При одном и том же методе измерения методика может быть худшей и лучшей. Методика совокупность технических приемов, которыми осуществляется измерение. Метод же измерения — это тот принцип, то теоретическое соображение, которое лежит в основе нашего измерения.

[2]) См. Планк, Введение в общую механику, ГИЗ, 1927 г., стр. 84. Мы полагаем, что первая формулировка принципа относительности Галилея шире, чем вторая. Вторая не обязательно связана с принятием философского релятивизма.

Действительно, с точки зрения принципа относительности Галилея без различно, что к чему мы относим, движение ли поверхности земли к пароход или движение парохода к поверхности земли. Рассматривая же движение в всей его конкретности, мы не можем не сказать, что движение парохода лиш момент в развитии процессов на земной поверхности. Поэтому земля и ее поверхность по отношению к происходящим на ней движениям есть нечто существенное, а эти движения, взятые в отдельности, нечто случайное. Дл внешнего описания движения маятника действительно безразлично, что мы берем за систему координат: поверхность земли или пароход. Но и движение маятника и движение парохода мы по существу можем лишь тогда понять когда мы их рассматриваем как моменты в развитии земли. Поэтому мы не можем утверждать, что и координатная система, связанная с каким-нибудь случайным и прямолинейно движущимся отдельным атомом, и координатная система, связанная с землей, на которой находится рассматриваемый атом совершенно равноценны. Они равноценны лишь для внешнего абстрактного описания, а не для рассмотрения явлений по существу.

Указанные отношения делаются еще более ясными и наглядными, если мы будем рассматривать прямолинейные движения как момент криволинейных. Беря известный процесс в целом, в его сущности, напр., процесс развития солнечной вселенной, мы устанавливаем зависимость одних его моментов от других, взаимодействие различных его частей и т. д. Это дает нам возможность оценить относительную роль отдельных моментов. Так, напр., с точки зрения космогонической гипотезы Канта-Лапласа земля, как физическое тело, позднейший и подчиненный момент в развитии солнечной системы. Если с точки зрения данного состояния солнечной системы механика одинаково может описать, т.-е. изобразить, чисто-внешние отношения, беря в качестве координатной системы систему, связанную с землей, или систему, связанную с солнцем, то с точки зрения существенных отношений в истории развития солнечной системы эти координатные системы совершенно неравноценны: координатная система, связанная с солнцем, дает нам возможность более правильно изобразить действительные отношения, существующие в солнечной системе, чем какая-либо иная.

Таким образом мы приходим к необходимости различать существенные и несущественные системы координат. Существенные системы координат—это те, которые связаны с целым изучаемой материальной системы, частью которой могут являться те или иные движущиеся тела. Движения, отнесенные к существенной системе координат, представляются нам такими, какими они суть в действительности, в отношении их к целому.

Несущественные, случайные системы координат те, которые лишь внешне связаны с изучаемым движением. Несущественные системы координат, будучи равноценными между собой, неравноценны в отношении к существенной системе координат.

Как можем мы найти существенные системы координат и отличить их от несущественных?

Из сказанного нами выше ясно, что механика сама по себе не дает опорных пунктов для этого различения. Рассматривая движение абстрактно внешне, она не приводит нас к познанию существенных отношений. Нужно выйти за пределы механики, напр., в область космогонии или химии или биологии, чтобы найти существенные отношения и получить опорные пункты для различения, для оценки различных систем координат.

При этом выходе за пределы механики мы ее не отбрасываем, а сохраняем в качестве подчиненного момента. Более того, механика служит нам при этом процессе более или менее необходимой ступенью.

Так, изучая механические отношения солнечной системы, мы приходим в конце концов к познанию коперниковой теории как правильной. Механика

сама по себе может одинаково описать строение солнечной системы, исходя как из птоломеевской, так и коперниковской точки зрения. Но, выходя за пределы внешнего рассмотрения явлений, за пределы их описания, рассматривая явления в солнечной системе с точки зрения сущности имеющих в ней место отношений, мы признаем коперниковскую систему координат, связанную солнцем за существенную, птоломеевскую же, связанную с землей, за несущественную, случайную. При этом переходе от внешних отношений к существенным механика исторически и логически для нас была необходимым моментом в понятии существенных отношений, которые в полном об'еме вскрываются лишь космогонией.

Итак, через изучение метрических отношений в движении, мы приходим к познанию существенных отношений. Тем самым мы признаем, что принцип относительности движения Галилея не всеобщий принцип природы, а принцип, имеющий отношение лишь к несущественным системам координат. Этот принцип поглощается, как момент, целым, диалектическим пониманием существенных отношений развития целого.

В заключение этой главы скажем несколько слов об отношении к принципу относительности движения Ньютона и махистов, так как в этих двух течениях конкретизовалось два различных метафизических решения рассматриваемой проблемы.

Ньютон прекрасно видел, что метрический результат изучения движения относителен. Но он метафизически противопоставлял движение покою и полагал, что есть нечто абсолютно покоящееся—абсолютное пространство. Он хотел решить проблему относительной и абсолютной истины, не выходя за пределы механики, при посредстве которой он вообще считал возможным об'яснить все происходящее в мире, и это привело его к необходимости признать существование внематериального абсолютного пространства и релятивизму и агностицизму в пределах эмпирической механики.

В пределах наблюдаемых нами явлений Ньютон, оставаясь на абстрактной точке зрения, не мог найти опорной точки для отличения относительных движений от истинных. «Может оказаться,—писал он,—что в действительности не существует покоящегося тела, к которому можно было бы относить места и движения прочих».

В отличие от Ньютона мы не отрываем сущность от явления, относительное от абсолютного. Поэтому мы, описывая явления, происходящие в атоме, можем относить движения электронов, относя их к ядру атома, как началу связанной с ним системы координат; описывая происходящее на земле относить к земле, т.-е. к системе координат, связанных с центром земли; описывая происходящее в солнечной системе относить к системе координат, связанной в солнцем, и т. д. При этом выборе системы координат мы не остаемся в пределах абстрактной относительности, а закономерно переходим от одной существенной системы координат к другой. Правда, мы при этом никогда не приходим к чему-то абсолютно покоящемуся. Но это нам и не нужно, не говоря о том, что с нашей точки зрения вообще нет ничего абсолютно покоящегося. При каждом таком выборе системы координат, мы находим то относительно постоянное, сущность чего при наблюдении отдельных движений (электрона, парохода, планеты и т. д.) остается, не изменяется: атом, землю, солнечную систему и т. д.

Для Ньютона все казалось относительным и лишь его абсолютное пространство и время истинными, безотносительными, мы же в мире реальности находим и момент относительного и момент абсолютного, не нуждаясь ни в каких надматериальных сущностях. Правда, наше «абсолютное» включает само момент относительного, как и относительное включает момент абсолютного, но это и есть единственно правильный научный метод понимания явле-

ний природы и он нас ведет все далее и далее вперед, тогда как Ньютон упирается неизбежно в агностицизм и попадает в об'ятия теологии.

Махисты в отличие от Ньютона делают прямо противоположную, но столь же метафизическую ошибку. Они полагают, что в мире все относительно, что нет ни случайного, ни существенного и если мы делаем какие-либо различения, какой-либо выбор при отнесении движения к той или иной системе координат, то это проистекает исключительно из наших суб'ективных мотивов: «экономии мышления», «простоты получаемых уравнений», «удобства» и пр.

Диалектический материализм решительно отвергает точку зрения махизма на движение как на исключительно относительное. Но из всего сказанного для нас должно быть понятно, что именно махизм должен был ухватиться за трактовку принципа Галилея в духе философского релятивизма и постарался возвестить на весь мир, что относительность всех форм движения есть закон природы.

О диалектике физических категорий и единицах измерения.

Мы говорили выше, что для измерения тех или иных свойств конкретных явлений мы абстрагируем это свойство от прочих, не подлежащих измерению. Каждое такое свойство, как нечто качественно своеобразное, материально выступает перед нами в виде того или иного масштаба, единицы измерения. Однако правильное понимание различных атрибутов, качеств, свойств, представленных масштабами, лишь тогда будет возможно, когда мы будем помнить, что эти качества, атрибуты и свойства в конкретном явлении находятся во взаимной связи, не существуют изолированно.

Но первой ступенью науки является прежде всего изолирование различных моментов конкретного цѣлого, разделение целого на части, его анатомирование.

Результатом такой анализирующей деятельности является система различных единиц, различных масштабов, которыми оперирует естествознание.

Развитие науки показало, что для области механики достаточно избрать три единицы, чтобы, исходя из них, построить все прочие, применяющиеся в этой науке. Так, избирая за эти единицы сантиметр, грамм и секунду, можно через них выразить все прочие единицы: скорость, силу, работу и пр. Эти последние в отличие от трех основных оказываются таким образом производными.

По отношению каждой из производных единиц можно показать ее зависимость от трех основных. Эта зависимость, выраженная определенной формулой, называется «размерностью» производной единицы.

Производя измерение какой-либо единицей соответствующей величины, мы получаем численное выражение этой величины. Это численное выражение не говорит нам о действительной величине измеряемого, а лишь об относительной величине, выражающей отношение измеряемого к масштабу. Естественно, что если мы в качестве масштаба возьмем другое тело, отличное от первого, то и численный результат измерения того же самого тела будет другой. Так, измеряя длину стола сантиметром, мы получим одну численную величину. При измерении же метром—другую в сто раз меньшую. Само собой разумеется, что при этом действительная величина стола остается неизменной. При этой операции мы вообще не имеем в виду никаких физических изменений и в отношении к масштабам. Метр остается метром, сантиметр—сантиметром, и их действительные величины остаются теми же самыми. Все дело сводится к чисто-математической операции.

От этого случая нужно резко отличать тот случай, когда численное выражение измеряемой величины изменяется в результате физического, действительного изменения величины самого масштаба, при чем наименование масштаба остается тем же самым. Так, если бы мы имели в качестве сантиметра, как единицы длины, сантиметр легко растяжимой резиновой нити и вместо нормальной величины этого масштаба путем растяжения получили бы в десять раз большую величину, а считали бы по прежнему наш масштаб за тот же самый сантиметр, который мы имели до растяжения, то численное выражение величины измеряемого стола получилось бы в десять раз меньшим. Здесь действительные размеры масштаба увеличились и, если бы мы захотели привести измерение с таким растянутым масштабом в соответствие с измерениями, произведенными нормальным масштабом, то мы должны были бы численное выражение, полученное с растянутым масштабом, увеличить в десять раз. Здесь увеличение масштаба (при сохранении наименования), при правильном его учете приводит к увеличению численного выражения измеренной величины в том же отношении, в каком изменились действительные размеры самого масштаба. В этом последнем случае для определения изменений, произошедших с нашим масштабом, мы должны располагать или остающимся неизменным масштабом (не растяжимым) или таким методом измерения, который позволял бы нам исключить результат изменчивости, непостоянства нашего масштаба [1]).

Таким образом сама физическая практика, независимо от понимания того, что масштаб является представителем наиболее общего, наиболее постоянного в совокупности проявлений измеряемого качества и т. д., приводит к необходимости избирать в качестве масштабов самые твердые тела, самые постоянные процессы. Исторически был проделан длинный путь для отбора тех или иных тел или процессов, пригодных в качестве масштабов. Еще Галилей измерял время по биению своего пульса. Теперь же мы имеем совершеннейшие хронометры. В качестве единицы длины избран определенный стержень из сплава платины и иридия (самый постоянный и твердый сплав). Этот эталон длины хранится в специальном здании с постоянной температурой и лишь один раз в десять лет производится поверка его размеров. Непосредственным же масштабом для производства других масштабов служат копии с этого главного масштаба [2]).

Для определения момента времени в его потоке в качестве эталона времени применяется движение земли вокруг солнца и движение земли вокруг ее оси. Этот эталон служит нам для установления исторической даты того или иного природного явления. Для установления же одновременности событий служит скорость света, как самый быстрый из известных нам процессов.

Стихийность процесса установления масштабов, незнание диалектики привели естествоиспытателей к представлению, что создавшиеся исторически единицы измерений, прежде всего основные единицы, совершенно самостоятельны и физически неизменны. В тех случаях, когда влияние тех или иных физических условий на масштабы имелось налицо или могло быть предполагаемо, считали возможным такое влияние вполне исключить путем устранения или элиминирования этих влияний.

Так создался чисто-метафизический взгляд на единицы различных величин и на соответствующие физические категории. Формальная логика здесь опиралась и опирается еще до сих пор на существующую физическую практику [3]). Интересно здесь попутно отметить, что и принцип относительности Эйнштейна не изменил до сих пор этого метафизического взгляда.

---

[1]) Как мы увидим далее, это возможно хотя бы в смысле только констатирования существования изменений действительных размеров масштаба.

[2]) См., напр., Майкельсон, Исследования по оптике, ГИЗ, стр. 60—63.

[3]) Примером метафизической трактовки физических категорий и учения об измерении может служить «Курс физики» О. Хвольсона. См. т. I этого курса, изд. 1914 г., отдел первый и отдел третий.

В действительности же ни логически, т.-е. по определению самих понятий тех или иных категорий, ни физически, т.-е. по взаимной физической зависимости масштабов, метафизический взгляд под собой не имеет никаких корней. Постараемся в этом убедиться на одном примере.

Возьмем понятие скорости. Оно является производным от понятий длины и времени, так как скорость есть путь, пройденный в единицу времени или, выражаясь математически, $v = \frac{l}{t}$, где «v» есть скорость, «l» есть длина, «t» время, необходимое для прохождения данного отрезка пути.

Отсюда мы получаем два других уравнения: $l = vt$; $t = \frac{l}{v}$.

С точки зрения современной школьной физики, категория времени и категория длины независимы от категории скорости, последняя же есть производная категория от двух первых, которые считаются независимыми друг от друга. Однако легко убедиться, что это не так.

Для того, чтобы отличить сами масштабы от измеряемых ими величин, обычно обозначаемых математически теми же буквами, мы будем масштабы обозначать большими буквами, заключенными в квадратные скобки. Тогда мы получим для обозначения масштаба скорости обозначение [V], длины — [L] и времени [T].

Спрашивается, являются ли две последних категории и представляющие их масштабы действительно независимыми от производной категории скорости или нет?

Легко убедиться, что производная категория не есть в сущности производная, а лежит, как момент, в самом понятии исходных категорий.

Действительно, что значит, что мы имеем масштаб времени, что значит физическое понятие времени? Это значит, что мы имеем некоторый процесс, который совершается с постоянной скоростью и, проходя определенный всегда постоянный путь, возвращается снова в свое исходное положение. Таков наш масштаб времени в лице вращения нашей земли вокруг ее оси и вокруг солнца. Этот масштаб может нам служить как масштаб лишь при том предположения, что и путь, проходимый землей, и скорость ее вращения остаются постоянными.

Таким образом, по самому своему понятию понятие времени предполагает данными понятия и скорости и длины, физически же существование масштаба времени требует наличия существования неизменно данной скорости и длины, в виде соответствующих масштабов. Если бы мы не имели никаких неизменных пространственных отношений, которые и могут быть положены в основу нашего масштаба длины, и никакой постоянной скорости, то мы не могли бы построить нашего масштаба времени.

Итак, на этом примере можно уже убедиться, что производная, по мнению современных ученых, категория скорости в действительности есть столь же основная и необходимая, как и те, от которых ее производят. Оказывается, что все три категории являются моментами некоего более конкретного понятия, выражающего конкретные процессы действительности. Именно здесь, в самой основе, в самом исходном пункте механики, не говоря уже о физике, мы видим, что без применения диалектической логики не обойтись.

Пользуясь введенными нами обозначениями, мы можем написать, что между самими физическими категориями и представляющими их масштабами существует такого же рода отношение, как и между измеряемыми ими величинами [1]):

$$[L] = [V] \cdot [T]$$

[1]) Эта зависимость, как легко понять на основе предыдущего, только тогда превратится в математическую зависимость, когда будут измерены величины самих масштабов. До той же поры она лишь качественная зависимость.

Но, если между самими масштабами существует такая зависимость, то как мы можем при их посредстве измерять что-либо: для измерения скорости требуются, как данные, масштабы длины и времени, а масштабы длины и времени предполагают данным хотя бы один процесс с определенной скоростью, который положен в основу масштаба времени? Получается такое положение, что мы не имеем никакой абсолютно данной отправной точки для построения нашей физической науки, что в основу нашей науки вкрадывается момент неопределенности или произвольности.

Метафизики одного рода, представленные Ньютоном, начало нашего знания находят в неизменных сверхматериальных сущностях—абсолютном времени и пространстве, как атрибутах бога. Другого рода метафизики, представленные махистами, считают, что опорных пунктов наше знание нигде, кроме как в нашем суб'екте, не имеет. Они все знание в конце концов считают условным и произвольным.

Развитие современного естествознания стихийно подошло к решению этого вопроса и так или иначе пытается дать на него в лице Лоренца, Фицжеральда, Эйнштейна, Вейля и других ответ. Рассмотрением этого ответа мы и надеемся заняться в другой статье

Диалектический материализм и психоанализ [1].

Вильгельм Рейх (Вена).

I. Предварительные замечания.

В предлагаемой статье мы ставим себе задачей исследовать, существ
ли и в какой мере связь между психоанализом Фрейда и диалектическ
материализмом Маркса и Энгельса. От ответа на этот вопрос бу
зависеть, есть ли база для обсуждения вопроса об отношении психоанал
к пролетарской революции и классовой борьбе. То немногое, что написа
до сих пор на тему «психоанализ и социализм», страдает отсутствием
лежащей осведомленности в психоанализе или в марксизме. Критичес
отзывы марксистов о приложении психоаналитических принципов к уче
об обществе были до известной степени справедливы. В немногих же рабо
психоаналитиков на эту тему, за исключением двух статей Бер
фельда [2]), не хватает надлежащей осведомленности в принципиаль
вопросах марксизма и к тому же совершенно игнорируется централь
пункт марксовой социологии — классовая борьба. Это лишает их всяк
значения для марксистского социолога, подобно тому как для психоана
тика не имеет никакой ценности работа на психологическую тему, если в
не упоминается теория полового влечения.

Неприятнейшим продуктом этого рода является работа Kolnai «Пси
анализ и социология» [3]). Автор этой книжки, никогда не бывший настоя
психоаналитиком, успел с тех пор примкнуть к Шелеру, торжественно об
вив (жаль, что он не сделал этого до написания названной книжки) о сво
отказе от психоанализа, который-де «не соответствует больше его взгляда
...Его работа переполнена метафизическими и идеалистическими лже-тол
ваниями открытых психоанализом фактов; для обсуждаемых нами вопро
она не имеет никакого значения. Юринец, сделавший работу Kolnai исх
ным пунктом для своей критики психоанализа, весьма ошибается, назы
его «одним из усерднейших учеников Фрейда» [4]).

Мы не можем здесь подробно останавливаться на работе Юрин
но для принципиального уяснения вопроса заметим тут же, что отрицат

[1]) Помещая статью В. Рейха, редакция считает необходимым отметить, что она не разделяет трактовки и оценки фрейдизма, даваемой автором. **Ред.**

[2]) «Psychoanalyse und Socialismum» в «Der Kampf», 1925, и «Ist die Psychoanalyse eine Weltanschauung» в «Zeitschrift für psa. Pädagogig», 1928.

[3]) Int Psa. Verlag, 1923.

[4]) «Psychoanalyse und Marxismus» в «Unter dem Banner des Marxismus», 1-й год изд., 1-й вып., стр. 93.

ная критика психоанализа со стороны марксистских теоретиков справедлива в двух пунктах:

1. Когда покидают специфическую почву психоанализа и особенно когда пытаются приложить его к общественным проблемам, его немедленно развертывают в целое мировоззрение; и, как психологическое мировоззрение, проповедующее верховенство разума, он выступает тогда против марксизма, притязая на то, что посредством разумного регулирования человеческих отношений и посредством руководства к сознательному овладению инстинктами он может подготовить путь к более удовлетворительному общественному строю. Этот утопический рационализм, к тому же явно страдающий индивидуалистическим пониманием общественных явлений, не заключает в себе ничего ни оригинального, ни революционного и вдобавок превышает компетенцию психоанализа. В самом деле, по определению его творца, психоанализ есть не что иное, как психологический метод, пытающийся естественно-научным способом описать и об'яснить душевную жизнь, как особую область природы. Не будучи мировоззрением и не имея возможности развить из себя таковое, психоанализ не может ни заменить, ни восполнить материалистический взгляд на историю. Как естественно-научная дисциплина, он несоизмерим с марксовым пониманием истории.

2. Подлинным предметом психоанализа является душевная жизнь общественного человека Душевная жизнь массы интересует его лишь постольку, поскольку в ней проявляются индивидуальные феномены (напр., проблема вождя) и поскольку, далее, он может об'яснить такие проявления «массовой души», как страх, панику, повиновение и т. д., из своих наблюдений над индивидуальной психикой. Но феномен классового сознания едва ли ему доступен, и, напр., проблемы массового движения, политики, стачки, относящиеся к учению об обществе, не могут быть об'ектами его метода. Психоанализ и не может поэтому заменить собою учение об обществе или развить из себя такое учение. Но зато он может явиться вспомогательной дисциплиной для него—хотя бы в форме социальной психологии. Он может, напр., вскрыть те иррациональные мотивы, которые побудили какого-нибудь будущего вождя примкнуть именно к социалистическому или националистическому движению [1]), он может далее проследить влияние общественных идеологий на душевное развитие индивида. Марксистские критики правы поэтому, упрекая иных представителей психоанализа в том, что они пытаются об'яснить с помощью своего метода явления, которых он не может об'яснить; но они неправы, когда отождествляют психоаналитический метод с отдельными психоаналитиками и ошибки последних сваливают на самый метод.

Оба рассмотренные пункта приводят нас к необходимому, но в марксистской литературе не всегда ясно выступающему различению между марксизмом, как теорией общества, и, следовательно, научной дисциплиной, и марксизмом, как методом и мировоззрением [2]). Марксистское учение об обществе есть результат приложения марксистского метода к области общественного бытия. Как научная дисциплина, психоанализ находится в той же плоскости, что и марксово учение об обществе: первый изучает душевные явления, второе—общественные. И лишь в той мере, в какой приходится исследовать общественные факты в душевной жизни, или, наоборот, душевные факты в общественном бытии, психоанализ и марксистская социология могут относиться друг к другу как вспомогательные дисциплины. Марксизм не может пролить свет на те или другие невротические явления, на падение трудоспособности или расстройство половой функции. Другое дело—диалектический материа-

[1]) Срав. E. Kohn, Lassalle, der Führer, Int. Psa. Verlag, 1926.

[2]) Конечно, практически метод и наука неотделимы, они переплетаются друг с другом. Если мы их различаем, то только в целях выяснения понятий.

лизм. Тут имеются только две возможности: либо психоанализ, как метод, ее противоречит, и тогда он значит идеалистичен и недиалектичен; либо можно доказать, что психоанализ, хотя и бессознательно, подобно многим другим естественно-научным дисциплинам, открыл на деле в своей области материалистическую диалектику и разработал соответствующие теории. В первом случае, т.-е. в случае противоречия выводов психоанализа материалистической диалектике, марксист должен его отвергнуть, во втором же случае он может быть уверен, что имеет дело с наукой, не противоречащей социализму [1]).

Два соображения были выдвинуты марксистами против правомерности психоанализа с социалистической точки зрения:

1. Психоанализ есть продукт распада гибнущей буржуазии. Это соображение обнаруживает недиалектичность мышления в вопросе о психоанализе. Разве не было «продуктом распада» буржуазии и марксистское учение об обществе? Оно было им постольку, поскольку оно никогда не могло бы возникнуть без противоречия между производительными силами и капиталистическими условиями производства, но оно было в то же время познанием, а стало быть и идеологическим зародышем, того нового хозяйственного строя, который развивался в недрах старого. О социологической позиции психоанализа мы будем подробно говорить ниже, что же касается этого первого возражения, то на него лучше всего ответить словами марксиста Виттфогеля [2]): «Некоторые марксистские критики—«иконоборцы»—очень облегчают себе вопрос об оценке современной науки. Они делают широкий жест рукой, пробормотав «буржуазная наука!»—и считают вопрос исчерпанным. Такой метод (лже-метод!) работает варварским орудием. От Маркса и его диалектического мышления тут не осталось ничего, кроме—увы!—названия. Диалектик знает, что культура не однородна, как горсть гороха, но что в каждом общественном строе есть свои противоречия и что в его недрах назревают зародыши новых общественных эпох. Поэтому для диалектика далеко не все, что создано в буржуазный век буржуазными руками, уже в силу одного этого обесценено и непригодно для общества будущего».

2. Психоанализ — идеалистическая доктрина. Если бы у критиков было немножко больше знания дела, они поостереглись бы высказать такое суждение, и, при хоть сколько-нибудь об'ективном отношении к делу, они вспомнили бы, что всякая наука, как бы материалистичен ни был ее фундамент, в буржуазном обществе впадает и не может не впадать в идеалистические уклоны. В разработке теории, удаляющейся хотя бы на шаг от эмпирии, идеалистический уклон всегда возможен и ничего не говорит о неправильном характере самой теории. Юринец потратил много усилий на выявление именно идеалистических уклонов в психоанализе; конечно, такие уклоны есть и их даже много, но вопрос в том, какова суть теории, каково ее принципиальное понимание душевных явлений.

Очень часто упоминается психоанализ в связи с вопросом о реформистских течениях в политике (Тальгеймер, Деборин). При этом всегда подчеркивается, что реформистские философы охотно ссылаются на психоанализ, а де-Ман даже прямо использовал его против марксизма в реакционных целях. Но я утверждаю (и тут я могу указать на левых марксистов), что при желании можно реакционно использовать и «марксизм» против марксизма. Действительному знатоку психоанализа никогда не пришло бы в голову связывать «психоанализ» де-Мана с психоанализом Фрейда, как это сделал Деборин. Что общего у сантиментального гуманитарного социализма де-Мана с теорией либидо, хотя бы он и ссылался на совершенно непонятый им психоанализ? В последней главе я постараюсь показать, что психоанализ претерпевает в руках реформистов ту же судьбу, что и ортодоксальный марксизм, т.-е. становится таким же плоским и водянистым.

[1]) О понятиях «пролетарской» и «буржуазной» науки ср. Wittfogel, Wissenschaft in der bürgerlichen Gesellschaft.

[2]) Там же, Malik Verlag, стр. 18.

В дальнейшем мы рассмотрим по порядку следующие вопросы:

1. Материалистическая основа психоаналитической теории.
2. Диалектика в душевной жизни.
3. Психоанализ с социологической точки зрения.

II. Материалистическое содержание психоанализа и некоторые идеалистические истолкования.

Прежде чем говорить о том, какой огромный шаг вперед в материалистическом направлении сделан психоанализом против прежней идеалистической и формалистической психологии, мы должны отмежеваться от одного ошибочного, хотя широко распространенного и в марксистских кругах, «материалистического» представления о душевной жизни. Мы имеем в виду механистический материализм, как он был, напр., представлен французскими материалистами XVIII века и Бюхнером и продолжает жить в вульгарно-марксистских теориях [1]). Этот материализм утверждает, что душевные явления сами по себе не материальны и что для последовательного материалиста душевное не должно заключать в себе ничего, кроме телесных процессов. Этим материалистам уже самое понятие «душа» представляется идеалистическим и дуалистическим заблуждением, что несомненно является крайней реакцией против продолжающего жить в буржуазной философии платоновского идеализма. Не душа действительна и материальна, утверждают они, а соответствующие ей телесные процессы, т.-е. не суб'ективные, а об'ективные, измеримые и весомые данности. Ошибка механистов заключается тут в отождествлении измеримой, весомой или осязаемой вещественности с материальностью. «Главный недостаток всего прежнего материализма,—говорит Маркс [2]),—в том, что предмет, действительность, чувственность постигается им только под формой об'екта или воззрения, а не как человечески чувственная деятельность, не как практика, не суб'ективно. Поэтому и случилось, что деятельная сторона была развита, в противоположность материализму, идеализмом, но только абстрактно, ибо идеализму действительная чувственная деятельность, как таковая, конечно неизвестна. Фейербах имеет в виду чувственные, действительно отличные от мысленных об'ектов предметы; но самое человеческую деятельность он не постигает как предметную деятельность». Вопрос о предметности, т.-е. о материальной действительности душевной деятельности («человеческого мышления»), Маркс считает чисто-схоластическим вопросом, поскольку он берется в отрыве от практики. Но «материалистическое учение о том,—продолжает Маркс,—что люди суть продукты обстоятельств и воспитания: стало быть

[1]) «Материализм прошлого века был преимущественно механистическим, потому что в то время из всех наук только механика... достигла известной завершенности. Химия существовала только в своей младенческой, флогистической форме. Биология не вышла еще из пеленок; растительный и животный организм был исследован только в самых общих чертах и об'яснялся из чисто-механических причин; как для Декарта животное было машиной, так для материалиста XVIII века машиной был и человек. Это исключительное приложение масштаба механики к процессам, которые имеют химическую и органическую природу и при которых механические законы хотя и действуют, но оттесняются на задний план другими, высшими законами, составляет специфическую, но для того времени неизбежную ограниченность французского материализма» (Энгельс, Фейербах).

[2]) Прибавление к «Фейербаху» Энгельса.

измененные люди—продукты иных обстоятельств и измененного воспитани
упускает из виду, что обстоятельства-то изменяются людьми и что сам воспи
татель должен быть воспитан» [1]). Об отрицании материальной действитель
ности душевной деятельности у Маркса нет и помину. Но если явлени
человеческой душевной жизни признаются практически материальными, т
принципиально должна быть допущена и возможность материалистическо
психологии, даже если она не об'ясняет эту душевную деятельность органи
ческими процессами. При всяком другом взгляде исчезает база для марксис
ских споров о чисто-психологическом методе. Но тогда уже нельзя говорить
о классовом сознании, революционной воле, религиозной идеологии и т. д.,
нужно ждать, пока химия не выразит в формулах соответствующие телесны
процессы или рефлексология не откроет соответствующие рефлексы. Но по
скольку такая психология неизбежно должна остаться в рамках причинно
формализма и не может проникнуть в практическое содержание представ
лений и чувств, она ни на иоту не приблизит нас к пониманию того, что тако
удовольствие и страдание или классовое сознание. Этим соображением д
казана необходимость с марксистской точки зрения такой психологии, кото
рая подходит к психическим явлениям с психологическим, а не с органическ
методом.

Правда, для признания какой-нибудь психологической теории материа
листической еще недостаточно того, что она занимается материальными де
ностями душевной жизни. Нет, она должна еще недвусмысленно определи
свое отношение к вопросу, является ли душевная деятельность метафизич
ской, вне-органической данностью, или же вторичной, вырастающей из орг
нического и связанной с его существованием функцией. По Энгельсу
принципиальное различие между материализмом и идеализмом заключает
в том, что второй считает первоначальным «дух», а первый материю (орг
ническую), природу, при чем Энгельс подчеркивает, что он употребляет о
эти термина только в таком смысле. Дальнейшее различие составляет предм
гносеологических исследований Ленина в его книге «Материализм и эмп
риокритицизм»: оно заключается в ответе на гносеологический вопрос о то
существует ли мир реально, вне и независимо от нашей мысли (материализм
или же он имеет бытие только в нашей голове как представление, ощущени
и восприятие (идеализм). Третье различие, связанное с первым из упомя
тых выше, состоит в том, утверждается ли, что тело строит себе душу, и
наоборот.

Не отвечая в общей форме на все эти вопросы с точки зрения психо
анализа, мы прямо начнем с изложения его основоположных теорий. Суди
о том, верны или неверны факты, на которые опирается психоанализ, это
дело не методологической, а исключительно лишь эмпирической критик
На неправильный путь эмпирической критики психоанализа и оспаривания е
результатов без надлежащего знакомства с предметом вступил среди ин
ксистов Тальгеймер [3]); Юринец же занимался только методолог
ческой критикой, правда, тоже без достаточного знакомства с эмпирическ
содержанием психоанализа. Мы здесь не имеем в виду доказывать правил
ность психоаналитических теорий; подобное предприятие вышло бы
рамок настоящей работы и было бы к тому же совершенно бесполезно. Дока
зательства такого рода могут быть найдены единственно только в собстве
ном эмпирическом наблюдении.

[1]) Там же.
[2]) «Фейербах».
[3]) «Die Auflösung des Austromarxismus», в «Unter dem Banner des Marxismus» 1-й год изд., 1-й вып., стр. 517 слд.

а) Психоаналитическое учение о влечениях.

Остов психоаналитической теории составляет учение о влечениях, а в нем наиболее прочно обоснованной частью является теория либидо, учение о динамике полового влечения.

Влечение есть «понятие, стоящее на грани между душевным и соматическим». Под либидо Фрейд [1]) разумеет энергию полового влечения. Источником либидо служит, по Фрейду, еще не вполне известный химический процесс в организме, особенно в половом аппарате и в так называемых «эрогенных зонах», в тех частях тела, которые особенно возбудимы в половом отношении и являются центрами телесного полового возбуждения. Над этими источниками полового возбуждения возвышается мощная надстройка душевных функций либидо, которая остается связанной со своей основой, изменяется (количественно и качественно) вместе с ней—напр., в период полового созревания—и вместе с ней начинает угасать, как после климактерического периода. В сознании либидо отражается как телесное и душевное стремление к половому удовлетворению. Фрейд определенно высказал надежду, что психоанализ удастся когда-нибудь поставить на органический фундамент, и понятие полового химизма играет, как вспомогательное представление, существенную роль в его теории либидо. Однако методологически психоанализ не может касаться конкретных процессов в организме, это—область физиологии. Материальная сущность фрейдовского понятия либидо очень ярко проявляется в том, что его учение об инфантильной сексуальности было впоследствии подтверждено физиологами, открывшими уже у новорожденных эволютивные процессы в половом аппарате.

Фрейд покончил с представлением, что половой инстинкт просыпается только в период полового созревания, он показал, что либидо пробегает с самого рождения определенные ступени развития, прежде чем достигает ступени генитальной сексуальности. Он расширил понятие полового, включив в него и все те приятные ощущения, которые не связаны с детородными органами, но в то же время носят явно половой характер (эротика рта, анальная эротика и т. д.). Эти «до-генитальные», инфантильные формы половой функции подчиняются впоследствии примату детородных органов, господству специфического полового аппарата.

Каждая фаза в развитии полового чувства, о диалектическом характере которого мы будем говорить ниже, определяется условиями существования ребенка: так, ступень ротовой эротики вырабатывается в связи с принятием пищи, анальная ступень в связи с приучением ребенка к опрятности. До Фрейда плененная буржуазной моралью наука просто не замечала этих фактов, она подтверждала популярное представление о «чистоте» ребенка. Социальное половое вытеснение сделалось препятствием на пути научного исследования.

Среди влечений Фрейд различает две основные, психологически не расчлененные далее группы, инстинкт самосохранения и половой инстинкт, примыкая к популярному различению голода и любви. Все остальные влечения—волю к власти, честолюбие, жажду наживы и т. д.—Фрейд считает вторичными образованиями, ответвлениями от этих двух основных потребностей. Для социальной психологии фрейдовский тезис, что половой инстинкт проявляется впервые в связи с потребностью в пище, мог бы получить большое значение, если бы удалось связать его с утверждением Маркса, что в общественном бытии потребность в пище является основой и для родовых функций общества.

Впоследствии Фрейд противопоставил половому инстинкту инстинкт разрушения, подчинив при этом инстинкт принятия пищи эросу, как функцию

[1]) «Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie».

любви к самому себе (нарцизм-самосохранение) [1]). Отношение этой новой классификации влечений к более ранней еще не вполне выяснено. Новые понятия теории—эрос и влечение к смерти (половой инстинкт и инстинкт разрушения)—образованы по аналогии с обеими основными функциями органической субстанции, ассимиляцией (созидание) и диссимиляцией (разложение); эрос охватывает все те устремления душевного организма, которые созидают, об'единяют, толкают вперед, а инстинкт разрушения—все те, которые разлагают, разрушают, влекут к первобытному состоянию. Душевное развитие оказывается результатом борьбы этих двух противоположных тенденций, что вполне соответствует диалектическому пониманию развития. Трудность, однако, в другом. Тогда как телесная основа половой потребности и потребности в пище совершенно ясна, понятие инстинкта смерти лишено столь же ясного материального фундамента, ибо ссылка на органический процесс диссимиляции пока что намечает скорее лишь формальную аналогию, чем вскрывает сродство по существу. Материалистической она является лишь постольку, поскольку «инстинкт смерти» р е а л ь н о связан с саморазрушительными процессами в организме. Но нельзя отрицать, что неясное содержание этого инстинкта и невозможность считать его инстинктом в том же смысле, как напр., половое влечение, делают его удобным прибежищем для идеалистических и метафизических спекуляций о душевной жизни. Он уже породил в психоанализе не мало недоразумений, явившись почвой для телеологических теорий и преувеличенной оценки моральных функций, что мы считаем идеалистическим уклоном в психоанализе. По заявлению самого Ф р е й д а, «инстинкт смерти» есть гипотеза, выходящая за пределы клинического наблюдения; но, конечно, не случайность, что с ним так охотно оперируют и что он открыл доступ в психоанализ стольким праздным умозрениям. В противовес идеалистическому направлению, развившемуся в психоанализе вместе с новой гипотетической теорией инстинктов, автор настоящей статьи сделал попытку [2]) понять и инстинкт разрушения, как нечто зависимое от либидо, и таким образом включить его в материалистическую теорию полового влечения. Попытка эта основывается на том клиническом наблюдении, что ненавистническое настроение и чувство виновности, по крайней мере в их интенсивной форме, зависят от состояния половой потребности, что половая неудовлетворенность повышает, а удовлетворенность понижает агрессивные инстинкты. Согласно этому взгляду, инстинкт разрушения есть психологическая реакция на неудовлетворенность какого-нибудь влечения, а его телесная основа заключается в передвижке полового возбуждения в мышечную систему.

Не подлежит, однако, сомнению, что агрессивный инстинкт является также орудием инстинкта питания и что он особенно усиливается, когда потребность в пище недостаточно удовлетворена. Инстинкт разрушения является, согласно моему пониманию, поздним, вторичным образованием организма, определяемым условиями, при которых удовлетворяются потребность в пище и половое влечение.

Регулятором жизни инстинктов является «принцип приятного и неприятного». Все инстинктивное стремится к приятному и хочет избежать неприятного. Неприятная напряженность потребности может быть устранена только посредством удовлетворения последней. Таким образом цель влечения—уничтожить свою напряженность посредством устранения того, что раздражает источник влечения. Это удовлетворение сопряжено с чувством приятного. Напр., телесное возбуждение в области половых органов вызывает раздражение, которое порождает потребность (влечение) устранить появившуюся напряженность. Органическое напряжение в органах питания порождает

[1]) «Jenseits des Lustprinzips» и «Das Ich und das Es».

[2]) R e i c h, Die Funktion des Orgasmus, глава о «зависимости инстинкта разрушения от накопления неразряженной либидо».

голод и влечет к еде. Это причинное рассмотрение включает в себя и точку зрения цели, ибо цель, к которой направлено влечение, определяется источником раздражения. Тут психоанализ диаметрально противоположен индивидуальной психологии А л ь ф р е д а А д л е р а с ее исключительно телеологической установкой.

Так как все, что доставляет удовольствие, привлекает, а все неприятное отталкивает, то принцип приятного обуславливает движение, изменение ситуации. Источником этой функции является органический аппарат влечений, в особенности половой химизм. Как пружина, этот аппарат напрягается снова после каждого удовлетворения потребности. Основу для этого напряжения надо искать в процессах обмена веществ.

Но способ функционирования обеих основных потребностей человека приобретает свою настоящую форму только благодаря общественному бытию индивида, которое ограничивает удовлетворение влечений. Все ограничения и социальные требования, заставляющие подавлять потребности или откладывать их удовлетворение, Ф р е й д об'единил в так называемом «принципе реальности». Этот принцип, таким образом, отчасти противоположен принципу приятного, поскольку он совершенно воспрещает удовлетворение известных потребностей, отчасти же он представляет собой его видоизменение, поскольку он вынуждает довольствоваться суррогатами удовлетворения или откладывать это последнее. Младенец, напр., может принимать пищу только в определенные часы, созревшая в половом отношении девушка не может в современном обществе тотчас удовлетворить свои естественные половые потребности. Экономические (буржуазный исследователь сказал бы: культурные) интересы заставляют ее сохранять целомудрие до брака, потому что иначе она рискует потерять уважение или не так легко найти мужа. Отказ от прямого анально-эротического удовлетворения, как оно осуществляется у ребенка, тоже вызывается принципом реальности.

Однако определение принципа реальности, как требования, пред'являемого обществом, остается формалистическим без конкретного указания на то, что принцип реальности, каким мы его знаем теперь, есть принцип д а н н о г о общества. В понимании принципа реальности психоаналитики сплошь и рядом впадают в идеалистический уклон. Так, принцип реальности часто изображается как абсолютная данность. Под приспособлением к реальности понимают просто приспособление к обществу, что в применении к педагогике или лечению неврозов является несомненно консервативной установкой. Конкретно говоря: принцип реальности в капиталистическую эпоху требует от пролетария крайнего ограничения его потребностей, не без ссылок на религиозную заповедь смирения. Он требует также моногамической формы половой жизни и многого другого. Все это укоренено в экономических условиях; господствующий класс утверждает принцип реальности, который служит интересам сохранения его власти. Воспитание пролетария в духе подчинения этому принципу реальности, как какой-то абсолютной норме, требуемой хотя бы во имя культуры, равносильно утверждению эксплоатации, утверждению капиталистического строя. Нужно помнить, что понятие принципа реальности, как оно в самом деле толкуется сейчас многими психоаналитиками, соответствует некоторой (пусть бессознательно) консервативной установке и поэтому противоречит об'ективно революционному характеру психоанализа. Принцип реальности имел прежде другое содержание и он будет изменяться в дальнейшем вместе с изменением общественного порядка.

Конкретное содержание принципа приятного тоже, разумеется, не абсолютно, оно тоже изменяется вместе с общественным бытием. Напр., анальное удовлетворение должно быть иным, гораздо менее полным, в эпоху, уделяющую так много внимания опрятности, и поэтому соответствующее влечение должно быть теперь более интенсивным, чем в каком-нибудь примитивном

обществе; это сказывается и качественно в появлении особых черт характера. Напомним только о вырастающем из анальной эротики эстетизме и о различии его роли в буржуазную эпоху, с одной стороны, и в примитивном обществе или в средние века—с другой. Большая или меньшая подчеркнутость тех или других содержаний влечения зависит, конечно, и от класса, к которому принадлежит ребенок. Так, напр., анальные влечения выражены, повидимому, ярче у буржуазии, чем у пролетариата, а детородный инстинкт интенсивнее, наоборот, у последнего. Впрочем, это находится в связи также с воспитанием и с жилищными условиями.

В отношении биологических задатков разница между индивидами не так уже велика и едва ли может иметь решающее значение. Но социальная среда начинает формировать содержание принципа приятного с первых же дней жизни. Вопрос же о том, не влияют ли различия в условиях питания на характер влечений уже в эмбриональном состоянии, определяя интенсивность и качество хотений,—этот вопрос еще подлежит дальнейшему исследованию.

б) Учение о бессознательном и о вытеснении.

Фрейд различает в душевном аппарате три системы:

1. Сознательное—охватывает воспринимающую функцию аппарата органов чувств и все представления и чувства, осознаваемые в данный момент.

2. Досознательное—охватывает все те представления и установки, которые в данный момент не присутствуют в сознании, но в любое время могут быть осознаны. Обе эти системы были хорошо известны и до-аналитической психологии. То, что не-психоаналитики называют «бессознательным» (не вполне сознательным, подсознательным и т. д.), еще целиком относится в область фрейдовского досознательного. Настоящим открытием Фрейда является

3. бессознательное, характеризуемое тем, что его содержания не могут быть осознаны [1]), потому что их осознание не допускается «досознательной» цензурой. В этой цензуре нет ничего мистического: она представляет собою совокупность запретов и требований, воспринятых из внешнего мира.

Бессознательное охватывает не только запретные желания и представления, не могущие проникнуть в сознание, но (вероятно) и их унаследованные символы. Но что и бессознательное изменяется с течением времени, доказывается тем интересным клиническим наблюдением, что оно по мере развития техники приобретает новые символы; так, во время шума, поднятого вокруг цеппелинов, многие пациенты видели их во сне в качестве изображений мужского полового члена.

Так как дальнейшие исследования выяснили, что помимо собственно вытесненных содержаний бессознательное содержит в себе еще многое другое, то Фрейд счел нужным сделать дополнение к своему учению о структуре душевного аппарата. А именно он ввел различение между «оно», «я» и «сверх-я».

«Оно» опять-таки не есть нечто сверхчувственное, а представляет собою выражение биологического состава личности. Частью оно образует бессознательное в указанном выше смысле, т.-е. собственно вытесненное.

[1]) До какой степени Юринец неправильно понял психоанализ, видно из следующей фразы в его работе «Психоанализ и марксизм»: «Как можно ссылаться на содержание бессознательного, раз его нельзя анализировать, так как оно никогда не переступает порога сознания?». Поразительно наивный вопрос! Ведь Фрейд открыл бессознательное именно своим методом освобождения мысли, методом выключения цензуры. Вся психоаналитическая терапия в том и состоит, что бывшее бессознательным переводится в сознание. Оно не может быть осознано только при обыкновенных условиях.

Что же такое вытеснение? Это есть процесс, совершающийся между «я» и тем, чего хочет «оно». Каждый ребенок появляется на свет с инстинктами и приобретает в детстве желания, которых он не может изжить, потому что этого не допускают общество и семья (тяга к кровосмешению, анальное влечение, экзибиционизм, садизм и т. д.). Общественное бытие в лице воспитателей требует от ребенка подавления этих влечений. Ребенок, «я» которого слабо и который повинуется преимущественно принципу приятного, часто бывает не в силах подавить свои желания иначе, как изгнав их из сознания, заглушив их в себе. В результате вытеснения эти желания становятся бессознательными. Другой, более социальный способ отделаться от неисполнимых желаний заключается в их сублимировании: при этом способе влечение не вытесняется, а лишь переводится на путь социально возможного осуществления [1]).

Мы видим таким образом, что психоанализ не может даже представить себе ребенка без общества; он знает ребенка только как общественное существо. Общественное бытие непрестанно воздействует на примитивные влечения, ограничивая, преобразуя и развивая их. При этом поведение обоих основных инстинктов различно. Голод несгибаемей, неумолимей, он настойчивей требует немедленного удовлетворения, чем половое влечение; он ни в коем случае не может быть вытеснен подобно последнему. Половой инстинкт пластичен, он поддается изменению, сублимированию, его частные тенденции могут быть превращены в свою противоположность, при чем, однако, отказаться полностью от удовлетворения он не может. Энергия, расходуемая на социальные достижения, в том числе и на те, которые служат для удовлетворения голода, имеет своим источником половую страсть. Последняя становится движущей силой душевного развития, когда подчиняется влиянию общества.

Стимулом для вытеснения является инстинкт самосохранения. Он старается покорить половое влечение, и из конфликта между ними вытекает душевное развитие. Вытеснение, если отвлечься от его механизма и от его эффектов, есть общественная проблема, потому что содержания и формы вытеснения зависят от общественного бытия индивида. Это общественное бытие идеологически концентрируется в сумме предписаний, требований и запретов, в «сверх-я». В значительной своей части они сами бессознательны.

Психоанализ сводит всю мораль человека к влияниям воспитания; он отвергает таким образом представление о метафизическом характере морали хотя бы в смысле кантовского категорического императива. Он по-материалистически разлагает понятие морали, сводя его к переживаниям и к инстинкту самосохранения, а также к страху перед наказанием. Всякая мораль возникает в ребенке либо из страха перед наказанием, либо из любви к тем, кто его воспитывает. И если Фрейд говорит еще о «бессознательной морали» и о «бессознательном чувстве вины», то он этим хочет только сказать, что вместе с запретными желаниями вытесняются и некоторые элементы чувства вины, как, напр., при запрещении кровосмешения. Юринец истолковал понятие чувства вины совершенно превратно, вообразив, что здесь таится мысль о какой-то исконной моральной сущности «я» в смысле метафизической вины. Отдельные психоаналитики могут, в силу тех или других потребностей, продолжать верить в моральное и божественное начало в человеке, несмотря

[1]) Фрейд вовсе не заметил, как утверждает Юринец, теорию вытеснения теорией «осуждения». Юринец не понял фрейдовского положения о том, что осознанное с помощью анализа влечение может подвергнуться осуждению со стороны «я». Осуждение есть нечто противоположное вытеснению. Неверно, будто фрейдисты, как пишет Юринец (указ. статья, стр. 110), все более уничтожают свою теорию бессознательного. Этот его взгляд проистекает из его полного непонимания последней фрейдовской теории об «оно», «я» и «сверх-я». Теория эта не отрицает учение о бессознательном, а включает его в себя.

на практикуемый ими психоанализ. В самой психоаналитической теории ничего подобного нет, верно как раз обратное: психоанализ уничтожает окончательно, естественно-научным способом, всякую такую веру, ибо он из'емлет проблему морали из ведения философии. Пусть тот или другой отдельный психоаналитик сам решает трудную задачу, как ему примирить веру в метафизическую мораль и бога со своими психоаналитическими убеждениями. Судьба психоанализа действительно могла бы внушать тревогу, если бы он вступил на путь метафизических умозрений. Теория бессознательного чувства вины отнюдь не опрокидывает теорию бессознательного, как опасается Юринец, а наоборот—она сводит и приобретение морали к материальным факторам.

Итак, мы показали, что как «оно», так и «сверх-я» менее всего являются метафизическими конструкциями, что они целиком могут быть сведены к потребностям и к реальным приобретениям из внешнего мира. Как мог Юринец додуматься до упрека, что «как у Шопенгауэра, так... и у Фрейда мир есть произведение собственного «я» с целью регулирования наших влечений» [1]),—это для меня совершенно непонятно. Фрейд показывает как раз обратное в бесчисленных местах, которые, между прочим, цитирует и сам Юринец, а именно он показывает, что «я» возникает в результате воздействия реального внешнего мира на организм влечений, как защита от раздражений. Даже в той сознательно умозрительной работе Фрейда «По ту сторону принципа приятного» («Ienseits des Lustprinzips»), на которую Юринец, главным образом, опирается в своей критике, нет и помину о возникновении реального мира из «я». Юринец сбился на понятии проекции, которое в этой работе ближе не исследуется; он мог бы уяснить себе его смысл из клинических работ Фрейда. «Я» думает, что представления, которые оно содержит в себе в вытесненном состоянии и давление которых оно испытывает на себе, находятся во внешнем мире. В этом и только в этом состоит проекция. Именно с помощью этой материалистической теории Фрейду удалось пролить свет на сущность галлюцинаций у душевнобольных. Голоса, которые они слышат, суть в действительности только бессознательные угрызения совести или желания, но ведь не существуют же они реально во внешнем мире.

Правда, книжка «По ту сторону принципа приятного» могла подать повод для возникновения ошибочных взглядов в психоанализе. Но Фрейд сам высказал свое критическое отношение к этой работе как в самой книжке, так и в неоднократных устных беседах, характеризуя ее, как лежащую вне области клинического психоанализа. И если она все-таки сделалась исходным пунктом для совершенно несостоятельных умозрений вокруг гипотезы об инстинкте смерти, то это об'ясняется вероятно тем, что щекотливую для буржуазной идеологии теорию либидо хотят заменить менее опасной гипотезой.

Материальная сущность «я» не подлежит спору уже потому, что оно связано с воспринимающей функцией аппарата органов чувств. Далее, оно выводится, по Фрейду, как мы уже говорили, из воздействия материальных раздражений на аппарат влечений. По Фрейду «я»—это только особенно дифференцированная часть «оно», буфер или защитный орган между «оно» и реальным миром. В своих действиях «я» не свободно, а зависит от «оно» и «сверх-оно», т.-е. от биологического и от общественного фактора. Следовательно, психоанализ оспаривает свободу воли, которую он понимает совершенно так же, как Энгельс: «Свобода воли есть не что иное, как способность принять решение с знанием дела». Совпадение настолько полно, что оно проявляется даже в основном положении аналитической терапии неврозов: через ознакомление с вытесненным содержанием своей психики, через

[1]) Там же, стр. 103.

осознание бессознательного, больной должен приобрести способность принять решение—принять его «с большим знанием дела», чем это было для него возможно, пока он не сознавал своих основных стремлений. Это, конечно, еще не свобода воли в смысле метафизиков, ибо она во всяком случае ограничена притязаниями естественных потребностей. Так, напр., после осознания своих половых желаний больной не может решить, что он вытеснит их снова, как невозможно для него и решение стать навсегда аскетом. Но он вполне может решить вести некоторое время аскетический образ жизни. После удачного анализа «я» не перестает быть зависимым от «оно» и от общества, оно только легче справляется со своими конфликтами.

Из условий их возникновения вытекает, что «я» наполовину, а «сверх-я» целиком включает в себя по своему конкретному содержанию вопросы общественной жизни. Религиозные и этические требования меняются вместе с общественным строем. «Сверх-я» женщины в платоновский век совершенно иное, чем в капиталистическом обществе; по мере того, как в существующем обществе идеологически подготовляется новое, меняются, конечно, и содержания «сверх-я». Это одинаково относится и к половой морали, и к идеологии неприкосновенности частной собственности на средства производства; содержание «сверх-я» меняется, конечно, и вместе с положением индивида в производственном процессе.

Но каким способом воздействует общественная идеология на отдельное лицо? Марксово учение об обществе должно было оставить этот вопрос открытым, как выходящий из сферы его компетенции, психоанализ же может дать на него такой ответ: для ребенка, пока он еще стоит вне самого производственного процесса, предварительным представителем общества вообще служит семья, насыщенная общественными идеологиями и даже прямо являющаяся идеологической зародышевой клеткой общества. Содержание эдипова комплекса взято из жизни влечений, но этим дело не ограничивается: тот способ, каким ребенок переживает и преодолевает эдипов комплекс, косвенно обусловлен как общей социальной идеологией, так и положением его родителей в производственном процессе, и, следовательно, судьбы этого комплекса зависят в конечном счете, как и все другое, от экономической структуры общества. Более того, даже самое возникновение эдипова комплекса об'ясняется особенной, социально обусловленной структурой общества. Впрочем, вопрос об исторической природе не только форм, но и самого существования эдипова комплекса, мы сможем выяснить только в следующей главе.

III. Диалектика в области душевного.

Мы переходим теперь к вопросу о том, не вскрыли ли материалистические данные психоанализа также и диалектику душевных процессов. Но сначала напомним о важнейших основных принципах диалектического метода, как они были установлены Марксом и Энгельсом и развиты далее их учениками.

Материалистическая диалектика Маркса выступила противницей идеалистической диалектики Гегеля, который был подлинным основателем диалектического метода. Если Гегель диалектику понятий считал первичной движущей силой исторического развития, а на реальный мир смотрел лишь как на отражение диалектически развивающихся идей или понятий, то Маркс перевернул это воззрение, т.-е. он поставил, по его собственному выражению, построение Гегеля «на ноги», признав материальные процессы первичными, а идеи производными от них. Но, поскольку он воспринял от Гегеля диалектическое понимание происходящего, он одновременно покончил и с метафизическим идеализмом Гегеля, и с механическим материализмом материалистов XVIII века.

Основные положения диалектического материализма гласят:

1. Диалектика есть не только форма мышления, но она дана и независимо от мышления в самой материи, т.-е. движение материи происходит об'ективно-диалектически. Следовательно, материалистический диалектик не вкладывает в материю то, что существует только в его мысли, но постигает с помощью органов чувств и своего мышления, тоже подчиненного законам диалектики, непосредственно само материальное становление об'ективной действительности. Ясно, что такая установка диаметрально противоположна идеалистической точке зрения Канта.

2. Развитие не только общества, но и всех остальных, в том числе и природных явлений, проистекает не из какого-то «принципа развития» или «некоторых присущих вещам тенденций развития», как это утверждает всякая метафизика, будь то идеалистическая или материалистическая, но оно проистекает из внутреннего антагонизма, из противоречий, имеющихся в материи, и из конфликта между ними, не находящего себе разрешения при данной форме существования, так что эти противоречия взрывают наличную форму существования материи и создают новую, из которой затем рождаются новые противоречия и т. д.

3. Все, что порождается диалектическим развитием, само по себе не хорошо и не дурно, а неизбежно и необходимо. Но что на данной стадии развития было сначала благоприятствующим моментом, то может позднее сделаться препятствием. Так, капиталистический способ производства могущественно содействовал вначале развитию технических производительных сил, но впоследствии, в силу внутренне присущих ему противоречий, он превратился в препятствие для них. Освобождение от этого препятствия означает социалистическую организацию производства.

4. В силу охарактеризованного развития из противоречий ничто не постоянно, все возникающее уже носит в себе зародыш своей гибели. Маркс показал, что класс, стремящийся к укреплению своего господства, не может принять диалектического метода, потому что это значило бы для него произнести самому себе смертный приговор. По Марксу, капиталистическая буржуазия создала в своем восхождении новый класс, пролетариат, который в силу условий своего существования несет гибель буржуазии. Поэтому только пролетариат может полностью и практически признать диалектику, буржуазия же неизбежно обречена на впадение в абсолютный идеализм.

5. Всякое развитие есть выражение и следствие двойного отрицания—отрицание отрицания. Для иллюстрации этого положения обратимся опять к общественному развитию. Товарное производство было отрицанием первобытного коммунизма, при котором производились только потребительные ценности. Социалистический порядок есть отрицание первого отрицания, он отрицает товарное производство и приходит таким образом по спирали к утверждению на высшей ступени того, что сначала отрицалось, к утверждению производства потребительных ценностей к коммунизму.

6. Противоположности не абсолютны, а проницают друг друга. Количество переходит в определенной точке в качество. Всякая причина есть вместе с тем действие своего действия. Это не просто взаимодействие разрозненных между собою явлений, а взаимное проникновение и воздействие одного на другое. Данный элемент может, далее, при известных условиях превратиться в свою противоположность.

7. Диалектическое развитие происходит хоть и постепенно, но в определенных местах становится скачкообразным. При возрастающем охлаждении вода превращается в лед не постепенно, а так, что в определенной точке качество «вода» внезапно переходит в качество «лед». Но это не значит, что скачкообразное изменение вдруг возникает из ничего; это значит только, что диалектическое развитие постепенно дошло до ступени скачкообразного изменения. Так разрешает диалектика и противоположность эволюции и революции, отнюдь не упраздняя ее. Социальное изменение общественного порядка сначала подготовляется путем эволюции (обобществления труда, пролетаризация большинства населения и т. д.), а затем осуществляется революционным путем.

Попытаемся теперь показать на некоторых типических процессах человеческой душевной жизни, вскрытых психоанализом, диалектику этих процессов, которая согласно нашему утверждению не могла бы быть обнаружена без психоаналитического метода.

В качестве первого примера диалектического развития возьмем симптоматику неврозов, как она была впервые установлена и описана Фрейдом. По Фрейду невротический симптом возникает оттого, что общественно связанное «я» сначала отгоняет, а затем вытесняет какое-нибудь влечение. Но вытеснение влечения само по себе еще не создает симптома; необходимо далее, чтобы вытесненное влечение снова прорвалось наружу и в искаженном виде появилось как симптом. Симптом содержить в себе, по Фрейду, как оттесненное влечение, так и само оттеснение: он как бы считается с обеими противоположными тенденциями. В чем же заключается диалектика образования симптомов? «Я» рассматриваемого человека находится под давлением некоторого «психического конфликта». Противоречивая ситуация—с одной стороны, влечение, которое жаждет удовлетворения, с другой—воспрещающая или карающая реальность—требует разрешения. «Я» слишком слабо, чтобы не покориться реальности, но и слишком слабо, чтобы покорить влечение. Эта слабость «я», сама уже порожденная предшествующим развитием, в котором образование симптома является только одной из фаз, эта слабость и составляет те рамки, внутри которых разыгрывается конфликт; разрешается же он таким образом, что «я» во имя общественного требования, фактически—чтобы не погибнуть или не быть наказанным—вытесняет влечение. Вытеснение оказывается, стало быть, следствием противоречия, которое не может быть разрешено при условии сознательности влечения. Переход последнего в область бессознательного есть предварительное, хотя и патологическое, разрешение конфликта. Вторая фаза: после вытеснения желания, которое и отрицалось, и утверждалось данным «я», «я» само оказывается измененным, его сознание лишилось одной своей составной части (влечения) и обогатилось другой (временным успокоением). Но в вытесненном состоянии влечение так же мало может отказаться от жажды удовлетворения, как в своем сознательном состоянии, даже, пожалуй, еще меньше, потому что теперь оно не подвержено и контролю сознания. Вытеснение полагает свою собственную гибель, потому что накопляемая благодаря ему энергия влечения прорывается в конце концов в сознание. Новый процесс прорыва вытеснения есть результат противоречия между вытеснением и накоплением энергии желания, как само вытеснение было последствием противоречия между желанием и внешним запретом (при условии слабости «я»). Стало быть, не в том дело, что существует какая-то «тенденция» к образованию симптомов: развитие проистекает, как мы убеждаемся, из противоречий душевного конфликта. Восстановлено ли во второй фазе, после прорыва вытеснения, первоначальное состояние? И да, и нет. Оно восстановлено, поскольку «я» снова во власти влечения; оно не восстановлено, поскольку влечение присутствует те-

перь в сознании в измененном виде, с искаженным обликом, имен-
но как симптом. Последний заключает в себе исходное содержание, т.-е.
влечение, но одновременно и его противоположность, тот отпор, который
ему оказывает «я». Таким образом в третьей фазе (симптом) первоначальные
противоположности об'единены в одном и том же явлении. Это явление есть
отрицание (прорыв) отрицания (вытеснения). Остановимся пока на этом и
продемонстрируем все вышесказанное на одном конкретном примере психо-
аналитического исследования.

Возьмем случай замужней женщины, которая боится, что к ней ворвутся
бандиты и набросятся на нее с ножами. Она не может оставаться одна в ком-
нате, в каждом углу ей чудится свирепый бандит. Анализ приводит к следую-
щему результату:

1-я фаза: психический конфликт и вытеснение.
Пациентка была до замужества знакома с одним человеком, который предло-
жил ее своими предложениями, на которые она охотно бы согласилась, если
бы не была связана морально. Разрешение конфликта она могла оттягивать,
утешаясь мыслью, что выйдет замуж за этого человека позднее, но тот от-
вернулся, и она вышла замуж за другого, при чем, однако, не могла забыть
первого. Мысль о нем волновала ее непрестанно. Однажды она снова повстре-
чалась с ним, и опять в ней возник мучительный конфликт между влечением
к любимому человеку и требованием супружеской верности. На этот раз кон-
фликт оказался невыносимым и безысходным, любовное желание было так же
властно, как моральное требование. Она начала избегать его (отпор) и, нако-
нец, как будто забыла о нем. Но это было не настоящее забвение, а только
вытеснение. Она считала себя исцеленной и сознательно не думала о нем.

2-я фаза: прорыв вытеснения. Через некоторое время у нее
произошла крупная ссора с мужем из-за его флирта с другой женщиной. В
время ссоры она подумала (как это выяснилось гораздо позже): «Если тебе
можно, то глупо с моей стороны не позволять себе того же»; при
этом перед ней промелькнул образ ее первого возлюбленного. Но эта мысль
была слишком опасна, она могла воскресить в ее душе старый конфликт с
всеми его мучениями; и поэтому она не стала сознательно углубляться в эту
мысль; она вытеснила ее снова. Но ночью ею овладел страх, ей вдруг пред-
ставилось, что к ее постели подкрадывается какой-то чужой человек с наме-
рением изнасиловать ее. Влечение прорвалось в ее сознание в искаженном
виде, более того—в виде своей прямой противоположности: вместо влечения
к чужому человеку она испытала страх перед ним. Это искажение сделалось

(3-ья фаза) основой для образования симптома. При анализе самого
симптома мы находим, что образ чужого человека, подкравшегося ночью к
ее постели, явился осуществлением ее вытесненного желания изменить мужу.
(Точный анализ подробно показал, что она, сама того не зная, представляла
себе своего первого возлюбленного: та же фигура, тот же цвет волос и т. д.).
Но в этом же симптоме содержится и отпор—страх перед влечением, обли-
шийся в форму страха перед чужим человеком. Впоследствии боязнь «быть
изнасилованной» исчезла из чувства страха и заменилась боязнью «быть
убитой»: это соответствует дальнейшему искажению содержания симптома,
которое сначала было слишком ясно.

Мы видим на этом примере не только об'единение в одном явлении пер-
воначально противостоящих друг другу моментов, но и превращение одного
явления в другое, противоположное, превращение желания в страх. В этом
превращении сексуальной энергии в страх — одном из первых и наиболее
фундаментальных открытий Фрейда—мы имеем перед собой тот основной
факт, что одна и та же энергия может при различных условиях привести к
диаметрально противоположным результатам.

На нашем примере подтверждается еще и другое опытное положение
диалектики. В новом, т.-е. в симптоме, содержится старое (либидо), и все же
это старое не осталось самим собой, а сделалось чем-то совершенно новым—
страхом. Однако диалектическую противоположность между либидо и стра-
хом можно разрешить еще и другим способом,—именно исходя из противо-
положности между «я» и внешним миром. Но, прежде чем перейти к этому во-
просу, мы покажем на нескольких примерах дальнейшие проявления диалек-
тики в душевной жизни. Переход количества в качество: Вытес-
нение какого-нибудь влечения из сознания или хотя бы только его подав-
ление испытывается до известной ступени как нечто приятное, ибо оно устра-
няет конфликт, но начиная с определенной ступени оно из приятного делается
неприятным. Легкое раздражение такой эрогенной зоны, которая неспособна
к окончательному удовлетворению, приятно; но если раздражение продол-
жается слишком долго, приятное чувство переходит в неприятное.

Диалектическими понятиями (или процессами) являются напряжение
и разряд. Это легче всего показать на половом влечении. Напряжение поло-
вого возбуждения усиливает желание, но в то же время оно ослабляет напря-
жение, давая удовлетворение в процессе раздражения; напряжение есть таким
образом одновременно и разряд. Кроме того, напряжение подготовляет будущий разряд так же, как, например, механическое напряжение часовой пружины подготовляет ее распружинивание. И, наоборот, разряд связан с максимальным напряжением (напр., в половом акте или при волнующем зрелище с его разряжающим напряжением), но он является вместе с тем основой для нового напряжения.

Тезис о тождестве противоположностей можно иллюстрировать на по-
нятиях нарциссовской либидо и об'ективной либидо. По Фрейду любовь
к себе и любовь к об'екту не только противоположны; любовь к об'екту воз-
никает из нарциссовской либидо и всегда может быть снова обращена в нее;
и поскольку в обеих проявляются эротические тенденции, они тождественны;
к тому же они восходят к общему источнику, к соматическому половому
аппарату и к «первичному нарциссизму». — Возьмем далее понятие «созна-
тельного» и «бессознательного»: это — противоположные области, но на
примере навязчивого невроза легко показать, что они могут быть одновре-
менно и противоположны, и тождественны. У больных этого типа вытеснение
представлений из сознания происходит таким образом, что от представления
отвлекается только внимание, только его аффективный тон; «вытесненное»
представление в любой момент сознательно и бессознательно, т.-е. больной
может его вызвать, но не сознает его значения. — Понятия «оно» и «я» тоже
выражают тождественные противоположности: «я» — это, с одной стороны,
только особо дифференцированная часть «оно», но вместе с тем при опре-
деленных условиях «я» становится его противником, его функциональным
антагонистом.

Понятие отождествления соответствует не только некоторому диалек-
тическому процессу, но и тождеству противоположностей. Отождествление
состоит по Фрейду в том, что мы «воспринимаем в себя», скажем, лич-
ность воспитателя, которого одновременно любим и ненавидим, «отожде-
ствляемся» с ним, т.-е. усваиваем себе его свойства или наставления. При
этом отношение к нему как к об'екту обыкновенно исчезает. На место отно-
шения как к об'екту становится отождествление, которое, следовательно, про-
тивоположно первому отношению, отрицает его, но вместе с тем и сохра-
няет его в другой форме и, стало быть, утверждает его. В основе этого кон-
фликта лежит следующее противоречие: «Я люблю X; как мой воспитатель,
он мне очень многое воспрещает, и за это я его ненавижу; я хотел бы уни-
чтожить, устранить его, но в то же время я его люблю и поэтому хочу
сохранить». Из этой противоречивой ситуации, которая при известной

интенсивности противоположных стремлений не может остаться неизменной, выход заключается в следующем: «Я поглощу его, «отождествлюсь» с ним, уничтожу его (т.-е. мое отношение к нему) во внешнем мире, но сохраню его в себе в измененном виде; таким образом он будет уничтожен и в то же время сохранен».

Факты, которые психоанализ охватывает в понятии амбивалентности, одновременного утверждения и отрицания, содержат в себе еще множество диалектических явлений, из которых мы остановимся только на наиболее ярком, на превращении любви в ненависть и наоборот. Ненависть может быть в действительности любовью, и наоборот. Они тождественны, поскольку они создают почву для сильной прилепленности к другому человеку. Перенос в свою противоположность есть свойство, которое Фрейд приписывает влечениям вообще. Но при таком извращении старое не погибает, а остается целиком в своем антитезисе.

Противоположность между извращенностью и неврозом разрешается тем же диалектическим путем, поскольку каждый невроз есть отрицание извращенность, и наоборот.

Превосходным примером диалектического развития может служить вековое вытеснение сексуального момента. У первобытных племен существует резкая противоположность между запретом кровосмешения с сестрой (и матерью) и сексуальной свободой по отношению к другим женщинам. Но ограничение этой свободы постепенно захватывает все более широкий круг; сначала оно распространяется только на двоюродных сестер; потом на всех женщин, принадлежащих к данному роду, наконец, переходит в качественно иное отношение к сексуальности вообще, как это, например, наблюдается в период патриархата и особенно в христианскую эпоху. Но усиленное вытеснение сексуальности вообще порождает свою противоположность в виде того, что в наше время запрет отношений между братом и сестрой для детей фактически отменен. Взрослые, в виду крайней вытесненности сексуального момента из их сознания, вообще ничего не помнят о детской сексуальности, и поэтому теперь сексуальные игры между братом и сестрой не считаются таковыми и встречаются, как нечто весьма обыкновенное, даже в детских самых «порядочных» домов. У первобытных племен брат не может даже взглянуть на свою сестру, в остальном же он сексуально совершенно свободен; цивилизованный человек изживает свою детскую сексуальность в общении с сестрой, вообще же он сексуально связан строжайшими запретами.

Рассмотрим теперь, в какой мере психоанализ вскрыл диалектику душевного также и в области общего развития индивида в обществе. Нам придется при этом рассмотреть два важных вопроса:

во-первых, о том, нельзя ли свести диалектику душевного к первичной противоположности (которая, в свою очередь, должна быть разрешена) между «я» (влечением) и внешним миром; и

во-вторых, о взаимном противоречии и одновременном переходе друг в друга рационального и иррационального рассмотрения индивидуальных данностей.

В первой главе мы уже говорили о том положении фрейдовского психоанализа, что индивид в психическом отношении появляется на свет в виде пучка потребностей и соответствующих им влечений. С этими потребностями он, как общественное существо, немедленно оказывается включенным в общество, и не только в тесный общественный круг семьи, но косвенно, через экономическое положение своих родителей, также в более широкое общественное целое. Выражаясь кратко, можно сказать, что экономическая структура общества вступает, через длинный ряд промежуточных звеньев, как классовую принадлежность родителей, экономические условия семьи, идеологию, отношения между родителями и т. д., — во взаимодействие с биологическим «я» новорожденного. По мере того, как изменяется окружение последнего, изменяется и внешнее воздействие на него. Часть его потребностей удовлетворяется, и постольку царит гармония. Но преобладает все-таки противоречие между инстинктивными потребностями «я» и общественным порядком, представителем которого является, как сказано, семья (а позднее школа). Из этого противоречия возникает конфликт, который приводит к изменению, и именно к изменению психической структуры индивида, как более слабой стороны. Такие порождаемые противоречиями конфликты, которые не могут быть разрешены при неизменности душевной структуры ребенка, возникают ежедневно и ежечасно, и они-то и являются движущим моментом развития. Правда, в психоанализе говорят о задатках, тенденциях развития и т. д., но факты, известные до сих пор из области раннего развития ребенка, говорят лишь в пользу только что описанного диалектического развития, в пользу движения через противоречия со ступени на ступень. Различают ступени развития либидо, говорят, что либидо проходит ряд ступеней, но наблюдение показывает, что ни одна ступень не становится актуальной, пока удовлетворение потребности не оказывается невозможным на предыдущей ступени. Эта невозможность, порождая конфликт в ребенке, и является движущей силой его развития. Мы не будем здесь останавливаться на той части этого развития, которая предопределяется наследственностью. Эта часть, как, напр., особенности эрогенных зон и воспринимающего аппарата, лишь с трудом может быть выделена в чистом виде; она составляет еще весьма темную область биологического исследования, и вопрос о природе ее диалектики не относится ближе к нашей теме. Мы, конечно, должны считаться с этим моментом, но здесь мы можем ограничиться общей формулой Фрейда, гласящей, что в развитии ребенка в равной мере участвует врожденная структура влечений и характер переживаний.

Среди переживаний важную роль в качестве движущей силы развития играет на ряду с удовлетворением влечений и невозможность их удовлетворения. Противоречие между «я» и внешним миром превращается в конце концов во внутреннее противоречие: под давлением внешнего мира в психическом аппарате образуется тормозящий орган—«сверх-я». То, что первоначально было страхом перед карой, становится моральной сдержкой. Конфликт между влечением и внешним миром становится конфликтом между «я» и «сверх-я». Мы, однако, не забываем при этом, что оба «я» материальны по своей природе, но первое вырастает непосредственно из органической почвы, а второе возникает в нем в конечном счете из-за инстинкта самосохранения. Инстинкт самосохранения (нарциссизм) ограничивает сексуальное влечение и агрессивность. Таким образом две основные потребности, которые в младенческой стадии, а во многих ситуациях и позже, образуют единство, вступают в противоречие друг с другом и через ряд конфликтов толкают вперед развитие индивида, — и все это не только в условиях его общественной связанности, а буквально через посредство этой последней. Если внутренний и внешний конфликты определяют развитие в самом общем виде, то общественное бытие наполняет как цели влечений, так и моральные сдержки соответствующими представлениями и содержаниями. Психоанализ может поэтому полностью подтвердить положение Маркса, что «сознания», т.-е. представления, цели влечений, моральные идеологии и т. д., определяются общественным бытием, а не наоборот. Он только еще обогащает это марксово положение конкретным содержанием в отношении развития ребенка. Но это не исключает того, что как соматически обусловленная интенсивность потребностей, так и качественные различия развития, определяются аппаратом влечений. Тут нет никакого «идеалистического уклона», как меня уверяли в спорах об этом вопросе некоторые марксисты, а есть полное соответствие с марксовым тезисом, что люди сами творят свою историю, но только

при определенных предпосылках и условиях общественного характера. Энгельс в одном письме решительно отмежевывается от того взгляда, будто производство и воспроизводство материальной жизни есть единственный определяющий момент в развитии идеологий; согласно его точке зрения, этот момент является определяющим только в конечном счете [1].

В переводе на социологический язык центральный тезис Фрейда о значении эдипова комплекса для развития индивида означает только то, что это развитие определяется общественным бытием. Человеческие задатки и влечения, эти пустые формы, которые должны наполниться общественным содержанием, проходят через горнило отношений (общественных) к отцу, матери и воспитателям и лишь после этого приобретают свою окончательную форму и свое содержание.

Диалектика душевного развития проявляется не только в том, что каждый отдельный конфликт, в зависимости от соотношения противоборствующих сил, может дать противоположные результаты, но и в том, что, как показывает клинический опыт, определенное свойство характера может перейти в результате соответствующего конфликта в свою прямую противоположность, уже имевшуюся в зародыше при первой попытке разрешения конфликта. Жестокий ребенок может стать впоследствии самым сострадательным человеком, при чем, однако, тщательный анализ мог бы вскрыть и в этом сострадании следы старой жестокости. Ребенок, любящий копаться в грязи, может переродиться в педанта опрятности, назойливо любопытный ребенок — в болезненно деликатного человека. Чувственность легко переходит в аскетизм. И именно чем интенсивнее выражено данное свойство, тем легче переходит оно при соответствующих условиях в свою противоположность (образование реакций).

Однако, с другой стороны, в ходе развития старое не исчезает целиком в новом. Между тем как одна часть данного свойства преобразуется в свою противоположность, другая часть продолжает сохраняться, хотя и претерпевает с течением времени формальные изменения вследствие общего изменения личности. Фрейдовское понятие повторения, играющее важную роль в психологии душевного развития, оказывается при ближайшем рассмотрении насквозь диалектичным. В самом деле, повторное всегда есть одновременно и старое, и вполне новое — старое в новом обличии или в новой функции. Мы это уже видели на примере симптома. Так же обстоит дело и с сублимированием. Когда ребенок, с удовольствием возившийся в испражнениях, начинает потом с таким же удовольствием строить башни из мокрого песка, а выросши проявляет особый интерес к строительному делу, то во всех этих трех фазах сохраняется старое, хотя и в различных формах. Другим примером может служить история развития хирурга или врача-гинеколога: первый сублимирует свои садистские наклонности, второй — свою инфантильную страсть подглядывать и щупать. Судить о правильности этих наблюдений есть дело не методологической, а исключительно только эмпирической критики. Кто не проанализировал ни одного хирурга, тот ничего не может возразить против нашего утверждения. Но он может сделать одно важное методологическое возражение: он может указать на зависимость деятельности человека от экономических условий. Однако психоанализ и утверждает только то, что в каждой деятельности действуют те или другие силы. На ряду с этим суб'ективным позывом форма сублимирования, конечно, обусловлена чисто-экономическими фактами, ибо сублимирует ли человек свой садизм как скотобоец, как хирург или как сыщик, это решается прежде всего его общественным положением. Общественные причины могут так

[1] «Если кто извратит это в том смысле, что экономический момент является единственно определяющее, то он превратит наш тезис в пустую, абстрактную, нелепую фразу». Engels Brevier, Вена 1920 г., стр. 124

сделать сублимирование невозможным, — тогда возникает недовольство общественно навязанной профессией. Необходимо далее поставить методологический вопрос о том, как сочетается бесспорно рациональный характер человеческой деятельности с ее столь же бесспорно иррациональным смыслом. Ведь техник строит, хирург режет, женский врач исследует больных женщин, чтобы иметь средства к жизни, т.-е. в силу экономических рациональных причин. К тому же труд есть общественный и, следовательно, вполне рациональный фактор. Как это примирить с утверждением психоанализа, что работающий сублимирует в своей деятельности некоторое влечение и таким способом удовлетворяет его? Есть психоаналитики, не придающие должного значения рациональному характеру человеческой деятельности. У них можно подметить склонность к утверждению, что в продуктах человеческой деятельности не содержится ничего, кроме удовлетворения влечений и их проекций. Против таких взглядов один психоаналитик как-то в шутку заметил, что хотя дирижабль и символ мужского полового органа, но на нем все-таки можно перелететь из Берлина в Вену.

Проблематика отношений между рациональным и иррациональным [1] выясняется из следующего примера. Обработка земли с помощью орудий и ее обсеменение имеет своей целью, как с общественной, так и с индивидуальной точки зрения, производство средств существования. Но эти операции приобретают также символический смысл, они символизируют кровосмешение с матерью («мать-земля»). Рациональное притягивает к себе символическое, наполняется символическим смыслом. Отношение рациональной деятельности к ее иррациональному символическому смыслу дано в ритмике обеих функций — в проникновении некоего орудия в некое вещество, в обсеменении и в появлении плода, как результата этого процесса. Символика таким образом вполне оправдана. То, что на первый взгляд кажется бессмысленным, имеет внутренний смысл, символика имеет реальную подоплеку в том обстоятельстве, что и мать, подобно земле, приносит плод только после обработки соответствующим орудием (фаллический символ). Водружение фаллосов на возделанных полях с целью повышения их плодородности — об'ективно бессмысленное действие магического характера, практикуемое многими первобытными народами, — проливает свет на одну сторону отношения между рациональным и иррациональным: тут перед нами магическая попытка легче и полнее добиться определенной цели с помощью иррациональных средств. Но при этом не забывают и о рациональном действии — в нашем случае о распашке и обработке земли. И тот элемент в земледелии, который, как символический, является иррациональным (символ полового сношения), сам по себе осмыслен и целесообразен; он служит для удовлетворения сексуальной потребности, как засевание земли служит инстинкту самосохранения. Мы таким образом снова убеждаемся, что не существует абсолютных противоположностей, что и противоположность рационального и иррационального может быть диалектически разрешена.

Тот диалектический факт, что в рациональном содержится иррациональное, и наоборот, нуждается в более подробном рассмотрении. Тут нам могут притти на помощь клинические наблюдения психоанализа. Они показывают, что общественно целесообразные действия человека могут приобретать символический смысл, но что это не обязательно. Точно так же и увиденные, например, во сне нож или дерево могут быть символами мужского полового органа, но могут и не быть ими: возможно, что имеется в виду именно реальный нож или реальное дерево. А когда они являются во сне, как символы, это вовсе еще не исключает их рационального смысла, ибо при

[1] Под «рациональным» мы здесь все время разумеем осмысленное и целесообразное, под «иррациональным» — бессмысленное, нецелесообразное.

аналитическом исследовании вопроса, почему мужской орган представляется
именно в виде дерева или ножа, а не, скажем, палки, часто бывает возможно
найти рациональное об'яснение. Так, одна больная, страдавшая нимфоманией, мастурбировала с помощью ножа, который несомненно символизировал
мужской орган; но выбор ножа был обусловлен тем, что ее мать бросила
в нее однажды ножом и при этом поранила ее. Онанируя, больная находилась
во власти той мысли, что она должна погибнуть от ножа. Действие, ставшее
потом иррациональным, было вначале вполне рационально, поскольку оно
служило удовлетворению половой потребности. Из этих примеров мы видим
и могли бы показать на ряде других, что все, представляющееся в данный
момент иррациональным, имело в свое время рациональный смысл. Всякий
симптом, будучи сам по себе иррациональным, оказывается осмысленным
и целесообразным при аналитическом вскрытии его происхождения. Итак,
мы приходим к выводу, что всякое детски-инстинктивное действие, вызываемое рациональным стремлением к приятному, становится иррациональным действием, будучи вытеснено, или испытав аналогичную судьбу. Рациональное является таким образом первичным.

Возьмем хотя бы конструирование машины. Мы находим здесь иррациональные моменты, скажем, символическое удовлетворение какого-нибудь
бессознательного желания. Это значит, что в процессе сублимирования
какое-нибудь влечение, которое когда-то в детстве было рационально на-
правлено на свой предмет, было затем воспитанием отвлечено от этой перво-
начальной цели и переведено на другую. Но как только произошел отказ
от реального достижения первоначальной цели, продолжающей, однако, сохра-
няться в фантазии, так стремление к ней сделалось иррациональным. Если
в процессе сублимирования влечение находит новую цель, то старое, ставшее
иррациональным, стремление смешивается с новым, рациональным действием
и приобретает значение его иррационального обоснования. Покажем это
схематически на примере сексуального любопытства, изживаемого впослед-
ствии, напр., в деятельности врача.

1-я фаза: Сексуальное любопытство рационально устремлено к рас-
сматриванию обнаженного тела и половых органов. Рациональная цель —
удовлетворение любопытства.

2-я фаза: Невозможность прямого удовлетворения, инстинкт остается
неудовлетворенным, стремление становится в условиях данного
общественного бытия иррациональным.

3-я фаза: Влечение находит себе новое поле деятельности, именно
материальные точки соприкосновения с первоначальным. Человек становится
врачом и опять рассматривает обнаженные тела и половые органы, как когда-
то в детстве. Он делает таким образом то же, и все-таки нечто совсем дру-
гое. Поскольку он делает то же, что в детстве, поскольку его деятельность
соприкасается с его детскими переживаниями, она в данный момент лишена
всякого смысла; поскольку же она относится к его настоящей общественной
функции, она вполне осмыслена.

Но это значит, что вопрос о том, является ли данная
деятельность рациональной или иррациональной, реша-
ется ее общественной функцией; превращение какого-либо
действия из рационального в иррациональное, и наоборот, зависит и от обще-
ственного положения индивида в данный момент. Одно и то же действие
врача, будучи бессмысленным в его врачебном кабинете, приобретает смысл
в его личной жизни, напр., во время эротического акта, и наоборот — осмы-
сленное там становится бессмысленным в личных отношениях.

Все высказанное дает нам право считать, что благодаря своему
методу, вскрывающему инстинктивные корни общественной деятельности

индивида, и благодаря своей диалектической теории влечений психоанализ призван подробно раз'яснить психическое выявление производительных сил в обществе, т.-е. образование идеологий «в голове человека». Между обоими конечными пунктами — экономическим строем общества и идеологической надстройкой, причинная связь которых установлена в общем виде материалистическим пониманием истории, — психоаналитическое исследование психологии общественного человека вставляет ряд промежуточных звеньев. Психоанализ в состоянии показать, что экономическая структура общества не прямо превращается в идеологию «в голове человека», но что потребность в пище, зависящая в своих проявлениях от данных экономических условий, видоизменяет функции гораздо более пластичной сексуальной энергии и что это общественное воздействие, ограничивая цели полового влечения, вводит в общественный трудовой процесс все новые производительные силы в форме сублимированной либидо— отчасти прямо в форме рабочей силы, отчасти в форме более сложных продуктов сексуальной сублимации, каковы религия, мораль вообще и половая мораль в частности, наука и т. д. Таким образом психоанализ осмысленно включается в материалистическое понимание истории во вполне определенном, надлежащем пункте, — именно там, где возникают психологические проблемы, на которые указывает положение Маркса, гласящее, что материальное бытие превращается в голове человека в идеи. Следовательно, в процессе общественного развития метаморфозы половой энергии являются вторичными, зависимыми от него, хотя они в свою очередь оказывают на него решающее влияние, поскольку сублимированная либидо становится источником производительной силы.

Но если эволюция либидо есть вторичное явление, то мы должны поставить вопрос об историческом значении эдипова комплекса. Мы видели, что психоанализ понимает, хотя и бессознательно, все душевные процессы диалектически, только эдипов комплекс представляется в психоаналитической теории каким-то неподвижным полюсом среди потока явлений. Это может проистекать из причин двоякого рода. Во-первых, эдипов комплекс может пониматься внеисторично, как неизменный и неизменяемый факт человеческой природы. Но, во-вторых, возможно и то, что порождающая нынешний эдипов комплекс форма семьи действительно сохранилась в сравнительно неизменном виде в течение тысячелетий. На первой точке зрения стоит, повидимому, Джонс [1]), который в споре с Малиновским [2]) об эдиповом комплексе при матриархальном строе назвал эдипов комплекс «началом и источником» («fons et origo») всего. Такой взгляд бесспорно идеалистичен, ибо считать вскрытые в наше время отношения ребенка к отцу и матери чем-то вечным, неизменно сохраняющимся во всяком обществе, можно только при убеждении в неизменности общественного бытия. Увековечивать эдипов комплекс значит признавать абсолютной и вечной ту форму семьи, из которой он возникает, а это равносильно мнению, что человечество от природы таково, каким мы его знаем сейчас. Наличие эдипова комплекса приходится предположить для всех форм патриархального общества, но в эпоху матриархата отношение детей к родителям, как показывают исследования Малиновского, носит настолько отличный характер, что там уже едва ли можно говорить об эдиповом комплексе. По Малиновскому, эдипов комплекс есть социологически обусловленный факт, форма которого изменяется вместе с общественным строем. Эдипов комплекс должен исчезнуть в социалистическом обществе, потому что тогда исчезнет, потерявши всякий смысл, его

[1]) Imago, 1928 г.
[2]) Sex and Repression in Savage Society.

общественная база — патриархальная семья. Будущее коллективное воспитание, как мы его себе представляем, так неблагоприятно для образования душевных установок, характерных для современных детей, взаимоотношения детей друг с другом и с воспитателями будут настолько разносторонни и гибче, что уже нельзя будет говорить об «эдиповом комплексе», каковой термин в точности обозначает влечение к матери и желание убить соперника-отца. Распространить ли этот термин и на реальное кровосмешение, как оно существовало в первобытной древности, или же ограничить его употребление подавленной тягой к кровосмешению и соперничеством с действительным отцом, — это уже чисто-терминологический вопрос.

Всем сказанным об эдиповом комплексе истинность одного из основных положений психоанализа не отменяется, а лишь ограничивается областью определенных общественных форм. В то же время это показывает, что эдипов комплекс есть явление, которое по крайней мере в своих внешних формах обусловлено общественным (в конечном счете экономическим) моментом. При существующих среди этнографов разногласиях вопрос о происхождении сексуального вытеснения пока еще не может быть разрешен. Фрейд, который в своей работе «Тотем и табу» опирается на дарвиновскую теорию первобытной орды, считает эдипов комплекс причиной сексуального вытеснения. Но при этом явно не учитывается факт матриархального строя. На основании исследований Бахофена—Моргана—Энгельса оказывается, наоборот, возможным истолковать эдипов комплекс, или лежащую в его основе форму семьи, как последствие начавшегося сексуального вытеснения. Как бы то ни было, во всяком случае психоанализ сам отнял бы у себя почву для дальнейших изысканий в области социологии и педагогики, если бы он стал отрицать применимость диалектики к эдипову комплексу — диалектики, которую он сам же открыл в душевной жизни человека.

III. Психоанализ с социологической точки зрения.

Переходя к психоанализу, как к об'екту социологического исследования, мы встречаемся со следующими вопросами:

1. Каким социологическим фактам обязан психоанализ своим происхождением? Каков его социологический смысл?
2. Каково его положение в современном обществе?
3. Какова задача психоанализа при социализме?

1. Подобно всякому другому общественному явлению, и психоанализ связан с определенной ступенью общественного развития, возникает при определенном состоянии производственных отношений. Психоанализ есть так же, как марксизм, продукт капиталистической эпохи, только он не связан так непосредственно с экономической базой общества. Но его косвенная связь с этой базой совершенно ясна: он представляет собой реакцию против идеологической надстройки, против культурных и моральных условий, в которых живет общественный человек. Прежде всего это относится к сексуальным условиям, выработавшимся из церковной сексуальной идеологии средневековья. Буржуазная революция XIX века в значительной мере смела феодальный способ производства и обрушилась со своими вольнолюбивыми идеями на религию и ее моральные законы. Разрыв с религиозной моралью подготовлялся уже во время французской революции; буржуазии казалось, таила в себе ростки новой, анти-церковной морали вообще и половой морали в частности. Но как только буржуазия укрепила свою власть и капиталистическое хозяйство, она тотчас же стала реакционной и рецепировала церковь, в которой она нуждалась для подавления возникшего тогда временем пролетариата, и вместе с тем она рецепировала в несколько измененной форме, но по существу все ту же церковную половую мораль. Осуждение чувственности, единобрачие, требование целомудрия от девушки и в связи с этим распыление мужской сексуальности, — все это приобрело только новый экономический смысл, на этот раз — капиталистический. Буржуазия, низвергнувшая феодализм, переняла в значительной мере феодальные бытовые и культурные навыки; она старалась оградить себя от «народа» своей особой моралью и стесняла, таким образом, все больше стихийные половые потребности. В буржуазном классе половая свобода, в силу экономических соображений, совершенно изгнана до брака, и молодые мужчины ищут поэтому полового удовлетворения у пролетарских женщин и девушек. Отсюда и из антагонизма классовых идеологий возникает повышенное требование целомудрия от буржуазной девушки; двойная сексуальная мораль вырастает снова на капиталистической основе. В порочном кругу этой двойной сексуальной морали разлагается сексуальность мужчины и умерщвляется сексуальность женщины. Женщина, в результате всего своего развития, остается и в браке внутренно «целомудренной», т.-е. холодной, непривлекательной, даже отталкивающей; а это в свою очередь укрепляет двойную мораль, заставляя мужчину и впредь искать удовлетворения у пролетарской женщины, к которой он относится с классовым презрением, и в то же время выставлять напоказ свою безупречную «нравственность». Он внутренно тяготится своей супругой, но во вне изображает совсем другие чувства и внедряет свою идеологию в своих детей. Однако длительное сексуальное вытеснение и унижение диалектически превращается в фактор, разлагающий институт брака и идеологию половой морали. Наступает первый этап крушения буржуазной нравственности: грозно увеличивается число душевных заболеваний. Официальная наука, сама в плену у сексуального вытеснения, отвергает сексуальность, как предмет исследования, и смотрит сверху вниз на поэта и писателя, которых этот жгучий вопрос занимает все сильнее и сильнее. Душевные заболевания, истерию и общую нервозность, которые усиливаются с каждым днем, официальная наука об'являет «воображением», результатом переутомления. Но вот в конце XIX века происходит реакция против плененной буржуазной моралью науки и наступает вторая, научная стадия нисхождения буржуазной морали внутри самого буржуазного класса: появляется ученый, который утверждает, что современная нервозность есть последствие культурной сексуальной морали [1]), что неврозы вообще суть по существу сексуальные заболевания, вызванные чрезмерным стеснением половой свободы. Этого ученого, Фрейда, подвергают опале, предают научной анафеме, об'являют шарлатаном. Он отстаивает свою точку зрения в полном одиночестве, в течение десятилетий никто не откликается на его слова. В эти годы рождается психоанализ—ужас и мерзость в глазах всего буржуазного мира, а не одной только науки, ибо он подкапывается под сексуальное вытеснение, являющееся одним из главных столпов многих консервативных идеологий (религии, морали и т. д.). Он возникает, как общественное явление, как раз в такое время, когда в самом буржуазном лагере начинают появляться и другие признаки революционного движения против традиционных идеологий. Буржуазная молодежь протестует против буржуазного родительского дома и создает свое собственное «движение молодежи», тайный смысл которого в стремлении к половой свободе; но, не примкнувши к пролетарскому движению, оно вскоре гибнет, потеряв всякое значение после частичного достижения своей цели. В либеральной буржуазной печати снова раздаются энергичные голоса против церковной опеки. Буржуазная литература становится все более вольнолюбивой в вопросах

[1]) Фрейд, Die «kulturelle» Sexualmoral und die moderne Nervosität, и далее его работы по теории неврозов.

морали. Но все это движение, отчасти сопровождавшее выступление психоанализа, отчасти предшествовавшее ему, замирает, как только дело становится серьезным; никто не решается додумать вопрос до конца, сделать необходимые выводы; экономический интерес первенствует и приводит даже к союзу между буржуазным либерализмом и церковью.

Как марксизм социологически выражает собою осознание законов экономического хозяйства, эксплоатации большинства меньшинством, так психоанализ выражает осознание общественного сексуального вытеснения. В этом важнейший общественный смысл фрейдовского психоанализа. Но необходимо отметить одно существенное различие. Тогда как эксплоататоры и эксплоатируемые принадлежат к двум разным классам, сексуальное вытеснение охватывает оба класса. Исторически, с точки зрения истории человечества, оно даже древнее, чем эксплоатация одного класса другим. Но количественно оно не одинаково сильно в обоих классах. В период зарождения пролетариата, на заре капитализма, среди пролетариев не было, судя по сообщениям Маркса в «Капитале» и Энгельса в «Положении рабочего класса в Англии», почти совсем никакого ограничения или вытеснения сексуальности. Форма сексуальной жизни пролетариев определялась только их отчаянным социальным положением, как мы это видим, напр., и сейчас среди «люмпен-пролетариата». Но по мере развития капитализма, когда господствующий класс вступил в своих собственных интересах на путь социально-политических мероприятий по «обеспечению» рабочих, началось заражение пролетариата буржуазной идеологией, все более усиливающейся в наши дни. Благодаря этому сексуальное вытеснение проникло также в пролетариат, хотя здесь оно и не достигло таких размеров, как, напр., среди мелкой буржуазии, которая роялистичнее самого короля и придерживается моральных принципов своего кумира, крупной буржуазии, еще строже, чем сама крупная буржуазия, внутренно давно уже порвавшая со своей моралью.

От отношения буржуазии к сексуальному вытеснению (или к отказу от него) зависит и судьба психоанализа в буржуазном обществе.

2. Может ли буржуазия примириться с психоанализом, не терпя от этого ущерба? Ставя этот вопрос, мы, конечно, предполагаем, что положения и выводы психоанализа не притупляются, и он не теряет, незаметно для своих собственных представителей, всякую глубину.

Сам творец психоанализа не предвидел для своей теории ничего хорошего в будущем. Он думал, что люди так или иначе уничтожат его открытие, потому что не смогут вынести их тяжести. При этом он явным образом думал только об одной половине общества, о буржуазии; пролетариат пока еще ничего не знает о психоанализе. И если мы не можем сказать, как отнесется к психоанализу пролетариат, то у нас достаточно данных для суждения о том, как к нему относится буржуазия.

Отрицательное отношение к психоанализу непосредственно связано с общественным значением сексуального вытеснения. Но во что превращается психоанализ в руках буржуазии, поскольку она не просто проникает его? Мы имеем, с одной стороны, науку, прежде всего психологию и психиатрию, а с другой—широкую публику. К обеим применимо то, что однажды в шутку высказал Фрейд: неясно, — заметил он, — принимали ли психоанализ для того, чтобы его сохранить, или для того, чтобы разрушить.

И, действительно, то, во что превращается психоанализ в руках или, вернее, в головах людей, лишенных истинного психоаналитического образования, весьма мало похоже на творение Фрейда. С положением о сексуальности они согласны, но вот только эти преувеличения... и куда же девалось этическое в человеке? Анализ, конечно, нужен, но... синтез не менее необходим. А когда Фрейд стал настраивать над своей теорией сексуальности психологию «я», ученый мир облегченно вздохнул: наконец-то Фрейд начинает ограничивать свои нелепые парадоксы, наконец-то освобождается место для «высшего» в человеке и вообще для морали... И вскоре все заговорили об идеалах личности, а сексуальность свелась, согласно ходячей формуле. к «самоочевидной предпосылке». Стали говорить о новой эре в психоанализе, о «возрождении»... Словом, психоанализ был приспособлен к требованиям хорошего общества.

Не менее печальную, но еще более отвратительную картину представляет собою отношение широкой публики. Под давлением буржуазной половой морали психоанализ сделался модным орудием удовлетворения похоти. Профаны аналитически об'ясняют друг другу свои комплексы, в гостиных беседуют за чашкой чая о символизме сновидений, спорят о психоанализе, решительно ничего не понимая в нем и только потому, что речь идет о сексуальности. Один восхищается грандиозной «гипотезой» Фрейда, другой, не менее невежественный суб'ект, убежден, что Фрейд—шарлатан и его теория—мыльный пузырь: «можно ли так односторонне преувеличивать значение сексуальности, как будто не существует ничего другого, высшего?»—при чем, однако, сам «критик» только и говорит, что о сексуальности. Так обстоит дело вне психоаналитических кругов.

А внутри этих кругов? Один психоаналитик отпадает за другим, не выдерживая напора сексуального вытеснения. Юнг ставит вверх ногами всю теорию психоанализа, превращает ее в религию, в которой о сексуальности уже нет и помину. Точно так же у Адлера сексуальное вытеснение приводит к тезису, что сексуальность есть лишь форма проявления воли к власти, а тем самым к отказу от психоанализа и к созданию этической общины. Ранк, когда-то один из даровитейших учеников Фрейда, растворяет понятие либидо в психологии «я» и приходит таким образом к теории утробной и родовой травмы и в конечном счете к отрицанию существеннейшего содержания психоаналитических открытий. Всюду мы видим восстание сексуального вытеснения против психоанализа. С момента появления «Das Ich und das Es» почти перестали говорить о либидо, все учение о неврозах стараются перечеканить в термины психологии «я», истинный научный подвиг Фрейда усматривают в открытии бессознательного чувства вины.

В области терапии неврозов, где требуется применить насквозь революционную теорию к человеку, живущему в капиталистическом обществе, склонность к компромиссам и к капитуляции перед буржуазной половой моралью проявляется особенно ярко. Общественное бытие психоаналитика не позволяет ему открыто высказать мысль о несовместимости нынешней половой морали, брака, буржуазной семьи, с радикальным психоаналитическим лечением неврозов. С одной стороны признают, что семейный быт безотраден, что окружение больного является обыкновенно сильнейшим препятствием для его исцеления, но в то же время не решаются, по вполне понятным причинам, сделать отсюда соответствующие выводы. И в результате получается, что под принципом реальности, под приспособлением к реальности сплошь да рядом понимают не пригодность для действительной жизни, а полное подчинение тем же самым общественным требованиям, которые породили невроз. Как это должно отзываться на практическом применении психоанализа к лечению неврозов, ясно само собой.

Так современный капиталистический строй удушает психоанализ извне и изнутри. Фрейд прав: созданная им наука погибает, но—прибавим от себя — она погибает в буржуазном обществе. Если она не приспособится к нему, ее гибель неизбежна; если же приспособится, то умрет тою же смертью, какой умер марксизм среди реформистских социалистов—смертью

от потери всякой глубины, прежде всего от разрыва с теорией либидо. Официальная наука будет попрежнему игнорировать психоанализ, потому что в своей классовой связанности она не может принять его. Психоаналитики, глядящие оптимистически на распространение психоанализа, тяжко заблуждаются. Именно это распространение и свидетельствует о его начинающейся гибели.

Так как психоанализ, в своем подлинном осуществлении, подрывает буржуазные идеологии и так как, с другой стороны, социалистическая экономика является основой для свободного развития интеллекта и сексуальности, то психоанализ может иметь будущее только при социализме.

3. Мы видели, что психоанализ не может развить из самого себя никакого мировоззрения, а следовательно, и не может заменить собою таковое, но он приносит с собою переоценку ценностей, он разрушает в своем практическом применении религию и буржуазную половую идеологию и освобождает сексуальность в отдельных людях. Но именно в этом и состоят идеологические функции марксизма. Марксизм опрокидывает старые ценности с помощью экономической революции и материалистического мировоззрения, психоанализ делает или мог бы сделать то же самое с помощью психологии. Но так как в буржуазном обществе он обречен на социальную бездейственность, то это его действие может обнаружиться т о л ь к о п о с л е п о б е д ы с о ц и а л ь н о й р е в о л ю ц и и. Иные психоаналитики думают, что психоанализ может преобразовать мир эволюционным путем и заменить собою социальную революцию. Это утопия, проистекающая из полнейшего незнакомства с экономическим и политическим бытием.

Будущее социальное значение психоанализа проявится, как нам кажется, в трех областях:

1. В области и с с л е д о в а н и я п е р в о б ы т н о й и с т о р и и ч е л о в е ч е с т в а, как вспомогательной науки в рамках исторического материализма. Первобытная история, сгущенная в мифах, в фольклорных обычаях и нравах современных первобытных племен, методологически недоступна для марксовой социологии. Но работа в этой области может стать успешной только тогда, когда психоаналитики пройдут основательную социологическую и экономическую школу и когда индивидуалистический и идеалистический взгляд на общественное развитие будет окончательно сдан в архив.

2. В области д у ш е в н о й г и г и е н ы, которая может расцвести только на почве социалистического хозяйства. На основе упорядоченного хозяйства может быть поднят вопрос и об упорядоченной э к о н о м и к е л и б и д о в душевном обиходе, о чем при буржуазном строе не может быть и речи для широких масс, а разве только для отдельных индивидов. Только при новых условиях индивидуальная терапия неврозов найдет себе надлежащее применение.

3. В области в о с п и т а н и я д е т е й, как психологическая основа социалистического воспитания. Здесь психоанализ с его богатым знанием душевного развития ребенка является прямо незаменимым. В буржуазном обществе психоанализ, как вспомогательная дисциплина педагогики, обречен в лучшем случае на бесплодие. Так как при буржуазном строе всякое другое воспитание, кроме буржуазного, практически невозможно, то до социальной революции психоаналитическая педагогика может применяться только в духе требований буржуазного общества. Психоаналитические педагоги, пытающиеся изменить это общество, оставаясь в его рамках, окажутся в конце концов в положении того священника, который посетил лежавшего на одре смерти неверующего страхового агента с целью обратить его в веру, а кончил тем, что только застраховался у него. Общество сильнее, чем стремления его о т д е л ь н ы х членов.

Фрейдизм, социология, психология.

(По поводу статьи В. Рейха «Диалектический материализм и психоанализ»).

И. Сапир.

I. Предварительные замечания.

Дискуссия об оценке фрейдизма, развернувшаяся несколько лет тому назад на страницах наших журналов, была достаточно богата как по количеству выступлений, так и по об'ему приведенной в ней аргументации. Центральные пункты фрейдова учения были в ней выявлены с необходимой ясностью, показана также несовместимость с марксизмом социологических и философских выводов из этого учения — все равно формулируются ли эти выводы самими последователями Фрейда, или они с логической неизбежностью вытекают из самой сердцевины фрейдизма. Естественно, что в процессе критики фрейдизма не осталась незатронутой и индивидуально-психологическая часть этого учения, т.-е. психоанализ в собственном смысле этого слова.

Есть, однако, два обстоятельства, ради которых можно считать целесообразной постановку на дополнительное обсуждение некоторых вопросов, связанных с фрейдизмом. Первое из них заключается в том, что итоги указанной выше дискуссии, губительные для фрейдизма к а к с и с т е м ы, еще, повидимому, далеко не осознаны рядом искренних поборников диалектического материализма, не столько у нас, сколько, главным образом, за границей. К числу последних мы позволяем себе отнести, напр., В. Р е й х а, автора статьи «Диалектический материализм и психоанализ», и рассматриваем эту статью, как явное доказательство только что сделанного утверждения. В странах капитализма влияние психоанализа продолжает оставаться попрежнему сильным, и притом не только в области психологии и психиатрии, но также и в ряде общественно-исторических и философских дисциплин. Было бы странным, если бы это влияние не распространялось и на наших заграничных товарищей по идеологии, мешая им в короткий срок преодолеть на основе этой идеологии искажения, вносимые фрейдизмом в психологию, социологию и философию.

Другое обстоятельство в большей мере связано с существом самой проблемы. Как ни значителен был оставленный позади этап дискуссии, некоторое количество вопросов осталось в нем недостаточно освещенным. Некоторые из этих вопросов затронуты в уже упомянутой статье В. Р е й х а, и ответ на них, необходимый сам по себе, должен быть естественно связан с разбором этой статьи. Что эти проблемы могут быть успешно рассмотрены лишь в тесной связи с основными моментами фрейдова учения,— едва ли подлежит сомнению.

Статья В. Р е й х а является в высокой степени подходящей основой для содержательного обсуждения главных положений фрейдизма. Убежденный последователь Фрейда, непосредственный практический работник в области психоанализа, В. Р е й х дает в своей статье чрезвычайно выпук-

лое изложение основ фрейдизма, договаривая с достаточной смелостью то, что обычно либо не совсем ясно осознается, либо сознательно затушевывается представителями «фрейдо-марксизма» у нас, в СССР. Острота проблемы и интерес ее обсуждения только возрастают благодаря тому, что В. Рейх пытается облачить фрейдизм в диалектические одежды. Эта попытка в статье В. Рейха делается, — в этом ему нельзя отказать, — с большим искусством и знанием дела. Лучше, чем кто-либо другой из его предшественников, он использует максимум возможных аргументов для достижения поставленной себе цели. И если при наличии даже и таких данных эта цель — как будет видно из дальнейшего — оказалась недостигнутой, то это обстоятельство уже само по себе является одной из лучших иллюстраций того, что в самом существе подобных попыток заложен источник их неудачи.

В. Рейх начинает с выражения недовольства по поводу того, будто критики фрейдизма вменяют этому учению в вину антимарксистские выступления некоторых последователей Фрейда, тогда как, по его мнению, эти выступления не имеют ничего общего с духом психоанализа. Он дезавуирует Кольная и де-Мана, выступивших с нелепыми выпадами против большевизма и с апологией реформизма на основе аргументов от психоанализа. Он признает вполне справедливой уничтожающую критику, которой были подвергнуты выступления этих «ученых» со стороны тт. Юринца и Деборина, но предостерегает от распространения этой критики на все учение Фрейда—логическую базу этих выступлений. Мы еще увидим ниже, в какой действительной связи с фрейдизмом находятся выступления, подобные только что упомянутым. Здесь же следует подчеркнуть, что само по себе требование В. Рейха вполне законно: разбирая любую теорию, мы обязаны исходить из ее основных принципов, не придавая особого значения тем ошибкам и промахам, которые из этих принципов не вытекают. С такой точки зрения отходит на задний план и вопрос о том, кто является автором этих ошибок, сам ли основоположник теории или его незадачливые последователи. Если теория верна и плодотворна, то ошибки ее поборников, кто бы они ни были, следует вскрывать таким образом, чтобы теория не терпела ущерба, а, наоборот, получила новый толчок в своем развитии. Согласиться с правильностью этих положений еще отнюдь не означает, что в данном случае справедливы полуупреки, направленные В. Рейхом по адресу критиков работ Кольная и де-Мана. В. Рейх должен предварительно показать, что речь действительно идет о верной и плодотворной теории. А это—задача далеко не из легких там, где речь идет о марксистском истолковании фрейдизма. Но перед тем, как показать бесплодность усилий В. Рейха в этом направлении, мы хотели бы обратить внимание на обоюдоострый характер его требований. Каждая ошибка т. Рейха, если она связана с «духом» психоанализа, должна быть отнесена не только к промахам т. Рейха, но и в пассив того учения, которое он взялся защищать.

II. Пределы компетенции психоанализа.

Какой отрезок действительности является об'ектом психоаналитического изучения? Отчетливый ответ на этот вопрос обязателен для обоснований оценки разбираемой теории. В. Рейх формулирует свой ответ следующим образом. «По определению его творца, психоанализ есть не что иное, как психологический метод, пытающийся естественно-научным способом описать и об'яснить душевную жизнь как особую область природы» [1]). И дальше: «Подлинным предметом психоанализа является душевная жизнь общественного человека». Эти формулировки достаточно определенны: круг явлений, подлежащих ведению психоанализа, очерчен в них вполне отчетливо. Из них явствует, что, по мысли Фрейда и его верного ученика В. Рейха, психоанализ имеет в виду лишь психологию отдельного человека, отнюдь не посягая на об'ект социологии, в частности на психологию и идеологию общественных массивов. Как бы для того, чтобы на этот счет не было никаких недоразумений, В. Рейх дает следующее раз'яснение: «... Феномен классового сознания едва ли ему (психоанализу) доступен и, напр., проблемы массового движения, политики, стачки, относящиеся к учению об обществе, не могут быть об'ектами его метода».

Если бы в действительности дело обстояло так, как его рисует В. Рейх, если бы и вправду психоанализ претендовал не больше, чем на роль индивидуального психологического учения, то нельзя было бы и в малой степени об'яснить ту страстность, которая столь характерна для споров, ведущихся вокруг психоанализа; было бы странным и то обстоятельство, что эти горячие споры перекинулись далеко за пределы области психологии, захватив в свою орбиту и представителей ряда социологических наук. В действительности дело обстоит иначе. Даже не обладая обширным знакомством с фрейдовской литературой, легко вспомнить, что попытки проникнуть методом психоанализа в область социологии достаточно многочисленны. Более того, можно утверждать—и ниже мы увидим на каком основании,—что эти попытки характерны для фрейдизма. Такие работы самого Фрейда, как «Масса и анализ человеческого Я», «Тотем и табу» и недавно появившаяся в русском переводе брошюра «Будущее одной иллюзии» [1]) суть бесспорно социологические по своим задачам произведения. Сюда же в нашей литературе относятся, как известно, выступления тт. Рейснера, Варьяша, Фридмана и др. Поскольку все эти работы в достаточной мере уже получили должное освещение во время истекшей дискуссии о фрейдизме, я не стану здесь заниматься их повторным разбором.

С методологической точки зрения не может быть возражений против попыток психолога, в том числе и психоаналитика, выяснить, каким образом и почему та или иная распространенная в обществе идеология стала достоянием отдельной личности. Но, когда психолог забывает о том, что идеология индивидуума и идеология, как общественное явление, суть две принципиально разнородные категории, и, увлеченный своими успехами в первой области, беззаботно переходит в другую—ничего кроме грубых ошибок и реакционных выводов не ожидает его на несвойственном ему поприще.

У В. Рейха имеется попытка оправдать социологические вылазки фрейдистов именно тем, что эти последние заняты будто по существу чисто-индивидуальными задачами. Психоанализ, пишет он, «может, напр., вскрыть те иррациональные мотивы, которые побудили какого-нибудь будущего вождя примкнуть именно к социалистическому или националистическому движению»... Если только под указанными В. Рейхом «иррациональными мотивами» не разуметь, как это свойственно психоанализу, главным образом, унаследованных биологически - данных стремлений, и, сверх того, не акцентуировать, как это опять-таки характерно для психоанализа, бессознательные мотивы поведения, отнюдь не играющие, вопреки психоанализу, обязательно первой скрипки в развитии личности,—то замысел исследователя, на которого ссылается В. Рейх, действительно не заслуживает упрека. Но в том-то и дело, что такого типа исследователь отнюдь не по-

[1]) См. В. Рейх «Диалектический материализм и психоанализ» в настоящем номере «Под Знаменем Марксизма». Остальные ссылки на работу т. Рейха относятся к той же статье.

[1]) В частности, см. мою статью «Фрейдизм и марксизм»,—«Под Знаменем Марксизма» 1926 г., № 11.

казателен для фрейдизма. Что касается самого Фрейда, то ведь, на своем «Тотем и табу» он как раз имеет в виду не верования и предст отдельного представителя первобытной эпохи, а религиозно-бытовые туции этой эпохи, как общественную категорию. Равным образом и М. нер, верный продолжатель принципов Фрейда в ряде социологическ стей, исследует с точки зрения психоанализа не отдельного религ человека, а источники и законы религии в целом.

Если В. Рейх претендует—и, повидимому, вполне искренно—на с об'ективное отношение ко всем плюсам и минусам фрейдовских раб ему следовало бы в первую очередь оговорить свое несогласие с указ выше линиями психоаналитического исследования. Однако он этого лает, и не делает по той простой причине, что и сам он в по мере подвержен тому же недугу. На это последнее обст ство я хочу обратить особое внимание, и притом отнюдь не в чисто ческих целях.

Приведенные выше формулировки В. Рейха о предмете психо запечатлены на первых страницах его статьи. Но уже ряд после страниц приводит внимательного читателя в некоторое сомнение: д ли автор следует своим формулировкам? Сомнение продолжает на и, наконец, превращается в полное недоумение, когда ознакомление рой половиной статьи доходит до следующего места, привести кото по необходимости придется в несколько пространном виде: «Все за занное,—заявляет В. Рейх,—дает нам право считать, что благодаря методу, вскрывающему инстинктивные корни общественной деяте индивида, и благодаря своей диалектической теории влечений психо призван подробно раз'яснить психическое выявление про дительных сил в обществе, т.-е. образование идео «в голове человека» (Курсив мой. *И. С.*). Последние два сл как не могут быть истолкованы в том смысле, будто у т. Рейха ре о «голове» отдельного индивидуума, а не о «голове» человеческо лектива, ибо автор непосредственно перед тем прямо говорит о вы производительных сил именно в обществе. Чтобы на этот счет не ост никаких сомнений, продолжим цитату дальше: «Между обоими кон пунктами — экономическим строем общества и ид гической надстройкой (Курсив Рейха), причинная связь установлена в общем виде материалистическим пониманием истори хоаналитическое исследование психологии общественного человек вляет ряд промежуточных звеньев. Психоанализ в состоянии показ экономическая структура общества не прямо превращается в идеол голове человека», но что потребность в пище, зависящая в своих р ниях от данных экономических условий, видоизменяет функции более пластичной сексуальной энергии и что это общественное возд ограничивая цели полового влечения, вводит в общественный труд цесс все новые производительные силы в форме сублимированной эн отчасти прямо в форме рабочей силы, отчасти в форме более сложн дуктов сексуальной сублимации, каковы религия, мораль вообще и мораль в частности, наука и т. д.». После всего сказанного В. Р остается ничего другого, как последовательно со своей точки зрени чить: «Таким образом, психоанализ осмысленно включается в м стическое понимание истории» («Das bedeutet eine sinnvolle Einor Psychoanalyse in die materialistische Geschichtauffassung»). Не пр достаточно определенно? Оставим здесь временно на научной совест его постоянную апелляцию к роли полового влечения, пройдем так допускаемого им весьма странного отнесения религии, морали и категорию производительных сил (нельзя же в самом дел

действлять эти последние, т.-е. категорию базиса с идеологией, т.-е. категорией надстройки). Все эти бесспорно интересные моменты в данной связи для нас несущественны. Мы хотели лишь выявить с полной наглядностью, что скромность первых формулировок В. Рейха развеялась как дым.

Что фрейдизм сознательно ставит перед собою, помимо психологических, и социологические задачи—это было хорошо известно и до появления статьи В. Рейха. Интересно не это, а то, что, опираясь на видимость марксистской аргументации, т. Рейх открыто солидаризируется с этой методологически-незаконной тенденцией фрейдизма; интересно то, что он не останавливается перед включением психоанализа в теорию исторического материализма. Можно ли после этого говорить о какой-нибудь разнице во взглядах между нашими фрейдо-марксистами и тов. Рейхом, разве только если не считать за разницу то обстоятельство, что эти взгляды представлены у последнего с особой выпуклостью и полнотой?

Одно из двух: либо т. Рейх все же хочет остаться на позиции своих первых формулировок, но тогда он впадает в явное противоречие (на этот раз отнюдь не диалектическое) с самим собой; либо он по каким-то основаниям считает органически связанными обе свои позиции, но, в таком случае, он, на наш взгляд, делает глубокую ошибку. Повидимому, вторая часть альтернативы более реальна, и тогда нам не остается ничего другого, как войти в рассмотрение этой ошибки по существу.

III. Социология, социальная психология и психология индивида.

Отвлечемся на время от всех недостатков психоанализа, как учения об индивидуальной психике. Больше того: представим себе, что психоанализ как с методологической, так и с эмпирической стороны является совершеннейшей системой индивидуальной психологии. Такого рода абстракция нам в данный момент необходима для того, чтобы вопрос о социологическом значении психоанализа решить в наиболее существенном — методологическом—разрезе. Взятый в таком разрезе, этот вопрос может быть сформулирован еще и следующим образом: в каком отношении находится индивидуальная психология к социологическим проблемам и метод ее к методологии исторического материализма? Общественно-психологическому фактору, как известно, отводится теорией исторического материализма вполне определенное и достаточно важное место.

«Если бы мы захотели,—пишет Плеханов,—кратко выразить взгляд Маркса-Энгельса на отношение знаменитого теперь «основания» к не менее знаменитой «надстройке», то у нас получилось бы вот что:

1) состояние производительных сил;

2) обусловленные ими экономические отношения;

3) социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе»;

4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем, психика общественного человека;

5) различные идеологии, отражающие на себе свойства этой психики» (Курсив везде Плеханов.).

Два последних пункта приведенной схемы имеют непосредственное отношение к психологическому «фактору».

Раз приняв определенные формы под влиянием социально-экономических причин, общественная психология приобретает относительно самостоятельное значение, вплетаясь в систему «факторов» историче-

ского процесса. «Выгодно ли для общества в его борьбе за существование, спрашивает Плеханов,—приспособление его психологии к его экономии, условиям его жизни? Очень выгодно, потому что привычки и взгляды, соответствующие экономии, противоречащие условиям существования, помешали бы отстаивать это существование. Целесообразная психология т же полезна для общества, как хорошо соответствующие своей цели орга полезны для организма» («К развитию монистического взгляда на историю О роли психологического фактора говорит и Энгельс: «Но и политические другие условия, даже сама традиция, как привидение бродящая в головах (Курсив Энгельса. *И. С.),* играют роль, хотя и не решающую» (Письмо от 21/XI—1890 г.). В этой цитате мы имеем и указан на подчиненное значение психологического фактора». Еще отчетливее очерчен удельный вес этого последнего в следующих словах Плеханова: «Чтобы понять танец австралийской туземки, достаточно знать, какую роль игра собирание женщинами корней дикорастущих растений в жизни австралийского племени. А чтобы понять, скажем, минуэт, совершенно недостаточно знания экономики Франции XVIII столетия. Тут нам приходится иметь дело с танцем, выражающим собою психологию непроизводительного класса. Психологией этого рода об'ясняется огромное большинство обычаев и приличий так называемого порядочного общества. Стало быть, экономический «фактор» уступает здесь честь и место психологическому. Но не забывайте, что само появление непроизводительных классов в обществе есть продукт его экономического развития. Значит, экономический «фактор» вполне сохраняет свое преобладающее значение, да и уступая честь и место другим. Напротив, тогда-то и дает себя чувствовать это значение, потому что тогда ими определяются возможность и пределы влияния других «факторов»» («Основные вопросы марксизма», курсив везде Плеханова). Приведенные слова интересны еще и тем, что они совершенно конкретно указывают одну из областей — именно область искусства,—где общественно-психологическое исследование, конечно, поставленное в надлежащие рамки, особенно уместно.

Раз общественно-психологический фактор есть подлинная историческая действительность, то нельзя отказывать в праве на существование особой науке или группе наук, специально исследующих общественные психику и идеологию в их содержании, возникновении, значении и т. д. Соответствующую область знания, входящую в раздел социологических наук следует обозначить как социальную психологию. За границей работка этой области с момента своего зарождения сразу же приняла специфическое, совершенно неприемлемое для марксизма направление. Бо жуазная социальная психология покоится на идеалистических предпосылках, считая «психологический фактор» решающим деятелем исторического процесса и игнорируя социально-экономические корни общественной психики. Происхождение этой последней усматривают либо в «извечных» свойствах человека (биологизм, точка зрения «человеческой природы») либо в мистическом «духе эпохи» (Дильтей, Шпрангер). В этом своем виде социальная психология претендует на открытие надклассовых, «общечеловеческих» норм, с точки зрения которых, по замыслу представителей этой науки, подлежит оправданию и увековечению все пошлое и насильническое в капитализме. Таким образом, европейская и американская наука немало потрудились над извращением социальной психологии, как области научного исследования, так же как это было сделано по отношению к обширному ряду других дисциплин, имеющих особо близкое касательство к основам капиталистического господства (полит. экономия, историография, учение о государстве и т. д.). Но, подобно тому, как такого рода извратительство указанных дисциплин не помешало марксизму плодотворнейшим образом разра-

тать их на свой лад, так не может оно и в отношении социальной психологии дискредитировать в глазах марксизма самую идею этой области знания Отдельные положения и данные, относящиеся к социальной психологии, обильно рассыпаны в разных местах работ Маркса, Энгельса, Плеханова, и не нам отказываться от дальнейшей ее разработки в методологически правильном разрезе. В частности, правильная методология требует того, чтобы в классовом обществе изучение социальной психики понималось в основном как изучение классовой психики. Что такого рода взгляд отнюдь не является общепризнанным в нашей среде, видно хотя бы из того, что самый термин «социальная психология» пытаются отнести к науке, исследующей психику индивидуального человека (см., напр., ст. т. А. Н. Залмансона, «Вестник Комм. Академии» 1927 г.). Делается это на том основании, что психика индивидуума насквозь социализирована,—обстоятельство, указываемое совершенно верно. Но ведь и медицина, также обязанная учитывать для каждого больного весь комплекс его социально-бытовых условий, называется социальной медициной все же только в том ее разделе, который ведает патологией целых коллективов, а не отдельных больных. Индивидуальная психология, как наука, нисколько не пострадает от того, что за ней будет сохранено старое название, лишь бы только предмет ее разрабатывался с обязательным учетом «социализации». Термин «социальная психология» относится к другой особой области явлений, характеризующейся и особыми законами. Не соглашаться с этим, значит под маской невинного на первый взгляд терминологического спора отказывать в праве на существование науке или наукам, изучающим социальную психику.

Начав с индивидуальной психологии, мы сейчас же перешли к социальной, ибо только о ней и может итти речь, поскольку ставится вопрос о «психологическом факторе» в истории. Что же касается индивидуальной психологии, то отношение ее к науке об общественных процессах можно понять лишь через анализ связи между психикой общественной и психикой индивидуальной. Иными словами, категория социальной психики является промежуточным звеном между категорией психики индивидуальной, с одной стороны, и рядом социологических категорий, с другой. Дело обстояло бы совсем по-иному, если бы социальная психика, скажем: психика какой-нибудь общественной прослойки, была продуктом простой суммации ролей и устремлений, присущих представителям данной прослойки. Тогда изучение «психологического фактора» истории свелось бы непосредственно к изучению множества индивидуальных психик с тем, чтобы, вынеси за скобки все общее для массы исследованных лиц, считать это общее искомым результатом исследования. Очевидно, что сверх этого никакой особой социально-психологической проблемы не могло бы существовать. Однако в действительности дело обстоит иначе, и это уже было подчеркнуто мною выше в формулировке об особых законах социальной психики по сравнению с индивидуальной. Каков источник этих особых законов? Мы попытаемся здесь наметить лишь самое основное.

Каждый отдельный член общественной группы, подвергаясь воздействию «условий своего существования», формирует под этим воздействием свои стремления и привычки, свои мыслительные навыки и мировоззрение отнюдь не как некий предоставленный себе самому одиночка—«Робинзон». Человек только в социальном общении может приходить к сознанию, сознательно мыслить и действовать. Социальный союз, членом которого он состоит, будит и направляет его духовные силы» (Ф. Меринг, «Об историческом материализме»). Но даже и тогда, когда человек «пришел к сознанию, лишь незначительная часть формирующей его психику работы является продуктом его самостоятельного, «оригинального» творчества; остальное есть результат психологической работы того более или менее обширного

человеческого коллектива, с которым он теми или иными способами связан. Ни о какой мистической «душе коллектива» здесь не может быть и речи. Через обыкновенную беседу с приятелем, через участие в собрании, через чтение книги и газеты и т. д. получает человек в готовом или полуобработанном виде тот идейный или «безыдейный» материал, самостоятельно «додуматься» до которого просто не в силах отдельного, пусть даже архиталантливого человека. Хотя бы потому, что этот материал есть продукт культуры не только сегодняшнего дня, но и предыдущих исторических периодов; хотя бы потому, что один и тот же человек не может быть и не бывает «специалистом» по всем вопросам многогранной действительности. В этих условиях первостепенное значение приобретает структура (в частности—социально-психологическая структура) той общественности, в рамках которой живут члены общества. Данная организация экономических, классовых и политических отношений порождает и вполне определенные способы формирования «общественного мнения» и связанных с ними идеологий. Степень влиятельности различных частей общественного коллектива далеко неодинакова. Не столько в том (можно бы сказать—почти вовсе не в том) дело, что отдельные индивидуумы обладают большей опытностью, энергией, талантливостью, чем другие, а в том, что хозяйственная и политическая ситуация создает в коллективе общественные центры идеологического влияния. Центрами такого влияния могут быть и бывают класс по отношению класса (напр., идейная гегемония пролетариата по отношению к бедняцкому и середняцкому крестьянству, как момент диктатуры пролетариата), партия — по отношению к классу, одни органы партии по отношению к другим и т. д. и т. п. Если для примера остановиться специально на области партийной жизни, то вышесказанное отнюдь не следует понимать так, будто формы партийной организации есть не больше, чем выражение ее идеологической структуры или, другими словами, будто партия есть сплошной агитпроп. Формы партийной организованности, идущей по самым различным линиям, с одной стороны, определяют ту форму ее организованности, которая относится к ее агитпропагандистским задачам, а, с другой стороны, эта форма определяется своими собственными потребностями и оказывает известное обратное влияние на общую организационную структуру партии, используя ее для задач идеологического воздействия. Центр идеологического и психологического влияния не обязательно воздействует только словом или примером; представляющая его общественная группа иной раз держит в своих руках и рычаги хозяйственной жизни, этого основного источника общественных настроений и взглядов. Так, финансовая олигархия Соединенных Штатов Америки «делает общественное мнение» не только через свою ежедневную прессу, но и через коррупцию «рабочей аристократии», через политику трестовых и синдикатских цен и т. д.

Не последнюю роль в этом сложном механизме играет и техника связи между центрами идеологического влияния и их «периферией». Мощно развитая печать, широко развернутая издательская деятельность, наличие радио и киносети — все это в немалой степени отличает по характеру формирования социальной психики то общество, которое указанной техникой пользуется, от того общества, в котором это не имеет места.

Другим — на ряду со структурой идеологического воздействия — источником своеобразия социально-психологического процесса является то важное обстоятельство, что данное состояние общественной психики является продуктом не только текущего исторического периода, но и идеологии прошедших этапов общественного развития. Запечатленная в книгах и в личном опыте старых участников данного общественного движения, она в порядке исторической преемственности вплетается и в психику историче-

ого сегодня. Что касается, напр., такого вида идеологии, как философия, то, гласно яркой формулировке Энгельса, «философия каждой эпохи распоет в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, кодый передан ей ее предшественниками и из которого она исходит. От го получается такое явление, что страны экономически отсталые могут ать в философии руководящую роль: Франция в XVIII веке — по отноше- к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Герма — по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии илософия, и всеобщий расцвет литературы явились в ту эпоху результом экономического развития. Преобладание экономического развития, конечном счете, также над этими областями для меня неоспоримо, но оно ет место в рамках условий, которые предписываются самой нной областью» (Письмо к К. Шмидту от 27/X—1890 г. Курсив *И. С.*). Эта выписка из работы Энгельса имеет для нашей проблемы огосторонний интерес: подчеркивая в идеологическом процессе момент торического развития, она в то же время указывает, как на факт, на существование идеологической структуры (в данном случае — руководящая ль одних стран над философским развитием других), а также на то еще выдвинутое нами обстоятельство, что каждая данная идеологическая асть до известной степени самостоятельно сама себе «предписывает услоя» своего дальнейшего развития. Что в конечном счете весь отмеченный оцесс определен экономическими условиями — это, в согласии с Энгельи с основными принципами исторического материализма, мы неоднократно подчеркивали выше.

Если, наконец, обратить внимание и на то обстоятельство, что каждая данная идеология испытывает на себе влияние и со стороны «соседних идеологий», при чем, например, «важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения» (Энгельс, loc. cit.), перечень моментов, определяющих специфические особенности социально-психологического (resp. идеологического) процесса можно считать в основном исчерпанным.

Не учитывать всех этих моментов — общественно-психологической структуры с ее «центрами» и способами влияния, исторического развития идеологий и действия их одна на другую — значит не только не понимать самого существенного в исследуемом вопросе, но и лишить себя возможности вскрыть источники своеобразия каждого данного социально-психологического (resp. идеологического) состояния. Это последнее изменчиво в той же мере, в какой — под влиянием социально-экономических и политических условий — изменчива и структура общественно-психологических связей.

В частности, игнорированием указанных моментов грешат и наши «фрейдо-марксисты», когда они пытаются истолковать одно из писем Энгельса в том смысле, что образование идеологий происходит будто бы за счет индивидуально-психологических процессов. Речь идет в письме Энгельса к Мерингу от 14/VII—1893 г., где сказано: «Мы все на первых порах считали и должны были считать особенно важным выведение политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных этими представлениями действий из основных экономических фактов. При этом мы из-за содержания не обращали достаточного внимания на формальную сторону: на род и способ, каким указанные представления и пр. создаются» (Курсив Энгельса).

Тт. Варьяш и Фридман, а за ними в последнее время и З. Чучмарев (хотя и не фрейдист), поняли слова о «формальной стороне», о «роде и способе», как указание на индивидуально-психологическую (первые двое — на психоаналитическую) задачу. Не вдаваясь в подробный разбор цитированного

письма Энгельса [1]), следует лишь подчеркнуть, что такого рода понимание (кстати, почти не аргументированное его авторами) не только не вытекает из изложенного выше существа дела, но и находится в резком противоречии со всеми приведенными на предыдущих страницах формулировками Энгельса.

Это замечание относится в полной мере также и к т. Рейху, который, правильно отметив, что «Энгельс в одном письме решительно отмежевывается от того взгляда, будто производство и воспроизводство материальной жизни есть единственный (курсив Рейха) определяющий момент в развитии идеологий...», делает отсюда ряд выводов в пользу социологического применения психоанализа. Однако мы уже видели, что именно разумеет Энгельс под моментами, определяющими на ряду с экономическим и на его основе развитие идеологий. Опираться на Энгельса в угоду психоаналитическим толкованиям социологических явлений значит сознательно или бессознательно фальсифицировать его взгляды.

Теперь мы можем вплотную подойти к индивидуальной психологии.

Означает ли все вышесказанное, что изучение общественной психики не имеет ничего общего с учетом закономерностей психики индивидуума? Отнюдь нет. В самом деле, все то, что исходит из общественных центров психологического влияния, все то, что, как «осадок» разных этапов идеологического развития, действует со страниц литературы — все это апеллирует не к кому иному, как к конкретному человеку с его нервно-мозговой системой, с его навыками, стремлениями и взглядами, так или иначе сформировавшимися на сегодняшний день. Как бы хорошо ни был налажен аппарат общественно-идеологического воздействия, эффект деятельности этого аппарата был бы весьма сомнителен, если бы не учитывались (учитывать не значит «плестись в хвосте») настроения и взгляды людей — этого, в данном случае, об'екта идеологического влияния. С другой стороны, «историю делаем мы сами»; то, что в один момент является об'ектом, то в следующий момент превращается в суб'ект исторического действия. Через наши личные общественные связи те самые лица, которые испытывали на себе известное психологическое воздействие со стороны условий их существования и со стороны своего общественного коллектива, сами оказывают влияние на различные области общественной действительности, в том числе и на «центры» общественно-психологической структуры. Правда, влияют они опять-таки далеко не как сумма одиночек, но все же психологические свойства этих одиночек каким-то образом включены в общий социально-экономический и социально-психологический процесс. «Из того, что отдельные желания (из которых каждое стремится к тому, к чему его побуждает устройство его тела и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства или же его личные или вообще социальные условия) не достигают того, к чему стремятся, а соединяются в нечто среднее, в общую равнодействующую (здесь термин «равнодействующая», конечно, нельзя понимать в буквальном, механическом смысле. *И. С.*), — из всего этого еще нельзя заключать, что отдельные явления можно приравнять к нулю. Наоборот, каждое желание вносит свою часть в равнодействующую и постольку содержится в ней» (Энгельс, письмо от 21/IX—1890 г.). И, как само собой разумеется, несмотря на то, что отдельные желания нельзя «приравнять к нулю», из приведенных слов Энгельса еще совсем не следует, будто в методологию социологии надо включить требование изучать индивидуальные особенности поведения отдельных людей. Только те индивидуальные поступки приобретают социологическое значение, которые имеют то или иное объективное отношение к классовой борьбе во всех ее формах, вплоть до аб-

[1]) Это сделано мною в другом месте: см. И. Сапир «Фрейдизм и марксизм», «Под Знаменем Марксизма» 1926 г., № 11.

страктно-идеологических. Но это означает, что и здесь вне-индивидуальный, социально-психологический момент выступает во всем его решающем значении. Дело не столько в том, что он играет немалую роль в самом происхождении поступка, сколько в том, что он определяет те границы, в пределах которых поступок имеет общественную значимость (не всегда, не при любых условиях и не у всякого человека «пьянка», напр., приобретает значение социально-вредного факта) и, если эта значимость налицо, — «подхватывает и раздувает» об'ективные последствия такого поступка.

Самое гениальное научное открытие приобретает историческое значение лишь постольку, поскольку оно входит в теоретический обиход науки, как общественного явления, и в практический обиход общественного труда.

Но может быть индивидуально-психологические законы могут итти в разрез с социальными и в таком случае направлять по-своему общественное развитие? Вопрос можно сформулировать и иначе: являются ли индивидуально-психологические законы «снятыми» или специфическими для общественного развития. Для ответа на этот вопрос уместно сопоставить индивидуальную психологию с социальной.

Можно ли сказать о законах социальной психологии, что они являются «снятыми» по отношению к законам общественно исторического развития? Нет, потому что они сами вплетены в систему этих последних. Законы социальной психологии далеко не безразличны для форм исторического процесса. Психика и идеология того или иного класса нередко вступают в противоречие с об'ективными задачами этого класса, и так как дело идет о массовом явлении, то такая диспропорция в течение известного промежутка времени сказывается очень существенно на судьбах исторического развития. Другое дело законы индивидуальной психики. Конечно, психика отдельного человека тоже может войти в противоречие с задачами коллектива и с психикой этого последнего. Но такого рода индивидуальная вариация никакого сколько-нибудь важного социального значения не имеет. Когда же психологическое отклонение относится не к отдельным разрозненным людям, а к человеческим массам, то при ближайшем рассмотрении самое происхождение такого отклонения, равно как и его дальнейшее развитие, всегда оказывается определенным известными общественными силами. При изучении этого явления мы неизбежно переходим из области индивидуальной психологии в область общественных, в том числе и социально-психологических, процессов.

Мы имеем здесь дело со своеобразной диалектической ситуацией. Свойства личностей имеют первостепенное социологическое значение, ибо историю делают никто иные как люди, и тем не менее законы, которые управляют указанными свойствами, находятся вне сферы индивидуальной психологии, а индивидуально-психологические законы оказываются «снятыми» в системе общественного целого.

Несущественная роль за этими законами, конечно, сохраняется. Так, иной раз личные привычки какой-нибудь видной исторической фигуры оказываются предметом подражания целой массы его поклонников или источником бесконечных разговоров среди падкой на сенсации публики. Но едва ли кто-нибудь станет отрицать, что это — не больше, чем зыбь на волнах общественно-исторического развития.

Если сказанное верно применительно к содержанию индивидуальных поступков, то оно совсем очевидно по отношению к их личным «движущим пружинам». Как продукт синтеза разнообразных биологических задатков с еще более разнообразными воздействиями социальной среды, эти «пружины» у различных людей чрезвычайно различны. Говоря опять словами Энгельса, «воля человека в каждом отдельном случае определяется либо

повелением рассудка, либо порывом страсти. Но те пружины, которыми в свою очередь определяются порывы страсти и повеления рассудка, весьма разнородны. Иногда это — внешние предметы, иногда — идейные мотивы, честолюбие, «служение правде и справедливости», личная вражда или даже часто индивидуальные капризы разного рода» (Цитировано по Мерингу «Об историческом материализме»). Однако все эти «движущие пружины» могут интересовать социологию не столько сами по себе, сколько по результатам своего действия; их историческая роль зависит от того общественно-значимого содержания поведения, которое они питают. Но содержание это определено социальными моментами. Далее, несмотря на то, что человеческая активность, основанная на «порывах страсти и велениях разума», является непосредственным двигателем исторических процессов, — взятая абстрактно сама по себе, она является, как правило, некоторым постоянным моментом в ходе исторического развития (политическая, идеологическая и т. д. деятельность общества, раз она вообще налицо, всегда является достаточно «страстной») и, стало быть, не может служить основой для об'яснения своеобразия каждой отдельной исторической эпохи.

Если же дело идет об изменении активности в области какого-нибудь конкретного вида общественной деятельности (напр., о падении активности в той или иной области хозяйства), то социолог находит все необходимое и достаточное для об'яснения такого явления в условиях социального экономического порядка — и только в них.

* * *

Отвечая на основной вопрос, поставленный в начале настоящей главы, мы можем теперь сказать следующее:

Индивидуальная психология, как наука, входит в отношение с методологически правильно разрабатываемой социологией лишь через науку (или науки) о социальной (классовой) психике. Индивидуально-психологический момент, сам являясь методологически второстепенным в процессах социально-психологического порядка, которые в свою очередь подчинены другим более мощным силам исторического развития (экономическим), оказывается в отношении этих последних, так сказать, сверхподчиненным. Особенную значительность имеет это положение применительно к формальной стороне («движущие пружины») индивидуальной психики.

В такой синтетической науке, какою является марксистская социология, может и должна «всякая веревочка пригодиться», что относится и к вопросу об использовании данных индивидуальной психологии. Такое использование делается тем уместнее, чем меньше масштаб общественного исторического явления как с точки зрения близости этого явления к стержню исторического развития, так и с точки зрения его массовости.

Но использовать указанные данные еще отнюдь не означает включить в методологию социологии изучение индивидуально-психологических процессов.

Тем менее выдерживают критику какие бы то ни было попытки ставить на одну доску, как нечто почти равноправное, метод индивидуальной психологии (каковым является и психоанализ) и метод исторического материализма. Нельзя забывать, что этот последний относится к общественно-историческому процессу в целом, охватывая все его движущие силы и устанавливая в общем виде их взаимоотношение. Между тем метод индивидуальной психологии относится лишь к одной из производных сторон общественного развития, да и то, как мы видели, с крайне существенными ограничениями.

IV. Психоанализ и исторический материализм.

В состоянии ли психоанализ подорвать достоверность только что выдвинутых положений относительно значения индивидуальной психологии для социологии? Для решения этого вопроса используем те примеры, которыми В. Рейх иллюстрирует свой взгляд на будто бы чрезвычайно большую социологическую значимость психоанализа.

а) Касаясь вопроса о возникновении идеологий, В. Рейх утверждает, что процесс этого возникновения происходит следующим образом: экономическая структура общества действует известным образом на потребность в пище, эта потребность включает в действие мощный аппарат полового влечения, а поскольку половое влечение обладает не только исключительной силой, но и замечательной пластичностью, то, принимая разнообразные формы под влиянием опять-таки внешних социальных условий, оно является во вне, как мораль, религия, наука и пр. Первое, что характерно для данного рассуждения и отличает его от аналогичных рассуждений других психоаналитиков, состоит в том, что оно оперирует с рядом положений теории исторического материализма: как в начале, так и в конце процесса образования идеологии не малая роль приписывается социально-экономическим причинам. Это—положительный, хотя и ни в какой мере не вытекающий из психоаналитической теории, момент в формуле В. Рейха; однако этим моментом далеко не исчерпывается ее содержание. Центр тяжести приведенной формулы лежит в указании на роль биологических звеньев процесса. Это тоже характерно для взглядов Рейха, но на этот раз отличает их от взглядов ортодоксального марксизма. И в самом деле, какова действительная роль биологических звеньев? Они принадлежат к категории индивидуальных «движущих пружин» или так называемых внутренних стимулов поведения, о которых уже было сказано выше, что они важны для социолога не столько сами по себе, сколько по тем поступкам, в которые «вливается их энергия». Характерные же особенности поступков, их содержание определяется, как это вынужден признать и В. Рейх, социально-экономическими условиями. Значит, изучение только этих последних может вскрыть особенности разных фаз развития идеологии — момент особо существенный для социолога, биологический же анализ ему в этом отношении ничего не дает.

Учет биологических звеньев может дать несколько больше для понимания другого — несоциологического — вопроса, вопроса о том, каким образом и почему та или иная идеология стала достоянием данного конкретного человека. Но и в этом пункте психоанализ, ограничиваясь «глубинными», далекими от сознания стимулами поведения (хотя их значение иной раз и бывает велико), резко суживает круг исследовательских возможностей.

Ибо личные «движущие пружины» гораздо многообразнее, чем те, о которых говорит психоанализ. Для примера возьмем религиозное поведение. Если либидинозные, половые стимулы и в самом деле имеют ближайшее отношение к той форме поведения, которая называется религиозным экстазом, то как связать эти стимулы с религиозностью тех людей, у которых она диктуется общепринятой традицией и воспринимается человеком не как нечто «возвышающее душу», а как обязательный обычай, отступить от которого значит навлечь на себя различные кары и презрение со стороны «общественного мнения». Далее, религиозность теолога с рассудочным складом характера, питаемая рядом умозаключений, соответствующих преобладающим классовым интересам и культурному уровню данной эпохи — разве эта форма религиозности не имеет опять-таки своеобразной психоло-

гической основы, выходящей за рамки фрейдовой схемы? И, наконец, еще одна форма религиозности, непосредственно связанная с исключительной ограниченностью знания, как с психологическим моментом отрицательного порядка,—форма, определяемая убеждением в том, что «кто же, как не бог», может помочь против всяких бед и несчастий, ибо «бессильна рука человеческая» (крестьянские молебны о «ниспослании дождя»), что общего имеет она по своей психологической природе с религиозным экстазом?

Здесь перечислено лишь самое основное. Но уже и сделанного перечня достаточно, чтобы понять, 1) что и по отношению к отдельной личности психоанализ не охватывает всего многообразия внутренних стимулов, 2) что в действительности мы имеем дело не столько с биологическими (вернее никогда не с чисто-биологическими), сколько с социально-обусловленными стимулами поведения, 3) что биологическое совершенно отступает на задний план в деятельности сознания[1]), мощность которого психоанализ игнорирует вовсе, и 4) что, наконец, каковы бы ни были внутренние стимулы поведения, их «спускает с цепи» в каждом отдельном случае все та же бесконечно разнообразная социальная ситуация. Таким образом, даже и в интересах индивидуального психолога важно расценивать роль биологических звеньев лишь в рамках очень существенных ограничений. Что же касается социологии, то для нее разнообразие внутренних стимулов еще более безразлично. Пусть разные люди верят по разным побуждениям, — социологически важен тот факт, что такая-то религия с таким-то содержанием религиозного учения определяется известными общественными силами; источники этого общественного явления социолог-марксист исчерпывающе об'яснит из моментов общественного порядка. Если бы даже какие-либо из указанных личных побуждений приобрели широкое распространение, то и в этом случае социолог, не вдаваясь в их интимный психологический анализ, мог бы обнаружить все социально-экономические рычаги, надлежащее управление которыми решающим образом изменяет эти побуждения.

б) В другом месте своей статьи В. Рейх пытается подойти с психоаналитической точки зрения к земледельческому трудовому процессу. Он утверждает, что «обработка земли с помощью орудий и ее обсеменение» не только «имеет своей целью как с общественной (курсив мой. *И. С.*), так и с индивидуальной точки зрения, производство средств существования»... но эти операции приобретают также символический смысл, они символизируют кровосмешение с матерью («мать - земля»). Здесь следует пояснить, что стремление к кровосмешению с матерью является, по теории психоанализа, исключительно мощным стремлением, затаенно действующим из глубин бессознательного; оно составляет основное содержание «эдипова комплекса», о котором так много говорят психоаналитики. Далее В. Рейх пытается обосновать свое утверждение тем, что такие моменты земледельческого труда, как ритмика, обсеменение, «проникновение некоего орудия в некое вещество», будто бы дают, благодаря своей аналогии с половым актом, неосознанное удовлетворение и сексуальным потребностям земледельцев. Об'ективным же результатом такого сексуального удовлетворения является по В. Рейху усиление производственной деятельности на почве включения в трудовой процесс энергии либидо; «перед нами магическая попытка легче и полнее добиться определенной цели с помощью иррациональных средств».

Здесь можно пройти мимо того, что конкретные доводы В. Рейха представляют собою не больше, чем видимость доказательств. Он не доказывает, а декларирует, предоставляя читателю собственной фантазией подкреплять убедительность приводимых им аналогий. Во всяком случае, стимулы к достижению «хозяйственных благ» являются в общественном масштабе настолько сильными сами по себе, что едва ли встречается надобность в слабо обоснованных теориях о каких-то будто бы необходимых добавочных стимулах.

Сделанное В. Рейхом утверждение следует рассмотреть с двух сторон. С одной стороны, оно рекомендует психоанализ как метод общего установления того количества человеческой энергии, какое необходимо для успешной хозяйственной деятельности. Однако исторический материализм чуждается такого рода абстрактной постановки вопроса. Во-первых, искомое автором количество само определяется в первую очередь конкретно-историческими особенностями данной сельскохозяйственной формы с характерными для нее техникой производства и социально-экономическими отношениями, о чем у В. Рейха на этот раз не сказано ни слова. Во-вторых, даже и установив тем или иным способом количество абстрактной хозяйственной энергии у данного коллектива земледельцев, мы на этом одном основании ровно ничего не поняли бы в своеобразии той хозяйственной формы, где данное количество «энергии» применяется, а ведь для социолога это — основной вопрос, от решения которого зависит и об'яснение всех «надстроенных» форм, столь привлекательных, как мы видели, и для психоаналитиков.

С другой стороны, подчеркивая либидинозный момент в изображаемом им процессе, В. Рейх имеет в виду демонстрировать об'яснительное значение психоанализа и применительно к самому содержанию земледельческой жизни. Как указывает автор, об'ективным выражением наличия сексуального фактора является «водружение фаллосов на возделанных полях... практикуемое многими первобытными народами».

Что сексуальное влечение, действительно, дает многочисленные проявления в общественной жизни, — это не подлежит спору. Стоит ли напоминать о некоторых особенностях «парижских мод», о фривольных песенках кабарэ, о распространенности некоторых видов ругани в малокультурных слоях населения, о сексуальной окрашенности реклам, выпускаемых европейскими и американскими торговыми фирмами и т. д. и т. п.? Но, во-первых, такого рода бытовые особенности имеют очень незначительное отношение к важным проблемам общественного развития (экономические отношения, смена различных идеологий и т. п.). Большей частью они являются лишь известными симптомами тех общественных настроений, которыми в ближайшем счете питаются идеологии, а не причиной этих последних.

Во-вторых, уже один тот факт, что для примитивных народов характерно «водружение фаллосов», а для торговых фирм Западной Европы — сексуальные рекламы, говорит о том, что указанные выше либидинозные явления приобретают социологический интерес лишь постольку, поскольку они во всем их разнообразии рассматриваются как продукт определенной общественно-исторической ситуации. Нельзя сказать, чтобы это обстоятельство очень выгодно демонстрировало социологические потенции психоанализа даже в этой, особенно ему близкой области общественно-сексуальных явлений.

в) Еще один образец социологических экскурсов В. Рейха дан в следующих словах: «Как марксизм социологически выражает собою осознание законов экономического хозяйства, эксплоатации большинства меньшинством, так психоанализ выражает осознание общественного сексуального вытеснения». Эта формула, в которой вновь и вновь психоанализ горделиво ставится на одну доску с теорией исторического материализма, расшифровывается у В. Рейха следующим образом. Разгромив мораль и религию феодального общества, буржуазия, скоро утратившая былую революцион-

[1]) Употребляя здесь и в других местах такие выражения, как «деятельность сознания», «сила влечений» и т. п., мы отнюдь не упускаем из виду физиологических процессов организма, одним из выражений совокупной деятельности которых и является психика, сознание и пр.

гической основы, выходящей за рамки фрейдовой схемы? И, наконец, еще одна форма религиозности, непосредственно связанная с исключительной ограниченностью знания, как с психологическим моментом отрицательного порядка,—форма, определяемая убеждением в том, что «кто же, как не бог», может помочь против всяких бед и несчастий, ибо «бессильна рука человеческая» (крестьянские молебны о «ниспослании дождя»), что общего имеет она по своей психологической природе с религиозным экстазом?

Здесь перечислено лишь самое основное. Но уже и сделанного перечня достаточно, чтобы понять, 1) что и по отношению к отдельной личности психоанализ не охватывает всего многообразия внутренних стимулов, 2) что в действительности мы имеем дело не столько с биологическими (вернее: никогда не с чисто-биологическими), сколько с социально-обусловленными стимулами поведения, 3) что биологическое совершенно отступает на задний план в деятельности сознания[1]), мощность которого психоанализ игнорирует вовсе, и 4) что, наконец, каковы бы ни были внутренние стимулы поведения, их «спускает с цепи» в каждом отдельном случае все та же бесконечно разнообразная социальная ситуация. Таким образом, даже и в интересах индивидуального психолога важно расценивать роль биологических звеньев лишь в рамках очень существенных ограничений. Что же касается социологии, то для нее разнообразие внутренних стимулов еще более безразлично. Пусть разные люди верят по разным побуждениям, — социологически важен тот факт, что такая-то религия с таким-то содержанием религиозного учения определяется известными общественными силами; источники этого общественного явления социолог-марксист исчерпывающе об'яснит из моментов общественного порядка. Если бы даже какие-либо из указанных личных побуждений приобрели широкое распространение, то и в этом случае социолог, не вдаваясь в их интимный психологический анализ, мог бы обнаружить все социально-экономические рычаги, надлежащее управление которыми решающим образом изменяет эти побуждения.

б) В другом месте своей статьи В. Рейх пытается подойти с психоаналитической точки зрения к земледельческому трудовому процессу. Он утверждает, что «обработка земли с помощью орудий и ее обсеменение» не только «имеет своей целью как с общественной (курсив мой. *И. С.*), так и с индивидуальной точки зрения, производство средств существования»... но эти операции приобретают также символический смысл, они символизируют кровосмешение с матерью («мать - земля»). Здесь следует пояснить, что стремление к кровосмешению с матерью является, по теории психоанализа, исключительно мощным стремлением, затаенно действующим из глубин бессознательного; оно составляет основное содержание «эдипова комплекса», о котором так много говорят психоаналитики. Далее В. Рейх пытается обосновать свое утверждение тем, что такие моменты земледельческого труда, как ритмика, обсеменение, «проникновение некоего орудия в некое вещество», будто бы дают, благодаря своей аналогии с половым актом, неосознанное удовлетворение и сексуальным потребностям земледельцев. Об'ективным же результатом такого сексуального удовлетворения является по В. Рейху усиление производственной деятельности на почве включения в трудовой процесс энергии либидо; «перед нами магическая попытка легче и полнее добиться определенной цели с помощью иррациональных средств».

Здесь можно пройти мимо того, что конкретные доводы В. Рейха представляют собою не больше, чем видимость доказательств. Он не доказывает, а декларирует, предоставляя читателю собственной фантазией подкреплять убедительность приводимых им аналогий. Во всяком случае, стимулы к достижению «хозяйственных благ» являются в общественном масштабе настолько сильными сами по себе, что едва ли встречается надобность в слабо обоснованных теориях о каких-то будто бы необходимых добавочных стимулах.

[1]) Употребляя здесь и в других местах такие выражения, как «деятельность сознания», «сила влечений» и т. п., мы отнюдь не упускаем из виду физиологических процессов организма, одним из выражений совокупной деятельности которых и является психика, сознание и пр.

Сделанное В. Рейхом утверждение следует рассмотреть с двух сторон. С одной стороны, оно рекомендует психоанализ как метод общего установления того количества человеческой энергии, какое необходимо для успешной хозяйственной деятельности. Однако исторический материализм чуждается такого рода абстрактной постановки вопроса. Во-первых, искомое автором количество само определяется в первую очередь конкретно-историческими особенностями данной сельскохозяйственной формы с характерными для нее техникой производства и социально-экономическими отношениями, о чем у В. Рейха на этот раз не сказано ни слова. Во-вторых, даже и установив тем или иным способом количество абстрактной хозяйственной энергии у данного коллектива земледельцев, мы на этом одном основании ровно ничего не поняли бы в своеобразии той хозяйственной формы, где данное количество «энергии» применяется, а ведь для социолога это — основной вопрос, от решения которого зависит и об'яснение всех «надстроенных» форм, столь привлекательных, как мы видели, и для психоаналитиков.

С другой стороны, подчеркивая либидинозный момент в изображаемом им процессе, В. Рейх имеет в виду демонстрировать об'яснительное значение психоанализа и применительно к самому содержанию земледельческой жизни. Как указывает автор, об'ективным выражением наличия сексуального фактора является «водружение фаллосов на возделанных полях... практикуемое многими первобытными народами».

Что сексуальное влечение, действительно, дает многочисленные проявления в общественной жизни, — это не подлежит спору. Стоит ли напоминать о некоторых особенностях «парижских мод», о фривольных песенках кабарэ, о распространенности некоторых видов ругани в малокультурных слоях населения, о сексуальной окрашенности реклам, выпускаемых европейскими и американскими торговыми фирмами и т. д. и т. п.? Но, во-первых, такого рода бытовые особенности имеют очень незначительное отношение к важным проблемам общественного развития (экономические отношения, смена различных идеологий и т. п.). Большей частью они являются лишь известными симптомами тех общественных настроений, которыми в ближайшем счете питаются идеологии, а не причиной этих последних.

Во-вторых, уже один тот факт, что для примитивных народов характерно «водружение фаллосов», а для торговых фирм Западной Европы — сексуальные рекламы, говорит о том, что указанные выше либидинозные явления приобретают социологический интерес лишь постольку, поскольку они во всем их разнообразии рассматриваются как продукт определенной общественно-исторической ситуации. Нельзя сказать, чтобы это обстоятельство очень выгодно демонстрировало социологические потенции психоанализа даже в этой, особенно ему близкой области общественно-сексуальных явлений.

в) Еще один образец социологических экскурсов В. Рейха дан в следующих словах: «Как марксизм социологически выражает собою осознание законов экономического хозяйства, эксплоатации большинства меньшинством, так психоанализ выражает осознание общественного сексуального вытеснения». Эта формула, в которой вновь и вновь психоанализ горделиво ставится на одну доску с теорией исторического материализма, расшифровывается у В. Рейха следующим образом. Разгромив мораль и религию феодального общества, буржуазия, скоро утратившая былую революцион-

ность и заинтересованная больше всего в обеспечении своего господст
сама установила новый кодекс религиозных и моральных ограничений,
более тягостных, чем во времена феодализма. Эти ограничения, в раз
степени коснувшиеся всех без исключения классов капиталистического
щества, в том числе и самой буржуазии, вызвали мощный и массовый
цесс вытеснения либидо в бессознательное, что в свою очередь приве
возникновению множества сексуально-бытовых аномалий и к росту по
невротических заболеваний. Налицо — подлинное социальное бедствие,
одна из больших заслуг психоанализа состоит в том, что он позволяет
знать источники этого бедствия.

В указанном ходе мыслей есть бесспорно несколько верных поло
ний. Здесь правильно дана историческая последовательность явлений, п
зано бытовое загнивание буржуазного общества и притом в необходи
связи с идеологией этого последнего. (Впрочем, эти положения добыты
вершенно независимо от психоанализа).

Что психоневрозы отнюдь не являются следствием обыкновенного «
утомления», а представляют собою результат гораздо более глубо
потрясения организма, его вегетативно-эндокринной системы, «глубин»,
психики, особенно в ее эмоциональной сфере — все это считается неоспо
мым в современной психоневрологии, при чем здесь надо подчерк
огромную заслугу психоанализа, как одного из родоначальников указан
взгляда на природу психоневрозов.

Однако уже и в даваемое В. Рейхом об'яснение массового расп
психоневрозов в современном буржуазном обществе необходимо вн
одну существенную поправку. Если даже встать на точку зрения психо
литической теории, то и тогда следует признать, что вытеснение либи
обязательно ведет к возникновению психоневрозов. Согласно этой те
либидо может также «сублимироваться» в различные виды общест
признанной деятельности, при чем процесс сублимации способен пред
нить от возможного психоневроза и ликвидировать уже возникший.
здесь психологический анализ «уступает честь и место» социологическ
для того, чтобы сублимация могла иметь место, необходимо, чтобы д
общественная среда давала обильные стимулы и широкий простор для
вития задатков и сил личности. Действительно ли существует механиз
лимации и обязательно ли происходит последняя за счет именно либи
ной «энергии», а не за счет также и других влечений (первичных или
ричных), — этого вопроса мы здесь разбирать не станем. Нам
подчеркнуть лишь тот неоспоримый факт, что наиболее благо
ной общественной «атмосферой» для массового возникновения
неврозов является атмосфера принуждения и бесправия, с одной
роны, и пресыщенного безделия, исключающего здоровую инициативу
ленаправленность, с другой стороны. В нижних слоях пирамиды совре
ного буржуазного общества явления первой категории с избытком гар
руются массовой безработицей, фашизмом и прочими красотами кап
стического режима; на верхних слоях той же пирамиды расцвет я
второй категории неизбежно вытекает из роста монопольных предп
и перехода массы буржуа на положение рантье — моментов, угнет
массовую предпринимательскую инициативу, столь развитую прежде
империалистическую фазу капитализма. Если бы анализ особенностей с
менного капитализма развернуть еще шире и подробнее, захватив в
рассмотрения особенности классовой борьбы и политической жизни, т
интересующей нас здесь проблемы культурного и социально-патол
ского состояния буржуазного общества раскрылись бы новые и еще
интересные моменты. Оказалось бы, например, что революционное д
ние пролетариата играет роль психологически-оздоровляющего фактор

массы участников этого движения, что оно выдвигает из своей среды множество закаленных, «крепких духом» людей, в огромной степени застрахованных от психоневротических заболеваний. Оказалось бы, с другой стороны, что социально-патологические явления, с необходимостью вытекающие из особенностей современного капитализма, далеко не исчерпываются категорией психоневрозов; что, напр., такие не имеющие отношения к психоанализу болезни как туберкулез или артериосклероз также получили особенно мощное распространение в странах Западной Европы и Америки.

К рассуждению В. Рейха все это имеет ближайшее отношение. Ступив на почву исторического материализма, он, однако, оказался недостаточно смелым и последовательным в деле научного применения этого исключительного по своей плодотворности метода.

Но, и независимо от критики работы т. Рейха, чрезвычайно поучительным является то обстоятельство, что даже в области медицины биологическое изучение само по себе оказывается бесплодным. Только вставленное в оправу историко-материалистического метода оно начинает здесь приносить плоды. В полной мере это относится и к психоанализу. Интересно, что иные психоаналитики, рекомендуя учение Фрейда, утверждают, что оно представляет собою исключительно мощное орудие критики буржуазного общества. Однако, как фактически далекое от социологии учение, психоанализ отнюдь не располагает мандатом на роль главнейшего критика буржуазной культуры, несмотря на то, что требование на такой именно мандат недвусмысленно звучит из уст представителей «фрейдомарксизма».

Другое замечание в связи с обсуждаемым местом статьи В. Рейха состоит в следующем. Говоря о вытеснении, В. Рейх имеет в виду лишь социально-патологические последствия этого вытеснения. Другие психоаналитики идут в своих рассуждениях гораздо дальше, да и для нашего автора такое самоограничение совсем не характерно, ибо не соответствует его же заявлениям в других местах его работы. Что касается «самого» Фрейда, то он формулирует следующее положение: «Культура создает вытеснение, вытеснение создает культуру» [1]). Эта формула оживленно подхвачена «фрейдомарксистами» и выдается ими за образец правильного применения к ходу исторического развития того общеизвестного диалектического принципа, согласно которому причина и следствие постоянно меняются своими местами.

Однако диалектический материализм требует прежде всего максимальной содержательности исследования. О том же, насколько социологически бессодержательна теория абстрактной человеческой энергии, в том числе и теория вытесненного либидо, было уже не мало сказано на предыдущих страницах. В связи с рассуждением В. Рейха мы хотели бы только дать лишнюю иллюстрацию непригодности приведенной выше формулы Фрейда.

Едва ли какой-нибудь исторический период, согласно т. Рейху, в большей мере способствовал сексуальному вытеснению, чем период капитализма, особенно современного. Строго следуя формуле Фрейда, отсюда следовало бы заключить, что культура современного капитализма должна пребывать в состоянии перманентного и исключительного расцвета. Но ведь и т. Рейх должен согласиться (да он и сам пишет это) с тем, что дело обстоит далеко не так. Ряд областей буржуазного быта и культуры, наоборот, находится в состоянии загнивания, другие области культуры, как, напр., точное естествознание, все еще держатся на большой высоте. Как же в таком случае понять, согласно формуле Фрейда, все эти разнообразные, а частью и вовсе противоречащие выводам из нее, явления? Мы не беремся найти выход из положения, ибо считаем такое предприятие безнадежным. «Позвольте, — должен возразить

[1]) См. З. Фрейд, Основные теории психоанализа, Гиз.

фрейдист, — вытеснение отнюдь не обязательно ведет к расцвету культуры, так же как вовсе не обязательно оно приводит к росту психоневротических заболеваний. Ведь сами вы недавно упомянули о другой составной части фрейдова учения — о принципе сублимации. Когда вытесненное либидо не располагает путями для сублимации, культура подвергается упадку, когда же либидо сублимируется, культура шествует вперед. Формула Фрейда спасена и разве лишь нуждается в нескольких несущественных примечаниях».

Что это — единственно возможное для психоаналитика возражение — это бесспорно. Но убедительность его ничтожно мала. Если даже признать наличие механизма сублимации, все равно — сам по себе он в проблеме культуры ничего не об'ясняет, ибо психоаналитический метод не в состоянии установить, какие рычаги пускают в ход этот механизм. Только обстоятельный анализ социально-экономических условий выводит из беды, но это обстоятельство — плохая рекомендация для социологических попыток психоанализа.

Приведенного материала достаточно. Рассуждения В. Рейха в такой же мере, как и рассуждения остальных фрейдистов, оказались не в силах распространить социологическое значение индивидуальной психологии за те крайне ограниченные пределы, которые диктуются этой науке марксистским методом. Те положения, которые были выведены нами в предыдущей главе, остаются незыблемыми.

Однако специально в отношении психоанализа одного такого вывода совершенно недостаточно. В начале предыдущей главы я в порядке сознательной абстракции, необходимой для дифференцированного подхода к проблеме, исходил из произвольного допущения, будто психоанализ есть идеально-правильная теория индивидуальной психики. На самом деле это, конечно, совсем не так, что более подробно будет показано ниже. Как учение о личности, психоанализ обладает такого рода особенностями, что «включение его в теорию исторического материализма» не только методологически бесплодно, но и способно глубоко исказить основы марксова учения об общественно-историческом развитии. Пытаясь решать проблему образования идеологии, психоанализ оперирует почти исключительно с бессознательными тенденциями человека. Такого рода позиция приводит к двум крупнейшего значения ошибкам. Во-первых, поскольку содержание бессознательной сферы, как мы увидим ниже, определяется, согласно учению Фрейда, первичными, биологическими данными влечениями, оказывается, что фактором образования идеологий и двигателем общественной истории являются природные свойства человека. В лучшем случае перед нами дуалистическая концепция, в худшем (если логически продолжить содержащиеся в психоанализе утверждения) — ярко выраженный общественно-исторический идеализм, т.-е. нечто прямо противоположное марксову учению.

Во-вторых, как с точки зрения повседневно наблюдаемых фактов, так и методологически совершенно недопустимо игнорировать роль общественного сознания. Между тем во всех решительно социологических рассуждениях не только Фрейда, но и особенно нас здесь интересующего В. Рейха, не содержится никаких указаний на историческую деятельность сознания. Выходит, что люди «делают историю» лишь в качестве существ, слепо повинующихся игре бунтующих в них инстинктивных сил. Какое представление может быть дальше от живой действительности, чем это! Когда мы утверждаем, и притом абсолютно правильно, что общественный класс лишь в той мере может рассчитывать на политический успех, в какой он подчиняет свои временные и частные интересы верно понятым обще-классовым интересам своего исторического будущего, то что это означает в переводе на язык социальной психологии? Это значит, что мы говорим о чрезвычайно большом историческом значении ясного и развитого классового сознания, интересы которого неизмеримо сильнее, чем процессы бессознательные; даже,

если допустить (правда, без достаточного основания), что последние сохраняют известную независимость в психике человека. Можно было бы возразить, что не всякий класс и не всегда обладает ясным сознанием своих интересов; что не в любой момент своего бытия класс «в себе» является классом «для себя». Совершенно верно, но именно, поскольку это обстоятельство имеет место в действительности, постольку в применении к данному классу социологическое значение его психологии вообще претерпевает резкое снижение. Независимо или почти независимо от этой своей психологии он становится игрушкой чужеродных классовых влияний и «слепых» сил экономического развития.

В начале своей статьи т. Рейх скромно оговаривается, что «феномен классового сознания едва ли доступен» психоанализу. Такое заявление очень приятно слышать из уст психоаналитика, но как в таком случае можно браться за разрешение вопроса о возникновении идеологии! Неужели т. Рейх серьезно думает, что здесь можно и в самом деле обойтись без феномена классового сознания, без учета всех внешних и внутренних законов, этим сознанием управляющих?

Чрезвычайно любопытное обстоятельство. Тот самый психоанализ, который с полным правом заслуживает обвинения в том, что он снижает значение экономического «фактора» в угоду психологическому, дискредитирует этот последний там, где речь идет о процессах сознания. Тут у нас как будто что-то неладно. Можно ли в самом деле выдвигать указанное обвинение, если психоанализ сам в какой-то мере принижает значение общественной психологии? Однако в действительности здесь нет противоречия ни у психоаналитиков, ни у нас. Все дело в том, что психоанализ умаляет значение лишь некоторого компонента общественной психологии и притом именно такого, через который эта психология оказывается продуктом социально-экономических условий. Такого рода взгляд нисколько не мешает психоаналитикам фактически изображать психологический «фактор» в виде важнейшего исторического двигателя, но зато такого двигателя, который в силу своих, имманентных человеческой природе, свойств независим от экономики.

Что касается марксизма, то и он полностью воздает должное общественной психологии. Однако, правильно понимая структуру и движущие силы этой последней, он стоит несравненно выше психоанализа в деле оценки действительной роли социально-психологического «фактора» и его положения в ряду других общественно-исторических моментов.

Все сказанное с неизбежностью приводит к следующему выводу:

Если самая претензия психоанализа, как по существу индивидуально-психологического учения, на свое «включение» в социологию является бесспорно недопустимой, то вдвойне недопустимой следует признать его попытку извратить наши многократно испытанные и проверенные взгляды на действительный ход общественного развития.

VI. Психоанализ и диалектический материализм.

Теперь перед нами возникает последняя (по месту, но не по роли) задача. Приписывая психоанализу крупное социологическое значение, В. Рейх, как мы видели, делает бесспорную ошибку и притом, — несмотря на то, что он больше, чем кто-нибудь из его предшественников — фрейдистов, заботится о соблюдении принципов материалистической диалектики. И тем не менее ошибка все же налицо. Естественно, возникает вопрос: является ли эта ошибка продуктом личного неумения т. Рейха правильно использовать

может быть самое по себе верную теорию психоанализа, как индивидуально-психологического учения, или в этой теории есть какие-то коренные недочеты, с неизбежностью толкающие на неправильные, социологические попытки, и притом совершенно независимо от научной добросовестности их авторов. Высокая научная квалификация и талантливость разбираемой статьи уже a priori делают менее вероятной первую из этих возможностей. Однако здесь необходимо рассмотреть вопрос по существу.

На протяжении всей своей работы т. Рейх пытается показать, что психоанализ полностью выдержан в духе диалектического материализма. Если бы это в самом деле было так, то говорить о коренных недочетах психоаналитической теории было бы невозможно. Поэтому разрешение поставленной выше дилеммы никак не может пройти мимо ответа на вопрос: действительно ли психоанализ, как индивидуально-психологическое учение, диалектичен и материалистичен?

Но, решая этот вопрос, я отказываюсь итти тем путем, которым идет В. Рейх, ибо по принятому им способу можно изобразить диалектико-материалистическим если не все, что угодно, то во всяком случае весьма далекое от марксизма теории. В. Рейх разложил теорию психоанализа на отдельные положения и каждое из них подверг изолированному рассмотрению. Но ведь психоанализ (и это нужно твердо усвоить) не простое рядоположение нескольких блестящих научных открытий, а внутренно связанная система, каждый из тезисов которой имеет совершенно определенный удельный вес среди других тезисов. От этого дело меняется очень существенно. В пресловутой книжке Савича «Основы поведения человека» развивается во многих местах заимствованное у Павлова и глубоко материалистическое учение о динамике условных рефлексов. Но когда законы, управляющие этой динамикой, об'являются «сущностью» человека, когда ими пытаются объяснить все содержание поведения — короче, когда в системе взглядов учения об этих законах придается совершенно непропорциональный их действительной роли удельный вес, — тогда налицо явная ненаучность и, как в данном случае, неприкрытая реакционность — качества, за которые книжка Савича получила в свое время надлежащую оценку. Я очень далек от того, чтобы ставить на одну доску по их достоинствам «теорию» Савича и теорию Фрейда. Речь идет лишь о том, что во избежание ошибок рассмотрение каждого учения должно иметь в виду все учение в целом, по крайней мере — сердцевину учения. Между тем т. Рейх, особенно в главе «Диалектика в области душевного», рассматривает независимо одно из другого сначала процесс образования психоневрозов, затем смену приятного и неприятного, процесс идентификации и т. д., отыскивая в каждом из этих процессов моменты, иллюстрирующие тот или иной принцип диалектики. Или же он поступает наоборот, намечая предварительно какой-либо подлежащий иллюстрированию принцип диалектики (напр., о переходе количества в качество) и вслед затем подыскивая соответствующие примеры из психоаналитического материала. Такого рода подход содержит в себе очень много чисто-формальных моментов, тогда как нет ничего более чуждого диалектике, чем формализм.

Для того, чтобы охватить учение Фрейда в целом, лучше всего выяснить, какою представляется с точки зрения этого учения природа личности человека. Построение теории личности есть высшее завершение каждой зрелой психологической школы; содержание такой теории есть наилучший материал для суждения о достоинствах и недостатках данной психологической системы. Но прежде, чем взяться за указанную задачу, я считаю нужным остановиться на отдельных достижениях психоанализа — не с тем, чтобы обсуждать их соответствие основам диалектического материализма (это, как мы только что выяснили, нужно делать в ином разрезе),

а с тем, чтобы показать, что мы действительно имеем дело с чрезвычайно интересным и ценным научным предприятием, отдельные очищенные плоды которого подлежат научному использованию независимо от оценки всей психоаналитической теории — подлежат хотя бы для того, чтобы включить их в еще более совершенную систему оформляющейся марксистской психологии. Нужно с самого же начала покончить с утверждением, будто марксистская методологическая критика психоанализа отрицает нацело отдельные эмпирические достижения этого учения, будто она солидаризируется с «нравственным возмущением» и с мелочными придирками, столь характерными для буржуазной критики психоанализа.

Я ограничусь самым важным. Крупной заслугой Фрейда следует считать учение о бессознательном, как об особой системе психической деятельности. Что дело действительно идет об особой системе, видно из того, что отдельные переживания связываются в ней по другим законам, чем в сфере ясного сознания. Здесь действуют не силлогизм, не индуктивные и дедуктивные умозаключения, а «механизмы», сгущения, смещения, своеобразной символики и т. д., на описании и разборе которых здесь не место останавливаться[1]). Сверх того, процессы бессознательно находятся под более интимным и более мощным воздействием эмоций и аффектов, чем это имеет место в сфере сознания. С другой стороны, характеристика бессознательного как особой системы подтверждается еще и тем, что проникновение переживаний из сферы сознания в бессознательную сферу и обратно встречает известные препятствия, хотя и не столь непреодолимые в естественных условиях, как это вытекает из многих утверждений Фрейда. Для того, чтобы сознательное переживание стало бессознательным (во фрейдовском смысле этого слова, отличать от подсознательного, временно стершегося в памяти), оно должно быть вытеснено в бессознание как постыдное и антисоциальное с точки зрения «общественного мнения» и данного индивидуума. И, наоборот, для того, чтобы, раз вытесненное из сознания, оно снова могло проникнуть туда, оно должно подпасть под тормозящее или искажающее влияние различных противоборствующих стремлений, которые Фрейд обозначает общим именем: «цензура».

Что все эти реальные психические состояния и «аппараты» являются выражением некоторых физиологических процессов, это не подлежит никакому сомнению (независимо от того, что на этом вопросе Фрейд почти не останавливается) — как с точки зрения диалектического материализма, так и с точки зрения эмпирических данных мозговой физиологии, подметившей не мало процессов, сходных по своим результатам (торможение, иррадиация и т. д.) с результатами психоаналитических процессов. Здесь необходима лишь одна очень существенная оговорка. Рассматривать «процессы» сознательной и бессознательной сферы, как выражение некоторой физиологической деятельности, еще совсем не означает сводить последнюю к элементарным невродинамическим процессам. Как известно, И. П. Павлов полагает, что физиологической основой сознания является «оптимальная возбужденность» тех или иных пунктов мозговой коры; развитие тормозного процесса в этих пунктах, наоборот, приводит к учащению данного сознательного переживания. Не вдаваясь в оценку этой гипотезы и исходя здесь из ее положений как из вполне адэкватных реальности, мы все же должны подчеркнуть, что процессы возбуждения и торможения действуют не в некоторой абсолютно однородной среде, а в мозговой массе, обладающей совершенно определенной структурой, как морфологической, так и функциональной. Конкретно: «карта» путей, по которым «пробегают» торможение и возбуждение, обусловлена не только наличным внешним раздражением, но и всей

[1]) Ср., напр., Фрейд, Лекции по введению в психоанализ, ГИЗ.

предшествующей историей развития личности, также как и биологическими задатками и особенностями последней. Тот факт, что возбуждение пришлось на этот невроз, а не на другой, в огромной степени зависит от «предуготованных» структурных предпосылок более обширной и развитой системы, без предварительного изучения которых все разговоры о «торможении и возбуждении» остаются пустым звуком.

Все это имеет ближайшее отношение и к проблеме бессознательного. Что в сфере фрейдова бессознательного, так же, как и в области сознания, конечной основой всех состояний и изменений являются процессы возбуждения и торможения, — это совершенно бесспорно. Но своеобразие соотношений в бессознательной сфере, вскрытое психоанализом, свидетельствует о том, что и морфолого-функциональная структура этих соотношений также своеобразна по сравнению со структурой других «сфер» психофизиологической деятельности, и что процессы элементарной невродинамики сами находятся «под эгидой» закономерностей указанных структур.

С этой точки зрения не учение об условных рефлексах «указует путь» психоанализу (или даже устраняет последний, как об этом говорит, напр., Б. Завадовский [1]), а, наоборот, психоанализ ставит перед учением об условных рефлексах десятки задач, стоящих по самой природе этого учения за пределами его поля зрения.

Мы намеренно не говорим здесь о других моментах фрейдова учения о бессознательном—о содержании бессознательной сферы и о ее удельном весе в общей системе психо-физиологической деятельности. Оба этих—не в пример предыдущим — очень уязвимых момента имеют непосредственное отношение к проблеме личности, и потому будут рассмотрены дальше.

В тесной связи с учением о бессознательном находится установка психоанализа, на поиски «глубинных» двигателей человеческого поведения. Эта установка очень плодотворна, и без нее не может обойтись ни одна школа психологии, рассчитывающая на действительные успехи в деле познания личности. Независимо от того, каких взглядов на природу «глубинных» двигателей держится классический психоанализ, важен самый принцип, хорошо обоснованный им и прочно введенный в современную психологию. Речь идет о том, чтобы, устанавливая причины данного поступка или помысла, уметь разгадать его истинные побудительные мотивы даже тогда, когда они совершенно не сознаются суб'ектом и, как это нередко бывает, маскируются им в одежды стройных умозаключений, на самом деле имеющих лишь ничтожное значение в происхождении данного поступка. Вовсе не обязательно, чтобы человек намеренно скрывал подлинные мотивы своего поведения. Действуя с самыми чистыми намерениями, он начинает убежденно доказывать, что им руководили такие-то принципиальные соображения, тогда как ближайшее изучение может показать, что на самом деле «под слоем» этих соображений гораздо более могущественную роль играли такие мотивы, как честолюбие, оскорбленное самолюбие, личная вражда и т. п. Прямое разоблачение такого рода мотивов вызывает по вполне понятным причинам взрыв возмущения со стороны «разоблаченного». Но целый ряд об'ективных данных, результаты длительного наблюдения за испытуемым, а иногда и добросовестное самонаблюдение часто показывают, что психологический диагноз был правилен. Такая подстановка иллюзорно-рассудочных мотивов на место подлинных, но бессознательных носит название «вторичной обработки» или «обратной рационализации». Во избежание всяких недоразумений, мы должны подчеркнуть уже здесь, что в общей системе психоанализа излагаемый принцип испытывает существенное искажение и, благодаря этому, сильно теряет в своей ценности. Вопреки обратному мнению психоаналитиков 1) «глубинные» мотивы не обязательно бывают неосознанными; 2) даже и будучи неосознанными, не обязательно обладают большой мощностью; 3) формируются далеко не всегда (скорее—реже всего) из примитивных биологических (психоаналитики настаивают на том, что из половых) влечений и, наконец, 4) в известных условиях (мощная закалка в процессе общественной деятельности, высоко развитый интеллект) и вовсе уступают поле действия рациональным сознательным мотивам, которые в этом случае превращаются из маски в подлинную сущность личности. Дело, как мы видим, обстоит гораздо сложнее, чем это представляется психоаналитикам, и тем не менее выставленный ими принцип сохраняет всю свою важность. В своем очищенном от абсолютизации виде он есть не что иное, как своеобразно выраженное и практически обоснованное требование—изучая индивидуальную психику, вскрывать превращение «сущности» в ее внешнее выявление и по этому последнему научиться судить об этой сущности.

[1]) См. Стенограф. отчет конференции марксистско-ленинских учреждений, изд. Комм. Акад., 1929 г., прения по докладу О. Шмидта.

Одной из важнейших положительных особенностей психоаналитического метода является также и то, что он вскрывает динамику психической деятельности. Не ограничиваясь одной лишь констатацией психических состояний, скрытых или явных, он пытается установить превращение одних в другие. Психика представляется ему в виде структурного сочетания различных «инстанций» (напр., сознания, предсознания, бессознания), как своеобразных силовых центров, находящихся в постоянном взаимодействии. Результатом этого последнего является не только изменение самих «инстанций», но и возникновение рода психических образований, несущих в себе (иной раз искаженные) признаки тех побудительных мотивов, которые приняли участие в их формировании. Конкретная расшифровка указанного принципа, как она производится психоанализом, подлежит, как мы увидим ниже, очень существенной критике, и тем не менее об этом принципе следует сказать то же, что и о предыдущем: он должен быть включен в методологический инвентарь подлинно-научной психологии.

Психоаналитическая теория влечений, один из краеугольных камней психоанализа, содержит в себе ошибок больше, чем какая-либо другая из частей этого учения. Переоценивая (как это будет ясно из дальнейшего) биологический компонент в поведении человека и неправильно сводя все «движущие пружины» психики к деятельности либидо, психоанализ тем не менее или скорее именно в силу переоценки либидо, разработал, как никакое другое учение, теорию полового влечения. Возникновение сексуальных стремлений с первого же года внеутробной жизни, во всяком случае очень задолго до момента половой зрелости, различные фазы развития либидо и их закономерный переход одна в другую, нередкая остановка в развитии либидо или даже так называемая его регрессия, значительная (хотя и не исключительная, как на этом настаивает психоанализ) роль полового влечения в ряду других «двигателей поведения»—все эти положения никак не могут быть обойдены ни психологией, ни педагогикой, ни медициной.

Очень велико значение психоанализа и для теории психоневрозов. Если по меньшей мере спорным является психоаналитическое утверждение, будто во всех случаях психоневроза дело обязательно идет об аномалиях сексуального порядка, при чем, не останавливаясь перед очевидными натяжками, психоанализ пытается об'яснить с этой точки зрения даже психоневрозы военного времени,—то все же необходимо считать заслугой фрейдова учения раскрытие целого ряда моментов в патогенезе психоневротических заболеваний. По теории Фрейда, психоневроз не может быть целиком об'яснен однократной, хотя бы очень сильной, психической травмой. Эта

последняя играет лишь роль повода или является последним звеном в ряду тех моментов, которые уже задолго до этого делали дебют заболевания неминуемым. Психоневроз является результатом длительного конфликта между желаниями личности и внешними препятствиями к осуществлению этих желаний, препятствиями, которые большей частью приемлются субъектом, как вполне законные требования морали, совести и т. п. В процессе такого конфликта внутренне-осужденное стремление вытесняется в бессознательное, не теряя, однако, при этом всей присущей ему мощности. С течением времени психика субъекта становится чрезвычайно ранимой, переполняясь так наз. комплексами, т.-е. группами представлений, тесно связанных с тем или иным неприятным, но сильным аффектом. В этих условиях достаточно и незначительного внешнего повода, чтобы скопившаяся «взрывчатая энергия» пошла на образование различных болезненных симптомов, иной раз очень тяжелых. Вопреки взглядам П. Жанэ и согласно теории психоанализа, в этом пункте совершенно правильной, не существует непроходимой пропасти между психикой психоневротика и здорового человека. Душевная жизнь того и другого формируется по принципиально одним и тем же законам. Разница между тем и другим зависит лишь от интенсивности процесса вытеснения, от степени устойчивости субъекта по отношению к психическим последствиям внутренних конфликтов, от характера внешних условий жизни, в одном случае еще сильнее отягощающих психическое состояние, в другом случае, наоборот, дающих косвенный выход заторможенным силам личности. В результате накопления неблагоприятных моментов более примитивные процессы получают перевес, структура личности (ее качество) резко изменяется и возникает психоневротическое заболевание.

Едва ли сделанный нами перечень основных заслуг психоанализа мог бы удовлетворить убежденного сторонника фрейдова учения. Такой сторонник должен, напр., заявить, что нами пропущено или недооценено самое основное в психоанализе — теория полового влечения, как фактора центрального значения для развития личности со всеми вытекающими из принятия этой теории выводами. Однако я вовсе не брал на себя обязательства доказывать правильность психоанализа, как единой системы. Наоборот, основываясь на теории личности, данной психоанализом, я имею в виду показать ошибочность системы психоаналитических взглядов.

При рассмотрении психоаналитического учения о личности нас главным образом должен интересовать следующий центрального значения вопрос: какую роль приписывает это учение каждому из обоих основных моментов в развитии личности—биологическому и социальному? Какому из них оно отдает предпочтение, как главному фактору, определяющему содержание психики и направление поведения?

В нашей литературе, поскольку шла речь о поставленном только что вопросе, неоднократно указывалось, что психоанализ отличается ярко выраженным биологизмом. В. Рейх категорически возражает против такого взгляда и почти на всем протяжении своей статьи пытается показать, что принципы психоанализа не только противоречат положению об определяющем воздействии социальной сферы, но даже дают углубленное обоснование этому положению. В разных местах т. Рейх утверждает: «Психоанализ не может даже представить себе ребенка без общества; он знает ребенка только как общественное существо». «Психоанализ сводит всю мораль человека к влияниям воспитания»... «Индивид в психическом отношении появляется на свет в виде пучка потребностей и соответствующих влечений. С этими потребностями он, как общественное существо, немедленно оказывается включенным в общество, и не только в тесный общественный круг

семьи, но косвенно, через экономическое положение своих родителей, также в более широкое общественное целое».

Посмотрим, однако, в какой мере согласуются с этими словами основные положения психоанализа.

Как известно, психоанализ сводит все внутренние факторы человеческой деятельности к половому влечению. Даже инстинкт принятия пищи основоположник психоанализа Фрейд подчиняет эросу, рассматривая пищевой инстинкт, как функцию любви к самому себе (нарцизм). В том, что из числа прочих элементарных влечений Фрейд отдает решительное предпочтение именно половому, в этом нельзя видеть ничего принципиально недопустимого. Только закованная в узкие моральные догмы и не имеющая ничего общего с действительной научностью критика может считать такое предпочтение принципиально недопустимым на том якобы основании, что Фрейд, утверждая это, оскверняет «чистоту помыслов» человека. Не подлежит сомнению, что тот «пучек потребностей и влечений», с которым рождается индивид, является исходной точкой его дальнейшего психического развития. И если кто-либо считает, что в этом «пучке» преимущественное значение принадлежит какому-нибудь одному, хотя бы и половому влечению, то речь может итти только о том, чтобы такого рода взгляд был подтвержден достаточно убедительными фактическими данными. Внимательный анализ аргументов Фрейда показывает, что такими убедительными данными психоанализ располагает лишь в очень небольшой мере, но от этого методологическая постановка нашего вопроса нисколько не меняется. Мы можем смело исходить из предположения, что Фрейду и его ученикам уже удалось доказать особое значение полового влечения, как исходного пункта индивидуального развития. Нам важно другое. Дело в том, что, с точки зрения психоанализа, половое влечение, несмотря на то, что оно бесспорно относится к врожденно-биологическим свойствам человека, оказывается далеко не только в скромной роли одной из предпосылок психического развития; сверх того, оно рассматривается и как могучий определяющий фактор этого развития, его направления, его содержания. Но такое представление никак нельзя считать верным с точки зрения материалистической диалектики. Делая это утверждение и становясь тем самым на почву методологической критики, мы отнюдь не имеем в виду абсолютного противопоставления такого рода критики чисто-эмпирической, ибо методология диалектического материализма сама покоится на необозримом количестве эмпирических данных и настаивает на необходимости их неустанного накопления. В частности, что касается развития личности, то совокупность данных, добытых повседневным наблюдением и научным анализом, показывает, что и здесь диалектико-материалистическое понимание процесса является единственно обоснованным и плодотворным.

В самом деле, исчерпываются ли внутренние «двигатели» поведения одними лишь первично - данными биологическими влечениями? Нет, на ряду с этими последними и оттесняя их, у взрослого и деятельного человека имеется ряд других устремлений, которые по способу и по интенсивности своего действия кое в чем аналогичны биологическим влечениям и в то же время резко отличаются от них по своим целям, по своему направлению. Такого рода устремления возникают в процессе общественной жизни индивида, и их вполне уместно обозначить как вторичные (или социально обусловленные) влечения. Возникает вопрос: в каком отношении вторичные влечения находятся к первичным (чисто-биологическим). Есть целый ряд данных, например, из области учения об условных рефлексах, а также из области того же психоанализа, что те и другие связаны друг с другом генетически, т.-е. что биологические влечения являются необходимой предпосылкой для возникновения вторичных. Однако генетическая зависимость,

т.-е. зависимость, наверно имевшая место в одном из пунктов развития, еще далеко не означает ни обязательной зависимости на всех последующих этапах развития, ни тем более сколько-нибудь значительной подчиненности вторичных влечений первичными. Как раз наоборот: вслед за своим возникновением вторичные влечения приобретают мощное самостоятельное значение, специальные пути своего развития, своеобразное положение в общей структуре личности. Нужна особая тенденциозность, чтобы вопреки живой действительности считать такого рода влечения не больше, чем разновидностью биологических влечений. Конечно, преемственность между влечениями первого и второго рода обязывает. Подобно тому, как морфологическое изучение филогенетического ряда животных вскрывает у более поздних представителей этого ряда рудиментарные остатки органов, очень важных и развитых, когда их носителями были отдаленные предки изучаемых животных, подобно этому и психологическое исследование показывает, что на высших ступенях психического развития имеются элементы прошлых этапов этого последнего. Больше того, было бы неправильно рассматривать эти элементы, как нечто мертвое, бездейственное, ибо известную вспомогательную роль они все же продолжают играть. Но в новой структуре личности они — уже не то, чем были раньше; прежние «демиурги» развития, они теперь «расформированы» и включены в различные отделы новой структуры. И лишь тогда, когда эта последняя деградирует (болезненный процесс опьянения), старые тенденции вновь обнаруживают свое былое значение и могут иной раз решающим образом определять поведение индивида.

Изложенное здесь диалектическое представление о ходе развития личности чуждо психоанализу, что особенно ярко иллюстрируется теми местами из сочинений психоаналитиков, где последние от общих рассуждений переходят к конкретным выводам. Так, напр., т. Рейх считает правильным говорить «о вырастающем из анальной эротики эстетизме и о различении его (эстетизма. *И. С.*) роли в буржуазную эпоху, с одной стороны, и в примитивном обществе или в средние века,—с другой». Вторая часть этой фразы показывает, что, согласно Рейху, эстетизм не только возникает из анальной эротики, но и определяется в своих формах этой последней. Указание на различные эпохи имеет здесь, как это видно из контекста, лишь тот смысл, что, по мнению Рейха, историческая обстановка влияет известным образом на анальную эротику; о непосредственном же и притом решающем влиянии этой обстановки на самые формы эстетизма у т. Рейха нет и речи.

«Когда ребенок,—читаем мы в другом месте,—с удовольствием копавшийся в испражнениях, начинает потом с таким же удовольствием строить башни из мокрого песка, а выросши проявляет особый интерес к строительному делу, то во всех этих фазах сохраняется старое, хотя и в различных формах». Или еще: «другим примером может служить история развития хирурга или врача-гинеколога, первый сублимирует свои садистские наклонности, второй — свою инфантильную страсть подглядывать и щупать». Мы видим, что, согласно приведенным словам, и выбор профессии определяется сексуальным влечением. Правда, в дальнейшем т. Рейх несколько смягчает резкость своих утверждений: «На ряду с этим суб'ективным позывом,—пишет он,—форма сублимирования, конечно, обусловлена чисто экономическими факторами, ибо сублимирует ли человек свой садизм как скотобоец, как хирург или как сыщик, это решается прежде всего его общественным положением». Однако и такое изображение действительности не может нас удовлетворить. Прежде всего, неправильно рассматривать в виде двух отдельных факторов — «суб'ективный позыв» и «экономический фактор», ибо нельзя говорить о двух равноправных моментах там, где первый из них, начиная уже с ранних этапов развития, сам определяется вторым. Игнорируя это, т. Рейх обнаруживает лишний раз, что под суб'ективным фактором он разумеет не что иное, как биологическое влечение, и что этому последнему он приписывает, если не исключительное, то во всяком случае очень значительное влияние на содержание личности. С другой стороны, оговорка т. Рейха о том, что сексуальное влечение намечает лишь группу подлежащих выбору профессий, тогда как полная конкретизация выбора делается под влиянием других (экономических) моментов—эта оговорка принципиально не меняет сути нашего утверждения.

Меня не нужно понимать в том смысле, будто следует отрицать значение биологических задатков человека при выборе им профессии. Человек со слабо развитым слухом едва ли, как правило, пойдет «по музыкальной части», а человек с высокой природной одаренностью имеет много шансов стать при прочих благоприятных условиях представителем какой-нибудь очень квалифицированной профессии. Но одно дело говорить о задатках как о природных возможностях, другое дело рассматривать их как данное от природы направление профессиональных интересов. Первое вполне реально и правомерно, о втором этого сказать нельзя.

Вовсе не удивительно, что, придерживаясь таких взглядов, т. Рейх дает следующую формулировку, подводящую общий итог его рассуждениям: «... Как соматически обусловленная интенсивность потребностей, так и качественные различия развития (курсив мой. *И. С.*) определяются аппаратом влечений». Зато т. Рейх совершенно непоследователен, когда, вопреки всему вышесказанному, а также только что приведенным его словам, заявляет: «Человеческие задатки и влечения, эти пустые формы, которые должны наполняться общественным содержанием, проходят через горнило отношений (общественных) к отцу, матери и воспитателям и лишь после этого приобретают свою окончательную форму и свое содержание». Если отвлечься от содержащегося в этой фразе неверного акцентуирования важности внутри-семейных влияний, то следует признать, что данная формулировка т. Рейха в общем правильно выражает действительное соотношение биологического и социального моментов в развитии личности. Однако еще более ясно, что она совершенно не вытекает ни из основных положений психоанализа, ни из других утверждений самого т. Рейха. Как можно, приближаясь к истине, утверждать, что влечения суть «пустые формы», после того, как было употреблено столько усилий на то, чтобы вопреки действительности показать, что те же влечения определяют самое содержание психики?

Было бы, конечно, совершенно неправильно говорить, что с точки зрения психоанализа влияния социальной среды на личность совсем не должны учитываться. Психоанализ не отрицает, а суживает, преуменьшает значение социально-экономического фактора. Но и это является крупнейшей ошибкой. Из основных принципов психоанализа нельзя сделать другого вывода, кроме того, что чисто-биологические влечения и связанные с ними первые этапы развития «накладывают свою руку» на все дальнейшее развитие. Но такая переоценка момента преемственности отрицает самое развитие во всем его многообразии, а, стало быть, вступает в противоречие с самою действительностью. Здесь налицо погрешность не только против диалектики, но и против материализма: там, где теоретически умаляется значение социальных влияний на развитие личности—целый ряд моментов этого развития становится рационально необ'яснимым и окутывается мистическим туманом.

К точно таким же выводам приводит рассмотрение психоаналитических взглядов на структуру личности. Мы еще не говорили о том, каково

содержание бессознательного, играющего с точки зрения психоанализа столь большую роль в поведении индивида. Фрейд считает, что в состав бессознательного входят унаследованные переживания предков, а также детские сексуальные переживания, вытесненные из сознания, как морально недопустимые. Не входя в обсуждение вопроса, действительно ли основной биогенетический закон имеет отношение даже к конкретным психическим переживаниям (что по меньшей мере очень сомнительно), следует подчеркнуть, что указанный взгляд на содержание бессознательной сферы в высокой степени недооценивает социальную «пронизанность» личности. По Фрейду, социальное бытие личности представлено в бессознании только через вытесненные детские переживания. Но в таком случае социальные влияния фактически редуцированы до семейных, и притом воздействуют лишь в течение короткого промежутка времени. С другой стороны, речь у Фрейда идет о вытеснении лишь сексуальных переживаний; что же касается тех устремлений, которые мы выше обозначили, как вторичные, и которые в огромной степени связаны с экономической и классовой характеристикой личности, то этим психическим образованиям в бессознательном теорией психоанализа не оставляется никакого места, несмотря на то, что в этой категории стремлений также бесспорно имеются стремления, «недопустимые» с точки зрения господствующих моральных норм. Здесь можно напомнить, напр., о достаточно распространенном типе людей, которые, переменив свое классовое положение, самым искренним образом и притом иной раз очень успешно пытаются воспринять психологию их нового социального окружения и тем не менее несут в себе не мало пережитков старого, усиленно вытесняемых ими из своего сознания. Игнорирование всех этих моментов логически связано у психоаналитиков с особенностями их теории влечений, уже рассмотренной выше. Бессознательное, с точки зрения психоаналитиков асоциально, его содержание определено биологическими свойствами человека.

В сфере сознания социальное бытие личности представлено достаточно сильно — даже и с точки зрения психоанализа. Однако это обстоятельство обесценивается в теории психоанализа тем, что сознанию приписывается лишь незначительная влиятельность сравнительно с бессознанием. Некоторые психоаналитики, в том числе и т. Рейх, оспаривают это утверждение, заявляя, что психоаналитическая терапия психоневротиков апеллирует именно к силам их сознания; иначе лечение обречено на неуспех. Факт, на который здесь ссылаются психоаналитики, совершенно реален. Вместе с целым рядом других аналогичных фактов он показывает, что сознательные мотивы поведения могут иметь и большей частью имеют несравненно более сильное влияние на личность, чем бессознательные. Но в то время, как такого рода влияние должно быть признано обычным и действительным в повседневной жизни нормального и активного человека, психоаналитики фактически считают его исключительным явлением, имеющим место лишь при условии искусственного воздействия врача на больного, либо при условии особой выучки и тренировки данного суб'екта.

Характерная для психоанализа переоценка биологического момента становится еще более отчетливой, если исходить из более поздних взглядов Фрейда на структуру личности. Фрейд различает между «оно», «я» и «сверх-я». «Оно»—по преимуществу мир вытесненных сексуальных переживаний и, таким образом, почти совпадает с «бессознательным», по прежней классификации Фрейда. «Я»—влечения, связанные с инстинктом самосохранения и, как мы уже видели, сводится Фрейдом к одной из разновидностей того же полового влечения (к нарцизму). Переживания, относящиеся к деятельности «Я», по преимуществу сознательны. «Сверх-я» — идеальные побуждения человека, развивающиеся на основе бессознательного «эдипова комплекса» и потому также в большей своей части бессознательные. Уже одной этой краткой характеристики основных, по новой классификации Фрейда, структурных компонентов личности достаточно, чтобы убедиться в том, что и они по Фрейду пронизаны насквозь сексуальным, т.-е. биологическим, содержанием. Однако здесь нас интересует еще одно обстоятельство. Согласно формулировке В. Рейха, «оно» «представляет собою выражение биологического состава личности». С другой стороны, тот же т. Рейх формулирует значение «Я» следующим образом: «Я»—это только особенно дифференцированная часть «оно», буферили защитный орган между «оно» и реальным миром» (Курсив мой. *И. С.*). Обе эти формулировки, полностью отражающие соответствующие взгляды классического психоанализа, с достаточной убедительностью показывают, что, согласно теории психоанализа, та инстанция личности, которая выражает собою ее биологический состав, оказывается несравненно более влиятельной, чем «Я» с его социально-обусловленными элементами. Если даже допустить, что и вправду «Я» развилось из «оно», то откуда же следует, что это «Я», раз возникнув, не должно было, как это и есть на самом деле, сделаться самостоятельным и чрезвычайно мощным источником влияния на развитие личности? А между тем, по Рейху, «Я» — лишь «буфер или защитный орган». Психоанализ фактически игнорирует деятельность индивидуального сознания так же, как он это делает и по отношению к сознанию общественному. Ошибка, допускаемая им в его социологических вылазках, теснейшим образом связана с его ошибочной теорией личности. Как здесь, так и там психоанализ, игнорируя деятельность сознания, теоретически отрезывает социально-экономическим условиям путь для воздействия их на человека.

Фрейдизм трудно упрекнуть во внутренней нелогичности; наоборот, в нем очень искусно все прилажено одно к одному так, что, даже излагая его отдельные ценные тезисы, приходится делать многочисленные поправки и оговорки. Перед нами стройная внутренне-выдержанная система. И тем не менее «дух» этой системы, ее основной смысл таков, что признавать ее диалектико-материалистической является грубейшей ошибкой.

* * *

Теперь мы можем подвести некоторые итоги:

1) Система психоанализа, как учения о психике индивида, не выдерживает методологической критики с точки зрения теории диалектического материализма. Несмотря на то, что основоположникам психоанализа удалось в стихийном порядке адэкватно отобразить об'ективную диалектику некоторых отдельных психических процессов, общие воззрения психоанализа на природу личности не отвечают требованиям ни диалектики, ни последовательного материализма. В отношении диалектики крупнейшая погрешность психоанализа состоит в том, что он чрезмерно биологизирует человеческую личность, недооценивая социальных ее компонентов. Он недостаточно учитывает то обстоятельство, что индивид является частью известным образом структурированного общественного целого, и что законы этого целого, преломляясь через психофизиологический аппарат индивида, преобразуют его природные свойства и подчиняют их себе. Все усилия т. Рейха, направленные на отрицание этой погрешности или на смягчение ее последствий при критической оценке психоанализа, никак нельзя признать убедительными. Методологическим источником ошибки т. Рейха является недостаточное использование им диалектических положений по вопросу о «сведении» и—в связи с этим—по вопросу о соотношении между различными этапами процесса развития.

Несоответствие психоанализа основным положениям диалектики неизбежно должно было привести и к известному противоречию его с принципами материализма; особенно выявилось это противоречие в социологической части учения Фрейда.

2) Для социологических воззрений психоаналитиков, в том числе и т. Рейха, характерным является то, что они, опять-таки вопреки диалектике, чрезмерно высоко оценивают социологическую значимость законов индивидуальной психики и—в связи с этим—социологические возможности психоаналитического метода. Они ошибочно подменяют социальную психологию, как социологическую науку или как группу социологических наук, индивидуальной психологией в лице психоанализа. Сверх того, переоценивая роль психологического фактора в общественно-историческом процессе и притом рассматривая этот фактор, как выражение деятельности биологических инстинктивных сил, они либо полностью игнорируют значение экономической основы этого процесса и тогда скатываются к общественно-историческому идеализму (социологические работы Фрейда), либо пытаются «включить» психоанализ в теорию исторического материализма, неизбежно искажая при этом марксово понимание общественного развития различными раз'яснениями и дополнениями (Рейх, Варьяш и др.). Именно эти взгляды и означают отход от материализма. Ошибка, совершаемая здесь психоаналитиками, аналогична вскрытой Марксом ошибке Фейербаха, материалистические взгляды которого на природу человека не гарантировали его от идеалистического подхода к общественно-историческим явлениям.

3) Социологическая часть фрейдова учения органически связана с его индивидуально-психологической частью. Именно потому, что психоанализ переоценивает значение природных свойств человека и биолого-психологических законов, управляющих этими свойствами, он естественно приходит к мысли, что общественно-исторические изменения, по крайней мере в ряде моментов, соответствуют индивидуальным биопсихологическим изменениям и кладет последние в основу первых.

Органическая связь между различными частями учения Фрейда позволяет рассматривать последнее, как единую обширную систему. Эту систему целесообразно обозначить как «фрейдизм» в отличие от психоанализа, как учения об индивидуальной психике, входящего в состав более обширной системы фрейдизма.

4) Несколько слов специально о работе т. Рейха. Мы не имели возможности в одной статье остановиться на всех вопросах, поднятых т. Рейхом, и затронули лишь самое основное. В частности, пришлось оставить здесь без рассмотрения совершенно неправильные взгляды т. Рейха на социальный генез психоаналитического учения, а также вопрос о месте фрейдизма в ряду других буржуазных идеологий. Однако, и того, что было изложено выше, кажется нам вполне достаточным для того, чтобы констатировать, что работа т. Рейха далеко не является выражением правильных марксистских взглядов на учение Фрейда—вопреки, может быть, самым лучшим намерениям т. Рейха. Фрейдизм, как система, отвергается нами, что вовсе не исключает признания высокой научной ценности за отдельными положениями психоанализа, да и то освобожденными от ряда многочисленных искажений, которым они подверглись в общей системе психоаналитических взглядов.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. Литературное наследие, т. II. Письма. Под редакцией и с примечаниями Н. А. Алексеева и проф. А. Н. Скофтымова. Гиз. М.-Л. 1928 г. 607 стр. Тираж 3.000. Цена 5 р. 75 к.

Юбилейное издание, связанное со 100-летием со дня рождения «великого просветителя» 60-х годов, Николая Гавриловича Чернышевского, еще не закончилось. Оставленное им литературное наследие так велико, что в короткий срок его опубликование закончить немыслимо. Но документы о Чернышевском столь ценны, не только для уяснения личности «великого просветителя», но и для освещения исключительно интересной переходной эпохи 50—60-х годов, которую они, главным образом, характеризуют, что издание их надо ждать с нетерпением [1]).

За последние годы о Чернышевском появилась целая серия статей и работ. Среди этих исследований надлежит в первую очередь отметить переизданную работу Плеханова в полном собрании сочинений (тт. V и VI) и заново переработанную работу Стеклова [2]). Но при всем обилии (сравнительном, конечно) работ о Чернышевском, мы не можем считать уясненным для нас все, что касается этой крупной фигуры призванного публициста, под влиянием которого выросло целое поколение. Достаточно вспомнить те диаметрально противоположные точки зрения на ряд основных моментов в его мировоззрении, которые выявились и в печати и на диспуте в Коммунистической Академии в 1928 году. Мне кажется, что окончательное уяснение всех спорных проблем будет достигнуто лишь после дальнейших работ по архивным материалам, которые, к сожалению, опубликованы не полностью. Поэтому-то всякое издание новых документов и материалов о Н. Г. Чернышевском нужно только приветствовать.

Рецензируемая книга — второй том «Литературного наследия» — входит в особое издание документов, носящее упомянутый общий заголовок и посвящен письмам Николая Гавриловича до 1883 г. — года возвращения его из Сибири [3]). Структура II тома следующая. Все заключенные в ней материалы разбиты на 5 отделов. Отдел I охватывает переписку с родными за 1838 — 1862 гг. [4]); отдел II — письма к разным лицам (1846 — 1862 гг.); отдел III — письма из крепости (1862—1864 гг.); отдел IV — материалы к делу Чернышевского и его заявление властям из Петропавловской крепости (1861 — 1864 гг.); отдел V — задержанные письма из Сибири (1864 — 1882 гг.). В приложении дан ряд документов о пребывании Чернышевского в Сибири. К изданию приложен портрет Николая Гав-

[1]) Пользуясь случаем, укажу на досадную опечатку в моей рецензии на саратовский юбилейный сборник материалов о Чернышевском («Под Знаменем Марксизма», № 1 за 1929 г.), где на 196 странице напечатано — «марксистская сатира», что явно бессмысленно; следует читать — «мастерская сатира».

[2]) Указывать библиографию о Чернышевском я считаю излишним, так как предварительная сводка работ о нем, в связи с юбилеем, была дана в ряде журналов, в том числе и в журнале «Под Знаменем Марксизма».

[3]) Т. I этой серии — «Из автобиографии». Дневник 1848 — 53 гг. стр. 748, цена 5 р. 50 коп. уже вышел; т. III — «Письма из Астрахани» (1883—89 гг.) около 50 печатных листов, готовится к печати.

[4]) Вернее с 1846 года по 1862, так как до 1846 года сохранилось одно лишь мало интересное письмо 1838 года.

риловича (1859 года) и Ольги Сократовны и снимок с одного из интереснейших писем, написанных в крепости (от 5 октября 1862 года). В конце приведена родословная Чернышевского и дан именной index, встречающихся в тексте лиц.

Прежде, чем перейти к рассмотрению опубликованных в книге материалов, необходимо вкратце остановиться на редакции книги и примечаниях. Мне кажется, что имеющееся при документах предисловие А. П. Скофтымова и примечания — совершенно недостаточны. В предисловии (всего одна страничка) речь идет лишь о письмах I отдела. В нем не указано, из каких архивных фондов взяты документы, ни то, насколько данное издание писем является исчерпывающим, не отмечено происхождение документов и т. д. Если смотреть на это издание, как на базу для научного исследования, то все эти вопросы не только уместны, но и категорически необходимы. Если же считать это издание популярным, то тогда необходимо было бы приложить хотя бы краткий очерк, могущий дать ключ к расшифровке приведенных в тексте документов. Это нужно было сделать обязательно, так как и именной указатель составлен неудачно — в нем много пропусков, он мало содержателен и подчас кажется действительно составленным для весьма популярного издания. К сожалению, недостатки эти не восполняются и примечаниями, которые поясняют далеко не все важные и неясные моменты. Особенно все эти недочеты дают себя знать во II — V отделах, где приведен ряд ценнейших архивных документов, частично уже опубликованных, без указания фонда, где они хранятся, и без нужных комментарий. Для такого рода изданий все эти данные являются необходимыми, без которых опубликованные документы в значительной степени обесцениваются. К этому мне еще придется вернуться при разборе соответствующих мест книги, а сейчас я перейду к рассмотрению содержания приведенных в книге материалов.

Отдел I, как было уже сказано, посвящен письмам к родным Чернышевского до момента ареста. Всего здесь 295 писем, которые по отдельным годам распределяются очень неравномерно. В сущности, эта переписка охватывает 12 лет, так как от времени до 1846 года сохранилось лишь одно детское письмо, когда Чернышевскому было около 10 лет. Оно коротенькое и особенного интереса не представляет. Регулярная переписка с родными естественно возникает в 1846 году, когда Николай Гаврилович отправился в Петербург для поступления в университет. Первые годы своего пребывания в Петербурге Чернышевский своим родителям пишет часто — в 1846 году за 7½ месяцев им отправлено в Саратов 49 писем. Бросается в глаза малое количество писем за 1848 год и за первую половину 1849 года. В предисловии Скофтымов, отмечая этот факт, делает следующее предположение: «За 1848 год сохранилось лишь несколько писем, а за первую половину 1849 года не осталось ни одного письма. Эти пачки, по предположению Мих. Ник. Чернышевского, сгорели во время пожара саратовского дома Чернышевских в 1867 году». Ссылкой на слова Михаила Николаевича редактор и ограничивается. Это жаль, хотелось бы иметь какое-нибудь более надежное подтверждение высказанного предположения, так как ряд моментов дает основание видеть здесь более интересное явление. Ведь, как увидим ниже, молодой Чернышевский интересовался социальным вопросом еще в 1846 году и, повидимому, внимательно следил за современной ему литературой в студенческие годы. (В его письмах есть прямые указания на регулярное чтение им наиболее передовых журналов 40-х годов — «Отечественных Записок» и «Современника», в которых социальной проблеме уделялось много места. Достаточно указать на ряд статей В. Милютина, Веселовского, Белинского, Герцена и др.) Ясно, что революция 1848 года на Западе, имевшая на российскую действительность более сильное влияние, чем принято у нас думать, не прошла мимо него и должна была в той или иной мере отразиться в его переписке. Это тем более вероятно, что в своем дневнике Чернышевский о влиянии событий 1848 года на

[1]) Последнее оговаривается тоже не всегда.

свое мировоззрение говорит достаточно определенно [1]). Ведь в 1848—1949 гг. к революции на Западе в России наблюдался почти всеобщий интерес, особенно среди учащейся молодежи и передовой интеллигенции того времени. Как известно, в эти годы Россия еще раз выступила, при подавлении венгерской революции, в роли европейского жандарма, а правительство Николая I, для предупреждения всяческих осложнений внутри страны, приняло ряд чрезвычайных мер. Достаточно напомнить чрезвычайные цензурные комитеты 40-х гг., введение «особого положения 1831 года» в западных губерниях и, наконец, известное дело Буташевича-Петрашевского с товарищами. С петрашевцами же молодой Чернышевский должен был быть близок,— недаром среди лиц, познакомивших его с произведениями Фурье, называется петрашевец Ханыков и недаром он был близок к Иринарху Введенскому [2]). Из всего этого само собою напрашивается заключение, что события 1848 г. на Западе, о которых и в официальной русской печати давались неожиданно полные сведения, должны были найти отражение в письмах Чернышевского, жившего к тому же летом 1848 года в Петербурге [3]). Ведь в своих письмах Николай Гаврилович часто писал о политических событиях и до ареста петрашевцев не имел основания умалчивать о том, что было известно всем и очень многих волновало. Дело М. В. Петрашевского с товарищами, повлекшее за собою сотни арестов, должно было заставить отца Чернышевского принять меры предосторожности и письма 1848 года и начала 1849 года им были, вероятно, уничтожены. Таким образом, мне кажется необходимым более внимательно отнестись к пробелу в переписке за 1848 — 1949 года. Я задержался на этом вопросе потому, что он касается наиболее интересной проблемы — развития социальных воззрений Чернышевского, на которое революция 1848 года оказала бесспорно сильное влияние и о котором документы сообщают весьма скудные данные. Включенные в I отдел письма Николая Гавриловича в массе адресованы родителям, при чем обычно в конце их имеются приписки сестрам Пыпиным и А. К. Пыпину, который был лет на 5 моложе Чернышевского. В первые годы переписки наиболее ценны именно эти заключительные части писем, так как письма родителям, написанные в тоне глубокого и, по форме, старомодного почтения, мало характеризуют их автора, а в приписках Пыпиным видны мысли, более близкие истинным взглядам Чернышевского. Письма 50-х годов отцу содержательнее.

Естественно поставить вопрос — какого рода сведения можно извлечь из этого рода переписки? Не ставя себе задачей специальный анализ и обработку сообщаемых в письмах материалов,— это выходит из пределов рецензии,— отмечу лишь ряд обращающих на себя внимание моментов. Прежде всего надо указать на ряд чисто-биографических черт, рассеянных в письмах, мимо которых не может пройти лицо, занимающееся Чернышевским. О почтительном отношении к

[1]) В дневнике имеются постоянные упоминания о чтении Чернышевским газет и французских, именно за 1848 год, при чем видна его явная симпатия к революционной Франции и радикальным ее деятелям. Эти данные многочисленны, но разбросаны вперемешку с записями другого порядка. Многие из них весьма любопытны, так, например, под 28 июля 1848 года написано между прочим: «Дочитал «Debats» до 15 июля, особенного ничего не заметил, только все более утверждаюсь в правилах социалистов» (Стр. 218).

[2]) В дневнике Чернышевского имеется запись от 25 апреля 1849 г.: «Вечером два раза был Ал. Фед. (Раев), оба раза не надолго; разговаривали о том, как взяла полиция тайная Ханыкова, Петрашевского, Дебу, Плещеева, Достоевских и т. д.,— ужасно подлая и глупая должно быть история — эти скоты, в роде этих свиней Бутурлиных и т. д., Орлова и Дуббельта и т. д., должны были бы быть повешены. Как легко попасть в историю, я, напр., никогда не усумнился бы вмешиваться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы».

[3]) См. 132 стр. рецензируемой книги.

родителям я уже говорил, и близкую к этим отношениям связь имела, повидимому, религиозность Чернышевского, особенно в 50-х годах. Религиозность 40-х годов несомненна, что совсем не редкость по тому времени, когда ряд петрашевцев, являясь более сложившимися людьми, были также религиозны. В письме от 18 октября 1846 г. мы читаем: «В церковь хожу я почти всегда в Казанский собор: он и ближе всех, и лучше всех... Прошу вас, милый папенька, прислать мне роспись всем постам и постным дням нашей церкви» [1]). Столь же типично и письмо «Его Преосвященству», сообщенное в копии родителям [2]). Первые письма отцу заполнены подробным и истовым описанием церквей, чинов богослужения, церковного пения и т. д. Однако понемногу и в письмах моменты религиозности спадают и смягчаются. Судя по письмам середины 50-х годов, Чернышевский ежегодное говенье не прекратил, но постился «по-столичному». В письме от 15 марта 1855 года он пишет: «На прошедшей (четвертой) неделе поста мы с Оленькой говели; она очень исправно, я — к а к п о з в о л я л о в р е м я» [3]). Эволюция с 1846 года до 1855, даже по письмам, несомненна. После 1855 г. о церквах, постах и обрядах в письмах ни слова.

По письмам трудно судить, как развивались социальные воззрения Чернышевского — переписка велась с родителями, людьми старого типа, а, кроме того, на это, как я указывал, не мог не повлиять досадный пропуск в переписке за 1848—1849 года. Тем с большим вниманием приходится учитывать немногочисленные данные по этому вопросу, к числу которых относится одно место из письма к Любиньке Пыпиной. Из него мы узнаем любопытный факт знакомства молодого Чернышевского с романами Сю, о социальном характере которых у него еще в Саратове имелось совершенно оформившееся представление. Это место [4]) свидетельствует с несомненностью об интересе к социальной проблеме со стороны молодого Чернышевского еще в до-петербургский период, так как, судя по тону письма, мысли по социальному вопросу были не чужды ему еще в Саратове. Но несомненно — этой «подготовки», при наличии поверхностного даже знакомства с системами утопистов (а черты этого заметны и в упомянутом мною письме) да еще после 1½ лет пребывания в Петербурге, было вполне достаточно для понимания социального характера революции 1848 года на Западе. В этой связи весьма любопытны некоторые мысли в письмах того же 1848 года, показывающие большую внутреннюю зрелость молодого студента. Приведу одну из них из письма 14 — 15-летнему А. Пыпину: «Что внесла наука в жизнь русских? Только ничего; она еще молода-с, всего полтора века-с. Да ведь в XVII веке жил уже Декарт, Ньютон и Лейбниц, а это тоже было только через полтора же-с века по восстановлении наук (в начале XVI века греч. и еврейский язык во многих местах Европы преследовался как ересь). А? А мы-то что. Н е у ж е л и н а ш е п р и з в а н и е о г р а н и ч и в а е т с я т е м, ч т о м ы и м е е м 1.500.000 в о й с к а и м о ж е м, к а к г у н н ы, к а к м о н г о л ы, з а в о е в а т ь Е в р о п у, е с л и з а х о ч е м? Жалко или нет подобных народов? Беша и быша, яко же не бывше. Прошли, как буря, все разрушили, сожгли, полонили, разграбили и только. Таково ли наше назначение? Быть всемогущими в политическом и военном отношении и ничтожными по другим, высшим элементам жизни народной? В таком с л у ч а е л у ч ш е в о в с е н е р о д и т ь с я р у с с к и м, к а к в о в с е н е р о д и т ь с я, ч е м р о д и т ь с я г у н н о м, Аттилою, Чингисханом, Тамерланом или одним из их воинов и п о д д а н н ы х» (Стр. 43—44).

Много данных в переписке мы имеем о занятиях Чернышевского. Ряд писем освещает его знакомство с иностранными языками, степень его подготов-

[1]) Стр. 61.

[2]) Стр. 67.

[3]) Стр. 248. Курсив здесь, как и везде, за исключением оговоренных случаев, мой.

[4]) Стр. 41.

ленности в университет,— эта подготовка частично им закончена по дороге из Саратова в Петербург. Через приемные экзамены Чернышевский прошел очень легко — вся процедура экзаменов освещена в письмах к отцу с большой детальностью. Характерно, что в переписке не чувствуется особого пиэтета со стороны Николая Гавриловича к петербургскому «храму науки» — в первые же месяцы своего в нем пребывания он дает очень трезвую и критическую оценку читавшихся курсов и лекций профессоров (Стр. 49). Ясно чувствуется, что, старательно посещая лекции и выполняя все формальные требования, пред'являемые студентам, он более важным и полезным для себя считает самостоятельные занятия (Стр. 42). В опубликованных письмах много указаний на самостоятельные занятия Чернышевского и часты упоминания о легкости обычных университетских «премудростей». Надо отметить, что особое внимание молодого студента привлекали книги, библиотеки и книжные магазины. В первых письмах из Петербурга он отмечает с удовлетворением обилие книжных лавок и, рисуя план части города, где была его квартира, отмечает все ближние и, кстати, лучшие в то время в Петербурге книжные торговли. Первые его впечатления от университетской библиотеки плохие — «Библиотека университетская,— пишет он уже 28 сентября 1846 года,— не слишком, кажется, богатая. По богословию особенно: вообразите себе, что сколько-нибудь похожих на что-нибудь, только четыре книги... Более ничего!!! (Разумеется, несколько сот вздорных книжонок и надгробных и приветственных слов еще). Конечно, по другим отраслям познания не то, но все-таки не слишком полно. По философии, например, экземпляр сочинений Г е г е л я не полон: трех или четырех томов из серединки нет. В о о б щ е — д о в о л ь н о б е д н а я б и б л и о т е к а» (Стр. 51). Из ряда писем можно составить представление, правда, далеко не полное, какого рода книгами за эти годы особенно интересовался Чернышевский.

По окончании университета перед Чернышевским конкретно встал вопрос о выборе основного занятия. Еще из его студенческих писем ясно видно, как он щепетильно относился в получаемой от отца материальной помощи — в ряде писем им дается полный отчет о получаемых деньгах, рассчитывается более экономное и рациональное их расходование, часто встречаются уверения, что деньги имеются в избытке или в вполне достаточном количестве. Мысль о самостоятельном заработке постоянно проскальзывает в письмах за этот период. Уже в ноябре 1846 г. он пишет: «Это я к тому говорю, что Вы должны располагать так, что от этого, отяготительного для Вас без сомнения содержания в этом Петербурге не ныне, завтра, повторяю Вам, через год непременно, Вы будете освобождены» (Стр. 70). В 1847 году Чернышевский действительно зарабатывал уже уроками 70 — 85 руб. асс. в месяц и рассчитывал на увеличение этой суммы (Стр. 126). К этому же времени относятся и мысли о литературной работе (Стр. 127). После возвращения из Саратова на постоянное жительство в Петербург, Чернышевский принимает постоянное участие в литературной работе, пока, наконец, не становится одним из главных лиц в редакции «Современника» и самым крупным и влиятельным литератором своего времени. Вообще, при выборе специальности, в первых письмах Чернышевского заметна большая неопределенность и полная покорность указаниям родителей (Стр. 140). Научная работа и ученая карьера его соблазняли сильно, об этом есть прямые указания в нескольких письмах, да за то говорит и упорное продвижение им своей диссертации. Кстати, по поводу специализации у Чернышевского, судя по переписке, имелись сильные колебания между «славянскими наречиями», «словесностью», «историей» и «философией», при чем при выборе ее отмечались всякие тактические обстоятельства и говорилось лишь об особой склонности к истории (Стр. 145). Работа над диссертацией ясна из писем хорошо. Отчет о диспуте отцу очень краток, сух и говорит лишь о том, что он занимал в то время Чернышевского мало. Любопытно, что, заняв уже довольно прочную позицию в журналистике, в 1855 году, Чернышевский искал постоянную службу (262). Отец Чернышевского и позднее, уже в 1858 году, когда Николай

Гаврилович был вполне сложившимся, зрелым публицистом и влиятельнейшей фигурой в литературном мире, склонял его к зачислению на службу, при чем получал от сына мягкий по форме, но решительный отказ (Стр. 278—279). Чернышевский ясно видел свое призвание и не желал связывать себя службой и даже работой в университете. Весьма характерно, что из переписки с отцом совсем нельзя составить мнения о литературной и публицистической деятельности Николая Гавриловича — о ней он пишет мало и отрывочно. Сравнение писем отцу от этих лет с письмами за те же годы другим лицам, причастным к печати, дает разительный контраст.

Кроме этих данных, характеризующих личность Чернышевского, в письмах I отдела можно найти ряд весьма ценных бытовых черт, освещающих эпоху 40 — 60-х годов. Чрезвычайно интересны первые впечатления юноши от Москвы и Петербурга, ясна картина обычного в то время путешествия «на долгих», когда от Саратова до Петербурга путь отнимал почти месяц времени — 21 день чистой езды (Чернышевские, с остановкой в Москве, проделали его в течение 30 дней). Любопытны впечатления от первых в России паровозов: «Видели мы и паровоз: идет он не так уж быстро, как воображали, скоро, нечего и говорить, но не слишком уже» (Стр. 26). Характерно упоминание о закрытых танцевальных вечерах в университете, когда танцевали «и за кавалера, и за даму все студенты» (Стр. 66). Такого рода мелочи рассыпаны в письмах в большом количестве и дают много интересных бытовых деталей. Стоит еще упомянуть о сообщаемых Чернышевским отцу политических новостях и вне России, и внутри ее. Они немногочисленны в письмах студенческих лет и чаще встречаются в переписке после 1853 года. В них речь идет о войне, об отношении к войне в Петербурге, о деле петрашевцев (задним числом), о реформах 50 — 60-х годов. Замечание о петрашевцах кратко, относится к январю 1850 года и представлено Чернышевским в очень неясном, как будто и для него самого, виде (Стр. 159). Здесь Чернышевский говорит о петрашевцах языком человека мало осведомленного, даже неинтересующегося этим делом, что стоит в полном противоречии с приведенным выше мною отрывком из дневника за 1849 год. В условиях реакции конца 40-х годов, да еще в письмах к отцу, это вполне понятно.

Вот, в общих чертах, характер данных, которые можно извлечь из писем I отдела. Я отметил далеко не все стороны биографии Чернышевского, на которые может пролить свет эта переписка, но сделать в рецензии это невозможно. Чтобы полностью использовать все заключающиеся здесь материалы, надо проработать их параллельно с другими документами — дневником Чернышевского, мемуарами современников, университетскими и литературными его работами и, конечно, параллельно с письмами за эти же годы к другим лицам, которые выделены редакторами в особый, II, отдел.

Во II отделе помещены письма Чернышевского с 1846 по 1862 г. (до ареста), в количестве 76. Адресованы они 21 разным лицам, причастным, главным образом, к литературе. В этом же отделе напечатано 6 писем Чернышевскому от Некрасова. Из общего числа писем этого отдела лишь 6 относятся к периоду допублицистической деятельности Николая Гавриловича, а остальные написаны им в расцвет его журнальной славы и, будучи адресованными к ряду крупных литераторов, представляют для исследователя большой интерес. Оставляя в стороне мелкие и единичные письма, остановлюсь лишь на основных их пачках, адресованных Зеленому, Некрасову, Тургеневу и Добролюбову.

А. С. Зеленому, помещику, интересовавшемуся крестьянским вопросом и горячо сочувствовавшему «Современнику», Чернышевский писал не раз — в книге приведено адресованных к нему 5 писем. В них речь идет об издании книги Зеленого «для простонародья», но кроме того имеется ряд весьма интересных сведений о современной литературе, писателях и реформах 50-х годов. В первом письме, давая краткую биографию Белинского, Николай Гаврилович ясно намекает на его идеологическую близость к петрашевцам, от участи которых его избавила лишь смерть (Стр. 326). В другом письме дается краткая оценка крупнейших литераторов того времени, не лишенная интереса,— речь идет о Некрасове, о Тургеневе, о Л. Толстом, Фете, Островском, Огареве и др. (Стр. 328). В том же письме имеется несколько слов об общине, — вопрос, который дебатировался тогда (1857 год) в печати, и по которому Чернышевский приглашал Зеленого высказаться. В этих же письмах есть весьма пренебрежительное замечание о славянофилах. О крестьянской реформе имеется следующий характерный post-scriptum: «Как скоро допустили, что при эмансипации земля дается в полную собственность не общине, а отдельным семействам, с правом продажи, они продадут свои участки и большинство сделаются бобылями. Освобождение будет, когда я не знаю [1]), но будет; мне хотелось бы, чтобы не влекло за собою превращения большинства крестьян в безземельных бобылей! К этому я хотел бы приготовить мысль образованных людей, давно приготовленных к эмансипации». По крестьянскому вопросу встречается еще несколько мыслей в других письмах Зеленому. Остальное мало примечательно.

Письма Некрасову еще интереснее (их приведено всего 6). Главным образом, в них идет речь о редакционных делах «Современника», уже с осени 1856 г., что свидетельствует о руководящей роли Чернышевского в журнале уже с этого времени. В письмах встречаются весьма ценные указания о «просветительской работе Николая Гавриловича: говоря о своей работе над «Лессингом», он, например, пишет: «Во 2-й статье будет обзор нем. лит. до Лессинга и начало биографии самого Лессинга. По возможности, пишу с приноровлением к нашим домашним обстоятельствам, хотя и не упоминаю о том ясно» (Стр. 335). Тот же мотив проскальзывает и в другом месте: «В критике, о письмах Алексея Михайловича, постараюсь (без упоминания о славянофилах, которые надоели и опошлели за один год) сказать о до-петровской Руси разные вещи, имеющие отношение к нашему времени. В заметках о журналах буду говорить, между прочим, об «Экономическом Указателе», новом журнале Вернадского — постараюсь коснуться чего-нибудь живого» (Стр. 353). В письмах к Некрасову обращает на себя внимание оценка Некрасова, как писателя — Чернышевский решительно ставит его произведения и по их общественному значению и по художественной форме выше произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и начинавшего тогда печататься Л. Толстого, не говоря уже о Фете, Майкове и др. К этой теме Чернышевский упорно возвращается в каждом письме. Вначале может показаться, что эта оценка делается с намерением лишь поднять силы и повлиять на самочувствие товарища по работе, настроение которого по временам бывало весьма угнетенным. Возможно, эти мотивы и имели место при характеристике Некрасова-поэта, но по сути дела, даже в крайних, казалось бы, восхвалениях редактора «Современника», Чернышевский душой не кривил. Он очень высоко ставил Некрасова до самых последних лет своей жизни и недаром, в письме жене из Сибири от 15 марта 1878 года, он писал: «Нужно помнить тебе: твой муж во многом глуп, во многом нелеп; но в сущности справедливы те понятия, которых держится он; те понятия, которые дают, например, Некрасову, неизмеримое превосходство, по внутреннему достоинству его произведений, над Пушкиным и Лермонтовым» (Стр. 509). Выделенные мною слова дают ключ к пониманию исключительно высокой оценки Николаем Гавриловичем творчества Некрасова — оно для него было прежде всего ценно с точки зрения общественного значения. В этой пачке писем Некрасова можно найти много любопытных замечаний о ряде писателей: о Тургеневе, Льве Толстом, Островском и других, а также о журналах и литературных делах 50 — 60-х годов.

Вслед за письмами Некрасову в книге помещены письма Некрасова к Чернышевскому,— их 5; обычно это небольшие деловые письма-записки. Все они

[1]) Письмо написано 16 июня 1857 г.

касаются редакционных дел «Современника». Одно из них содержит особенно ценные сведения об обязанностях его по отношению к журналу и о работе по его редактированию; это же письмо дает представление и о вознаграждении его в «Современнике» за работу в 1856 году. По этому документу Чернышевский был обязан: «1) Писать статьи для отделов критики и библиографии и заведывать этими отделами, 2) Составлять статьи для отдела «Наук и Смеси», 3) Составлять иностранные известия, 4) Читать вторые корректуры всего журнала, 5) Принимать участие в заготовлении материалов и редакции журнала, 6) Писать заметки о журналах». За это он получал 3.000 руб. сер. в год, считая по 40 руб. сер. за лист (при увеличении тиража журнала оплата поднималась до 50 руб.), а за остальные работы по редакции вознаграждение определялось по взаимному согласию (Стр. 356).

Письма к Тургеневу немногочисленны — их приведено всего два. В основе они все сводятся к превознесению Тургенева, который ставится наравне с Некрасовым, выше всех современных ему писателей. Письма эти относятся к 1856—1857 годам и содержат восторженные панегирики автору «Записок охотника». Достаточно привести следующие строки из 2-го письма: «Кто поднимет оружие против автора Записок Охотника, Муму, Рудина, Двух Приятелей, Постоялого Двора и т. д. и т. д.— тот лично (курсив Чернышевского. *А. Н.*) оскорбляет каждого порядочного человека в России. Вы не какой-нибудь Островский или Толстой,— Вы наша честь» (Стр. 362). Подчеркиваю дату этих писем— 1856 и 1857 год: позднее оценка Тургенева Чернышевским, как известно, была значительно снижена. В этих письмах также имеется ряд любопытных замечаний о литературе и литераторах 50-х годов. Отметим лишь весьма резкую критику «Юности» Л. Толстого, которая именуется «вздором» и «размазней». В атмосфере личных столкновений Толстого с Тургеневым этот отзыв, возможно продиктованный желанием удержать в «Современнике» популярного сотрудника, звучит весьма любопытно. Обходя ряд других писем из II отдела переписки, кратко остановимся лишь на письмах к Добролюбову. Число их значительно — около 30 — и относятся они к 1858—1861 гг. Из этих писем ясны близкие личные отношения между обоими критиками и то участие, которым пользовался Добролюбов со стороны Чернышевского. И здесь Николай Гаврилович выступает в роли утешителя и ободряет Добролюбова. В своих письмах Чернышевский дает ряд технических указаний Добролюбову, сообщает ему журнальные новости, пишет о свирепости цензуры и т. д. Из этих же писем выясняется и соотношение Некрасова, Панаева, Чернышевского и Добролюбова в редакции «Современника». Эти четыре лица, из коих первые два были официальными редакторами журнала, являлись в 60-х годах основными руководителями и работниками журнала и делили чистый доход с издания между собою, поровну, на четыре части (при этом на каждого из них приходилось по 4 — 5 тысяч рублей, кроме гонорара за статьи и работы). Отметим, что, при таком положении дела, Чернышевский имел в год около 10—12 тысяч рублей дохода. Упомяну, наконец, о возрастающей роли в журнале Антоновича, которого Чернышевский в 1861 году называет своим возможным заместителем по работе в редакции на время своего от'езда в Саратов (Стр. 387). В приложении ко II отделу дано письмо к Герцену, принадлежность которого Чернышевскому твердо не установлена.

Отдел III заключает в себе 17 писем родным уже из крепости. Это прежде всего не раз упоминавшееся в литературе письмо к жене от 5 октября 1862 г., некоторые строки которого были использованы для обвинения Чернышевского в исключительном и непристойном, по мнению следственной комиссии, самомнении (к изданию писем приложен снимок части этого письма). Другие письма к жене и Пыпиным содержат ряд весьма едких и резких замечаний по поводу ведения следствия, в них говорится, затем, о работах Чернышевского в крепости. В письмах постоянно проглядывает забота о материальном положении семьи. Здесь же имеется замечание о неудовлетворительности работ Тургенева, который «и не

понимает, что печатает дрянь»—как видим, оценка Тургенева в 1861 г. уже иная, чем в 50-х годах. Укажем, наконец, оценку Николаем Гавриловичем себя, как беллетриста. «Видишь ли,— пишет он в письме к Е. Пыпиной,— мне стало казаться, что у меня есть некоторый, очень второстепенный, в роде, положим, самого мелкого романиста из собственно романистов—беллетристический талант» (Стр. 425). Эта скромная оценка впоследствии, уже в Сибири, сменилась более высокой и утратила чувство меры. Отметим тон писем, написанных из крепости — они все написаны очень спокойным, деловитым тоном и указывают на исключительное самообладание их автора.

К сожалению, для читателя переписки остается неясным — все ли письма Чернышевского из крепости, до нас дошедшие, включены в это издание и, если не все, то чем руководилась редакция в своем выборе писем (этот вопрос постоянно хочется задать при чтении переписки из всех 5 отделов книги). Затем, неясна судьба ряда документов,— неясно, какие из них были доставлены по назначению, какие задержаны и приобщены к «делу». Наконец, лишь в виде исключения указано, в каком архивном фонде хранится тот или иной документ. Ни предисловие, ни примечания на эти вопросы не отвечают.

К тем же заключениям невольно приходишь и при чтении IV отдела книги, где помещены «материалы к делу и заявления из крепости». Кроме того, хотелось бы иметь указания, какие из публикуемых здесь документов печатаются впервые и какие полностью или частями уже опубликованы. В начале этих материалов помещено известное письмо Огарева и Герцена, использованное для обвинения Чернышевского в сношениях с этими эмигрантами. Затем дан текст двух анонимных записок, принадлежащих, повидимому, различным авторам. Первая—адресована Чернышевскому (относится к концу 1861 года) и пытается, изобразив его сторонником народной революции и автором «Великорусса», полемизировать с ним на тему о революции и социализме. Написана она грубо и содержит угрозы по адресу Герцена, Чернышевского и членов его семьи. Вторая записка адресована начальнику III отделения Потапову и просит «избавить нас от Чернышевского» (она послана по почте 14 июня 1862 года). Затем приведен текст известного извещения начальником III отделения шефу жандармов об аресте Чернышевского и анонимная записка Потапову, повидимому от того же «доброжелателя», который просил об аресте Чернышевского, с из'явлением благодарности за арест. Остальные документы IV отдела — заявления, об'явления и требования Чернышевского из крепости. Первое из них адресовано Александру II и содержит изложение дела, хода процесса следствия (при чем отмечаются промахи и противоречия в действиях следственной комиссии) и умелую самозащиту. Письмо кратко, деловито и написано с большим достоинством. Тогда же написано было и письмо петербургскому губернатору кн. Суворову, написано оно умно и тактично. В начале отмечена об'ективность Суворова, а затем дан разбор обстоятельств дела, при чем ясно показана нелепость пред'явленного обвинения в сношениях с эмигрантами и отмечен некрасивый прием комиссии во время следствия. Оба эти письма написаны в конце 1862 года и, повидимому, по назначению не были доставлены. Затем идет текст 6 заявлений на имя коменданта крепости, с требованием отправки жене телеграммы, своевременной доставки писем, свиданий и т. д. [1]). В последнем заявлении отмечена решимость продолжать прерванную голодовку,— письмо резкое и твердое. Второе письмо Суворову выражает пожелание личного с ним разговора и содержит крайне резкую характеристику членов следственной комиссии, «действия коих показывают тупость ума или всех их или большинства их,— говорю прямо, потому что это мое письмо, ведь, не для печати» [2]). Далее помещен текст девяти заявлений на имя коменданта крепости, поданных с середины февраля 1863 года по конец 20-х чисел марта того же

[1]) Относятся они к концу 1862 г. и к началу 1863 г.
[2]) Письмо написано 7 февраля 1863 г.

года. В них возобновляются старые требования свиданий и доставки писем. Комиссия в заявлениях бичуется беспощадно. Для передачи через коменданта Суворову (во время доклада) опять дается изложение дела, при чем резкость по отношению к комиссии Чернышевский об'ясняет желанием возбудить ее членов и заставить вызвать его на допрос; попутно он отмечает пропажу у него во время обыска кольца и преследование в Петербурге Ольги Сократовны. Остальные записки касаются тех же вопросов, внося ряд любопытных подробностей. Документы IV отдела заканчиваются списком бумаг Чернышевского, который составлен им накануне его отправки в Сибирь. Это начатые работы и материалы к ним, которые были написаны в крепости. Всего по 5 различным группам упомянуто 525 написанных полулистов, из которых до нас не дошло сочинение «Заметки о состоянии наук 67 стр.» (уцелело лишь несколько черновых отрывков). Жаль, что в издании не указана судьба этих работ и не отмечено их местонахождение сейчас. В заключение приведен список книг, находящихся у Чернышевского в крепости и доклад о дальнейшей, после приговора, судьбе Николая Гавриловича. Список книг представляет крупный интерес и также очевидно составлен перед отправкой в ссылку. Здесь 48 названий, а с отправленными из крепости ранее — 62 названия. Среди них много классической и современной литературы, книги по истории, по естествознанию, по истории культуры. Многие из них были использованы Чернышевским для занятий в крепости. «Доклад Александру II о невозможности заточить Николая Гавриловича Чернышевского в Шлиссельбургскую крепость и о порядке отправления его в Сибирь», приложенный в конце отдела, оставляет неясное впечатление. Очевидно, он понятнее в контексте с другими документами дела. В приведенном тексте отмечается неудобство заточения Чернышевского в Шлиссельбурге и высказывается пожелание на отправку его в Сибирь «на почтовых», «имея в виду, что преступник может встретить сочувствие в значительном числе своих единомышленников и во время его препровождения по железным дорогам и на пароходах...» (Стр. 455). Вот какого рода документы даны в IV отделе книги. Мне кажется, что этот отдел более других требует нескольких страничек предисловия и пояснений, тем более, что подбор материалов из «дела» здесь произведен неясно по какому принципу и документы не поставлены в связь с другими данными по этому вопросу, частично даже опубликованными.

Отдел V носит заголовок — «Задержанные письма из Сибири» (1864—1882 гг.) и содержит 15 писем. Из этой переписки письмо первое написано по дороге в Сибирь (в 1864 г.), второе из Александровского завода (1870 г.), затем дан текст телеграммы из Иркутска (1871 г.),— остальные письма отправлены из Вилюйска (1875—1882 гг.). Как не раз уже отмечалось, письма из Сибири, как из крепости, отличаются спокойным, бодрым тоном и явно рассчитаны на успокоение оставшихся в России родственников. Адресованы они, за исключением телеграммы из Иркутска, жене, детям и Пыпиным. Для более правильной ориентировки в этих документах опять-таки не хватает общих сведений о переписке Чернышевского во время его пребывания в Сибири. При чтении книги остается неясен и размер сибирской переписки, и характер ее. Если невозможно было дать письма этого периода полностью, то, мне кажется, было бы совершенно необходимо дать краткие, хотя бы, сведения о сибирских письмах в целом, с указанием, где они хранятся, с краткой их характеристикой. Тогда и приведенные материалы стали бы яснее и понятнее. Это тем более необходимо, что в публикуемых письмах дано много ценных сведений о работах Чернышевского в Сибири, из которых до нас дошла очень небольшая часть, и приведено несколько писем детям, где излагаются основные вопросы знания под широким заголовком «Философия истории». Эти две темы и представляют, судя по письмам, основной интерес для исследователя. Из переписки сибирских администраторов видно, что в содержании этих писем V отдела были усмотрены законченные для печати произведения Чернышевского и потому пересылка их была приостановлена. Насколько это было

справедливо — по письмам судить трудно. Но ясно одно — их данные чрезвычайно ценны для суждения о ряде основных вопросов мировоззрения Чернышевского и могут быть надлежащим образом использованы лишь при наличии необходимой критики источника, в связи с другими работами и письмами за этот же период. Дело редакции было снабдить публикуемые документы содержательными примечаниями. Иначе, повторяю, при обработке этих документов создаются совершенно излишние трудности, избежать которых было бы весьма легко.

Основной тон переписки V отдела — забота о семье и ее материальном положении. Ведь в это время, кроме жены, семья Николая Гавриловича состояла из 2 сыновей — Александра (1854 — 1915) и Михаила (1858—1924), так как третий сын, Виктор, умер еще в 1860 году (род. в 1857 г.). Единственный источник доходов семьи был литературный заработок Чернышевского, в 60-х годах достигавший значительной суммы 10 — 12 тысяч рублей в год. Ясно, что арест, а затем ссылка сильно ударили по материальному положению семьи Чернышевского. Судя по письму из Вилюйска (1875 г.) для Чернышевского было неясно, как отнесутся к его литературной работе в официальных сферах, но он писал в то время «произведения высокого литературного достоинства [1]), но с административной точки зрения совершенно индифферентны» (Стр. 470). Ближайшая задача этой работы—помощь семье — из письма ясна.— «А я не молод и здоровье мое хило. И я помню, что я должен беречь его — пока то может быть полезно моему семейству. Я терпелив. Но — я надеюсь, что никто не имеет мысли мешать мне работать для моего семейства» (Стр. 470). В этих письмах не раз говорится о тех или иных литературных замыслах Чернышевского, излагается сюжет произведения, приводятся отрывки из них, иногда довольно значительного размера. Очевидно приложенные к письму несколько страничек из «Академии Лазурных Гор» связаны с замыслом Чернышевского дать популярное изложение энциклопедического сочинения по всеобщей истории, о котором мы знаем по другим документам [2]). Кусочки этого произведения отрывочны и требуют комментарий. В ряде писем жене Николай Гаврилович, для ее, как он пишет, «забавы», сообщает несколько рассказов о своих предках, переданных ему бабушкой. Эти рассказы мало интересны и ничего не дают для уразумения принципиальных позиций Чернышевского. Действительно возможно, что они, как и приложенный к письму перевод рассказа Брет-Гарта «Миггельз», предназначались к печати. Значительно ценнее и интереснее письма детям от 1878 года, когда младшему сыну было 20 лет, а старшему — 24. В этих письмах,— таких бесед, подчас довольно пространных, в издании приведено три,— раз'ясняются основные вопросы человеческого знания, при чем философские корни мировоззрения Чернышевского обнаруживаются достаточно отчетливо. Судя по тону письма и по характеру изложения, вполне возможно, мне кажется, эти письма принять так, как они есть, а не видеть в них «труд самостоятельный по всеобщей истории с философской точки зрения», «вполне годный для печати», как полагал якутский губернатор в донесении губернатору Восточной Сибири (Стр. 581). Ставя конечной задачей переписки выяснение основных вопросов по философии истории, в упомянутых письмах Николай Гаврилович пишет, главным образом, о философии в естествознании и о гносеологических проблемах. Во всех письмах, касаясь самых различных вопросов, он резко обрушивается на идеалистическую философию, оказывающую, по его мнению, отрицательное влияние на развитие точных наук. Он обрушивается на новейшее направление в области математики, резко отзывается о ряде астрономов и математиков (стр. 494) и корень зла видит

[1] Другие письма из Сибири,— см. упомянутый выше Саратовский сборник материалов о Чернышевском,— свидетельствуют, что Николай Гаврилович серьезно был уверен в своем беллетристическом таланте и толковать приведенные слова в ироническом смысле надо осмотрительно.

[2]) См. тот же Саратовский сборник.

в модном и самонадеянном философствовании натуралистов, которое их в итоге приводит к отрицанию реальности того, что составляет предмет их изучения. В основе идеалистических современных систем он усматривает философию Канта. Признавая крупный и самобытный ум кенигсбергского философа, Чернышевский его систему находит «скучнейшей, пустейшей галиматьей». Идеалистические корни философии Канта вскрыты беспощадно. Приведу лишь одно место из письма от 8 марта: «И тебе ли, простофиле (ведется воображаемый диалог с Гельмгольцем) толковать о «трансцендентально данных формах интуиции»,— это идеи, непостижимые с твоей деревенской точки зрения. Эти «формы» придуманы Кантом для того, чтобы отстоять свободу воли, бессмертие души, существование бога, промысел божий о благе людей на земле и о вечном блаженстве их в будущей жизни,— чтобы отстоять эти дорогие сердцу его убеждения от — кого? — собственно, от Дидро и его друзей; вот о чем думал Кант. И для этого он изломал все, на чем опирался Дидро со своими друзьями. Дидро опирался на естествознание, на математику,— у Канта не дрогнула рука разбить вдребезги все естествознание, разбить в прах все формулы математики; — не дрогнула у него рука на это, хотя он сам был натуралист получше Тебя, милашка, и математик получше твоего Гауса» (Стр. 499 — 500). На Канта Чернышевский обрушился потому, что его влияние в то время на естественников было сильно. «Отчего положение дел в математике таково, что приводит меня к такому предположению,— хочу надеяться, все-таки ошибочному? Вы видите, я все еще только добираюсь до изложения первой причины, основной причины тому, до зависимости естествознания вообще, и, в частности, математики, от доктрины идеалистической философии и, главным образом, от системы Канта» (Стр. 497). Идея непознаваемости «вещи в себе» и нереальности мира Чернышевскому кажется нелепой (Стр. 490). В противовес этим идеалистическим построениям Чернышевский апеллирует к здравому смыслу и исходит из мысли о реальности человеческих знаний: «Наши знания о качествах вещества, это знание о веществе, как веществе существующем, неизменно. Какое-нибудь качество—это: самое же вещество, существующее неизменно, рассматриваемое с одной определенной точки зрения» (Стр. 546). Отправным пунктом для своей точки зрения он называет философию Фейербаха (Стр 500).

Все эти письма, несмотря на длинноты и повторения, для нас весьма ценны. Многие точки зрения Чернышевского здесь уясняются до конца, и надо лишь пожелать, чтобы заключенные в них данные скорее нашли тщательную разработку в связи с другими материалами по этому же вопросу. Жаль, что переписка с детьми на этом вопросе обрывается — предполагавшееся изложение «истории человечества» должно было бы дать еще более ценный и интересный материал.

В конце текста писем, в приложении, приведено несколько документов, рисующих положение Николая Гавриловича в Сибири и надзор за ним там. Некоторые из этих документов об'ясняют судьбу напечатанных выше писем, но насколько эта официальная переписка полна — издание опять-таки умалчивает.

При разборе II тома «Литературного наследия» я, отмечая характерные данные, которые могут быть использованы из публикуемых материалов исследователем, не раз указывал на ряд неясностей и недоговоренностей, вызванных самой техникой издания документов. Просмотр содержания всех отделов книги приводит меня к тому же заключению, какое напрашивалось при чтении предисловия: при издании ряда свежих и отрывочных материалов необходимо самым тщательным образом отмечать происхождение документов, их историю и увязывать их с опубликованными уже данными. В такого рода изданиях, как рассмотренная выше книга, где материал мало исследован и обработан, но крайне содержателен и ценен, это является необходимым условием успешной разработки публикуемых документов.

А. НИФОНТОВ.

ТАД. АВДАЛБЕГЯН. Золото в схемах простого воспроизводства. Очерк по теории воспроизводства. Изд. «Гермес». Эривань 1929 г.

Данная брошюра представляет первую половину намеченной автором работы; по крайней мере, он обещает второй выпуск, посвященный золоту в схемах расширенного воспроизводства. Тема данной работы, как это видно уже из заглавия, — разбор проблемы (и сравнительно частной проблемы), выдвинутой Розой Люксембург и подвергшейся обсуждению в связи с критикой всей ее концепции. Поэтому имеется уже и кое-какая литература по этому вопросу [1]). И если автор пишет, что, «насколько нам известно, в марксистской литературе до сих пор не было попытки на основании указаний текста «Капитала» пополнить схемы воспроизводства введением в них денег, золота» (стр. 10—11), то причина тому, несомненно, носит территориальный характер — книжка вышла и написана в Эривани, и эта литература, очевидно, туда не дошла.

Своей задачей автор ставит критику критики Р. Люксембург в этом частном вопросе—в вопросе о роли золота в схемах воспроизводства; он полагает, что, если бы схемы Маркса были пополнены в данном отношении, и если бы при этом были приняты во внимание «указания текста «Капитала»», то тем самым «в корне были бы опровергнуты воззрения Розы Люксембург и ее последователей, да и спор был бы разрешен в пользу марксистского понимания» (стр. 11). «В этом нашем кратком очерке мы пытаемся выполнить часть задачи, а именно— дать новые схемы простого воспроизводства, введя в них деньги, золото. Это сделано на основании несомненных указаний текста «Капитала» и вытекающих из них выводов, но насколько эта попытка удалась, пусть судят об этом компетентные лица» (Там же).

Хотя мы себя к особо компетентным лицам и не причисляем, но тем не менее должны сказать, что она решительно не удалась. И не удалась она потому, что автор все свое внимание сконцентрировал на внешней, математической стороне теории воспроизводства. Другая же, самая существенная сторона, а именно экономическая, совершенно осталась в стороне. Более того, математика у него в самом решающем пункте приходит в конфликт с экономикой.

В начале автор приводит две схемы простого воспроизводства Маркса: первую, состоящую из двух подразделений, и вторую, трехрядную, в которой Маркс подразделяет II подразделение на производство необходимых средств существования и производство предметов роскоши. Никакой теории воспроизводства автор здесь не дает, дело у него сводится только к схемам. Единственно, что нового вводится здесь автором,—это вновь предлагаемые им термины: «конструкционные» уравнения, показывающие равенство всего продукта первого подразделения всему с всех подразделений и равенство всего продукта II подразделения общей суммы всех v + m; «транслокационные» и «иллокационные» уравнения и части, т.-е. части, обменивающие в пределах одного и того же подразделения или переходящие при обмене из одного подразделения в другое, и уравнения, показывающие эти обмены. Против этих новых довольно мудреных терминов по сути дела возражать не приходится.

---

[1]) Укажем хотя бы на следующие работы: данная проблема разбирается попутно в связи с критикой Р. Люксембург вообще у Н. Бухарина, Империализм и накопление капитала, и у М. Н. Яковлева, Теория реализации Р. Люксембург, изд. «Прибой», 1925 г. Специально данной проблеме посвящена статья пишущего эти строки «Деньги в схемах воспроизводства Маркса», Труды Института Красной Профессуры, т. I, Гиз, 1923 г. (в ней дана трехчленная схема в применении и к простому и расширенному воспроизводству). См. также С. Гимельфарб, К вопросу о месте денежного материала в схемах воспроизводства Маркса,—«Под Знаменем Марксизма», № 5 за 1928 г., и мой ответ «Марксовы схемы воспроизводства и производство золота», в том же журнале, № 1 за 1929 год.

Но затем автор переходит к критике Р. Люксембург и пытается преодолеть ее путем конструирования еще двух схем, не данных самим Марксом, куда включается и производство золота. Автор не соглашается с Р. Люксембург, что производство золота, как денежного материала, должно быть выделено в особый третий ряд, он относит его к I подразделению, считая, что у Маркса в этом отношении нет никакого противоречия и никакой неувязки, и доказывает это тем, что данную схему можно построить.

Конечно, если подойти к этому делу только с математической стороны, то это вещь совсем нетрудная. И рецензируемая работа доказывает, что это сделать возможно; но какой ценой достигается это отнесение производства денежного материала к I подразделению — вопрос иной. Здесь-то как раз, в данном решающем пункте, математика и приходит в безысходный конфликт с экономией. И тем самым автор, помимо своей воли, доказывает именно невозможность отнесения производства золота (как денежного материала) к I подразделению, т.-е. подтверждает правильность одного из положений, выдвинутых Р. Люксембург.

Между прочим, в своей работе он становится на точку зрения и другого, но уже ошибочного положения Р. Люксембург. Мотивируя невозможность отнесения производства денег ко II подразделению, автор пишет: «Что деньги или золото непосредственно не могут удовлетворить потребности индивидуального потребления и, следовательно, не могут входить в производство средств потребления, это не подлежит никакому сомнению» (Стр. 26. Разрядка моя. *В. П.*). Но отсюда только и следует, что для автора средство потребления есть всегда средство индивидуального потребления. Другими словами, мы имеем здесь воспроизводство едва ли не самой коренной методологической ошибки Р. Люксембург.

Первое подразделение, как известно, охватывает производство средств производства или элементов постоянного капитала. Но ведь деньги—не средство производства; каким же образом они могут попасть в это первое подразделение? Этот основной вопрос встал и перед автором разбираемой брошюры; и тот ответ, который он дает, опрокидывает всю его концепцию. В одном месте Маркс назвал фигурально деньги «машиной для обращения». Автор же всерьез приняв это слова; раз деньги—машина, то их и нужно сопричислить к прочим машинам. Однако процитируем лучше это место целиком. «С первого взгляда может показаться странным, что золото или денежный материал вводится в состав постоянного капитала. Но наш взгляд подтверждают не только указанные Марксом транслокации частей годичного продукта производства золота, но и нижеследующие соображения. Автор «Капитала» в одном месте деньги называет «машиной для обращения». Это весьма меткое выражение Маркса выясняет картину. Пароход, локомотив перевозят, а не производят бесчисленное количество товаров, и то обстоятельство, что они являются средствами транспорта, не препятствует их вхождению в состав постоянного капитала предприятия. Метр и весы измеряют и взвешивают, а не производят, бесчисленные товары, и то обстоятельство, что они являются средствами измерения и взвешивания, не препятствует их вхождению в состав постоянного капитала соответствующего предприятия. Точно так же деньги или золото не производят, а многократно оборачивают бесчисленное количество товаров и являются мерилом их стоимости, и это обстоятельство не может препятствовать тому, чтобы они как «машины для обращения» или орудия обращения входили в состав постоянного капитала общественного производства» (Стр. 37—38).

Натянутость аналогий и ложность основного положения навряд ли нуждается в доказательствах. Повторяем, автора увлекла математика и заставила сильно погрешить перед экономикой. Однако это обстоятельство привело его в свою очередь к неверной математике. Производство золота автор относит к I подразделению; в своей третьей схеме он выделяет его поэтому из первого подразделения. Далее, в виду того, что он включает деньги в постоянный

капитал, то он тут же производит и соответствующее вертикальное выделение. Постоянный капитал во всех рядах делится им поэтому на c_1 — постоянный капитал, состоящий из настоящих средств производства, и на c_2 — постоянный капитал, состоящий из золота.

Приведем эту третью схему:

	c_1		c_2		v		m		
Ia	3960,1	+	9,9	+	995	+	995	=	5070
Iв	19,9	+	0,1	+	5	+	5	=	30
II	1990	+	10	+	500	+	500	=	3000

(Здесь Iв означает производство золота или денег).

Автор полагает, что это есть первая схема простого воспроизводства Маркса, лишь несколько детализированная или расчлененная. А между тем легко заметить, что вместо простого воспроизводства у автора получилось уже суженное воспроизводство, и нет ничего легче доказать это математически же. Для приведения в движение Ic требуется 0,25v; таковы условия схемы простого воспроизводства. Для приведения в движение 3960,1c_1 достаточно будет 990,025v; для остальных 4,975v нехватит ни орудий труда, ни сырья. Подобное же положение мы имеем и в Iв и во II подразделении.

Таким образом действительный итог будет:

	c_1		c_2		v		m		
Ia	3960,1	+	9,9	+	990,025	+	990,025	=	5950,05
Iв	19,9	+	0,1	+	4,975	+	4,975	=	29,95
II	1990	+	10	+	497	+	497	=	2994
	5970		30		1492		1492		8974

Постоянный капитал ($c_1 + c_2$) остался тот же, но переменный капитал уменьшился, уменьшилась соответственно прибавочная ценность, и общий годовой продукт вместо 9.000 составляет только 8.974. Здесь-то и мстит за себя экономика; вместе с тем становится наглядно ясным, к каким печальным результатам должно привести отнесение производства этих «машин для обращения» к производству настоящих машин, т.-е. к I подразделению Маркс относил издержки обращения к faux frais товарного способа производства, и мы действительно видим на примере данной схемы, что в меру этих faux frais суживается самый масштаб воспроизводства.

Но в данной работе, — и на наш взгляд неудачной работе — мы встречаемся, однако, с одной интересной мыслью. Тов. Авдалбегян отмечает, что «с увеличением дифференциации общественного воспроизводства уменьшается сумма числовых данных иллокационных частей (т.-е. реализующихся в пределах того же подразделения *В. П.*) и увеличивается сумма числовых данных транслокационных частей (реализация которых происходит путем обмена с другими подразделениями. *В. П.*). Иными словами, дифференциация общественного производства обратно пропорциональна сумме иллокационных частей и прямо пропорциональна сумме транслокационных частей» (Стр. 52—53).

Мысль вполне верная. Жаль только, что автор, увлеченный математикой, не сделал отсюда надлежащих выводов; а эти выводы имели бы и известное практическое значение. Так, напр., они дали бы кое-что и для теории рынка.

В. ПОЗНЯКОВ.

М. М. КРИВИЦКИЙ. Теория заработной платы германской социал-демократии. К вопросу о государственном капитализме. Доклад, прочитанный в Институте мирового хозяйства и мировой политики. Изд. Комм. Акад. 1929 г. Стр. 69.

Марксово учение о стоимости, и, в частности, учение о стоимости рабочей силы, не раз вооружало против себя буржуазных экономистов. Попытки «аннулировать» закон стоимости рабочей силы и заменить его революционными по форме и оппор-

тунистическими по содержанию теориями присущи, в той или иной форме, буржуазной агентуре всех капиталистических стран и носят интернациональный характер.

Эти попытки имеют особенно актуальный характер в Германии в связи с интенсивным проведением капиталистической рационализации, требующей идейного и политического обезоруживания германских рабочих.

В этой связи работа М. Кривицкого о теории заработной платы германской социал-демократии представляет исключительный интерес. Дело в том, что современная эпоха с ее усиливающимися противоречиями ставит перед буржуазными идеологами практическую задачу замаскировать от рабочих формы и методы капиталистического процесса производства, источники капиталистического накопления. Потребность в завуалировании действительных отношений капиталистической действительности является вопросом дня для капиталистов и для их прямой агентуры — социал-демократии. Этот «социальный заказ» был выполнен Гильфердингом и другими более откровенными приверженцами капитализма. Ими создана теория, по которой экономика современного капитализма есть не что иное, как «экономика переходного периода»... к коллективизму, к социализму и пр. и пр.

Автор показывает, как немецкие социал-демократы стараются уверить рабочих, что путь к социализму лежит вне гражданских войн и прочих варварств, а через парламентаризм, через «хозяйственную демократию» и т. д. В полном соответствии с этими теориями германская социал-демократия постаралась выдвинуть теорию заработной платы, пригодной для того, чтобы затушевать, скрыть классовый характер наиболее неблагоприятного звена в капиталистической экономике — заработной платы. При помощи политической теории заработной платы социал-демократы стараются внедрить в умы рабочих, что понижение стоимости рабочей силы устанавливается не законами, присущими капиталистическому процессу производства, а соотношением социальных сил... в парламентской борьбе. Германским рабочим стараются внушить (Гильфердинг), что парламентская борьба является единственным возможным способом увеличения заработной платы рабочих, что заработная плата в условиях капитализма может непрерывно расти, если германские рабочие отдадут свои голоса на парламентских выборах социал-демократии. Подобными «невинными» теориями социал-демократия по мере сил и возможностей выполняет свою служебную роль в капиталистическом хозяйстве.

Дальнейшим этапом в развитии социал-демократической теории заработной платы является устранение фонда прибавочной стоимости из сферы влияния классовой борьбы. По мнению руководителей социал-демократии, величина заработной платы в условиях капиталистического хозяйства может непрерывно возрастать, не затрагивая интересы капитала. Этот парадокс разрешается руководителями социал-демократии весьма оригинальным способом. Заработная плата противопоставляется не прибавочной стоимости, а... издержкам производства. Увеличение заработной платы должно итти не за счет прибавочной стоимости, а за счет сокращения издержек производства.

Такими, мягко выражаясь, парадоксами завершается политическая теория заработной платы. Улучшение положения рабочего класса зависит уже не от классовой борьбы, даже в гильфердинговском смысле, а от уменьшения издержек производства. Капиталистическая рационализация становится источником непрерывного улучшения положения пролетариата. И как естественный вывод: пролетариат кровно заинтересован в существовании и улучшении капиталистического способа производства.

М. М. Кривицкий дает следующую характеристику политической теории заработной платы германской социал-демократии: «1. Формальное выдвигание классовой борьбы на первый план, фактическое затушевывание ее благодаря отрыву анализа от основных производственных отношений. 2. Формальное подчеркивание р а в е н с т в а (сравни с равенством товаровладельцев) всех слоев общества, прикрывающего фактическое неравенство, вытекающее из основных производственных отношений. 3. Теоретическое окрашивание заработной платы в «социальную заработную плату» и фактический отрыв теории заработной платы от классовых отношений, передвижка анализа в сторону техники, другими словами, фактическое уничтожение социальной характеристики заработной платы как категории. Подчеркнутые противоречия являются совершенно понятными, и они имеют тот же raison d'être своего существования, как и противоречие между формой заработной платы и ее содержанием» (Стр. 39).

Вполне понятны поэтому причины, побудившие т. М. Кривицкого изучить основные моменты теории заработной платы социал-демократии «под углом зрения противоречия между формой и содержанием, оболочкой и скрываемыми ею действительными отношениями, противоречия, об'ективно нужного для капитализма, вытекающего из его сущности и играющего роль огромной важности для него».

Но если автор поставил перед собой задачу вскрыть противоречие между действительными отношениями и политической теорией заработной платы, то он должен был в первую очередь показать, почему структура данного исторического этапа буржуазного хозяйства требует новую «социальную мимикрию», а не удовлетворяется старой. Ведь и до появления политической теории заработной платы факт превращения стоимости рабочей силы в форму заработной платы сам по себе скрадывал действительные отношения эксплоатации и служил прекрасной защитной окраской для капитализма. Сама форма заработной платы прекрасно скрывает всю неприглядность действительных отношений капиталистического общества. Если М. Кривицкий доказывает, что социал-демократия развивает новую теорию заработной платы, то он должен был показать, почему форма заработной платы на данном историческом этапе капитализма потеряла свое служебное значение. Он должен был показать характер изменения производственных отношений внутри капиталистического хозяйства, вызвавших потребность в новой теории заработной платы, в новой защитной окраске. Совершенно недостаточно сказать, что политическая теория заработной платы находится в полном соответствии со взглядами социал-демократии на современный период капиталистического хозяйства, как переходного к социализму, и вызывается необходимостью отвлечения внимания рабочих от «опасных» для капиталистов производственных отношений. Нужно было показать, почему производственные отношения данного исторического этапа вынудили социал-демократию прибегнуть к новым формам защиты капиталистического хозяйства. В этом случае автор действительно выявил бы то соответствие, которое существует между интересами капиталистов и теориями, развиваемыми социал-демократами, и он смог бы лучше показать, насколько важна роль, выполняемая социал-демократией во всей системе капиталистического хозяйства.

Еще одно замечание. В вопросе о роли классовой борьбы в установлении заработной платы автор совершенно не дает читателю марксистской трактовки этой проблемы. Автор ограничился лишь общим замечанием, что классовая борьба не является основным законом, определяющим заработную плату. Борясь против определения заработной платы классовой борьбой, автор не показывает степень влияния последней на процесс установления величины заработной платы. Этим самым у автора получается «перегиб». В этом чрезвычайно интересном вопросе автор не ориентирует своих читателей.

Основное достоинство книги М. М. Кривицкого заключается в том, что он на конкретных проблемах знакомит читателя с той ролью, которую выполняет социал-демократия в общей системе капитализма. Книга Кривицкого служит иллюстрацией к той характеристике, которую VI конгресс Коминтерна дал социал-демократии: «С и м у л и р у я профессиональную борьбу, реформизм главной

своей задачей и в данной области ставит такое ведение этой борьбы, которое гарантировало бы класс капиталистов от всех и всяческих потрясений и во всяком случае обеспечивало бы полную неприкосновенность основ капиталистической собственности» (Разрядка моя. *Ш. Л.*).

Ш. ЛИФ.

С. ВЫГОДСКИЙ. Очерки по теории кредита К. Маркса. Издание «Моск. Раб.». 1929 г. Стр. 126. Цена 1 руб. 30 коп.

Рецензируемая работа, по словам ее автора, «представляет собой часть более широкой работы..., охватывающей анализ теорий кредита до Маркса, а также критику современных теорий кредита» и названа «Очерками» только потому, что в ней автор «ограничился освещением лишь центральных проблем марксовой теории кредита, не претендуя на исчерпывающее изложение всей теории кредита Маркса». В соответствии с этой целевой установкой автор на протяжении девяти глав дает общую характеристику кредита, качественный и количественный анализ процента, останавливается на коммерческом кредите, излагает теорию банкирского кредита, разбирает вопрос о взаимоотношении средств обращения и ссудного капитала, излагает полемику Маркса с Эверстоном, с одной стороны, и Туком и Фуллартоном, с другой стороны, и в заключение останавливается на примечаниях Энгельса о докапиталистическом кредите.

Изложение проблемы совершенно правильно начинается с указания на особенности марксистского анализа этой проблемы. Для Маркса не существует вопроса об об'екте кредита, ибо в его системе «разные экономические категории отличаются друг от друга не по об'екту, а по характеру тех социальных взаимоотношений, носителями которых они являются», своеобразие кредита, как особой категории политической экономии, заключается отнюдь не в особенностях его об'екта, а в характере той социальной связи, овеществлением которой он является. «В этой плоскости, т.-е. в плоскости выявления всех особенностей той социальной связи, носителем которой является кредит, и лежит анализ кредита у Маркса». Но автор не выдерживает до конца этой точки зрения. На ряду с этими совершенно правильными определениями сущности кредита у него встречается целый ряд других, которые, по его мнению, являются равнозначащими. Так, указывая с одной стороны, что кредит «выражает связь между капиталом-собственностью и капиталом-функцией, связь, в результате которой вся масса прибавочной стоимости распадается на две части: а) предпринимательскую прибыль и б) процент на капитал»—автор, с другой стороны, видит сущность кредита в передаче стоимости как капитала. Но это явное смешение формы проявления и содержания, которое скрыто за этой формой. Верно то, что ссудный капиталист и капиталист-функционер выступают как товаровладельцы, но неверно то, что отношение между ними исчерпывается отношением простых товаровладельцев. В данном случае форма не только вскрывает заключенное в ней содержание, но и замаскировывает его. Автор, очевидно, ясно представляет себе, что простые отношения обмена здесь неприменимы, ибо он указывает на критику Марксом Прудона по данному вопросу. И, несмотря на это, он дает целый ряд таких очень неточных формулировок, которые в дальнейшем ходе рассмотрения проблемы ставят его в очень трудное положение. В самом деле, если согласиться с автором в том, что «сущность кредита заключается в передаче стоимости, либо в товарной, либо в денежной форме с получением соответствующего эквивалента лишь через некоторое время»,—то это значит не довести анализа до конца, остановиться на полпути, за внешней формой не увидеть специфического характера производственных отношений, это значит отрезать путь к правильному пониманию коммерческого кредита как подчиненной формы, такой формы, которая сама по себе еще

не предполагает наличия разделения класса капиталистов на две группы: капиталистов-функционеров и капиталистов-собственников. Эта измена автора своему методологическому исходному пункту создает ему ряд трудностей при выяснении вопроса о том, почему именно передача капитала в денежной форме, или, проще, передача денег как капитала, состояние предложения и спроса на денежный капитал определяет величину процента.

Неточность выражения доходит до того, что автор на одной странице опровергает то, что высказал на другой. Так, на стр. 45 он пишет: «В отличие от денег в процессе воспроизводства, ссуда денег превращает их в капитал, деньги становятся капиталом», а на стр. 46: «В самом деле, ведь простой акт ссуды сам по себе не может превратить денег в денежный капитал». «Деньги могут стать об'ективно ссудным капиталом только потому, что в общем процессе воспроизводства они представляют собою одну из форм капитала».

Особое внимание тов. Выгодский уделяет примечаниям Энгельса к главе III тома «Капитала» о кредите. «Мы вынуждены признать,—пишет он,—что примечания Энгельса не укладываются в рамки марксовой теории кредита, хотя и не противоречат ей». Но эти примечания, по его мнению, слишком расширенные некоторыми экономистами, вступают в прямое противоречие с основными принципами денежного рынка, установленными Марксом. И автор, полемизируя по этому поводу с тов. Мендельсоном, пишет: «Различие между обращением и капиталом, установленное Энгельсом, как дополнительное различие, не исключающее, однако, основную классификацию Маркса, Мендельсон понимает как основное и единственное различие». Несмотря на эту оговорку, автор по существу стоит в этом вопросе на точке зрения проф. Каценеленбаума, считая, что примечания Энгельса противоречат взглядам Маркса на эту проблему.

Оставляя в стороне другие проблемы, затронутые в книге тов. Выгодского,—заметим, что, несмотря на целый ряд теоретических дефектов и очень неточных выражений, которые, при известных обстоятельствах, могут послужить поводом к обвинению автора в противоречии с самими собою,—«Очерки» все же представляют большой интерес, ибо они пытаются собрать воедино сказанное Марксом по основным вопросам данной проблмы. Так как марксистская разработка вопросов теории кредита еще только начинается, то ее первым этапом должно быть выяснение взглядов Маркса и Энгельса на эту проблему. И с этой стороны попытка тов. Выгодского заслуживает одобрения. При колоссальной сложности и малой разработанности теории кредита тов. Выгодский неплохо справился со своей задачей.

К числу недостатков книги надо отнести также недостаточное внимание, уделяемое автором вопросам взаимоотношения формы и содержания, сущности и явления, что в диалектическом анализе кредита представляет пробел очень значительный.

АЛ. КАЗАРИН.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ.

Письмо в редакцию.

В философской дискуссии последних лет меня причислили к механист[ам], занимающим в их лагере левое крыло. Такая квалификация дана мне была пото[му] (в дискуссии я непосредственно не участвовал), что я работал в Тимирязевск[ом] институте и выпустил в издательстве института несколько своих работ.

Я, действительно, долгое время относился к механистам примиренче[ски]. Разногласия, из-за которых возникла дискуссия, казались мне первоначально [пло]дом взаимного непонимания и результатом недоразумений. Мне казалось, что [эти] недоразумения можно было бы устранить практической пропагандой среди ес[те]ственников правильных взглядов. Я никогда не стоял на точке зрения позитив[ист]ского лозунга «наука сама себе философия» и никогда не разделял теории «свед[е]ния» высших форм движения к низшим. В своих выступлениях я все время боро[лся] против суб'ективистического понимания проблемы качества, вульгарной тракто[вки] понятия случайности, пренебрежительного отношения к Гегелю и др. Почти [по] всем этим вопросам мне приходилось вести споры с лидерами механистическо[го] движения, об'являвшими меня за это не раз и гегельянцем, и «деборинце[м]». Эти споры в конце концов практически убедили меня в том, что разногла[сия] действительно глубоки и принципиальны. А так как я не разделял основных по[ло]жений платформы механистов, то я и сделал отсюда для себя совершенно опр[е]деленные практические выводы.

Отвлеченный от теоретических вопросов педагогической работой в провин[ции], я не следил последнее время за дискуссией. Однако вторая всесоюзная конфе[рен]ция марксистско-ленинских научных учреждений (с отчетом которой мне уда[лось] ознакомиться в июле месяце) снова заставила меня заняться вопросами дискусс[ии]. Дебаты на этой конференции еще раз обнаружили передо мною всю ошибочно[сть] моей прежней примиренческой по отношению к механистам позиции. Солидари[зи]руясь целиком и полностью со всеми теоретическими положениями докл[ада] т. Деборина «О современных проблемах философии марксизма» и с решени[ями] конференции, я надеюсь в будущем исправить ошибки, допущенные мною, бла[го]даря примиренческому отношению к механистам.

Во всяком случае, настоящим своим, несколько запоздалым, письмом я х[очу] заявить, что мои воззрения ничего общего с платформой механистов не имеют, [и] что я, в меру своего уменья и подготовки, защищал и буду защищать методоло[гию] диалектического материализма, борясь с ее вульгаризацией и искажениями, вкл[ю]чая и те, которые берут начало от позитивствующих естествоиспытателей.

25 июля 1929 г.

С. Васильев.

ОПЕЧАТКИ:

Напечатано:	Должно быть:
в № 6 за 1929 г.	
Г. Логинов.	П. Логинов.

Ответственный редактор **А. М. Деборин.**

Редакционная коллегия: **А. А. Максимов, М. Н. Покровский, Я. Э. Ст[эн], А. К. Тимирязев.**

Главлит № А—37.132. Тираж 4.500 экз.

Типография газеты «Правда». Москва, Тверская, 48.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“

ежемесячный философский и общественно-экономический журнал

Журнал выходит под редакцией: А. М. Деборина, А. А. Максимова, М. Н. Покровского, Я. Э. Стэна, А. К. Тимирязева.

Отв. редактор А. М. Деборин.

В журнале принимают участие:

И. Агол, И. Альтер, А. Айхенвальд, Арк. А—н, [illegible] ... Г. Шмидт и другие.

Адрес редакции: Москва, Тверская, 48. Тел. 4-84-21.

Прием по делам редакции от 12 до 2 час.

Непринятые рукописи не возвращаются.